

Василий Головачев

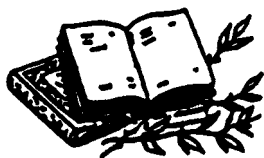
СХРОН

КНИЖКОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

Scan Kreyder - 22.10.2018 - STERLITAMAK

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Василий Головачев

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

*

СХРОН

Роман

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г61

Головачев В. В.

Г61 Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2: Схрон: Роман. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 416 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 978-5-4224-0461-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4224-0459-9

Продолжая легендарную «Рамочку», Книжный Клуб Книговек выпускает трехтомник избранных Сочинений Василия Головачева. Три романа мэтра российской фантастики обращены к теме времени и его обитателей, воспетой Гербертом Уэллсом и Айзеком Азимовым. Взгляд автора на проблему времени как на поле для Вселенской Игры настолько необычен, а события настолько неординарны, что придется по вкусу всем любителям научной фантастики.

В самые критические моменты земной истории судьбы страны и человечества решаются в России. Эта закономерность многократно подтверждена прошлым, настоящим и даже будущим. И вот уже от мужественных парней из суровой и загадочной страны зависит существование не только родной планеты, но и сотен миров, расположенных на соседних Ветвях Древа Времен. На кону Игры, которую затеяли могущественные и равнодушные «хронохирурги», — судьба не только Метагалактики, но и самой Жизни!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4224-0461-2 (т. 2)
ISBN 978-5-4224-0459-9

© В. В. Головачев, 2012
© Книжный Клуб Книговек, 2012

СХРОН

Роман

И травы зеленых полей.
Верблюды танцуют под нами.
Погонщики правят слонами.
И змей усмиряет колдун.

М. Тарловский
«Иронический сад»

Часть I

И ТРАВЫ ЗЕЛЕННЫХ ПОЛЕЙ

Глава I

Тело Мирхавы нашли в трех верстах от проклятой Горы Богов. Молодой волхв был разрублен почти пополам не то острым лезвием меча, не то волшебным когтем Бога, и не помогли ему ни приемы защиты, коими он владел, ни знание магических сил, ни ловкость и бесстрашие.

Но больше всего поразили Владея две вещи: ужас в глазах Мирхавы и то, что тело друга не тронули даже крысобаки, хотя оно пролежало на голом пригорке недалеко от границы два дня. Что могло испугать молодого сильного волхва до такой степени, что ужас застыл в его глазах навеки, Владей не представлял. Знал только, что смерть Мирхава нашел возле проклятой Горы Богов, куда направился без разрешения вождя и согласия Схода россинской общины.

Согласно преданиям Гора Богов объявилась на земле Россинии десять тысяч лет назад, послужив причиной катастрофы, уничтожившей почти весь человеческий род. Города были разрушены, все технические сооружения стали источниками Злой Силы, сводящей людей с ума, убивающей их медленно, но верно. Остатки племен ушли в леса, цивилизация пришла в упадок и умерла.

Владей знал, что сохранились лишь редкие островки человеческого рода: Рось (Россиния и Индикония) — на Центральном материке Земли, Кандиана — на Верхнем материке, Перентина — на Нижнем. На островах же расплодились мутанты, как звери, так и люди, и рассказывали об этих чудовищах жуткие истории.

Впрочем, жуткими они выглядели только в глазах молодняка. Мутации не пощадил и глубин материковой флоры и фауны. Даже рядом с племенем россинов жила стая медвян, умом не уступавших людям, а ведь когда-то это были бурые медведи, хозяева русских лесов.

Гора Богов простояла в одиночестве недолго. Много бесстрашных разведчиков, молодых и зрелых, неискушенных и опытных, нашли свой конец на границе, отделяющей территорию Горы от лесов. Некоторым удалось дойти до ее стен, но живым не вернулся никто. Вернее, вернулся лишь один Род, еще полста лет назад, но был он так изранен и потрясен, что едва выжил. Спустя много лет, став первым волхвом, он возглавил Сход племени россинов. Владей, один из самых сильных молодых волхвов, был его учеником и претендентом на место в Сходе.

Постояв над телом Мирхавы, над которым тихо плакали три женщины: мать парня, сестра и невеста — хмуρο молчали соплеменники да жались друг к другу ребятишки, Владей поднял голову и наткнулся на пристальный взгляд учителя, неслышно возникшего у ворот хижины Мирхавы. Взгляд был тяжел и угрюм, и Владей даже испугался — не проведаль ли Род о его замысле? Но старый волхв отвернулся и исчез так же тихо, как появился. Несмотря на видимую хрупкость и отсутствие физической силы, старик знал и умел многое, чего не могли делать все россины, вместе взятые. Волхвование было силой, и к нему привыкли, тем более что в племени все больше рождалось детей со склонностью к «тихому повелению», как называли волхвование взрослые россины.

В своей небольшой, но чистой и уютной горнице в доме родителей Владей уселся на деревянный думушник — стул для особо важных размышлений, застеленный шкурой мехолиса, и стал думать. То, что Мирхава пошел к Горе Богов один, его не обидело. Мирхава редко делился с друзьями своими замыслами. Да и в том, что он погиб, не было ничего удивительного. Гору Богов охраняли силы, неодолимые людьми даже с помощью волхвования, или магии, как говаривал Даждь, вождь племени. Настораживало в этой истории лишь одно обстоятельство: молодой волхв был убит в трех верстах от Горы, то есть за чертою границы! А граница испокон веков отделяла зону действия Злых Сил около Горы от вольных пространств вокруг лесов, полей и болот Россинии. И вот кто-то нарушил границу с той стороны, перешел ее и убил человека. Кто это был, бог или дьявол, живое чудовище или механический монстр, коих видели разведчики, можно было только гадать. Но в одном Владей был твердо уверен: гибель Мирхавы явно была связана

с недавним небесным гневом. Трое суток назад небеса вдруг засияли небывалым светом, пал на Гору Богов сине-зеленый пламень в форме дубины и разрубил ее до основания, превратившись в подобие гигантской палицы снежно-белого цвета. Палица так и осталась торчать в Горе, развалив ее надвое. О причинах небесного гнева говорили много, однако истины не знал никто, даже мудрый Род.

— Интересно все же, кто из богов решил разрушить Гору и зачем? — вслух произнес Владей.

— И мне интересно, сын мой, — прошелестел сзади тихий старческий голос.

Владей стремительно обернулся, встречая насмешливый взгляд ясных прозрачно-голубых глаз учителя. Вскочил, склоняясь в поклоне и ругая себя, что задумался до такой степени и не услышал прихода гостя.

— Не казни себя, отрок, — продолжал Род, останавливаясь посреди горницы. — Услышать меня трудно, особенно если я этого не хочу. Ты тоже умеешь ходить тихо, а вскоре овладеешь и тайной прохождения сквозь стены. Можно я сяду?

— Прости, учитель! — Владей покраснел, придвинул удобное гостевое кресло, остался стоять, почтительно прижав пальцы рук к груди.

— Садись, поговорим. — Род кивнул на думушник, поставил посох между ног, оперся на него двумя руками. — Что ты знаешь о Горе Богов?

Взгляд Владея вильнул, но он преодолел себя и посмотрел в глаза учителю, давно свыкшись с невероятной пронизательностью главы Схода.

— Гора уничтожила род людской... почти уничтожила. Но создана она не богами.

— Вот как? Это интересно. — Род смерил фигуру юноши с головы до ног, отметив широкий разворот плеч, свободу позы и гордую посадку головы; одетый в холщовую рубаху и кожаные штаны с мягкими ичигами, Владей здорово напоминал погибшего Мирхаву, но был сильнее и глубже. — Кем же, по твоему, создана Гора?

— Такими же людьми, как мы, только из других... из других времен.

— Откуда ты это знаешь? — старик был явно удивлен. Владей потупился.

— В прошлом месяце у нас гостил странник по имени... кажется, по имени Бровей. Ты, учитель, тогда водил паломников в святую Москву. Он говорил удивительные вещи... о железных всадниках, о громадных черепахах, монстрах с шестью лапами... и еще, что якобы существует Древо Времен, веточкой которого является наш мир. Гора Богов не упала с неба, как мы считали, она упала с одной из ветвей Древа...

— М-да! — задумчиво протянул глава Схода.

— Конечно, все это выдумки, — заторопился Владей, — о Древе и прочем, но я сам видел... — он осекся.

Взгляд старика стал тяжелым.

— Видел? Ты ходил туда?

Владей понурился.

— Два раза... Впервые еще два цикла назад, второй раз три луны тому назад. — Юный волхв поднял твердый крутой подбородок. — Учитель, я видел там людей... а границы больше нет. Раньше к Горе на три версты нельзя было подойти, а после того, как на нее свалилась «палица Господня», можно идти до самых стен. Конечно, я туда больше не пойду, — добавил Владей неуверенно.

Род покачал головой, отвечая скорее своим мыслям, чем ученику. Запрет племени на приближение к Горе продолжал действовать, но у главы Схода скопилось за последнее время столько нерешенных вопросов, что необходим был именно поход, и лучше всех с этим мог справиться стоящий перед ним юноша, которому недавно исполнилось девятнадцать весен. Великолепный воин и хороший волхв, способный видеть духов природы и вызывать ее добрые силы.

Владей, поглядев на задумавшегося учителя, принес ему медового настоя, но Род отказался, отпив лишь глоток холодной ключевой воды. Сказал, задержавшись на пороге:

— Придешь сегодня в терем к князю, в полночь, один.

Владей вспыхнул, поняв намек. Род говорил о Ясене, которая с недавних пор ходила за молодым волхвом по пятам. Шла ей всего семнадцатая весна, но девочка быстро превращалась в прелестную девушку, смелую, сильную, своенравную и свободолюбивую. Если еще учесть при этом, что она была дочерью колдуна и прорицателя Кослвилы, ее настойчивость стоило брать в расчет. Род знал, что лишь один Владей был для нее авторитетом.

— Оденься для охоты, — добавил старый волхв и неслышно исчез за порогом.

Через несколько секунд дверь впустила в горницу высокую девушку с косой до пояса, одетую в сарафан, соболью тунику и мягкие сапожки. Некоторое время молодые люди смотрели друг на друга, потом Ясена решительно шагнула вперед.

— Куда тебя звал этот старый пень?

Владей хотел ответить искренне, как всегда, но вспомнил взгляд из-под косматых седых бровей и увел разговор в сторону.

Они стояли на склоне холма под столетними соснами и смотрели за реку на угрюмую Гору Богов, имевшую форму высокой круглой башни высотой в две и шириной в пять верст. Сейчас башня была разрублена сверху донизу белой палицей с узором каких-то рытвин на ней, напоминающим загадочные письмена, но стены башни были столь прочными, что удар «палицы Господней» их не разрушил, только повредил кое-где по сторонам образовавшейся щели. Темно-серые стены Горы с рисунком сизых и белых пятен, с рядами ниш и слепых окон, бойниц и щелей серебрились инеем и, как всегда, изредка выпускали струйки белесых испарений и дымков.

— Иди домой, — не оборачиваясь, сказал Владей.

— Не пойду, — дерзко ответила Ясена, одетая, так же как он, в охотничью парку, кожаные штаны и сапожки. — Я стреляю из лука не хуже, чем ты, а вижу опасность лучше.

— Выдрать бы тебя как следует, — проворчал степенный мрачноватый Петрян, лучший охотник россинов, согласившийся пойти в поход по просьбе Рода и князя, — чтоб знала, как мужчинам перечить.

Владей искоса посмотрел на девушку, встретил ее насмешливый, упрямый, вызывающий взгляд и усмехнулся. Он знал, что отговорить Ясену не удастся. Но его удивил Род, когда тихонько посоветовал при прощании не настаивать, чтобы Ясена не шла с ними. Учитель, наверное, считал, что девушка не будет обузой.

Владей невольно коснулся пальцем рукояти меча, висевшего в специальных ножнах за спиной. Меч дал ему Род и был чрезвычайно торжественен, когда вручал его.

— Это лонг-меч, — сказал он, разворачивая шкуру волкодила, в которую было завернуто оружие. — Магический меч

не из нашего мира. Его добыл в Горе мой прапрапрадед. Он может удлиниться при ударе до десяти сажен и способен рубить камень и сталь.

Владей благоговейно принял меч, лезвие которого казалось не полосой кованого металла, а струей дыма и воды, почувствовал в нем движение и жизнь, вздрогнул, но быстро справился со своими чувствами. В легенды о лонг-мечах он верил с детства, но держал такой меч в руках впервые. Осторожно взял его за рукоять, очертил лезвием полукруг, взмахнул крест-накрест — и воздух зашипел и засвистел от этого движения...

Владей снова коснулся меча, кивнул Ясене, чтобы держалась за спиной, и шагнул вперед. Петрян, громадный, широкий, узловатый от мышц, как ствол дуба, всегда носивший не куртки, а безрукавки, неодобрительно глянул на юношу, но говорить больше ничего не стал. Молодой волхв был назначен главой отряда, и перечить ему было не след.

— Никого не вижу, — сказал Владей, обладавший особыми приемами острого зрения. С расстояния в три версты он мог свободно разглядеть муху на стене Горы. Но движения не увидел, если не считать струек пара или дыма.

— Я тоже, — отозвалась девушка. — Идем?

— Не торопись. За рекой граница. Сначала проверим, сохранилась ли она в этом месте. Здесь я еще не ходил. Петрян, переходим реку; если что почувешь, дашь знать.

Они спустились к реке, зорко посматривая по сторонам и оглядывая небо в белых полосах облаков, с двумя едва видимыми дисками лун — серебряной и золотой. За холмами кружила стая ворон, но она была неопасна, а вот стаи перунцов стоило опасаться. Эти странные птицы с размахом крыл до двадцати сажен метали острые и прочные, прочнее стальных, перья, пробивающие стволы деревьев, не говоря уже о телах людей. Много охотников племени полегло, прежде чем волхвы нашли способ борьбы с перунцами, хотя для этого пришлось россинам сменить не одно стойбище, построить не одну деревню.

Реку под названием Пужаная перешли вброд — босиком, держа снятые сапоги в руках. На другом берегу обулись. Экипированы все были почти одинаково: Владей и Петрян имели мечи, засапожные ножи и луки, у Ясены был только лук, из

которого она сбивала еловую шишку с расстояния в пятьдесят шагов.

Поднялись на длинный песчаный увал, поросший хилыми деревцами, спугнули семейку колючих змеежей. Луг до Горы Богов лег перед ними как на ладони.

Владей заставил себя расслабиться, отстраниться от всех мыслей и войти в сумеречное состояние всеведения. Пейзаж вокруг стал для него полупрозрачным, текучим, наполненным тайным движением и свечением. Искры и звездочки в этом пейзаже обозначали живых существ — птиц, зверей, насекомых, серые и синеватые прожилки и пятна принадлежали скрытым естественным препятствиям, черные петли и кольца означали опасные места, черные точки с багровым ореолом — неизвестные источники угрозы, явно принадлежащие Горе Богов.

— Все тихо, — возник рядом Петрян, успевший подняться вверх, к ивовым кустам, за которыми начинался луг. — Но я обнаружил следы людей.

Владей вышел из транса, озадаченно глянул на охотника, только что прошедшего через границу туда и обратно. То, что он дошел до луга, говорило об исчезновении границы. Но откуда взялись люди? Россины не могли здесь появиться, лишь сорвиголовы вроде Мирхавы были способны преодолеть запрет и приблизиться к Горе. Кто же тогда не побоялся гнева богов, а также гнева князя?

— Сколько их?

— Много. — Петрян пошевелил пальцами. — Восемь человек. Семеро мужчин и одна женщина. Шли с востока, вдоль реки, потом повернули к Горе.

Владей оглянулся на примолкшую Ясену. Светящиеся голубизной глаза девушки были широко раскрыты, но страха в них не было.

— Чужаки! — прошептала она.

Петрян согласно кивнул.

— Да, обувь у них не наша, странная, старая. Такую носили до катастрофы. Ну что, возвращаемся или пойдем дальше?

Владей задумался. В принципе надо было бы вернуться и предупредить князя о появлении чужаков. Однако, во-первых, твердой уверенности в том, что здесь появились чужаки, не

было, а во-вторых, своего задания разведчики не выполнили, не нашли ответа ни на один вопрос, заданный Родом.

— Идем дальше, — решительно шагнул вперед Владей. — Но в случае нужды ты, — палец юноши уперся в плечо девушки, — сразу помчишься в селение, предупредишь Рода. Но только его одного.

Ясена ответила сверкнувшим взглядом, говорившим, что она сама отвечает за себя. Означало ли это согласие, Владей не понял.

Вскоре они шли через луг по четкому следу группы людей. Судя по всему, чужаки ничего не боялись, не прятались и направлялись прямо к расколоте Горы Богов.

Глава 2

Первое потрясение, связанное с их положением, прошло, и все собрались на береговом откосе, возле одного из разбитых «големов», чтобы обсудить ситуацию.

Мужчины выглядели, как всегда, буднично-озабоченными, спокойными, и даже Тая казалась невозмутимой и веселой, хотя в глубине ее души все еще жил страх от пережитого стресса, когда она узнала, что Бич Времен — Ствол выбросил их не в родное время и даже не на родную Землю. Эта планета была лишь копией Земли, да и то не во всех деталях. Достаточно было взглянуть на небо, где днем и ночью маячили два лунных диска, серебристый и золотой.

За сутки, прошедшие с момента трагического открытия, мужчины группы успели обследовать окрестности и обнаружить много любопытных вещей.

Во-первых, если флора этой «Земли» почти не отличалась от настоящей земной, то фауна отличалась разительно. В реке обитали странные существа, похожие на крокодилов, но с шерстью и волчьим рылом. Изредка мимо пробегали стаи крупных, размером с волка, крыс, но с колючками вместо шерсти. Встречались также змеи — и тоже колючие, с игольчатым гребнем на спине. Вообще в этих краях обитало много колючих зверей, в том числе птицы и белки, словно природе когда-то понравился этот вид животных и она продуцировала их с размахом, утыкав иголками всех лесных обитателей. Да-

же мелкие птицы, а их разведчики встретили несколько видов, летающих и бегающих, имели перьево-игольчатый покров.

Во-вторых, Иван Костров с Рузаевым наткнулись на еще более странных животных, напоминающих медведей, свободно разгуливающих на задних лапах. Ивану даже показалось, что медведи одеты в подобие комбинезонов, а взгляд у них умный и озадаченный, что наводило на мысль о разумности данной популяции. Однако контакта с представителями *ursus sariens* не получилось, медведи бесшумно нырнули в заросли гигантской малины и ушли не прощаясь.

В-третьих, Ивашуре посчастливилось найти следы кострища, что говорило о наличии в здешних местах если и не людских поселений, то хотя бы охотничьих стоянок. Поселений увидеть действительно не удалось даже с высоты одной из гигантских сосен, на которую влез Гриша Белый. Зато он обнаружил буквально в четырех километрах от лагеря громаду Ствола, темную, напоминавшую гору, разрубленную пополам колоссальной сигарой белого цвета, удивительно похожей на пятикилометровой длины «голем».

Федор Полуянов оживился, услышав рассказ Григория, и сразу предложил гипотезу: выход группы на «големах» из «начала времен» сопровождался такими судорогами всего Древа Времен, что произошло масштабное дублирование первого из аппаратов, вонзившегося в тело хронобура. А затем этот «псевдоголем» был выброшен в одну из Ветвей и потянул за собой цепочку «големов» с людьми.

С Федором не спорили, не до того было, зато появилась надежда если и не на возвращение, то хотя бы на помощь конкистадоров. Хотя все понимали, что петля Бича Времен распалась и в узлах его выхода в других Ветвях Древа должны были остаться, по идее, только развалины Ствола.

— Итак, господа десантники, пришло время собирать камни, — сказал Ивашура, оглядев примолкшую семерку мужчин и женщину. — Как говорили древние греки: даже боги не способны сделать бывшее небывшим. Надо привыкать к своему положению и думать, что делать дальше. Для начала предлагаю проанализировать, чем мы располагаем. Потом обменяемся идеями, если они появятся. Возражения есть?

Возражений не последовало. Ни Павел Жданов, ни Григорий Белый, выходцы из двадцать четвертого столетия одной из

«Земель» другой Ветви Времен, не претендовали на роль командира отряда в сложившейся ситуации, где их опыт был непригоден, и эту роль стоически взял на себя Игорь Ивашура, привыкший считать себя ответственным за судьбы друзей и приятелей.

С экипировкой разобрались быстро.

«Големы» ни на что не годились. Исчерпав запасы энергии, претерпев множественный хронопереход, они превратились в полиметаллические скорлупы, разбитые и неживые.

Костюмы спасателей — кокосы, также принявшие на себя удар взбесившегося хронобура, но все-таки защитившие хозяев, еще были пригодны к употреблению, но оружие — «универсалы» и «глюки» — уберегли только трое из всего отряда: Жданов, Белый и Валетов. У остальных сохранились комплекты НЗ, а у Рузаева обнаружилась аптечка, хотя сам он об этом не догадывался, пока не раскрылась тайна ремешка с плоской белой коробочкой вместо часов, который он носил на рукаве костюма.

Рации, встроенные в кокосы, и компьютеры костюмов — инки — работали, поэтому на некоторое время люди были защищены, но энергия кокосов потихоньку таяла, и в скором времени следовало позаботиться о смене защитных комплектов.

— Негусто, — подвел итоги ревизии Ивашура. — Но и не безнадега. Могло быть хуже. Пока не найдем более приличную одежду, будем щеголять в кокосах, тем более что они защитят нас от местных кусачих тварей. Что будем делать, господа десантники?

— Осваиваться, — буркнул Миша Рузаев, не выходявший в последнее время из состояния глубокой депрессии. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что Гаспаряна с ними нет и не будет.

— Предлагаю идти к Стволу, — сказал Федор Полуянов.

— Зачем? — спросил Костров. — Хронобур исчез, хроношахта разорвана, Ствол, скорее всего, разрушен, цепь «лифта времен», соединявшая Ветви, лопнула.

— А если нет? — Вопрос прозвучал беспомощно, и Полуянов замолчал, потом упрямо сверкнул глазами. — И все же я хотел бы взглянуть на Ствол, покопаться в оборудовании, убедиться в его недееспособности. Мало ли что мы найдем полезного?

— Поддерживаю, — бросил Белый, покусывающий травинку. — Надежд, конечно, особых нет, но Ствол — не обычное техническое сооружение, а трактриса времен, пространственноподобная линия, вполне могли сохраниться куски этой линии, петли, соединившие соседние Ветви.

Тая, округлив глаза, посмотрела на Кострова, и тот сжал ее локоть, понимая чувства подруги, у которой внезапно вспыхнула надежда на возвращение. Павел Жданов, взглянув на нее, проговорил мягко:

— Не стоит особенно уповать на счастливый случай, но шанс, что нам повезет, есть. Кто знает, что такое время?

— Время... — пробормотал Полуянов. — По-древнерусски — воремя, общеславянское — вермя. Кстати, основа термина — санскритское *vartman* — «колея». Предки наши были достаточно мудры. Одно могу сказать с уверенностью: узлы выхода Ствола — узлы «вечного теперь», и все они лежат на линии хроношахты...

— Лежали, — хладнокровно поправил Жданов. — Что ж, идемте. Чем быстрее мы расстанемся с иллюзиями относительно возвращения в свое время, в свою Мета вселенную, тем быстрее адаптируемся здесь.

Он зашагал вперед, за ним Валетов, Ивашура, Рузаев. Отставшая Тая с мольбой посмотрела на Ивана.

— Неужели он прав? И мы навсегда останемся здесь, в чужом мире?

Костров ободряюще поддержал ее под локоть.

— Просто надо быть готовыми ко всему. Уж лучше заранее подготовиться к худшему, чем испытать крушение надежд. Но ты знаешь, — Иван понизил голос, — я почему-то уверен, что мы выкрутимся из этого положения.

— Правда? — глаза Таисии вспыхнули.

Иван чмокнул девушку в щеку и ускорил шаги, догоняя ушедших вперед товарищей. В глубине души он далеко не был уверен в своих утверждениях, но иного способа поддержать подругу не знал.

Реку преодолели вброд, растянувшись цепочкой. Белый и Жданов ушли вперед, Полуянов о чем-то спорил с Рузаевым, за ними задумчиво шагал Ивашура, потом Тая с Иваном, и замыкал цепь Лаэнтир Валетов, по-прежнему равнодушный ко всему происходящему. Иван догнал Ивашуру и услышал разговор Михаила и Федора.

— И все же я не понимаю, — невозмутимо говорил Рузаев, — почему наши «големы» выбросило из недр Ствола так далеко, во внешнюю зону. Мы ведь должны были оказаться внутри, в хроношахте.

— Ствол — не просто сооружение, — повторил слова Белого Полуянов, — он еще процесс реализации многомерного континуума в трехмерный.

— Ну и что?

— В момент торпедирования хронобура произошла остановка процесса, образовался многовекторный узел на Древе Времен...

— Ну и что? — повторил Рузаев.

— Нас выбросило по инерции в одну из альтернативных Ветвей.

— Хорошо, выбросило, но почему мы оказались за пределами Ствола?

— Инерция временного сброса поменяла знак на пространственную, — закончил наконец свою мысль Федор, — и нашу группу вынесло за пределы хроношахты. Если бы этого не произошло, все, наверное, закончилось бы трагически.

— Все в руках случая. А что ты там говорил об этой громаде, разрубившей Ствол пополам? Ведь по форме это чистый «голем».

Ответа Полуянова Иван не расслышал, потому что рация кокоса донесла возглас Жданова:

— Внимание!

Ивашура мгновенно выхватил «универсал», вглядываясь в темную гору Ствола, вырвавшуюся над лесом в двух километрах отсюда. Предупреждение Павла застало всех на лугу, и прятаться было негде, поэтому разведчики «Нью-Земли» просто заняли круговую оборону, оглядываясь и держа оружие наготове. Ничто не нарушало идиллического спокойствия здешней природы, однако второй возглас Жданова сориентировал людей:

— Небо!

Высоко над громадой Ствола плыла темная точка, постепенно увеличиваясь в размерах, пока не разделилась еще на несколько точек. Это была стая птиц.

— Это не птицы, эсперы, — подал голос Белый. — Если начнут атаку — открывайте огонь.

Приближающаяся стая действительно не была стаей птиц. Иван вспомнил встречу с подобными существами, похожими на летающих скатов, в недавнем путешествии по Стволу. Тогда «скаты», автоматы-защитники хронобура, атаковали их. Неужели и здесь они примутся защищать объект охраны, уже прекративший существование?

Но эсперы нападать на людей не стали. Покружив над ними на небольшой высоте, четыре плоские громадины, отливающие седым блеском, повернули назад и вознеслись над Стволом, превратились в едва видимые точки.

— Узнали они нас, что ли? — пробормотал Рузаев.

— Вряд ли, — покачал головой Полуянов. — Просто у них работают остатки программы, запрещающей самостоятельные действия при отсутствии прямой угрозы охраняемому объекту. Они теперь как поводыри слепого, оставшиеся без хозяина.

— Не отставайте, — подстегнул товарищей Ивашура.

Через полчаса отряд достиг мрачной горы Ствола и остановился, разглядывая серо-фиолетовые, с узором ниш и выбоин, стены хроноускорителя. В этом мире он мало чем напоминал стройную белую башню, какой видел ее Павел Жданов в своем времени. Да и Рузаев с Ивашурой видели Ствол иным. Здесь хроноускоритель был похож на конусовидный утес, сложенный из многих слоев разного цвета. И теперь еще вдобавок он был разрублен до основания гигантской дубиной «псевдоголема», сияющего снежной белизной, с переплетением непонятных царапин и штрихов по всей длине.

Тихо постояв под острым носом «псевдоголема», отряд двинулся вдоль стены Ствола по густой, но невысокой — по колено — траве вроде осоки, приглядываясь к выбоинам и дырам. Веяло от Ствола запустением, мертвым спокойствием, застарелой угрозой и угрюмой чужеродностью, что заставляло людей держаться настороженно. Но в конце концов, прошагав километра два, все привыкли к тишине и неподвижности нависшей над головой громады и повеселели. Только Павел Жданов, единственный в отряде паранорм, имеющий экстраординарную чувственную сферу, ощущал тонкое дуновение живого тепла, исходящего от стен Ствола, и это ощущение не позволяло ему расслабляться. Какие-то механизмы с источниками энергии все еще жили внутри хроноускорителя, стоило поискать эти аппараты и выяснить их возможности. И еще Па-

вел очень надеялся, что ему удастся восстановить связь со Стасом, инком Ствола. Многое сразу стало бы понятно.

Но первым уловил движение не Павел, а Лазантир Валетов. Он догнал Ивашуру и сказал ему в спину без особого волнения:

— За нами наблюдают.

Рации были включены у всех, и десантники разом остановились, взявшись за оружие и с опаской разглядывая стену здания справа. Но Валетов добавил:

— Они прячутся в лесу.

Ивашура вгляделся в полосу ближайших лесных зарослей, как все остальные, ничего не увидел и тихо спросил:

— Где?

Валетов показал рукой на густой подлесок, и тотчас же там шевельнулись ветки, из-за кустов вышли две косматые фигуры, остановились. До них было всего метров триста, люди хорошо разглядели неожиданных гостей.

По виду они очень походили на медведей, вставших на дыбы. Но, во-первых, имели не волосатые, а гладкие морды, безволосые передние лапы, а во-вторых, носили нечто вроде кожаных фартуков, защищающих животы и ноги-лапы до колен.

— Смотрите, что у них в лапах... — прошептала Тая.

В передних лапах медведи держали палки, отсвечивающие тусклым металлическим блеском.

— Ничего удивительного, — проворчал Рузаев. — Просто здесь водятся «урсус сапиенс», разумные медведи. Людей, наверное, нет, вот нишу и заполнили бурые любители меда.

Словно в ответ на его слова, один из псевдомедведей в фартуке желтого цвета поднял свою палку и помахал ею над головой справа налево. Затем опустил палку и сделал вполне человеческий жест: покачал вытянутым перед мордой длинным когтистым пальцем. Жест мог означать что угодно, однако большинству десантников показалось, что разумный зверь дает им совет не ходить возле Ствола.

— Что будем делать? — быстро спросил Ивашура. — Если это аборигены, с ними надо подружиться. Кто знает, сколько времени мы проведем в этих краях.

— Я схожу к ним, — предложил Рузаев.

Но стоило ему сделать шаг вперед, как медведи исчезли. Шевельнулись кусты, и все.

— В другой раз, — проговорил Павел. — В интересный мир нас выбросило, десантники. Зеленые луга, леса, реки, тишина, чистейшая экология... и цивилизация разумных медведей. Начнем осваиваться... — он не договорил.

На лес, в том месте, где скрылись двое медведей, спикировала стая эсперов. Сверкнули молнии разрядов, вонзились в деревья. Оттуда прилетела волна шипящих свистов, глухие удары, и все стихло. Стая покружила над лесом, потом вернулась, медленно облетела замерших, сжимающих оружие людей и снова вознеслась в небо, под перья облаков.

— Неужели они их... убили? — прошептала Тая.

— Странно, — пробормотал сосредоточенный Ивашура. — Почему эсперы напали на них? Ведь никакой опасности медведи не представляют. Мы более опасны, чем они.

Никто ему не ответил. Настроение у всех упало. Мир вокруг был с виду тих, спокоен и прекрасен, но в нем существовали насилие и смерть, и связано это было с горой Ствола.

— Идемте, — предложил Белый, махнув рукой. — Я нашел вход. Хотя, может быть, разделимся? Часть останется здесь, а двое-трое пойдут в разведку.

— Я останусь, — гортанным голосом откликнулся Валетов, отошел, сел на траву, потом лег на спину.

— Останься и ты, — понизил голос Иван, обнимая Таю.

— А ты?

— Я схожу на разведку.

— Хорошо, — кивнул Ивашура. — Пойдут Иван, Гриша и...

— Я, — поднял руку Полуянов.

Жданов, прищурясь, посмотрел на Ивашуру, улыбнулся.

— Пусть идут, я поброжу окрест, неподалеку.

Разведгруппа без особых прощаний втянулась в громадный пролом в стене Ствола, черный, с лучевидными серебристыми потеками, и скрылась с глаз. Тая еще некоторое время всматривалась в темноту прохода, вслушивалась в долетающие звуки, потом отошла, села рядом с Рузаевым.

— А я пока схожу туда, — кивнул на лес Павел, — посмотрю.

— Возьми Михаила, — посоветовал Ивашура.

— Нет, одному сподручней. В случае чего — дайте сигнал.

Он прошагал по лугу до кромки леса, пошарил там в траве и канул в кусты. И стало совсем тихо.

Владей почувствовал опасность одновременно с Ясеной еще до того, как та приобрела конкретные формы. Остановился, предупреждая вскинув руку, оглянулся, встретил взгляд девушки:

— За нами кто-то наблюдает.

Ясена кивнула, прислушалась к себе и показала пальцем сначала в сторону, потом в небо. Это означало, что за ними следили с двух сторон, причем по-разному. Глаза в лесной чащобе смотрели если и не по-доброму, то без угрозы и злобы, а вот взгляд с неба, скрытого веером листвы, был ощутимо угрюм и беспощаден. Это могли быть либо грифоны, кормящиеся не только падалью, но и живым мясом, либо хвостокотлы-перунцы, о которых предупреждал Род.

Владей вошел в транс всеведения и увидел четыре черных стрелы над лесом, испускающие леденящий душу ужас. Поспешил закрыть себя и спутников скорлупой невидимости, и, вероятно, сделал это вовремя. Хвостокотлы, кружащие над лесом и Горой Богов, до которой осталось не более полутора верст, вдруг спикировали вниз далеко в стороне и вонзили в землю пламя смерти. Издалека донеслись свистящие, словно удары плетью, звуки: шахх-шахх-шахх... затем все стихло.

Владей стер пот со лба, слабо улыбнулся на прикосновение Ясены:

— Все хорошо, они нас не увидели.

— Кто? — не понял Петрян.

— Перунцы, стражи Горы. Род предупреждал, что их стоит опасаться.

— Но я чувствую еще кого-то, — прошептала жарко Ясена, оглядываясь.

— Это всего-навсего медвяны, — уверенно бросил Владей. — Они нас не тронут.

Отряд разведчиков снова двинулся вперед и вскоре достиг места, по которому нанесли свой страшный удар хвостокотлы. Поляна в лесу была испещрена трехсаженными ямами глубиной в четыре сажени, причем земля в этих местах стала жидкой, выплеснулась вверх, как вода от брошенного сверху камня, и так застыла. Владей насчитал одиннадцать всплесков,

уходящих цепочкой в лес, затем нашел следы крови на траве и остановился, кивнув Петряну на поломанные кусты:

— Хвостокоты стреляли не зря.

— Медвяны, — понимающе кивнул в ответ охотник, принюхался, взгляделся в траву и кусты. Нырнул в заросли и вернулся с полуторасаженной блестящей палкой, на торцах которой были выгравированы странные иероглифы: 2301.

— Никого нет, медвяны всегда уносят своих раненых сородичей, а Лох рассказывал, что из этих палок медвяны стреляют жгучими стрелами, пробивающими даже камень.

Владей слышал истории Лоха, но верил им мало.

В кустах зашуршало, из-под перистых опахал папоротника выглянули блестящие бусинки глаз и скрылись, заметив людей. Змеежи обычно людей не боялись, но этот явно был напуган. Владей снова прислушался к духам природы, к шепоту дриад и наяд, к дыханию листвы и трав и, холодея, понял, что наблюдает за ними вовсе не семья медвян, а некто огромный, сильный, мрачный, чужой и страшный, живой и неживой одновременно. Но главное, видящий особым магическим образом тройку россинов издали, сквозь деревья и кусты, этот нечеловек-незверь был ранен и хотя не звал на помощь, но странным образом давал понять, что ждет кого-то. Хотя вполне могло быть, что он звал своих. Просто Владей слышал его мысленные образы.

— Зайди слева, — бросил молодой волхв, снимая лук и доставая стрелу, — Ясена, пойдешь за мной в десяти шагах, прикроешь спину.

Не ожидая возражений, Владей скользнул под еловую ветвь и словно растворился в зарослях густого, не тронутого рукой человека более ста веков леса. Точно так же неслышно и гибко спутники волхва последовали за ним.

Россины сызмальства были приучены к самым неожиданным встречам. Отвагу, хладнокровие и готовность встретить таинственные явления они впитывали с молоком матери. Нет, они, конечно, умели удивляться и восхищаться, а также радоваться волшебной красоте и простоте мира, но их удивление редко переходило в страх и не влекло отрицательных эмоций. Что касается ведунов-волхвов, колдунов и магов, то они и во все предчувствовали почти все виды опасности и умели прогнозировать будущее, пусть и на уровне подсознательного

восприятия. Владей, идя по ментальному запаху чужого, уже знал, что тот не причинит им вреда.

Сначала они приняли его за черную скалу, окруженную сломанными, как соломинки, деревьями. Затем, осмотрев со всех сторон, поняли, что это гигантский, не то каменный, не то металлический зверь, упавший на бок. У зверя отсутствовала голова, зато был торс, круп и мощные, как рычаги, ноги с круглыми копытами величиной с варочный чан. С виду он напоминал кентавра, вплавленного в странные всплески земли и дерна. Но этот железный кентавр не был главным действующим лицом. Прямо под его ногой лежал, также наполовину утопленный в ставшей жидкой и застывшей потом, как смола, земле, страшный черный человек с гладким лицом и единственным, тускло светящимся, длинным, горизонтальным глазом-щелью. Он смотрел на россинов с угрюмым равнодушием, но без угрозы, и чувствовалось, что ждет он кого-то другого. Во всяком случае, интереса к разведчикам черный всадник, придавленный своим обезглавленным конем, не проявил.

— Кто ты? — спросил Владей, приблизившись, не обращая внимания на испуганный оклик Ясены.

Сияние глаза на лбу гиганта (даже лежа на боку, он был вдвое выше рослого юноши) усилилось на мгновение. Владей почувствовал томление, покалывание под черепом, подергивание мышц на лице, давление на сердце. Отступил было, но тут же приблизился снова.

— Кто ты?

Глаз на лбу черного человека почти погас, словно тот потерял сознание. Исчезли и неприятные ощущения, испытываемые молодым волхвом.

— Он ранен, — объяснил Владей спутникам, отступив под сень уцелевшей ольхи. — Почти мертв. Вероятно, с ним сражались перунцы.

— Но ведь и хвостоколы, и он сам — обитатели Горы! — воскликнула Ясена. — Зачем им воевать друг с другом?

— Не знаю.

— Что будем делать? — Петрян оглянулся через плечо. Видно было, что побоище, происшедшее в лесу, его не слишком взволновало.

— Пока над Горой кружат хвостоколы, туда не пойдем. Попробуем подойти с другой стороны, где лес подходит почти под склон Горы.

— А как же следы тех, кто прошел перед нами?

— Если они остались живы, найдем их в Горе. А сейчас давайте полдничать.

— Только не здесь, рядом с... этим, — быстро сказала Ясена, нервно облизнула губы. — Я его боюсь.

Они отошли на двести шагов севернее, к ручью, впадавшему в реку Пужаную, уселись в тени густого явора, достали из котомок свертки с едой: хлеб, сыр, вареные яйца кураносов, грибы, яблоки, орехи. Запили кисловатым отваром из ягод салмадиллы, прибавляющим силы.

Семья кроланей, затем молодой есол и пара бурозубых летяг пытались подобраться ближе, привлеченные запахом еды, но Петрян отогнал их шипением змеежа. Подделывал голоса птиц и зверей он мастерски.

— Как ты думаешь, это он убил Мирхаву? — тихо спросила Ясена, имея в виду черного всадника.

— Вряд ли, — мотнул головой Владей. — Он не злой, и у него у самого есть враги. Я уже встречался с такими, как он, и никогда они на меня не нападали.

Солнце ушло на третью четверть дня, когда они снова выступили в поход и приблизились к гигантскому уступу Горы со стороны развалившейся ее небесной «палицы». Остановились на опушке леса, язык которого подходил к Горе меньше чем на полверсты, с благоговением и трепетом стали разглядывать темно-серые, с фиолетовым и багровым отливом, склоны Горы и белый острый нос «палицы», испещренный какими-то письменами.

Ничто, ни одно движение, не нарушало сонного покоя природы вблизи Горы. Вокруг царили тишина и неподвижность. Здесь даже птицы молчали и насекомые не строили себе жилищ, прячась в глубине опавшей листвы. И все же Владей чувствовал, что за Горой настороженно наблюдают множество глаз, причем не только звериных и птичьих, а в самой Горе прячутся живые существа, многие из которых распространяли явственно ощутимую ауру злобы и ненависти. И еще внутри Горы светились живым теплом какие-то огромные механизмы, а также некоторые ее участки, целые этажи прорытых там ходов, сплетающиеся в странную и удивительную объемную сеть, думающую и ждущую. Владею даже показалось, что эта сеть почувствовала его ментальный взгляд, насторожилась и

окликнула его на своем языке, и он поспешил выйти из поля всеведения.

— Ты что? — отреагировала Ясена, ощутившая то же самое, но в меньшей степени.

Владей потер лоб, махнул рукой Петряну, посылая того вперед:

— Хвостоколы улетели, можно идти. Но если встретим врагов — отступаем.

— Почему? — удивился Петрян. — Втроем мы справимся с любым...

— С любимым — с кем? — посмотрел на охотника волхв. — С черным всадником? Или с тем, кто убил Мирхаву? Они не люди. И нам надо вернуться, чтобы рассказать Роду и князю, что мы увидели.

Петрян повернулся и заскользил в зарослях луговых трав к громаде Горы. За ним по знаку Владея гибко нырнула в метельчатые зеленые волны Ясена. Владей шел последним, зорко оглядывая ландшафт двумя видами зрения — световым и внутренним. Духи природы шептали ему: «Не ходи, там опасность, там нежить, там страх и ужас, там смерть!» — но отступать было рано и стыдно, хотя он точно знал, что Гора угрюмо наблюдает за ним, читает его мысли и готовит встречу. А еще у Владея появилось ощущение беды, которая с ним непременно случится. Ощущение было таким острым и отчетливым, что волхву захотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Однако, стиснув зубы, он преодолел панику и ничего своим спутникам не сказал.

Под нависшим карнизом второго слоя Горы, у стены со множеством ниш и выбоин, они остановились, возбужденные и разгоряченные движением, готовые к схватке или отступлению. Пока преодолевали луг, никого не увидели и не услышали, поэтому приободрились и поверили в свои силы, хотя перед глазами всех троих стоял образ разрезанного пополам Мирхавы.

— Как ты думаешь, где сейчас те восемь чужаков, что шли сюда? — жарко прошептала Ясена на ухо Владею.

— Внутри Горы, — уверенно ответил тот. — Если бы они остановились неподалеку, я бы их почувал.

— Надо же, дошли! — усмехнулся в усы Петрян. — В детстве я, бывало, часто мечтал, как пойду к Горе и открою ее

тайну. Интересно все же, откуда она свалилась на нашу землю? И почему к ней нельзя было подойти близко?

Владей хотел сказать, что Гора излучает особый свет, ментальное поле, действующее на сознание человека угнетающе, но Петрян вряд ли понял бы, что такое «ментальное поле», и волхв не стал ничего объяснять.

Они двинулись вдоль стены гигантского сооружения богов, чутко прислушиваясь к звукам собственных шагов, всматриваясь в ниши и пещеры, образовавшиеся в стене за многие тысячи лет. Прошли под нависшим над землей носом (а может, рукоятью) «палицы», разрубившей Гору. Снова зашагали вдоль стены, пока не обнаружили пещеру, уходящую глубоко в недра Горы. Внутренним зрением Владей проследил за ее извилинами до впадения пещеры в более крупную полость внутри Горы. Остановил отряд, оглядев по очереди Ясену с горящими глазами и Петряна, готового дать отпор кому угодно.

— Я чую опасность.

— Я не боюсь! — вздернула подбородок девушка, но Владей не дал ей договорить.

— Конечно, лучше было бы тебе остаться на воле, но я не уверен, что вне Горы ты будешь в безопасности. Первый пойду я, ты за мной. Петрян замыкающим. А теперь помолимся Перуну.

Глянув на поседевшее перистыми облаками небо — верный признак скорого изменения погоды, — Владей шагнул в полумрак пещеры. Факел ему был не нужен, он хорошо видел в темноте.

Когда небольшой отряд втянулся в пещеру, на опушку леса в полуверсте от Горы Богов вышел человек, постоял некоторое время, ощупывая окрестности внимательным взглядом, и спокойно направился к провалу в стене огромного здания, в котором скрылись посланцы племени россинов. Это был Род, глава Схода племени.

Глава 4

Задумчиво-сосредоточенный Жданов вернулся через сорок минут, похлопывая себя по ноге ореховым прутиком. На просящийся взгляд Таи ответил успокаивающей улыбкой, а на вопросительный Рузаева сообщил:

— Там в лесу лежит хронорыцарь.

— Какой хронорыцарь? — поднял голову лежащий на траве Ивашура. — Уж не тот ли черный всадник, что встречался нам в Стволе?

— Один из ему подобных. Эсперы накрыли его залпом и повредили кентавра, то есть систему передвижения. Да и у него самого, видимо, иссякли запасы энергии.

— Я схожу посмотрю, — подал голос внезапно заинтересовавшийся Лазнтир Валетов и, не спрашивая разрешения, направился к лесу.

Жданов проводил его внимательным взглядом, повернулся к Ивашуре, сел рядом.

— Я чего-то не понял, — проговорил Игорь Васильевич. — Черные всадники всегда могли за себя постоять, как же этот не смог отбиться от эсперов?

Павел кивнул.

— Я тоже задаю себе этот вопрос. Есть только одно разумное объяснение: атака была внезапной и быстрой. Всадник не ожидал нападения.

— Но зачем эсперам нападать на него? — хмыкнул Рузавев. — Война закончилась. И он, и они — из одной команды.

— Не из одной.

— Ну все равно они призваны защитить хроноускоритель, разве что программы у них были разные.

— Никто не знает, какую программу имели хронорыцари, — проворчал Ивашура. — Они не из нашей Ветви Времени и созданы не людьми. Если, конечно, можно считать их киборгами или автоматами, обладающими целевой программой.

— Может быть, они отсюда, из этого мира? — робко предположила Тая.

— Вряд ли, — покачал головой Жданов. — Хронорыцари принадлежат какой-то технологической цивилизации, достигшей очень высокого уровня воздействия на свою Вселенную. Здесь же ее влияния не чувствуется. Мы попали в мир, где разум или только зарождается... медвежий... или пошел по другому пути.

Ивашура с любопытством глянул на инспектора.

— Интересное предположение. По какому же? Что или кого ты увидел в лесу, Павел, кроме хронорыцаря?

Жданов остался спокоен.

— Я видел давешних медведей.

— Значит, по-твоему, они единственные хозяева здешнего мира?

— Не думаю. Здесь живут люди. Я все время чувствую давление на свою психику, а это означает, что местные жители умеют пользоваться ментальными полями, то есть достигли уровня влияния на тонкие пси-процессы. Если я прав, скоро мы встретим аборигенов.

Рузаев хмыкнул, придвинулся ближе, намереваясь затеять спор, однако Тая его опередила:

— Павел, я не физик и не ученый, поэтому многого не поняла. Не могли бы вы попроще объяснить, что произошло? Почему мы оказались здесь, не на Земле? Ну, то есть не на своей Земле... — Девушка покраснела, пытаясь сформулировать вопрос.

Жданов кивнул.

— Я попробую. Один из наших ученых, существовавший в нашей Мета вселенной, в нашей Ветви Времени, разработал теорию, согласно которой Большая Вселенная в каждый микромомент времени ветвится на параллельные микромиры, каждый из которых представляет комбинацию микрособытий, реализующихся вследствие вероятностной изменчивости мира. Понимаете?

— Кажется, да.

— В результате Большая Вселенная разбивается на отдельные Ветви Времени, образующие Древо Времен, так называемый Фрактал временных континуумов, веточки которого представляют собой отдельные Мета вселенные со своим набором физических законов и со своим направлением Времени. Таким образом, получается, что линия направления Времени каждой Ветви — это линия осуществления одной возможности из числа всех заключавшихся в предыдущем мгновении, в предыдущем узле ветвления.

Павел искоса глянул на сосредоточенное, напряженное лицо Таисии.

— Повторить?

— Не надо. — Девушка снова покраснела, но не рассердилась. — Я поняла так, что ваше Древо Времен, то есть Большая Вселенная, по сути, пространство осуществления всех возможностей, всех комбинаций. Правильно?

Павел взял ее за руку и поцеловал пальцы.

— Вы умница, Таисия.

— Мне это уже говорили, — с облегчением засмеялась Тая. — Но я хотела бы сформулировать еще раз, что из себя представляет Древо. Бесконечное число Ветвей...

— Множество возможных состояний Вселенной образуют Дендроконтинуум, континуум потенциально равноценных копий, Ветвей Мироздания.

— Красиво звучит. И так просто!

Жданов улыбнулся.

— Истина всегда кажется удивительно простой. Но я не уверен, что мы точны в оценках происшедшего.

— Зато я окончательно все поняла. Ствол, то бишь хронобур, соединил не разные времена одной Ветви Древа, а углы разных Ветвей! Поэтому, когда взрыв хронобура погнал нас назад, в будущее, мы вышли не в своем времени, а в другом. Но если... — Тая побледнела. — Если Ствол разрушен и ничего не соединяет... не соединяет Ветви... значит, мы навсегда останемся здесь?!

Павел лег на траву, глядя на слоистую стену Ствола.

— Надеюсь, что это не так. Нам помогут.

— Кто? — с прежним любопытством поинтересовался Ивашура, понимавший, что Жданов говорит не все, что знает.

Павел не ответил.

Глаза у Таи стали большими, испуганными.

— А что, если в Стволе остались «хронохирурги»?!

— Это вряд ли.

— Ну не сами «хирурги», а их слуги, «санитары». Тогда нашим ребятам угрожает опасность столкнуться с ними...

— Не волнуйся, все десантники хорошо подготовлены, — сказал Игорь Васильевич, понимая, что девушка беспокоится за Ивана Кострова. Повернулся к Жданову. — А в самом деле, Павел, мы не подумали. В Стволе должны были остаться не только пауки-конкистадоры, обслуживающие его хозяйство, но и другие автоматы, в том числе принадлежащие «хронохирургам». Не исключено, что мы встретим и «санитаров».

Жданов вдруг резко привстал на локтях. Ивашура проследил за его взглядом и увидел, как на лес спикировала стая эсперов. Исчезла. Но вскоре появилась вновь, кругами набрала высоту и зависла над горой Ствола.

— Что там? — понизил голос Игорь Васильевич.

— Ничего, все в порядке, — ответил Жданов, знавший на-верняка, что эсперы спикировали именно в тот район леса, где лежал убитый кентавр и его всадник — хронорыщарь и куда направился Лаэнтир Валетов.

Участок кольцевого коридора, в который проникли разведчики, был сильно поврежден. От сотрясения, испытанного зданием Ствола в результате удара «палицей голема» при выходе его во внешний мир, стены деформировались, а потолки обрушились, образовав настоящую полосу препятствий. Ни о каком контакте со Стасом, инком хроноускорителя, речь не шла. Гриша Белый не смог даже определить точки информационного обмена в стенах первого горизонта. Стас не отзывался, будто перестал функционировать совсем.

— Этого следовало ожидать, — заявил Федор Полуянов, когда они преодолели около ста метров коридора, не встретив ни одного конкистадора и вообще никого живого. — Но узел выхода здесь приличный, какой-нибудь из контуров Стаса мог вполне сохраниться на других этажах. Будем искать.

— Давайте лучше искать лифт, — пробормотал Иван Костров, — Тто есть хрономембрану. Тогда и узнаем, работает ли еще Ствол как трактриса, соединяющая Времена, или нет.

— Не Времена — Ветви Времен.

— Что в лоб, что по лбу.

Белый, поковыряв вогнутую, волнистую от проседания стену коридора шупом из своего походного инструментария, молча пошел вперед, обходя трещины, ямы и глыбы похожего на бетон материала, упавшие с потолка. Светильники в коридоре не работали, но свет сочился отовсюду из щелей и отверстий в дверях и стенах, создавая сероватый полумрак, так что факелы и фонари не понадобились.

Запахи внутри здания не были слишком разнообразными, запахи пыли, гниения, копоти, старости да еще зелени — сквозняки приносили эти ароматы с луга. Но Иван первым обратил внимание на еще один запах, слабый и неприятный, похожий на вонь от сгоревшего пластика.

— Да, ты прав, — принялся Белый. — Это пластик. Кажется, в здании недавно что-то горело.

Пройдя еще с полсотни шагов, они наткнулись на это «что-то». В этом месте коридор образовывал шаровую полость со

множеством мелких оспин и трещин, будто здесь сработал мощный заряд взрывчатки. А на дне полости поблескивали металлом останки какого-то механизма.

Белый и Полуянов, посветивший в яму, переглянулись.

— Конкистадор, — сказал Федор. — Его кто-то взорвал.

— Значит, жизнь внутри Ствола продолжается, — тихо произнес Костров. — И по тем же законам, которые были установлены раньше. Надо ждать всего, даже встречи с обиженными «хронохирургами».

— Ну, с «хронохирургами» вряд ли, — не согласился Белый, — а вот с нашими друзьями «санитарами» вполне.

Преодолев возникшее препятствие, отряд выбрался на относительно ровный участок и вышел в зал с трубой хрономембраны, по традиции называемой лифтом.

В зале сильнее пахло сгоревшим пластиком, и в его центре на месте трубы зияла глубокая шестиметровая воронка. Лифт перестал существовать, уничтоженный взрывом.

Теперь уже все трое обменялись понимающими взглядами. По Стволу явно гуляли недруги и старательно уничтожали оборудование хроноускорителя. Зато именно это обстоятельство окрашивало происходящее в оптимистические тона.

— Ствол не умер! — высказал вслух общую мысль Федор. — Он еще дышит. Ну, хотя бы отдельные системы жизнеобеспечения. Мертвое здание не нуждается в дополнительном разрушении.

— Паша, — позвал Белый, но рация молчала, стены полностью экранировали радиоволны.

— Что будем делать?

— Возвращаться.

— Может, попробуем выйти во внутренний двор, посмотреть, что там? — предложил Иван.

— То же самое, — буркнул Григорий, но подумал и согласился: — Полчаса потратить можно, хотя ничего особенного мы не увидим.

Он оказался прав и не прав одновременно.

Во двор здания удалось выйти со второй попытки, не со стороны лифта — коридор выхода там был полностью разрушен, — а со стороны бокового ответвления, тупика со смотровой системой. Здесь, в торце коридора, зияла брешь, и разведчики один за другим протиснулись в нее, чтобы увидеть абсо-

лютно черную плоскость двора, испещренную метровой ширины трещинами, и ослепительно белую балку «псевдоголема», разрубившую стены здания почти до уровня третьего этажа. Впечатление создавалось такое, будто двор Ствола был когда-то залит толстым слоем асфальта. Ни трава, ни деревья на нем не росли, он был ровным, как поле такыра в глинистой пустыне. Лишь две детали на обозримом трехкилометровом пространстве этого поля разнообразили пейзаж: глыба у стены здания, оплывшая, как восковая свеча, фиолетового цвета с красным отливом, напоминавшая сталагмит и ракету одновременно, и знакомая черепаховидная машина с двумя торчащими многометровыми усами под балкой «голема» в центре площади.

— Сходим посмотрим? — задал вопрос Костров, не имея особого желания бродить по «асфальтовому такыру».

Белый не ответил, внимательно обшаривая взглядом стены здания, серые, безжизненные, с окнами и без них, усеянные порами, нишами и звездообразными дырами. Внизу, у поверхности двора, стены тоже были черными и оплавленными, пустившими потеки и наплывы. Один из участков стены на высоте двухсот метров привлек внимание Григория, и он указал на него:

— Ничего не замечаете?

Иван оглядел этот участок, отличающийся цветом — он был гораздо светлее, — блеском, отсутствием пятен и ям, и хотел сказать: «Ну и что?» — и вдруг сообразил:

— Там могли сохраниться системы жизнеобеспечения Ствола! Сейчас же проверим. Пошли.

— Успеем, не шебуршись. Таких участков должно быть несколько, хроноускоритель имел больше трех десятков зон безопасности, снабженных особой экранировкой и полевой защитой. Видимо, мы открыли одну из них.

— Гриша, а та скала у стены тебе ничего не напоминает? — поинтересовался Полуянов.

Белый сузил глаза, что-то вспоминая.

— Драккар?!

— Очень похоже. Автоматика машины могла и сдохнуть в процессе перехода, ресурс тоже, наверное, исчерпан, но корпус уцелел.

— Не хочешь ли ты сказать, что по Стволу где-то бродят наши ребята?

— Не знаю. Это было бы слишком здорово, если бы они остались в живых.

— Что такое драккар? — потребовал объяснения Иван, не понимая внезапного волнения товарищей.

— Аппарат для передвижения и работы в экстремальных условиях, — отозвался Федор. — Вроде наших «големов», но менее мощный. В драккаре была запущена команда десантников для отключения хронобура. Но на связь они так и не вышли, мы считали их погибшими.

— Они и погибли, — хрипло сказал Белый. — Чтобы драккар стал похож на оплывшую свечу, его надо очень хорошо нагреть, вплоть до звездных температур. Я не знаю, как и почему он оказался здесь, в этой Ветви Времени, но, судя по всему, тут во дворе когда-то полыхал ядерный костер. Пошли к своим, надо обсудить положение... — Он не договорил.

Над белой трубой «псевдоголема», соединявшего края кольцевых стен Ствола точно по диаметру, появилась стая эсперов и хищно кинулась вниз, к застывшим людям. И было в их стремительном пике столько угрозы, что все среагировали как надо. Иван и Федор нырнули в пролом, из которого выбрались во двор, а Григорий профессионально открыл огонь из «глюка».

Эсперы тоже выстрелили: четыре шипящих зеленых клинка ударили в стену здания, в «асфальт» двора, расплескивая мгновенно расплавившийся материал стен в форме воронок со стеклистыми краями, также мгновенно застывшими, и в этот момент трасса тусклых желтых огоньков из «глюка» нашла стаю эсперов, не ожидавших отпора. Вспыхнули два огненных клубка, разлетелись брызгами сияния и струйками дыма. Уцелевшие эсперы совершили крутой вираж, унеслись в небо и скрылись за противоположной стеной здания.

— Ничего не понимаю! — пропыхтел Иван, выкарабкиваясь из-под Федора и выглядывая наружу, где спокойно стоял Белый в позе ковбоя, держа в обеих руках оружие. — Какого дьявола они напали на нас?! Почему не нападали, когда мы шли по лесу?

— Либо их инки перестали функционировать вовсе, либо что-то изменилось во внешнем мире, — предположил Полуянов. Подумав, добавил с мрачным видом: — Есть и третий вариант.

— Какой? — оглянулся на него Белый, не спеша прятать «глюк».

— Кто-то поменял эсперам целевые установки.

— Кто? Когда?

— А недавно, когда мы пошли на разведку. Кто — не знаю, но за нами следили и следят до сих пор, это факт. И не только разумные медведи, отнесшиеся к нам по-дружески, но и враги, для которых наше появление явно стало неприятным сюрпризом. Кстати, такой поворот косвенно свидетельствует в пользу нашего предположения, что Ствол как система еще функционирует. Надо только добраться до работающих горизонтов и узлов.

Белый вдруг стремительно обернулся и выстрелил. Огненный пунктир, напомнивший Ивану очередь трассирующими пулями, воткнулся в лепешку чужого автомата с гибкими усами телесного цвета и превратил ее в облачко пламени и дыма. В почве на том месте образовалась тарельчатая впадина, из которой начали разлетаться какие-то горящие лохмотья, фонтанировать ядовито-желтые жгуты дыма и белых искр.

Полюянов хотел было спросить: «Зачем стрелял?» — но передумал, потому что возня в глубине кратера продолжалась, словно там в агонии билось какое-то крупное животное. И вот оно наконец стало выползать из ямы.

Люди увидели широкие плечи, две пары лап, блестящее туловище. Головы у монстра не было, вероятно, выстрел Григория снес ее вместе с корпусом автомата-черепахи, и гигант никак не мог восстановить зрение либо вообще логическую мыследеятельность.

— Обезьянозмей! — глухо воскликнул Костров.

Белый выстрелил еще раз. На месте ворочающегося гиганта вспух еще один огненный шар, лопнувший с оглушительным треском и свистом. Часть почвы испарилась вместе с туловищем монстра, и, когда дым рассеялся, на дне образовавшейся воронки блеснул голубой металл.

Глава 5

Несмотря на многовековую философскую закалку этих детей природы и их готовность противостоять злым силам и чарам, всем троим было страшно, хотя и по-разному. Петрян бо-

ялся, что проглядит опасность. Ясена боялась чудовищ, а еще больше того, что Владей отправит ее обратно. Владей же чувял живое тепло, исходящее из глубин Горы, злое и равнодушное, реже — с дуновением заинтересованности, ощущал всей кожей чьи-то взгляды, отражал угрожающее ментальное зудение: «Не ходи, погибнешь! Не ходи, станешь мертвым слугой Богов!» И не знал, как защититься от этих не слышимых никем, кроме него, злых шепотов, заставляющих его напрягаться сверх меры, мешающих вслушиваться в движение духов Горы.

Пещера, в которую проникли россины, оказалась на удивление правильной и ровной, похожей на прямой коридор в покои князя. Казалось, что эту пещеру внутри Горы Богов кто-то проложил, очень давно, может быть, во времена появления Горы. Владей решил называть ее коридором. Хотя стены и пол были волнистыми, в трещинах и пятнах сырости, было видно, что коридор когда-то был прямоугольным и светлым. И еще Владей чувствовал по обе стороны коридора пустоты, прятавшиеся за толстыми стенами, пока не понял, что черные прямоугольники в стенах являются дверями. Попробовал открыть одну, другую, толкнув ее рукой, не смог и опечалился, что не сумеет объяснить сути явления Роду и князю, однако выручила Ясена. Третья дверь от ее прикосновения и певучего приказа: «Дверь, доверься, доброму откройся!» — вдруг неслышно свернулась валиком вокруг невидимой оси и вдвинулась в стену, образуя проход.

Разведчики уже привыкли к полумраку и хорошо видели все детали коридора, но в помещении за волшебной свернувшейся дверью таился такой мрак, что не помогло и кошачье зрение Владея. Он ничего не увидел, только почувствовал, что помещение не пустое, оно полно каких-то тяжелых предметов — не то каменных глыб, не то металлических коробов. Живым в помещении не пахло. Владей шагнул вперед, зацепил что-то ногой, и рядом грохнуло, по твердому полу заскакали, зазвенели, застучали, рассыпаясь, какие-то трубки и банки.

Волхв отскочил назад, вытянув вперед меч, но тут же опустил его. Из проема двери выкатилось несколько блестящих цилиндров и белая палка, в которой Владей узнал палицу медвян.

— Там их целые штабеля, — тихо произнес он, поднял палку и на торце ее увидел те же символы: 2301.

— Здесь живут медвяны, — заявил Петрян. — Это их дубинки, их жилище.

Владей покачал головой.

— Скорее всего, медвяны просто нашли эту пещеру раньше нас. Такие дубинки сделать им не под силу.

Петрян взвесил в руке белую, гладкую и тяжелую палку, бросил ее в пещеру, бывшую, очевидно, складом. Загремело. В глубине пещеры загорелся крохотный фиолетовый огонек, замигал, разгорелся ярче, меняя цвет на красный, и тотчас же дверь встала на место, отсекая собой таинственный оживший мрак. На какое-то мгновение Владею показалось, что кто-то смотрит на него из-за двери — вопросительно и удивленно, словно в пещере проснулся хозяин, но это ощущение быстро прошло. «Хозяин» заснул снова.

Коридор закончился в круглом помещении с глубокой ямой в центре и дырой в потолке над ямой. Вид помещения свидетельствовал о том, что здесь некогда произошло землетрясение: стены его пошли складками, оплыли, покрылись трещинами, а с потолка осыпались пласты и целые глыбы похожего на серый ноздреватый камень материала. Пол, когда-то, наверное, ровный, гладкий и блестящий, вспучился буграми и был затоптан звериными следами. Владей и Петрян свободно прочитали следы стаи крысобак, волкодила, медвян, бурозубых летяг, змеежей и других более мелких животных. Но среди звериных встречались и человеческие следы, хотя обувь прошедших здесь людей была необычной и твердой, не такой, какую носили россины.

Снова у Владея родилось ощущение, что за ними наблюдает некто невидимый, неслышимый, странный, не злой, но и не добрый. Определить, откуда исходит взгляд, не удалось ни с первой, ни со второй попытки, даже после выхода в магическое состояние ясновидения. Казалось, наблюдатель смотрит сразу отовсюду.

Волна слабости заставила волхва выйти из транса, и несколько минут он отдыхал, с благодарностью принимая поддержку Ясены: прохладные ладони гладили его шею, затылок, и это было очень приятно.

Вернулся Петрян, рискнувший разведать, куда ведут еще два коридора, уходившие из круглого зала в темноту загадочных недр Горы.

— То же самое, — сказал он. — Разруха, запустение, пыль, грязь, много всяких следов. Жизнь здесь замерла давно, даже насекомых не видно. Может быть, Боги тоже умерли? Ну или ушли в другое место, после того как на Гору свалилась «палица Господня».

— Мы еще ничего не узнали, — негромко возразил Владей, приходя в себя. — И впредь надо быть очень осторожными, это очень плохое место.

— Почему?

— Потому что здесь везде ходила смерть, — так же тихо ответила Ясена, чувствовавшая примерно то же, что и Владей. — Она и сейчас прячется где-то в Горе.

— Тогда зачем нам рисковать? Давайте вернемся, расскажем Роду...

— Что расскажем? — нахмурился Владей. — Что мы ничего интересного не увидели? Нет, пойдем дальше, пока не выясним предназначение Горы, кто ее обитатели, зачем она появилась здесь и почему была разрушена небесной дубиной... то есть «палицей Гнева Господнего». К тому же я очень хочу знать, что за люди прошли здесь недавно.

— Наверное, это те, следы которых мы обнаружили еще на лугу.

— Увидим.

Владей обошел яму в центре круглой пещеры и направился к черному прямоугольнику третьего выхода, заваленного обломками рухнувшего потолка. Петрян этот проход не исследовал.

Коридор вывел разведчиков не во внутренние покои Горы, как представляли они себе, а на огромный двор. Гора внутри оказалась пустой! Вернее, центральная ее часть представляла собой нечто вроде гигантского загона для скота с отвесными стенами высотой не менее двух верст! И хотя Владей предполагал встретить здесь полость, нечто соответствующее громадной пещере, но увидеть необъятный круглый двор в кольце угрюмых серых стен, открытых солнцу и ветрам, разрубленных по диаметру «палицей Господней», молодой волхв не ожидал.

Некоторое время пораженные зрелищем россины рассматривали черную трещиноватую поверхность двора, ослепительно белую «палицу», кольцо стен с узором окон, ниш, бугров и пятен, фиолетовую скалу необычной формы неподалеку, потом Ясена произнесла с дрожью в голосе:

— Святой Перун! Неужели я не сплю, и Гора в действительности внутри поляя?!

— Конечно, не спишь, — простодушно отозвался Петрян, в душу которого тем не менее закрался благоговейный трепет. — Я думаю, боги держат здесь свой скот, а перед нами выгон, поле для выпаса.

— Без травы? — скептически подняла бровь Ясена.

— Траву съели... или вытоптали.

— Нет здесь никакого скота, — негромко проговорил Владей. — И никакой это не выгон. Ясена, Петрян, останьтесь, я хочу посмотреть, что там сверкает в центре двора, под «палицей».

— Я с тобой...

— Ждите! — Владей, не оглядываясь, перепрыгивая трещины, быстрым шагом направился по твердому покрытию двора к его середине, где виднелось углубление в почве, отсверкивающее металлом.

Ему не понадобилось гадать, что за металл блестел под солнцем в центре Горы. Слой черной почвы толщиной в несколько сажен здесь был снят или испарился от взрыва (Владей чувствовал энергетические следы катаклизма) на площади в триста квадратных сажен, и стала видна выпуклая крыша какого-то сооружения или машины из рифленого зелено-голубого металла, полностью увязшей в почве, со рваной бороздой на самом верху. Борозда заканчивалась дырой, в которую свободно мог пролезть человек, и хотя это место носило отпечаток зла, Владей без колебаний нырнул в дыру, сразу переходя в состояние магического транса. Своей решительностью он, как ему казалось, компенсировал недостаток четкого плана действий внутри Горы.

Дыра действительно была пробита каким-то мощным энергетическим выхлопом в куполе чечевицеобразного сооружения и открывала доступ к его центральному залу. Владей сразу определил размеры металлической чечевицы — около двухсот сажен в диаметре — и ее толщину — около двадцати сажен.

Центральное помещение сооружения в виде купола располагалось точно в его центре и было заставлено застывшими, тяжелыми и непрозрачными глыбами, от которых веяло холодом, чужеродностью и смертью. Определить их назначение не представлялось возможным, хотя волхв, конечно, был знаком с техникой предков по рассказам учителя истории и видел кое-что в музеях князя. Кроме непонятных глыб Владей разглядел также два скелета каких-то животных на полу помещения и несколько непонятных предметов.

Освоившись с гулким ментальным эхом от стен сооружения, говорившим о других пустотах, а также об отсутствии живых существ поблизости, Владей мягко спрыгнул на пол куполовидного помещения, очертил себя мечом и медленно двинулся в обход глыб к тому месту, где в стене заметил треугольник открытой двери.

Но до нее он не дошел. Показалось, в спину посмотрел некто огромный и страшный, как Дракон из россинских мифов. Владей мгновенно отпрыгнул в сторону, нанося удар мечом за спину, задел одну из глыб, оглянулся. Сзади никого не было, лишь огоньки на стене помещения перестали мигать, стали ярче, застыли. А затем с коротким стоном ожила та глыба, которую задел мечом разведчик.

Что-то лязгнуло внутри ее, она разделилась на три фигуры, которые засветились разноцветно, как зимняя елка в доме князя. Множество огней замерцали по всей поверхности фигур, затеяли игру в перемигивание, в складывание замысловатых комбинаций. Один из огней оседлал тонкий гибкий прут, метнулся к юноше, раскрываясь бутонем цветка. Владей рубанул его мечом и метнулся назад, к дыре в потолке, откуда проник в чужое сооружение. Он уже понял, что нечаянно разбудил автоматику непонятной машины.

Никто не помешал ему выбираться обратно, лишь усилилось впечатление тяжелого, не по-человечески равнодушного и презрительного, как пощечина, взгляда. Исполин, в недрах которого оказался молодой волхв, проводил его этим взглядом, вернее, выгнал и успокоился, а может быть, заснул опять.

Не оглядываясь, Владей бегом преодолел расстояние до стены здания, которым, по сути, оказалась Гора Богов, где его ждали Петрян и напряженная, готовая бежать на помощь Ясена.

— Что случилось?! — Глаза девушки стали огромными и тревожными, и плескалась в них такая тревога и забота, что Владей невольно потянулся к ней, лишь в последний момент взяв себя в руки. Отдышался, с кривой улыбкой погладил подругу по плечу.

— Там, под слоем этой черной спекшейся пакости, которая когда-то была землей, лежит чужая машина. Внутри никого нет, потому что лежит она, скорее всего, со времен появления Горы. Но совсем недавно ее кто-то посещал, разломал ей крышу... а я нечаянно включил ее уснувшую автоматику...

— То-то бежал ты, как дикозай! — усмехнулся в усы Петрян. — Я уж подумал, за тобой гонится стая волкодилов или ночной вампуар.

На щеки Владея легла легкая краска, но огрызаться он не стал, сохраняя достоинство. Сказал как можно тверже:

— Пройдемся вдоль стены, посмотрим на ту скалу. Потом поднимемся на другие этажи Горы. Видите, там есть более светлые участки? Надо выяснить, чем они отличаются от остальных.

Некоторое время разведчики смотрели на середину двора, где под слоем спекшейся земли пряталась чужая машина неизвестного назначения, но все было тихо, никто из дыры в ее куполе не появлялся, и молодые люди повернули налево, к фиолетовой скале, прилепившейся боком к стене Горы.

Скала ничего особенного из себя не представляла, и все же Владей не зря обратил на нее внимание. Перейдя на внутреннее зрение, он понял, что и скала — тоже оплавившаяся, погружившаяся в почву древняя машина. Но в отличие от чечевицы в центре двора эта машина не внушала страха и отчуждения, ее контуры были как будто знакомыми и простыми и вызывали в памяти ассоциации с летающими реактивными машинами предков.

— Реактивный экипаж, — пробормотал Владей.

— Что? — не понял Петрян.

— Эта скала когда-то летала.

— А она не проснется, как та, под Палицей? — с опаской спросила Ясена.

— Не проснется, если ее не трогать. Хотя интересно было бы проникнуть внутрь и сравнить с другой. Может, там и оружие предков сохранилось.

— Пусть стоит. Грех трогать могилы предков, навлечем гнев богов. Мне почему-то кажется, что там, внутри, люди...

— Может быть, ты и права, это усыпальница, могила предков.

— А если это те, чьи следы мы встретили у Горы? — не думая, ляпнул Петрян.

— Да при чем тут те следы? — с досадой повел плечом Владей и добавил тише: — Там, внутри, мертвые люди, давно мертвые...

Скалу обошли изрядным крюком и вскоре отыскали проход в стене, ведущий в глубины Горы. Еще раз глянули на сияющую балку «палицы», соединившую края чудовищного здания, и нырнули в затхлую темноту Горы.

Блуждали они по коридорам нижнего этажа долго, но все-таки сумели отыскать лестницу, ведущую на верхние этажи. Лестница, наполовину обрушившаяся, заваленная обломками стен и каким-то черным полусгоревшим хламом, вывела их на второй ярус здания, ничем не отличавшийся от первого, а затем на третий и четвертый. Здесь разрушения были не столь заметными, воздух посвежел, стал суше, сырость на этот этаж проникнуть не смогла. Зато пыли накопилось предостаточно, ноги тонули в ней по щиколотку.

Ничего примечательного на четвертом горизонте здания, кроме пыли, найти не удалось. Коридоры, почти не запятнанные чьими бы то ни было следами, тянулись в бесконечность, унылые, скучные и однообразные, наполненные полумраком и какой-то застарелой обреченностью. Разведчики прошлись по ним сначала в одну сторону, потом в другую, попытались открыть две-три двери, не смогли и вернулись к лестнице. Посоветались, решили подняться повыше.

Прошли пятый, шестой этажи, а на седьмом в одном из коридоров обнаружили странную трубу, проложенную посередине коридора, похожую на сморщенный резиновый баллон, утыканный тонкими, стеклянными на вид иглами. Ежастая труба, или, скорее, толстенный шланг, уходила так далеко, что не стоило искать ее конец. Начало же трубы было взорвано когда-то и представляло развороченный кратер с размазанными по стенам краями.

Впечатление труба-баллон создавала странное, омерзительное, отталкивающее, тошнотворное, будто ядовитая змея

толщиной со ствол столетнего дуба, и Владей, испытав болезненное ощущение беспощадности, запечатленное в расслабленно-упругом теле непонятого объекта, вдруг понял, что труба когда-то была живой тварью!

Видимо, те же ощущения владели и Ясеной, потому что она придвинулась ближе и проговорила с дрожью в голосе:

— По-моему, это сдохший гигантский червяк!

— Подумаешь, — отозвался рассудительный Петрян. — Если у богов все огромное: жилище, пернач, машины, — то почему бы и тварям их не быть огромными? Червяк как червяк, только очень большой. Пусть себе лежит. Ну что, старшой, пойдем назад? Ничего интересного тут нет. Да и не нравится мне здесь, действительно смертью пахнет.

Владею показалось, что с этими словами снова кто-то огромный, как гора, глянул на него отовсюду — со стен коридора, с потолка, даже из-под пола — и скрылся, удовлетворенный увиденным. И тотчас же ойкнула Ясена.

— Назад! — круто повернулся к ней волхв, вспотевший от защитных усилий и попытки определить неведомого врага. — Что случилось? Ты что-то почуяла?

— Взгляд! — прошептала девушка, держа руки на висках. — Здесь все... живое и мертвое... одновременно.

Владей кивнул, снял руку с потеплевшей вдруг рукояти меча, двинулся к лестнице и остановился. Возле выхода на лестничную площадку мелькнула размытая тень, исчезла. Раздался скрип и шорох, затем далекие гулкие удары, словно кто-то бежал по лестнице вниз, перепрыгивая сразу через пять-шесть ступенек. Затем все стихло. Но россины понимали, что жизнь в Горе, подчиняющаяся чужим законам, все же теплится и что за их передвижением следят внимательные глаза многих духов, настроенных не только дружелюбно, но и враждебно.

Глава 6

— Скоро нам придется подумать о пропитании, — заявил Ивашура. — Прежде чем кончится НЗ, следует попытаться перейти на местные продукты. Неизвестно, сколько еще придется жить в этом мире.

— Надо — значит, перейдем, — пожал плечами неунывающий Белый.

Остальные приняли слова командира отряда молча, в том числе и Тая. За время своего путешествия по Стволу вместе с Иваном она привыкла и к голоду, и к жажде, и к самой неприхотливой еде. Ивашура невольно глянул на Павла Жданова, который был опытнее его во многих вещах, но бывший спецназовец из будущего, сотрудник службы безопасности и гриф, как называли специалистов высшего класса, не прореагировал на взгляд. В последнее время он выглядел задумчивым больше обычного и в общих разговорах участвовал мало. Ивашура как-то улучил момент и отозвал его в сторону:

— Что случилось, Паша? Ты какой-то смурной...

— Чувствую слезку, — так же тихо, скороговоркой, ответил Жданов. — Нас ведут. Но кто, не могу определить.

— Значит, в Стволе есть люди?

— Наверняка.

— «Санитары»?

— Если уцелели мы, могли уцелеть и они.

— Понятно. Может, не будем лезть в пекло?

Жданов глянул непонимающе и отошел. Ивашура выругался про себя и догнал группу.

Разведчики расположились на отдых в кольцевом зале Ствола на десятом этаже. До этого они исследовали нижние этажи здания и выходили во двор, над которым висела ослепительно белая труба «псевдоголема».

К воронке в центре двора, которую проделал в почве Белый выстрелом из «глюка», вызвались сходить трое: Костров, Валетов и Полуянов. Белый и Жданов интереса к загадочному блеску воронки не проявили.

Трое достигли многометровой глубины кратера и обнаружили на дне верхушку куполовидного сооружения, оказавшегося транспортным средством «санитаров». Именно в таком катере когда-то передвигались слуги «хронохирургов», гигантские шестилапые обезьянозмеи, напавшие на Жданова и долгое время преследовавшие отряд десантников, когда тот спускался по Стволу к «началу Времен».

— Вот, значит, откуда вылез тот змей, — сказал Полуянов, имея в виду монстра, уничтоженного Григорием во время первой вылазки. — А я все гадал, где же он прятался. Не мог же

он сидеть внутри черепахи с усами. Кстати, что, если он был не один?

— Был бы не один, уже вылез бы, — бросил Иван. — Эти твари боятся только черных всадников. Давай я пойду первым.

Но первым полез в катер, имеющий, по свидетельству Федора, форму двояковыпуклой линзы, Лазтир Валетов. Путешественник по хроношахте из двадцать первого века «соседней» Ветви Времени, он так и не стал полноценным членом отряда, на которого могли бы рассчитывать товарищи, ни с кем не сблизился и ни с кем своими чувствами и мыслями не делился. Держался особняком. А с недавних пор и вообще перестал участвовать в совещаниях, беседах и перерывах на обед, подолгу исчезая в неизвестном направлении, предпринимая одному ему необходимые вылазки и походы в одиночку.

— Не нравится он мне, — сквозь зубы бросил однажды Гриша Белый Жданову, когда Валетов исчез в очередной раз. — Не подставил бы нас когда-нибудь.

Что имел в виду Григорий, он не пояснил, но, поскольку Павел обсуждать эту тему не стал, разговор прекратился.

Валетов не появлялся больше часа, и в «змеиный» катер полезли Полуянов и Костров. Проплутав по хитрым коридорам чужого корабля с полчаса и никого не встретив, они вернулись. Спустя несколько минут наверх вылез Валетов, равнодушный, как всегда, и к чувствам товарищей, и вообще ко всему на свете. На вопрос Федора: «Ты что там искал так долго?» — Валетов не ответил.

В принципе корабль обезьянозмеев ничего особенного из себя не представлял (по меркам Полуянова и его современников), а главное, был практически пуст, если не считать мертвых киберов типа черепах с усами. Но Федор все же сумел каким-то образом определить, что аварийный запас энергии катер имеет и автоматика его «сдохла» не полностью. Изредка она включалась сама собой, как бы просыпаясь на мгновение. Так делает человек во время беспокойного сна: вскочит, обведет глазами комнату, успокоится, снова ляжет...

Эсперы в поле зрения больше не появлялись. Видимо, наглядный урок, который преподал им Гриша Белый, позволил бывшим защитникам хронобура сделать надлежащие выводы.

Не встретились больше разведчикам и старые враги: «санитары», обезьянозмеи, роботы и прочие слуги «хронохирургов». Хотя кое-кто из них действительно мог уцелеть, как расстрелянный Григорием обезьянозмей, и прятался где-нибудь в недрах гигантского здания. Во всяком случае, расслабляться себе люди не позволяли, еще свежи в памяти были встречи с запрограммированными соотечественниками, перешедшими на сторону «хронохирургов».

Десятый горизонт Ствола был тих и темен. Трещин в стенах коридоров и помещений здесь почти не встречалось, а нетронутый слой пыли на полу свидетельствовал о том, что по коридорам давно не ступала нога человека или зверя.

Павел Жданов не стал отдыхать, сидя на футлярах каких-то неведомых машин в одном из помещений с видом на двор. Он походил по комнате, останавливаясь у стен и прислушиваясь к чему-то, потом вышел, сопровождаемый внимательным взглядом Валетова.

Костров и Тая шептались в углу, не особенно переживая за свою судьбу. Оба были молоды и верили в себя и друзей.

Рузаев о чем-то спорил с Полуяновым, устроившись прямо на полу.

Белый пытался вскрыть футляр установки, похожей на уснувшего морского льва, потом бросил это занятие, сел у стены и достал из коробки НЗ флакон с тоником.

Валетов, по обыкновению, сидел в самом дальнем углу комнаты и дремал.

Оглядев всех, Ивашура хлебнул воды из своей чудесной фляги-синтезатора, подумал и вышел следом за Ждановым.

— Ничего? — кивнул он на стену коридора, возле которой сидел на корточках Павел.

— Ничего, — ответил безопасник, вставая.

Оба понимали, о чем шла речь: Жданов давно пытался установить связь со Стасом, инком Ствола, но пока все его попытки заканчивались неудачей. Ствол перестал быть саморегулирующейся и управляемой системой. Все или почти все его источники энергии давно прекратили существование, и если Стас и сохранил где-нибудь автономные ячейки функционирования, искать их можно было много дней.

В коридор вышел Валетов, скользнул по стоявшим безразличным взглядом и удалился по коридору в темноту.

Жданов и Ивашура переглянулись. Оба подумали об одном и том же, но вслух говорить ничего не стали. Из помещения выбрался слегка осоловевший Рузаев, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Если я что и понял, так это смысл фразы: простота и истина — не одно и то же.

Игорь Васильевич рассмеялся.

— Похоже, Федор своими рассуждениями довел тебя до кондиции. О чем спорили на этот раз?

— Я так и не понял, что такое трехмерное время и как оно может быть функцией наших чувств.

— А сам Федор понимает?

— Судя по эрудиции — да, судя по горячности — нет.

Ивашура снова рассмеялся.

— Ну-ну, скептик, учись спорить. Хотя я тоже не понимаю, как время может быть трехмерным. Однако есть хорошее изречение: смысл времени должен лежать вне его.

— Вообще-то правильно, только я слышал другое: не смысл времени, а смысл мира должен лежать вне его.

— Бытует мнение, что время — основа мира.

Рузаев вздохнул, почмокал губами.

— Покурить бы... пойду погуляю, пошарю по другим бункерам, может, найду что полезное.

— Далеко не уходи, скоро двинемся дальше.

Михаил не спеша удалился в темноту вслед за Валетовым.

— Он до сих пор не может принять смерть Гаспаряна, — тихо проговорил Ивашура, когда шаги Рузаева смолкли. — Они с Суреном дружили много лет.

Жданов промолчал. Ему снова показалось, что за ними из невероятных далей наблюдают чьи-то не по-человечески выразительные, искусно прячущиеся глаза.

Михаил не особенно задумывался, куда идет и зачем. Захотелось побыть одному, поразмышлять, вспомнить прошлое, ощутить атмосферу небывалой старины, он и пошел. Поэтому, выйдя в кольцевой зал с обломками центральной трубы, разбросанными по полу, он не сразу обнаружил там беседующих людей. А когда спохватился и понял, что он здесь лишний, было уже поздно что-то предпринимать, его заметили. В голове всплыли строки гумилевского «Стокгольма»:

И понял, что я заблудился навеки
В глухих переходах пространств и времен.
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Одним из собеседников был Валетов, другим — незнакомый, отталкивающего вида, лысый, а вернее, бритоголовый молодой человек с неприятным насмешливо-пренебрежительным змеиным взглядом.

— Твой? — бросил он на языке, которого Михаил не понял.

— Нет, из команды, — ответил Валетов равнодушно. — шестерка. Но может быть опасен. Миша, подойди, — обратился он уже к Рузаеву.

И Михаил вопреки воле шагнул к собеседникам, уже понимая, что выхода нет. Звоночек тревоги зазвенел в голове, когда до мужчин оставалось не больше десятка шагов. Михаил опомнился, потянулся к рукояти «универсала» за поясом, и в тот же момент бритоголовый молодой человек со змеиным взглядом выдернул из-за спины некий узкий и тонкий водянисто-туманный предмет на рукояти и взмахнул им справа налево. Михаил ничего не успел понять и почувствовать. Прозрачно-волокнистое лезвие перечеркнуло его шею, плечо, руку, отделило их от туловища, и Рузаев умер прежде, чем разрубленное тело упало на пол.

— Они начнут его искать, — безучастным тоном проговорил Валетов, глядя на лужу крови, расползающуюся вокруг чисто срезанных головы и руки Михаила Рузаева. Перевел взгляд на тускло текущую полосу меча в руке бритоголового. — Где вы приобрели такую штуку?

— Это лонг-меч — по терминологии здешних аборигенов. Мы добыли партию в одном из узлов Ствола за два перехода отсюда и сделали здесь тайник. Но на тайник набрали медвяны...

— Разумные медведи?

— И похитили несколько штук вместе с партией «МК», энергоаккумуляторов, которые они, к счастью, используют только вместо дубинок. Знали бы они, что это за дубинки. Медвян мы почти всех перебили, мечи забрали, но пара все же пропала.

— И тем не менее ваши мечи против «глюка» не потянут.

— Так укради хотя бы один.

— Легче сказать, чем сделать. Оба у сотрудников безопасности с весьма широким спектром возможностей и хорошей интуицией. Ко мне они и так относятся подозрительно, а если я допущу промах...

— Отряд не должен дойти до второго работающего контура хрономембраны. Его надо заманить к нам, на горизонт нашей базы, там мы их встретим.

— Как я их заманю?

— Думай. К сожалению, все наши попытки выйти через первый контур в узлы выше потерпели неудачу, Ветви Времени в том направлении заблокированы. А все нижние Ветви претерпели необратимые сдвиги, цивилизации там погибли. Естественно, и оружие добывать стало негде. Так что придется пока надеяться только на мечи.

— Возьми его «универсал», — кивнул Валетов на мертвого Рузаева.

— Возьму, конечно, хотя не думаю, что он заряжен под завязку. Иди, тело я спрячу так, что никто не найдет. Связь, как всегда, односторонняя, жди вызова.

Валетов кивнул, обошел тело бывшего члена команды и растворился в темноте коридора. Когда его шаги смолкли, из другого коридора бесшумно вынырнула почти невидимая фигура, приблизилась к бритоголовому и оказалась выше его на полметра. Гигант был черен как ночь, и его можно было бы принять за негра, только негр этот родился не на Земле Ивашуры, Кострова и Рузаева. Белки глаз чернокожего великана светились хищным желтым блеском, губы перечеркивали лицо жесткой прямой линией, а нос казался клювом.

— Он не подставит нас? — прогудел гигант густым басом. — Я ему не верю.

— Его программировал сам эмиссар Ветви, — скривился бритоголовый. — Вряд ли эту программу можно нейтрализовать. Но если он проколется, те ребята уберут его сами, без нас. Его задача — увести их от бункера номер два, заманить в ловушку. Остальное дело техники. Не справимся, хозяева ликвидируют нас.

— Может быть, для сопровождения группы использовать эсперов?

— Этот идиот уже сориентировал их на нападение, и теперь у нас осталось всего три эспера и один герплекс. Если

Тюрьм не откроет запасник, мы останемся без технической поддержки.

— Вот поэтому и нужен «глюк». Только с его помощью мы вскроем зоны безопасности Ствола и уничтожим бункер с хрономембраной.

Черный гигант неосторожно наступил на лужу крови, но не обратил на это внимания.

— Я в левое крыло. Сбор в пять. И не вздумай лихачествовать, противник у нас сильный. Догадается, что его ведут, шансов выиграть игру будет гораздо меньше.

— Их всего-то осталось шестеро, пять мужиков плюс одна женщина. Кстати, почему бы нам не попытаться выкрасть эту даму?

— Мало тебе аборигенок?

— Все разнообразие какое-то. К тому же, похитив ее, мы вполне можем заставить их действовать в соответствии с нашим планом.

— Мысль неплохая, я передам ее Тюрьму, пусть проанализирует. Но сам на контакт не лезь.

— Хорошо, — с разочарованием произнес бритоголовый. — Но в Ствол проникла еще и группа аборигенов, двое молодых парней и девица. Могу я хоть с ними позабавиться?

— Если это не повлечет осложнений.

Негр махнул четырехпалой ручищей, включил маскировочный костюм, превративший его в привидение, и исчез в коридоре, оставляя на полу кровавые отпечатки рифленых подошв.

Бритоголовый неодобрительно проследил за цепочкой следов, брезгливо сплюнул на пол и тронул на воротнике серебристую полоску. Через минуту в помещение, смешно семеня множеством гармошкообразных ножек, вползла металлическая черепаха с двумя длинными, розовыми, живыми на вид усами.

— Убрать, — буркнул бритоголовый.

Черепаша подползла к телу Рузаева, ощупала его усами и начала расчленять; кончики усов резали плоть без усилий, не оставляя следов, и тут же отправляли куски в утробу заурчавшей черепахи. Впечатление было такое, будто она ест, хотя живым существом этот автомат не был. Через две минуты от Михаила Рузаева, бывшего эксперта Академии наук России, не осталось ничего, даже пятен на полу.

Бритоголовый отослал черепаху, которую называл герплексом, порыскал по коридорам вокруг зала и канул в темноту следом за негром.

Глава 7

Они скитались внутри Горы уже третьи сутки, но трапезничать старались «на воле», то есть вне мрачных коридоров и мертвых пещер Горы, под ее стенами с внешней стороны. Во двор Горы разведчики россинов предпочитали не выходить, уж очень это место было пропитано давним буйством зла и смерти. Впрочем, смертью дышали зачастую не только стены пещер и коридоров, но и воздух, словно внутри Горы когда-то шла беспощадная война, война богов с людьми, как определил для себя Владей. Сами боги не показывались, однако волхв чувствовал их шевеление и присутствие. Однако людей, оставивших следы у реки, разведчики не встретили. Группа из восьми человек таинственно исчезла внутри гигантского сооружения богов, словно растворилась в его необъятном массиве.

На третьи сутки похода россины поднялись на сотый горизонт Горы и неожиданно обнаружили, что этот район здания наполнен жизнью, таинственной и непонятной, скрытой для глаз, но доступной чувственному восприятию юного волхва и его подруги. Произошло это так.

Поднявшись по лестнице, местами сильно разрушенной, до очередного этажа, разведчики вышли в коридор без единой пылинки, сухой и чистый, хотя и более темный, чем прежние. Стены его не имели трещин, складок, дыр и бугров. Был коридор пустынен и тих, но Владей сразу ощутил скрытую угрозу в этой тишине и неподвижности, а также в отсутствии пыли и наличии тонкого запаха озона. Коридором пользовались часто и совсем недавно, а кто — боги или их ужасные слуги, — Владей различать еще не умел.

— Мне не хочется идти туда, — сказал он, прислушиваясь к едва слышным голосам духов, уговаривающих его вернуться.

— По-моему, это первая пещера, где мы можем спокойно отдохнуть, — возразил Петрян. — Чисто, тихо, пусто, никого

нет — ни змей, ни комаров. Пройдемся и назад. К тому же сам говорил, что мы должны принести полное знание о Горе.

Владей подумал и согласился скрепя сердце.

Но пройти по коридору не удалось. Уже через сотню шагов он уперся в глухую стену из огромных каменных глыб, непонятно как оказавшихся здесь. В принципе все было наоборот: россины поначалу удивлялись гладким стенам и полам помещений и переходов внутри Горы, все ждали «настоящих» пещер с «настоящими» бугристыми, сложенными из горных пород стенами, но потом привыкли к искусственным формам здания. Поэтому стена из неотесанных глыб показалась им неуместной.

— На нас опять кто-то смотрит! — прошептала Ясена на ухо Владею, хотя тот сам давно чувствовал чужой взгляд. — И еще там, за стеной, кто-то дышит...

— Тут, наверное, поработали медвяны, — хмыкнул Петрян, пробуя стену рукой. — Им такие камешки под силу.

— Зачем это им? — пробормотал Владей, решая, уходить или попробовать разобрать стену. Он знал приемы, позволяющие разрушать подобные кладки. — Медвяны не хозяева Горы, им незачем перегораживать коридоры.

— Тогда пошатай стену, может, пройдем.

— Давай, Владя, — жарко шепнула Ясена. — Я помогу.

Владей вопреки собственной воле представил, как в камнях появляются корчи и боли, камни напрягаются, начинают трескаться и рассыпаться... и в следующее мгновение стена из глыб вдруг пошла рябью, разгладилась и разошлась в стороны, открыв освещенный белый, с зеркальным горячим полом коридор.

В лицо пахнуло теплом, незнакомыми запахами, электричеством, в уши влилась волна звуков: тихих скрипов, попискиваний, редких звонких щелчков, далеких звоночков и шагов. Свет лился с потолка, блестящего, как ртуть: по нему то и дело змеились голубые световые прожилки. А звуки исходили от возникающих из пола странных фигур. Сначала в полу появлялась опухоль, затем она начинала расти, вытягиваться, дышать как живая, двигаться — словно по воде катилась волна, и втягивалась обратно в пол.

Ряд черных дверей в невероятно белых, как фарфор или снег, стенах был неподвижен и незыблем, что бы ни происхо-

дило с полом и потолком коридора, зато сами стены становились изредка прозрачными или начинали постреливать искрами, вызывая заметную ионизацию воздуха. Запах озона при этом усиливался...

Владей очнулся первым, оглянулся на потрясенную Ясену, в глазах которой отражался светящийся коридор, и внезапно понял, что если они сейчас же не уйдут, то в живых не останутся. Дернул застывшего Петряна за пояс, схватил Ясену за руку:

— Быстро отсюда!

Петрян мотнул головой и послушно потрусил по коридору, разительно отличавшемуся от своего продолжения за исчезнувшей перегородкой, прочь от этого места, но Ясена вырвала руку, собираясь выразить свое несогласие. Если бы не толчок Владея, отбросивший ее к стене, девушку поразил бы длинный змеистый разряд, протянувшийся из «живого» коридора в «неживой», пустой и тихий. Лишь после звонкого треска, удара и ядовитого шипения Ясена опомнилась и бросилась бежать вслед за Петряном. Но взгляд, которым она одарила Владея, был исключительно красноречив.

Отбежав с десятков шагов, Владей оглянулся и успел увидеть, как из ничего, буквально из воздуха, возникает плотная серая стена, отрезая видение чужой и непонятной жизни, превращается в нагромождение камней.

Отдыхали двадцатью этажами ниже.

Ясена все еще дулась на Владея, но уже скорее демонстративно, чтобы показать ему, как он был не прав. Разговаривала она только с Петряном, на чье воображение сильно подействовало открытие внутри Горы пещеры с живым полом. По мнению охотника, в этой пещере явно обитали Боги, которые могли рассердиться за вторжение и выгнать неожиданных гостей или даже вообще умертвить их.

— Может быть, Мирхава тоже был здесь, — рассуждал он. — А потом Боги догнали его в лесу и разрубили мечом.

Владей так не думал, но спорить не хотел, вместо него это с успехом делала Ясена. Как выяснилось, в ее планы входило возвращение к жилищу Богов и встреча с ними.

— Ничего они мне не сделают, — храбро заявила она, искоса глянув на Владея. — Я только спрошу, откуда они, почему их Гора уничтожила наш род, зачем они убили Мирхаву,

почему на Гору пал Гнев Божий, почему к Горе раньше нельзя было приблизиться, почему... — она умолкла, потому что Петрян засмеялся, и даже на губах Владея промелькнула улыбка.

— Что смешного я сказала? — ледяным тоном осведомилась девушка.

— Больно любопытная, — посерьезнел Петрян. — Дать тебе волю, ты любого бога заговоришь, замучаешь вопросами.

— Наверх мы не пойдем, — твердо сказал Владей. — Там живут очень опасные твари.

— Боги?

— Боги не бывают злыми, в крайнем случае они равнодушны, а в той пещере с текучим полом все дышит злом. Не понимаю, как нам удалось открыть туда дверь, замаскированную под каменную стену. Хорошо еще, что нас никто не увидел. — Владей замолчал. Он не был уверен, что их не обнаружили. — Вот теперь пора уходить домой.

Ясена хотела, по обыкновению, возразить, но посмотрела в глаза волхва и проглотила возражения.

Они нашли лестницу и стали спускаться, отсчитывая этажи. А уже ближе к поверхности земли Ясена вдруг остановилась, прислушалась к чему-то и тихо проговорила:

— Подождите... я чувствую... здесь пахнет недавней смертью!

Владей вошел в транс, пропуская через свою нервную систему шепоты духов, полевых структур местного уголка Горы, и тоже уловил затухающее струение последнего крика жизни. Где-то недалеко действительно недавно произошло убийство.

— Приготовьтесь, — бросил он, выходя с лестничной площадки в коридор, хотя его спутники и так были готовы ко всему.

Этот коридор был недавно устлан толстым слоем пыли, но кто-то явно пытался замести следы и всю пыль согнал в углы, под стены, проделав полосу посередине коридора. И все же Владей увидел отпечатки рифленых подошв, выходящие из круглого зала и пропадающие у одной из черных дверей. Отпечатки пахли кровью, что подтверждало версию об убийстве.

Владей встретил темный взгляд Ясены (они давно адаптировались к полутьме и видели друг друга хорошо), молча

ткнул пальцем в пол. Девушка кивнула, не выказывая страха, достала стрелу из колчана за спиной, натянула лук. И все же врага они обнаружили, когда отступить было уже поздно.

С тихим шорохом одна из дверей коридора в двух десятках шагов отсюда за спинами разведчиков свернулась валиком вокруг невидимой опоры, и в коридор шагнул высокий плотный мужчина с голой, как гриб-дождевик, головой. На нем был странный дымящийся, обтягивающий тело комбинезон, который изредка исчезал вовсе — вместе с телом владельца. Лицо незнакомца было бледным и каким-то безжизненным, хотя это мог быть эффект освещения. Но глаза его буквально светились хищным предвкушением драки и беспощадной угрозой. В них не было ни капли доброжелательности и сочувствия. Это стало особенно заметно, когда чужак приблизился, ступая по-особому гибко и бесшумно.

— Привет, — произнес он с акцентом, останавливаясь в пяти шагах от застывших, готовых к бою россинов. — Кажется, я наконец повеселюсь. Предлагаю компромисс: вы отдаете мне девушку, я отпускаю вас живыми.

Язык незнакомца не был языком россинов, как, впрочем, и языком других племен: индигов, нордславян, франкогерманов, финсов, бриттов — но Владей все же понимал, о чем идет речь. Поняла и Ясена. Она подняла лук, целя в грудь безволосого чужака. Тот неприятно улыбнулся.

— Кажется, мое предложение не проходит. Что ж, тем интереснее игра. Начнем, пожалуй.

Незнакомец крутанул кистью неизвестно как оказавшийся в его руке меч так, что тот сделал два полукруга в разные стороны, нарисовав «крылья бабочки» слева и справа от тела, а затем пустил меч вперед. Никто ничего не успел понять.

Бледно-стальной «ручей» лезвия вдруг удлинился на два десятка сажен и достал Петряна, стоявшего в пяти-шести шагах от безволосого чужака. Петрян успел защититься своим мечом, все же бойцом он был отменным, но тусклый блик меча незнакомца просто перерубил его меч и вошел наискось в шею, проник дальше, в грудь, легко рассек туловище и вернулся обратно.

Некоторое время Петрян стоял на полусогнутых ногах, вперив удивленно-недоуменный взгляд в улыбающееся лицо врага, потом часть его тела с плечом, головой и второй рукой

соскользнула с туловища, и обе половины рухнули на пол, брызнув обильной кровавой пеной.

Вскрикнула Ясена, мгновением позже спуская тетиву лука. С тупым звуком стрела ударила в грудь безволосого, под сердце, отскочила, сломанная у самого наконечника. Та же участь постигла и вторую, и третью стрелу; девушка выпустила их в течение двух секунд, а стрелять она умела и промахнуться на таком расстоянии не могла. Когда же она догадалась выстрелить в голову чужого, тот снова нанес удар своим удивительным мечом. Правда, на этот раз расстояние между ним и Ясеной было больше, и кончик меча достал лишь ее лук, а затем в бой вступил прыгнувший вперед Владей.

Он уже понял, что незнакомец владеет оружием профессионально, к тому же меч его обладает магической силой и способен удлиняться. Но и меч, который подарил юноше старый волхв, тоже не был простым и мог сохранить жизнь хозяину. А еще Владей отчетливо понял, что Мирхава был убит именно этим безволосым обитателем Горы с жестоким и черным взглядом.

Два меча встретились в воздухе, породив тонкий стеклянный, долго не тающий звук. Улыбка сползла с губ незнакомца, глаза его сузились, засветились.

— Ах ты, змееныш!

Описав восьмерку, почти невидимый в движении меч безволосого достиг головы Владея, но был перехвачен защитным веером и отброшен. Один раз... второй... третий...

Владей не нападал, только защищался, изучая тактику и приемы боя противника, но, когда тот, разозленный сопротивлением, опасно приблизился к замершей у стены Ясене, перешел от защиты к нападению.

Его меч послушно удлинился при ударе, который учитель фехтования называл бумерангом, наткнулся на ответное движение меча противника, но в последнее мгновение пошел не вверх, а влево и вниз, как бы огибая препятствие, потом скользнул вверх и без усилий снес ухо безволосому.

С изумленным вскриком чужак выронил меч, зазвеневший на полу, схватился было за кровотокающую рану, но тут же отскочил назад, увертываясь от еще одного выпада, и... бросился бежать. В три прыжка достиг провала двери, нырнул в него, и через мгновение донесся его крик:

— Мы еще встретимся, щенок!

Затем дверь мягко, без скрипа, закрылась, отрезая звуки, и наступила пульсирующая, пропитанная угрозой и смертью тишина.

Ясена упала на колени возле тела Петряна, разрыдалась. Владей опустил меч, подошел к ней, положил руку на плечо девушки, глядя на застывшее лицо охотника. Петрян не был его другом, но жил рядом, имел жену и двух детей, был сильным и добродушным, хорошим охотником и защитником племени, и терять его было больно.

— Пошли, — глухо сказал молодой волхв, чувствуя на себе знакомый внимательный взгляд. Гора все время разглядывала его и никак не могла определить, кто для нее проникшие в ее утробу россины — друзья или враги.

Ясена послушно встала.

— Его надо похоронить...

— Вдвоем мы не унесем его. Запоминай место, вернемся. И возьми-ка этот меч. — Владей поднял упавший меч безволосого.

— Ни за что!

— Это особый меч. Смотри. — Владей прочертил в воздухе кривую, лезвие меча вошло в стену, сделало глубокий разрез и легко вышло обратно с тихим шипением. — Он рубит сталь и камень. Мне Род подарил точно такой же. Говорят, эти мечи сделаны в другом мире и принадлежат богам Горы.

Ясена сглотнула слезы, покачала головой, с отвращением взяла меч за рукоять. Глаза ее расширились. Меч был необычайно легким и пел от каждого движения.

— Как я с ним буду идти? В руке держать?

Владей снял с плеча и пояса Петряна перевязь с ножнами, подогнал по фигуре девушки, сунул меч в ножны и закинул ей за спину, чтобы удобно было выхватывать правой рукой из-за плеча.

— Идем.

Ясена печально вздохнула, оглядываясь на тело охотника, и двинулась следом за другом.

Рузаева найти не удалось.

Вернувшийся Валетов его не встречал и к исчезновению бывшего эксперта отнесся равнодушно, однако заметил, что видел каких-то людей, скрывшихся на лестничной площадке в ле-

вом крыле здания. Не верить бывшему пленнику Ствола, человеку, с которым удалось победить «хронохирургов» и сохранить Ветвь Времени, то есть всю гигантскую Метавселенную людей с ее вакуумом, звездными скоплениями и планетами, причин не было, и все же он вел себя настолько несимпатично, что Гриша Белый впервые сорвался, наорав на безучастного ко всему Валетова, что тот давно на подозрении и вообще «шпион кардинала».

Что имелось в виду, поняла даже Тая, но она же первая и вступилась за их спутника, резонно заметив, что если бы он был «шпионом кардинала», то есть слугой «санитаров» или самих «хирургов», то не стал бы помогать им сохранить хронобур или раскрылся бы раньше.

Белого никто не поддержал, хотя Жданов имел на сей счет кое-какие соображения. Но он промолчал, промолчал и Федор Полуянов. Костров же вообще не думал о таких материях, как предательство и война с «хирургами». Для него все закончилось давно, они выплыли из далей времен в чужом мире, и следовало приспособливаться к жизни в нем, если возвращение в свое время было невозможно. И еще в его душе росла тревога за товарища. Иван не верил, что опытный и осторожный Миша Рузаев мог заблудиться или пойти на разведку один. Было ясно, что с ним что-то случилось.

Искали Михаила несколько часов. Потом собрались в пустом круглом зале здания на двадцатом этаже. Ивашура оглядел хмурые лица членов отряда, сказал негромко:

— Миша не мог исчезнуть без причины. Его или захватили... те люди, которых видел Лаэнтир... если видел... или кто другой. Либо он погиб.

Тая побледнела, с испугом глянула на Кострова, тот ответил ей успокаивающим и в то же время тоскливым взглядом.

— С этого момента переходим на полную готовность, на режим спецотряда, — продолжал Ивашура. — Что-то мне подсказывает, что этот Ствол, несмотря на старость, находится в рабочем состоянии. Вокруг что-то происходит, кипит странная тайная жизнь, просто мы ее пока не видим.

Полуянов хотел что-то сказать, но посмотрел на Жданова и промолчал.

— Пока не выясним обстоятельств исчезновения Михаила, боеготовность будем сохранять днем и ночью, как будто находимся в тылу врага, в разведрейде. Возражения есть?

Молчание было ответом Ивашуре.

— Пойдем таким образом: Гриша и Валетов — впереди, потом Федор, потом Тая с Иваном, замыкающими — мы с Павлом.

— Я с ним не пойду, — бросил Белый, ни на кого не глядя.

— Я пойду, — сказал Жданов.

— А куда мы направимся? — робко спросила Тая. — Везде одно и то же...

— Со двора мы видели участки стены Ствола, имеющие естественный белый цвет. Где-то на высоте сотого этажа или чуть выше. Возможно, там сохранилось работающее оборудование.

— Но мы уже искали там...

— Плохо искали. К тому же этих участков было больше, а мы исследовали только два.

— А как же Миша? Вдруг он придет...

— Куда? Если бы он был ж... в состоянии идти или говорить, он связался бы с нами по рации. Найдем работающий участок Ствола и попросим Стаса поискать Михаила по своим каналам.

Ивашура плохо верил, что им удастся найти работающий контур инка Ствола, но, кроме данного варианта, предложить больше ничего не мог. Впрочем, как не могли бы ничего предложить и остальные члены отряда.

До ночи они успели подняться на девяносто пятый уровень Ствола и приблизиться к одному из загадочных районов здания, сохранивших исконный цвет стен. Заночевали в пустой комнате со множеством белых мягких тюков, напоминающих тюки ваты. Что это была за вата, выяснять не стали, сил на это не осталось ни у кого.

А утром выяснилось, что двое бывших десантников исчезли: Григорий Белый и Лаэнтир Валетов.

Глава 8

Пути Владея и безволосого чужака пересеклись раньше, чем предполагали и тот и другой. Но если первая встреча оказалась неожиданной для юного волхва, то вторая — для голового, потерявшего вместе с мечом честь и жаждавшего отыгаться любой ценой.

Владей уже понял геометрию Горы: каждый ее уровень-этаж был копией самого нижнего с коридором, пронизывающим Гору по кольцу, и с несколькими круглыми пещерами-залами, от которых отходили короткие коридорчики, выходящие либо во двор Горы, либо наружу. Нарушалась эта геометрия лишь там, где в незапамятные времена происходили какие-то события, не то битвы богов между собой, не то война Богов с людьми, не то целенаправленное разрушение Горы с помощью взрывов.

Наиболее сильно Гора была разрушена, конечно, в месте разруба ее «палицей Господней». Но обнаруживались сильно искореженные участки, и не связанные с «палицей». Так, встреча Владея с безволосым и его командой произошла в районе гигантской брешы в стене Горы. Огромный кусок здания в этом месте был словно вырван изнутри, вплоть до внутренней стены, затронув сразу два десятка уровней, обнажив коридоры и многие помещения.

Владей почувствовал, что они с Ясеной не одни, когда вышел на край вывала по коридору сотого этажа. Отсюда был виден лес, подступивший к Горе почти вплотную, холмы, небо, а напротив, на той стороне вывала, топорщился выступами и провалами разрушенный неизвестным катаклизмом участок Горы. Завороженные ландшафтом разведчики не сразу обратили внимание на нижние горизонты разрушенной зоны, хотя Владей еще на подходе услышал шевеление духов. Не то чтобы он не придал этому значения, но усталость брала свое, да и сигнал напоминал шевеление медвян. Однако это были не медвяны.

Тремя ярусами ниже, на противоположной стороне вывала, в одном из помещений, у которого отсутствовала перегородка, возле непонятного агрегата со множеством мигающих разноцветных огоньков возились люди: великан негр с блестящей голой головой, еще один безволосый мужчина, в котором Владей узнал давешнего своего противника с мечом, существо, похожее на человека, но с неестественно широкими плечами и яйцевидной головой, а также двое в одинаковых блестящих комбинезонах; один из них стоял у стены с безразличным видом, второй лежал на рычагах агрегата, опутанный светящимися шнурами. Руки и ноги последнего были прихвачены к рычагам машины черными браслетами.

Незнакомцы и россины обнаружили друг друга одновременно. Разыгралась немая сцена, в течение которой Владей осознал, чем именно занимаются чужаки. Они явно пытались лежачего в объятиях машины. Появление разведчиков застало их врасплох.

Затем что-то повелительно рывкнул широкоплечий яйцеголовый нелюдь, негр поднял в руке черный предмет с длинной трубкой, из которой вылетела яркая зелено-желтая молния, вонзившаяся в стену коридора точно в том месте, где стояли Владей и Ясена, и проделавшая в стене приличную дыру. Но за мгновение до этого сориентировавшийся волхв отшатнулся, увлекая за собой девушку, и они скрылись из глаз стрелявшего.

— Догнать! — щелкнул голосом, как бичом, широкоплечий. — Ликвидировать!

— Я займусь ими, — поспешил заверить командира — это был Тюръм — бритоголовый. — Это просто местные жители, искатели приключений.

— Ты уже один раз занимался ими, — буркнул негр, пряча «универсал». — Разреши, босс, я их догоню.

Тюръм дернул яйцевидной головой, что означало согласие, и негр бросился вон из помещения, громадный, массивный, но стремительный и бесшумный, как тень.

— Продолжайте, — кивнул на лежачего Тюръм. Он был гуманоидом, но жил на Земле какой-то из достаточно «отдаленных» Ветвей Времени. — Если ничего не вытянете, ликвидируйте. Впрочем, — он помолчал немного, — ликвидируйте в любом случае, он слишком много видел.

Передвигаясь вразвалку, буквально по-крабьи, но все же быстро и бесшумно, представитель расы иноземлян исчез. Бритоголовый глянул на Валетова, все так же с отрешенным видом подпиравшего стену, и пнул потерявшего сознание Гришу Белого:

— Мне это надоело, приятель. Если уж наша аппаратура не может высосать из него ни капли информации, то я пас.

— Он сотрудник спецназа из Ветви начала двадцать четвертого века, где умеют делать мыслеблоки. Если ваша техника бессильна, то я тоже ничем помочь не могу. Я и так сделал все возможное, усыпив и доставив его сюда. Возвращаться в отряд мне теперь нельзя.

— Ошибаешься, придется вернуться. Они все еще опасны, даже Тюръм не хочет ввязываться в открытый бой с ними. Вернешься и снова предложишь им подняться на верхние горизонты. В принципе другого пути у них все равно нет. Либо выход на Стаса, либо отказ от поисков и возвращение в леса. Последний вариант хуже, но для нас и он сгодится на крайний случай.

Бритоголовый подошел к агрегату — медицинскому комбайну типа «Гиппократ», используемому в данном случае в качестве пси-сканера, «генератора правды», прошелся по клавиатуре управляющего компьютера. Огоньки на корпусе аппарата замигали чаще, изменили расположение и цвет, сгруппировались в три поля с оранжево-красной гаммой. Это означало, что доза излучения, подавляющего волю и даже рефлексy пациента, увеличена и жизнь его находится в опасности.

— Объект в шоковом состоянии, — прозвучал вежливый баритон машины. — Психика на грани фрустрации. Рекомендую обратный частотный пси-веллинг и вывод из двигательного паралича. Поддерживать данный организм искусственно в подобном режиме могу лишь в течение пяти минут.

— С нас хватит, — прорычал бритоголовый, собираясь нажать красную клавишу на панели.

И в этот момент где-то недалеко раздался взрыв.

Вздрогнул пол, качнулись стены помещения. Бритоголовый вопросительно глянул на встрепенувшегося напарника.

— Ты слышал? Что это?

Валетов пожал плечами, прислушиваясь. Бритоголовый мелкими шажками подскочил к двери, открыл ее, высунул голову в коридор, потом ужом выскользнул в полутьму. Валетов подошел к медицинскому комбайну, мгновение вглядывался в бледное лицо Белого, коснулся нескольких клавишей на панели управления и выбежал следом за приятелем.

Огоньки на корпусе машины стали группироваться в другой узор, цвет их постепенно ушел от красных тонов к желтым и зеленым. Над панелью всплыло облачко света, сформировалось в световую надпись: «Отбой программы. Возврат к норме».

Еще через минуту Белый открыл глаза...

Владей и Ясена вихрем промчались по коридору до лестничной клетки, бросились вверх, чтобы подняться выше, по-

том Владей сообразил, что преследователи все равно их нагонят, как-никак они здесь хозяева, а россины — непрошенные гости, и повернул обратно. Единственным шансом уцелеть была попытка сопротивления, причем неожиданная. Следовало напасть на преследователей первыми, чтобы уравнивать возможности.

Искал нужное место для засады волхв недолго. Лучшего места, чем лестничная клетка, найти было трудно, к тому же этажом ниже она была полуразрушена. Здесь когда-то, очевидно, прогремел взрыв, и ударная волна повела лестничные пролеты, вырвала из стен крупные куски и обрушила часть потолка.

Ясену, взволнованную, но отнюдь не испуганную, Владей поставил так, чтобы она контролировала выход с лестничной площадки в коридор и могла выстрелить из лука в любой момент. Сам же встал за выступ стены с трещиной, через которую мог наблюдать за лестницей, и выхватил меч. Иллюзий насчет легкой победы он не строил, интуиция подсказывала, что бой будет тяжелым, необычным и долгим, несмотря на наличие у противника оружия, мечущего молнии.

Где-то недалеко грохнуло, так что заколебались стены лестничной клетки. Владей перешел на ясновидение, как бы растворился во всем объеме Горы, превратился в неосязаемое прозрачное облако, свободно проникающее сквозь стены и все твердые предметы. Здешние духи были насквозь чужими, но все же послушно зашептали в уши, прямо в голову, раскрывая местные тайнички, предупреждая об опасности и будущих путях. Владей отметил место нового взрыва — к нему приближались две зыбкие тени с целым набором омерзительных намерений, — пошарил вокруг себя и обнаружил еще две тени, явно жаждущие смерти. Это приближались преследователи.

Кроме них, в поле ясновидения попали еще какие-то движущиеся призраки, но оценивать их угрозу было уже некогда, первый преследователь появился на лестничной площадке этажом ниже. Это был тот самый великан негр с метателем молний, совсем непохожий на негров-странников, которых видел в своей жизни Владей. Лицо его было человеческим, но в то же время странным, незнакомым, непропорциональным. На этом лице читались сила и жестокость, но сила иная, не такая, к какой привык юный россин.

Негр не ждал сюрпризов, он считал себя хозяином положения, верил, что беглецы несутся прочь со всех ног, не помышляя о сопротивлении, и просто стремился побыстрее выполнить легкую работу — убить непрошенных свидетелей. К тому же он привык считать всех, с кем встречался, слабее себя, поэтому атака двух молодых людей оказалась для него неожиданной.

Конечно, реакция у него была отличная, реакция профессионального убийцы, и он сумел вовремя остановиться, чтобы выстрелить. Но стрела Ясены вонзилась ему в руку, держащую страшный аппарат для метания молний, сбивая прицел, а вторая стрела вошла точно под подбородок. Гигант выстрелил, но тут же схватился рукой за горло, и в тот же миг меч Владея с легкостью, как тростинку, обрубил ему руку с машинкой молний по самый локоть.

Негр взвыл, отскакивая, обрызгав стену кровью, но он был мастером боя и действовал в соответствии с приказом, обладая навыками спецназа своего времени. Боль не помешала ему метнуться к своей отрубленной руке, выхватить черное оружие уцелевшей рукой и трижды выстрелить в проем двери, озаря зелено-желтыми сполохами темноту лестничной клетки. Если бы россины вовремя не отступили назад, от них остался бы только пепел.

Продолжая стрелять, чужак поднялся по лестнице, держа под прицелом дверь и не позволяя Владею высунуться. Однако он уже слабел, вряд ли видел цель и держался только на силе приказа яйцеголового командира: «Найти и уничтожить!» И все же Владею пришлось бы туго, если бы великану удалось выйти в коридор. Прятаться там было негде, а искать открытую дверь в одну из пещер по сторонам коридора было некогда. Понимая это, Владей переждал очередной сполох страшного оружия противника. Молния прочертила глубокую борозду в стене и потолке коридора, выплавивла стреловидную дыру в противоположной стене — и волхв нырнул вниз, на пол, скользнув на животе к выходу на лестничную площадку с вытянутым вперед мечом.

Они столкнулись на пороге: негр с посеревшим от боли и потери крови лицом и взятым на изготовку метателем молний и россин с мечом, растянувшийся на полу во весь рост, глядя на раненого снизу вверх.

Владей отчаянно рванул меч на себя и вверх, разрубая тело негра снизу между ногами, понимая, что не успевает: дуло метателя молний медленно, как во сне, опускалось ему на спину. В то же мгновение дважды сверкнул холодно-прозрачный струящийся металл, и на пол упала вторая рука негра с оружием, так и не успевшим выстрелить, а затем — его голова. Лицо Владея обрызгала липкая соленая капля, он отвернулся, бледнея, закрыв на краткий миг глаза. А когда открыл, увидел над собой лицо одного из тех, кто стоял у непонятного агрегата с лежащим возле человеком.

— Живой? — проворчал незнакомец. — Везет же тебе, малый, самого Вельзура нейтрализовал! Вставай, сюда подтягивается Тюрьм со своими головорезами. Бери девушку и уходи в лес, здесь вам не место для прогулок.

Говорил незнакомец на языке, близком к русскому так же, как тот безволосый воин, у которого Владей отобрал меч, поэтому понятны были не все слова, но главное волхв все же понял. Привстал на колени, собираясь задать вопрос: кто вы? Но из-за стены вдруг вывернулась Ясена с луком на изготовку, и Владей едва успел остановить ее.

Незнакомец с равнодушным бледным лицом глянул на нее, покачал головой, прислушался к чему-то, повелительно махнул рукой в сторону леса за стеной Горы и неслышно исчез на лестнице, будто привидение. Владей и Ясена молча смотрели то друг на друга, то на труп великана негра, то на пустую лестницу.

— Он же... — начала было Ясена.

— Я видел, — еле ворочая языком, ответил Владей. — Но он прав, сюда идут новые убийцы. Пора выбираться на волю.

— Это не их ли следы мы видели у реки?

— Не знаю. В Горе живут и другие люди, я их чую. Да и ты, наверно, тоже. Стоило бы их отыскать, да опасно.

— А может быть, поможем тому мужчине, что лежал в пещере на рычагах чужой машины? Люди, которые с ним возились... у них очень нехорошая аура — и мысли, и чувства. Может быть, он из тех, из других?

Владей хотел ответить отказом, но, подумав, согласился.

— Пожалуй, так можно добыть гораздо больше достоверной информации. Мы поможем ему, он поможет нам... Пошли!

Ясена, не удержавшись, чмокнула друга в щеку и сбежала по ступенькам вниз, мимо труп чернокожего убийцы, даже не взглянув в его сторону. Владей покачал головой, шагнул было следом, но, вспомнив стрельбу, вернулся и, преодолев брезгливость, вынул черный и тяжелый метатель молний из второй отрубленной руки негра. Это оружие еще могло пригодиться.

Обойдя разрушенный участок Горы по коридорам ниже этого уровня, они нашли ту самую пещеру с агрегатом, когда лежащий на рычагах машины человек пришел в себя и пытался снять путы и браслеты.

Владей еще раньше перешел в состояние ясновидения, убедился в том, что, кроме пленника, в пещере никого нет, и лишь потом вошел внутрь, тремя ударами меча пробив дверь и заставив ее свернуться.

Лежащий на машине черноволосый смуглый мужчина в блестящем комбинезоне замер, глядя на вошедших, дернулся было к поясу и снова застыл. Глаза его, полные боли и ярости, расширились. Он ожидал увидеть совсем других людей, только не двух юных россинов, одетых соответственно своей эпохе.

— Кто вы?

Снова тот же искаженный русский язык, полный чужих интонаций и ударений, и снова Владей понял смысл сказанного.

— Владей, — указал он на себя, затем ткнул пальцем в покрасневшую спутницу. — Ясена. Мы россины, наш род живет в двадцати верстах от Горы. А кто ты?

Незнакомец, озадаченно вслушивающийся в плавную русскую речь, понял лишь последний вопрос. Попытался поднять руку, но не смог.

— Я из другого мира... пленник Ствола. Вы называете его Горой? Похоже. А зовут меня Григорием.

Владей понял с пятого на десятое; ухватив имя, повторил старательно:

— Григгорие...

Лежащий засмеялся, но тут же перестал, скрученный приступом внутренней боли. Медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Вот дьявол, как эти выродки меня!.. — Глянул на Ясену. — Девушка, что ли? И понесло же вас сюда... Помогите-ка

снять эти ремешки, а то вернутся те скоты, и тогда нам недобровать.

Владей взмахнул мечом, с ювелирной точностью перерезая путы, удерживающие лежащего на рычагах агрегата, а также металлические на вид браслеты. Освобожденный встал, оказавшись на голову выше Владея, хмыкнул, растирая запястья и разглядывая меч в руке волхва:

— Черт меня побери! Да никак это дриммер! Откуда он у тебя, парень?

— Это лонг-меч, — ответил Владей, ловко кидая меч в ножны за спиной, похвастался: — Он рубит все предметы, даже металл.

— Еще бы, — усмехнулся Григорий, встряхивая кистями, спохватился: — Спасибо за освобождение. Но теперь уходим отсюда в темпе, если хотим остаться живыми. «Санитары» просто расстреляют нас издали, если увидят, и даже дриммер... э-э, ваш лонг-меч не поможет. Жаль, что они увели мой «глюк».

Владей достал из-под полы кафтана метатель молний, протянул черноволосому незнакомцу. Тот вытаращил глаза:

— «Универсал!» Откуда он у вас?

— Мы убили черного великана, — гордо ответила Ясена.

— Что?! Вы... убили негра?!

Владей кивнул, понимая чувства освобожденного человека, подумал и добавил:

— Нам помогли. Один из тех, кто находился возле вас. Вас ведь пытали, правда?

— В точку, малыш. И кто же вам помог? Бритоголовый урод?

— Нет, он стоял в стороне... бледный такой... очень странный, равнодушный.

— Валетов?! Не может быть! — Григорий Белый бросил взгляд на медицинский комбайн, опоясанный зелеными и желтыми огоньками, хотел еще раз повторить «не может быть» и осекся. — Странно... но без чьей-то помощи я действительно не выплыл бы из беспамьяства. Кто-то ввел программу возврата к норме. Кто? Валетов? Чушь! Похитить, чтобы потом... — Черноволосый замолчал, лицо его стало угрюмым и озабоченным. — Дьявольщина, неужели они вытянули из меня код связи со Стасом?

— Идемте, — потянул его за рукав Владей. — Сюда идут чужие... недобрые люди, они скоро будут здесь.

— Да, пора, — очнулся Григорий. — Ни черта не понимаю, абракадабра какая-то... Если бы знать еще, куда идти... и рация перестала работать.

— У вас есть друзья в Горе? Я могу отвести к ним.

— Ты что же, можешь здесь ориентироваться?

— Он волхв ступени воина! — снова с гордостью произнесла Ясена. — Он видит жизнь.

— Ясновидящий, значит. Определенно мне сегодня везет. Что ж, ведите, как вас там? Россины? Почти что россияне. Похоже, фортуна решила с нами не ссориться. А давно вы бродите по Стволу... то бишь по Горе?

— Мы здесь третий день, — сказал Владей, выглядывая в коридор. Остальные вышли за ним, каждый держа наготове свое оружие: лук — Ясена, метатель молний под названием «универсал» — Григорий.

— А не попадались ли вам рабочие зоны? — спросил последний.

— Как? Зоны?

— Ну, участки Горы с защитой, с летающими огнями, всякими механизмами?

— Живые, что ли?

— Вроде того, живые.

— Мы случайно проникли в один из таких уголков Горы, еле ушли.

— Страшно! — добавила Ясена простодушно.

Григорий схватил Владея за плечо железными пальцами, останавливая. Тот не понял, в чем дело, ловко вывернулся, отскочил, хватаясь за рукоять меча.

— Да не дергайся ты, — поморщился Григорий, пристально разглядывая лицо юноши. — Ты в самом деле видел... был в зоне безопасности?

Владей не ответил, считая вопрос лишним.

— А указать дорогу туда сможешь?

— Конечно, сможет, — ответила за друга не менее оскорбленная Ясена.

Григорий с силой помассировал себе затылок, крикнул и сказал проникновенно:

— Милые мои, если бы вы знали, какие вы молодцы!

Для поисков Валетова и Белого, а заодно и Рузаева Ивашура разбил отряд на две группы, строжайше приказав держать постоянную связь. Идти решили «гребенкой», по двое-трое на каждом этаже, прочесывая помещение за помещением. Другого варианта поисков не предложил никто.

Кострову с Таей добавили Полуянова, а Жданов пошел с Ивашурой, хотя оба согласны были идти по одному, уверенные в своих силах. Но все понимали, что происходит нечто экстраординарное, вокруг кипит тайная жизнь, причем жизнь, враждебная людям, и рисковать больше не хотели. Стало ясно, что в здании бывшего хроноускорителя прячутся недобрые силы, что после Схода Ствола со «струны» хроношахты в нем оказались и «санитары», бывшие слуги «хронохирургов», поэтому следовало побыстрее определить, остались ли в Стволе рабочие зоны, и выявить силы врага. В том, что исчезновение Рузаева и Валетова с Белым связано с деятельностью этого врага, не сомневались ни Ивашура, ни Жданов.

Поиски начали с девяносто пятого этажа, на котором ночевал отряд. Спустились на три этажа вниз, потом пошли выше. Однако спустя час Жданов подал сигнал внимания, и вторая группа подтянулась к нему, благо до лестничной клетки было недалеко.

— Этажом ниже движется группа, — тихо сообщил Павел, прислушиваясь к тишине коридора. — Трое, среди них одна женщина... вооружены.

Ивашура уже знал о паранормальных способностях бывшего грифа безопасности и не удивился его уверенной оценке. Спросил:

— «Санитары»?

— Не уверен. Они возбуждены, но не агрессивны.

— Может, это Миша с Белым и Валетов?

— Среди них одна женщина, — повторил Павел.

— Уверен?

Жданов наметил улыбку, не желая ничего доказывать.

— Странно, — произнес Полуянов. — Если бы это были Гриша с Лаэнтиром, они давно связались бы с нами по рации.

— Если вы помните, в Стволе еще во время нашего похода встречались люди из других времен, — сказал Кост-

ров. — Давайте перехватим их и выясним. Что может быть проще?

Ивашура похлопал Ивана по плечу.

— Смелая идея, воин. Я как-то об этом не подумал.

Иван смущенно глянул на Таю, понимая, что заработал насмешку поделом. Девушка улыбнулась, щелкнула его в нос и поспешила за ушедшими вперед спутниками.

Разведки боем не потребовалось, хотя группа была готова начать военные действия. Среди троих, которых вычислил Павел, оказался Григорий Белый, живой и невредимый, вооруженный «универсалом», но без «глюка». «Раздиратель кварков», как выяснилось, у него отобрали, когда Валетов усыпил товарища и без всякого шума вынес из помещения так, что не услышал никто.

— Здоровый, гад! — покрутил головой Белый, рассказывая позже о своих злоключениях. — Я же вещу больше ста.

Спутниками Григория оказались юноша и девушка, аборигены здешних мест, пробравшиеся в Ствол, в Гору Богов, как они называли его, по заданию старейшины племени и князя. Говорили аборигены на языке, сильно походившем на белорусский — по мнению Ивашуры, поэтому к их речи все быстро приноровились. После чего Владей, так звали парня, смущаясь, но образно и точно изложил историю племени россинов, а также историю Горы Богов, появление которой привело к Разрыву Бытия, к катастрофе, потрясшей всю планету — Гезем, как называли ее россины.

Слушали его внимательно, в том числе и Гриша Белый, и лишь потом десантник поведал, что с ним приключилось и как его освободили юные разведчики племени россинов.

— Кстати, у паренька дриммер, — кивнул Белый на меч за спиной Владея. — Ума не приложу, как он у него оказался.

— У нее тоже, — коротко проронил юноша, глянув на Ясену. — Отбили у одного безволосого человека, очень дурного.

— Во, даже два! Говорит, медвяны — это такие разумные медведи — нашли склад с дриммерами, очень давно, и утащили несколько штук. Один из них подарил мальчишке старейшина Род, главный их колдун.

— Волхв, — поправил Владей строго.

— Один черт! Второй они отбили у лысого уroda, который пытал меня вместе с Валетовым. Вот бы нам найти этот склад!

— Да, это было бы здорово, — согласился Жданов.

— Что такое дриммер? — осведомился Ивашура.

— Эффектор глюонного поля... ну, или, если перевести на человеческий язык, нечто вроде волшебного жезла. Мысленным или звуковым приказом, при преодолении некоего порога или кода его можно превратить во что угодно, от ножа до костюма, спектр трансформаций дриммера очень широк. А «санитарь», как видите, превратили дриммеры в мечи, что на данном этапе развития русского племени весьма своевременно. Однако об этом мы еще поговорим.

— Значит, Валетов... — задумчиво произнес Ивашура, не без удивления поглядывая на бесстрастное лицо Владея, за локоть которого цеплялась еще более юная красавица россинка с удивительным именем Ясена. — Валетов — агент «санитаров». Почему же он не помешал нам еще тогда, во время атаки хронобура?

— Потому что он из второго эшелона поддержки «хирургов», — мрачно бросил Жданов. — Его закодировали на случай, если наша атака удастся и Дерево Времен сохранит приготовленную «к отсечению» Ветвь.

— Но тогда включение программы Валетова означает, что ничего еще не закончилось?! — вырвалось у Полуянова. — И все еще возможен иной исход?

— Именно так, Федя, — раздался чей-то знакомый холодный голос, и в помещение, где остановились для выяснения ситуации бывшие десантники, вошел невозмутимый Лазантир Валетов. Немая сцена была так красноречива, что по узким бледным губам Валетова скользнула улыбка. Его бывшие товарищи впервые увидели, как он улыбается.

Валетов глянул на Белого, хищно подтянувшегося для броска, но не сделал ни одного жеста для защиты. Сказал, обращаясь теперь уже к Жданову:

— Увы, Федор прав. Даже на этой стадии возможен возврат к прошлому. Дерево Времен, то есть Большая Вселенная, не сразу принимает решение о кардинальной переделке самой себя, об «отсечении» Ветвей.

Белый прыгнул... и врезался головой в стену, хотя, казалось, Валетов при этом не сделал ничего особенного, просто отошел в сторону. Белый бросился еще раз и опять промахнулся, а ведь он был мастером боя, способным справиться с дюжи-

ной хорошо тренированных бойцов, насколько было известно Ивашуре. Игорь Васильевич поднял руку с «универсалом», еще не решив, что делать, но Жданов остановил его, сделал жест Григорию, в глазах которого зажегся нехороший огонек.

— Подожди, Гриша. Он сам пришел, пусть говорит.

— Но он же, гад, захватил меня и...

— Успокойся, разберемся. Кто вы, Лазнтир? Кого представляете?

Валетов сделал шаг вперед, оглядел медленно приходящее в себя воинство Ивашуры, кивнул Владею, как старому знакомому:

— Молодец, парнишка, не поддался панике. Да и девочка твоя молодчага.

Жданов вопросительно приподнял бровь, и Владей, порозовев, сказал:

— Он меня спас.

На лицах присутствующих явственно проступили недоверие и изумление, а по капризным губам Валетова, играющего роль человека, избалованного цивилизацией, равнодушного к человеческим переживаниям, страстям и достоинствам, снова пробежала усмешка.

— Кто вы? — повторил вопрос Ивашура.

— Агент «санитаров» второго эшелона, — ответил Валетов серьезно. — И в то же время резидент тех, кто боролся с экспансией «хирургов» задолго до прорыва хроношахты в другие Ветви. Павел, вы немного знаете их, потому что контактировали с ними еще до похода в Ствол.

Жданов не ответил. Он пришел в себя быстрее других, но как относиться к Валетову, еще не решил.

— У меня мало времени, — продолжал выходец из двадцать первого века «соседней» Ветви Времени. — Поэтому давайте быстренько повторим начальные условия задачи — она еще не выполнена до конца, как вы уже поняли, — и наметим план дальнейших действий. Бог даст, сообща мы справимся. Конечно, переоценивать свои силы и возможности не стоит, кроме вас, «хирургами» занимаются и другие существа, может быть, многократно превосходящие вас по возможностям. Однако у вас особая миссия...

— Где Миша Рузаев? — перебил вдруг говорившего Иван Костров. — Чую, что ты знаешь.

На круглом лице Лаэнтира ничего не отразилось.

— Он погиб. К сожалению, помешать Лурье я не успел, он неуправляем и способен на любую подлость.

— Кто это — Лурье?

— Один из «санитаров», запрограммированный «хирургами» на уничтожение всех, кто попадется ему на пути.

— Безволосый... — подал голос Владей, быстро схватывающий суть разговора.

Валетов кивнул.

— Да, он абсолютно лысый. В том мире, где он родился, волосы на голове — атавизм.

— Как это произошло? — глухо проговорил Костров. — Ну, с Мишей...

— Потом, — сжал зубы Ивашура, переживая острое желание дать Валетову по морде. — Говорите.

Видимо, его желание отразилось на лице, потому что Жданов успокаивающе тронул Игоря Васильевича за плечо. Поняли Валетов этот секундный диалог, было неизвестно, его лицо и на этот раз осталось неподвижным, сонным, холодным, чужим.

— Что вы имели в виду, намекая на особую миссию? — спросил Павел, нарушая тяжелое молчание, наступившее после слов о гибели Рузаева.

— Я, конечно, виноват во многом. — Валетов не оправдывался, это было видно, но разрядить обстановку хотел. — Однако я не Бог. В гибели Михаила, может быть, вашей вины не меньше. Слишком рано вы расслабились. Что касается особой миссии... вы остаетесь десантной группой, ответственной за финальную часть операции с «хирургами». Остальные группы в других Ветвях — повторяю: с неизмеримо большими возможностями — выполняют лишь отвлекающие функции и способствуют выводу десанта на цель. Их задачи, вероятно, сопряжены с более тяжелыми потерями.

— Какова же наша цель?

— Не знаю. Моя задача — сохранить группу...

— Хорошо же ты ее решаешь! — бросил Белый. Но было заметно, что он уже остыл и скепсис высказывал по инерции.

Валетов на его выпад не ответил.

— Хроношахта выбросила нас здесь, так сказать, на задворках чужой Ветви, не случайно. Это, по сути, хронокарман,

схрон, свободный или почти свободный от влияния «хирургов». То, что по Стволу бродят «санитары», говорит лишь о многослойности наших пересечений. «Хирурги» просчитали партию на много ходов вперед и не могли не подстраховаться. Но, как говорят у вас на Земле, и мы не лыком шиты. Ваш выход был подготовлен заранее, здесь вас не ждали.

— А как же этот ваш... Лурье?

— Он обычный исполнитель, главный же в данном узле выхода — Тюрьм, функционер «хирургов». Вот он действительно опасен. Итак, я продолжаю рисовать ситуацию. Хроношахта, или Ствол, как вы уже знаете, представляет собой трактрису Времен, пространственноподобную линию, или, иначе, многомерное пространственно-временное многообразие «суперструн», соединяющих Ветви Древа Времен.

— Соединявших, вы хотите сказать?

— И да, и нет. Материальное вытаивание Ствола во всех Ветвях завершилось. Например, в данном мире, на родине этих симпатичных ребят, это произошло около десяти тысяч лет назад, породив пространственно-временную патологию — Разрыв Бытия, как говорят они. Естественно, цивилизация рухнула, чтобы начаться почти с нуля. Но вся наша Вселенная — Древо Времен — изначально устроена на реализацию в с е х возможностей, заключенных в каждом предыдущем мгновении, то есть узле ветвления. А Ствол — как пакет виртуальных «суперструн», свернутых измерений, лежит как бы вне Древа, хотя и внутри его. Я понятно изъясняюсь? — Валетов выжидательно умолк.

Федор Полуянов, главный «теоретик» отряда, почесал затылок, переглянулся с Ивашурой, но крикнул и промолчал. Лишь Владей да Ясена ничего не поняли из сказанного, но переспрашивать побоялись, жадно ловя даже не смысл — эмоциональную насыщенность разговора.

— Идем дальше. — Валетов говорил монотонно и ровно, не делая скидок на некомпетентность некоторых слушателей. — После вашего вмешательства в судьбу хронобура, соединившего около миллиарда Ветвей, возникла уникальная ситуация, когда обмен информацией между Ветвями по Стволу происходит только в том случае, когда он... вообще не происходит. Этого объяснить я вам, наверное, не смогу даже с

помощью физических формул, потому что такой физики, физики невозможных состояний, ваша земная наука не знает.

— А ты попробуй, — буркнул Костров, чувствуя зябкое вздрагивание плеча Таи.

— Это, в сущности, означает, что Ствол из числа возможностей, реализующихся в каждом последующем ветвлении Древа, как бы изымает одну возможность — для поддержания себя, но на развитии Ветвей это не сказывается. Так понятно?

— Спасибо, понятно, — отозвался не Иван, а Федор. — У Ствола своя линия развития, «мигающая», виртуальная. Она есть, и ее как бы нет. Но тогда возникает проблема мерности времени...

— Подожди, Федор, — остановил товарища Ивашура. — Не будем залезать в дебри физики процесса. Лаэнтир, скажите лучше, каковы последствия данного состояния Ствола и что нужно делать нам?

— Последствия таковы, что «хирурги» могут контролировать всю сеть связанных Стволом Ветвей и в одной из них собираются запустить Контрствол — для перехвата хронобура. Ваша задача: после вывода группы на цель, то есть на Контрствол, уничтожить его. После чего виртуальная линия Ствола окончательно дематериализуется и мир вернется к первоначальному состоянию.

Белый хмыкнул.

— И мы опять в своем времени построим хроноускоритель, запустим его в прошлое, «хирурги» воспользуются им, и снова повторится все сначала. Нет?

— Возможно, — невозмутимо ответил Валетов. — А возможно, и нет. Любое невероятное событие хоть когда-нибудь да реализуется Древом Времен. Однако хочу напомнить всем, что «хронохирургов», по сути, одновременно давно нет и еще нет! Они тоже стали виртуальными, как бы запущенными в поле памяти Вселенной и должны еще только родиться в той Ветви времени, которую пересекла ваша Ветвь, катастрофически изменив ее — до полного вырождения, и в то же время они давно исчезли вместе с породившей их Ветвью, которая «засохла», не успев развиться в полноценную Метавселенную.

— Если их нет, то как же они сумели вмешаться во все события всех Ветвей, соединенных Стволом? — скептически хмыкнул Костров.

Валетов вздохнул, начиная проявлять признаки нетерпения.

— Дерево Времен устроено сложнее, чем вы думаете.

— Давайте покороче, — глянул на часы Ивашура. — Вы говорили, что у вас мало времени.

— Я уже почти все сказал. Тюръм подготовил ловушки возле всех работающих до сих пор зон Ствола. В одну из них случайно забрел этот парнишка. — Лазэтир кивнул на Владея. — Его выпустили, чтобы он добавил реалистичности готовящемуся спектаклю. Ни в одну зону пройти вам с вашим арсеналом не удастся. Не помогут ни «глук», ни дриммер. Но если бы и удалось пройти в зону с работающим хронолифтом, вас встретили бы на выходе.

— Понятно, — кивнул Ивашура. — Есть другой вариант?

— Трансгресс.

Теперь уже усмехнулся Жданов.

— Хорошо бы, да только трансгресс ведь, насколько я знаю, есть еще одна линия связи Ветвей, созданная существами из очень далекого будущего Земли. Назвать их людьми не поворачивается язык, хотя по намекам можно судить, что они наши потомки. Но вы же говорите, что вы их резидент? Почему же не можете дать нам координаты трансгресса?

— Я просто жду инструкций. А те, кого вы назвали, хотя и предусмотрели ваше появление здесь, но не знали точного времени появления. Однако, выбрав вашу команду в качестве главного исполнителя операции, они будут подстраховывать вас и впредь.

Наступила тишина. Все переваривали услышанное и не торопились с выводами. Только Павел пробормотал про себя, ни к кому особенно не обращаясь:

— Хотел бы я когда-нибудь узнать, по каким причинам они выбрали именно нас...

— Допустим, мы все поняли, — прервал молчание Белый. — Но остается пара вопросов. Первый: зачем ты меня похитил?

— Я должен был сыграть убедительный спектакль для Тюрьма и его головорезов. Не забывайте, я запрограммированный агент «хирургов». Тюръм хотел узнать код вызова Стаса, компьютера Ствола, чтобы, во-первых, уничтожить все рабочие зоны, во-вторых, выйти в сеть связи с «хирургами».

Сейчас у него нет связи и действует он в соответствии с прежней программой. Кстати, ваш пси-блок преодолеть ему не удалось. Да и я вовремя вмешался, отвлек Тюрьма и Лурье.

— Хорошо, логично. Но если нам нельзя идти в зону и воспользоваться лифтом, что мы сможем сделать? Или ты все-таки знаешь, где находится трансгресс?

— Знаю, — кивнул Валетов после некоторого раздумья. — Вернее, знаю, где он должен быть. Но чтобы дойти и сохранить отряд, нам надо будет совершить отвлекающий маневр, иначе нас не пропустят. Часть отряда атакует одну из зон, якобы не зная о ловушке, а другая часть в это время проникнет в ту часть Ствола, где торчит контур трансгресса. Начав бой, первая группа отступит таким образом, чтобы это было похоже на паническое бегство...

— Логично. — Ивашура оглянулся на Жданова, по лицу которого нельзя было определить, о чем он думает. — Павел, твое мнение?

— Да все вроде бы нормально, — отозвался бывший гриф безопасности. — Я, кажется, догадываюсь, где прячется трансгресс. В дубине «псевдоголема», разрубившей Ствол. Так?

Лаэнтир Валетов в третий раз улыбнулся своей бледной специфичной улыбкой.

— Спасибо за подсказку. Хорошо иметь дело с паранормом... — Он не договорил, стремительно оборачиваясь, вырвавшись над плечом турель «глюка», но выстрелить не успел.

За его спиной возникла прозрачная человеческая фигура, словно там сгустился воздух, тусклый блик протянулся от фигуры к телу Валетова, и его голова, отделившись от туловища вместе с турелью «глюка», упала на пол. Из шеи ударила тугая струя крови, едва не задев застывших в ступоре десантников. Затем со стуком тело того, кто называл себя Лаэнтиром Валетовым, упало на пол. Со сдавленным криком отпрянула Тая, стоявшая к нему ближе всех.

Прозрачная фигура, обезглавившая Валетова, оформилась в старика в маскирующем комбинезоне типа «хамелеон», с мечом в руке.

— Род! — вскрикнула Ясена.

— Учитель... — пробормотал потрясенный Владей.

— Приветствую вас, други мои! — звучным голосом проговорил старый волхв, небрежно бросая меч (дриммер!) в

ножны за спиной. — Долго же я вас ждал. Давайте знакомиться.

Белый искоса глянул на Жданова, словно спрашивая разрешения на действие, но не дождался.

— Вы... — начал Павел.

— Настоящий эмиссар ваших друзей, если вам будет угодно. Этот парень выдал вам почти всю правду, кроме двух моментов: он действительно агент «хирургов», и очень ловкий, раз сумел водить вас за нос так долго, но никак не резидент Тех, Кто Следит. И второе: он сам не знал, где находится трансгресс. Вы, Павел, подсказали ему ответ. Пришлось срочно вмешаться, чтобы он не успел передать сведения своему боссу Тьюрму.

— Господи! — ахнула Тая, сжимая пылающие щеки ладонями. — Лаэнтир — предатель, Миша убит... да когда же это кончится?!

Ясена подошла к ней, обняла, и был этот жест такой естественной иллюстрацией женской слабости, что мужчины невольно отреагировали на него по-мужски: Иван и Владей сделали шаг к подругам, собираясь их успокоить и утешить.

— Он действительно был из двадцать первого века «соседней» Ветви? — кивнул на тело Валетова Ивашура.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Жданов. — Я его уже вычислил, и он решил опередить события. Надо признаться, момент он выбрал удачно. Я почти поверил ему.

— Почему почти? — поинтересовался Белый.

— Он все отлично рассчитал. Убил Михаила, очевидно, как нежелательного свидетеля, но спас Владея, выкрал тебя, чтобы выяснить пароль связи со Стасом, но, когда не удалось сломать твой пси-блок, сделал вид, что тебя подстраховал, обрисовал нам наше незавидное положение и при этом выдал готовый вариант решения. Что, между прочим, было ошибкой. Он слишком усложнил обоснование своего появления в качестве резидента. Но все же откуда он мог узнать о нашей особой миссии?! Если не был резидентом Тех, Кто Следит?

— Может быть, предательство — не только чисто человеческое приобретение? — усмехнулся Григорий, изучая морщинистое величавое и строгое лицо Рода. — Может, и среди ваших шефов есть предатели?

— Если предательство входит в тонкий расчет, то наверняка есть, — ответно улыбнулся мудрый волхв племени россинов. — Я думаю, утечка информации была допущена преднамеренно. Зачем — узнаем позже. — Род подошел к Владею, не знавшему, как теперь вести себя с учителем, заговорил с ним по-россински. — Прости, сынок, за испытание. Но я не мог открыть тебе всей правды сразу, нужно было, чтобы ты сам узнал ее. Я был уверен, что ты справишься, и не ошибся. Теперь ты волен уйти и рассказать все князю.

— Петрян погиб, его надо похоронить.

— Я уже сделал это.

— Когда?!

— Я шел за вами, но вмешаться не успел. Прости старика еще раз.

Владей смешался, оглядываясь на сгоравшую от любопытства Ясену, потом преодолел робость и спросил с замиранием сердца:

— А можно я пойду с вами, учитель?

Род заглянул в глаза юноши и легонько потрепал его по щеке.

Глава 10

На подготовку операции прорыва они потратили полдня, укрывшись в анфиладе комнат на сто первом этаже Ствола. Место выбрал Род, заверив, что здесь им будет удобно и безопасно. К тому же он видел передвижение сил противника и всегда мог предупредить об угрозе столкновения.

Жданов, благодаря своим паранормальным способностям, тоже хорошо предвидел опасность, поэтому бывшие десантники, готовые стать ими снова, расположились в недавно работавшей зоне отдыха почти как в гостинице, разве что без удобств, в номере вроде работающего туалета и ванной. Почему эту зону «санитары» не уничтожили, приходилось только гадать. Возможно, предполагали сами когда-нибудь воспользоваться ею.

Во время подготовки и отдыха отряд разбился на «группы симпатий и дела». В одной из них оказались пары: Владей с Ясеной и Костров с Таей.

Разговор здесь зашел на интересующие всех четверых темы. Владей рассказал о жизни племени россинов, Иван в ответ поделился сведениями о своем мире, где существовала Россия. Девушки потом принялись выяснять чисто женские детали — больше вопросов накопилось, естественно, у Ясены, — а мужчины перешли на темы воинских искусств. Владей показал Ивану приемы владения мечом, Костров продемонстрировал искусство рукопашного боя.

В другой группе уединились Род и Павел Жданов. Ивашура не мешал им, понимая, что у обоих накопилось множество вопросов и наблюдений, требующих анализа. Игорь Васильевич справедливо полагал, что все необходимое будет высказано ему в нужный момент. Однако о чем беседовали волхв племени россинов — и он же эмиссар Тех, Кто Следит — со Ждановым, осталось неизвестным. Лишь краем уха зацепил Ивашура несколько фрагментов беседы.

— И все же мне до сих пор непонятно, — спрашивал Жданов, — почему Те, Кто Следит, сами не участвуют в войне с «хирургами»? Какой в этом высший смысл?

— Один из ваших знаменитых ученых-физиков, — отвечал Род, — однажды произнес замечательную фразу: «Бог не только играет в кости, но играет преимущественно там, где человек никогда не увидит результата». Речь шла, разумеется, о принципе неопределенности в творческих играх. Но эта фраза как нельзя более кстати подходит для деятельности Тех, Кто Следит за вами. Понимаете?

— Вы хотите сказать, что они тоже участвуют в игре... то есть войне с «хирургами»?

— Только на гораздо более высоком уровне. Не обижайтесь, каждый из нас должен решать задачу, которая по плечу только ему...

Дальнейший разговор шел тоном ниже, поэтому Игорь Васильевич вовсе перестал к нему прислушиваться. Зато у Ивашуры появилась возможность поговорить с Полуяновым и задать ему несколько вопросов на интересующую тему — о социальном устройстве Земли двадцать четвертого века.

Оказалось, что в мире Федора (Жданова, Белого, Златкова и других), где стало возможным создание хроноускорителя,

---

* С. Хоукинг, американский физик (из книги «Черные дыры», 1978 г.).

история пошла несколько другим путем, нежели в мире Ивашуры (Кострова, Рузаева, Таисии). Так, в двадцатом веке на той Земле страна под названием СССР не распадалась на десятки независимых государств! В ней никогда не было ГКЧП, войн в Чечне, Таджикистане, Абхазии, Карабахе, да и сами республики СССР назывались немного иначе. Почти все славянские народы, кроме болгар и словаков, жили в единстве, без деления на украинцев, белорусов и русских, и столицей этого этнического монолита всегда был Златоград, расположенный там, где в мире Ивашуры стоял Киев. Москва, правда, тоже была, но как город областного значения, как, впрочем, и Санкт-Петербург, носивший на родине Федора название Невгород.

В двадцать втором веке произошло слияние всех европейских государств, СССР и стран Азии, кроме Китая, в единое материковое образование, исповедующее законы демократии, близкие к идеалам коммунизма, но, в отличие от них, реально действующие. А потом, в двадцать третьем столетии, отпала и сама роль государств как систем защиты национальных, этнических и социальных интересов народов, их населяющих. Образовалась одна система — Земной Пул, управляемый Президентом, который опирался на властные институты правительств, Высшего координационного совета, Управления аварийно-спасательной службы, выборных структур типа парламентов и Комиссариата общественной безопасности.

— Да-а, — завистливо протянул Игорь Васильевич, выслушав Полуянова. — Вы там смогли обойтись без революций, не то что мы в России.

— А разве у вас не то же самое? — опешил Федор.

Ивашура улыбнулся и вкратце обрисовал положение на Земле его времени. Полуянов слушал с интересом, хмыкал, но выяснить подробности не успел: отдых закончился. Посерьезневшие, все собрались возле пары Жданов — Род.

— Вопросы? — проронил Павел, оглядев строгие лица товарищей.

— Хотел бы я знать, что за системой боя владел Валетов, — проворчал Белый.

— Будет время, я расскажу о ней, — произнес Род. — На Земле той Ветви Времени, где жил Валетов, распространена система тэнгресити-боя, основанная на использовании тополо-

гических эффектов формы для наполнения тела энергией и мгновенного изменения положения. В нашем мире это достигается с помощью магии, волхвования.

— Это пока к делу не относится. — Павел взглядом дал понять Григорию, что интерес интересу рознь. — Вопросы по существу операции есть?

— Мы не определили, кто с кем и куда пойдет, — отозвался Костров.

— У меня готово предложение, — выступил вперед Игорь Васильевич, продолжая держать нити управления отрядом в своих руках. — К трансгрессу пойдут четверо: Жданов, две девушки и наш новый юный союзник Владей. Остальные работают по отвлекающему маневру. Думаю, Павел и Владей, обладающие экстрасенсорикой, смогут обойти опасные места и засады, отряд пройдет, не поднимая шума. Нам же, наоборот, нужно пошуметь, создать впечатление серьезности атаки, а потом быстро отступить. Или есть другие варианты?

Белый и Жданов переглянулись, но если у них и были возражения, высказывать их они не стали. За них ответил Род, с уважением оглядев фигуру командира отряда:

— Решение оптимально, Игорь Васильевич, примите мои поздравления. Прошу лишь небольшой корректировки: с командой Жданова пойдут два моих друга.

Наступила тишина. Члены отряда обменялись непонимающими взглядами, Белый насторожился, да и Жданову стало не по себе, потому что его спины коснулся знакомый внимательный взгляд, в котором не было ничего человеческого. Решать — реагировать или нет, надо было быстро, однако в следующую секунду выяснилось, кого имел в виду волхв. Из коридора в помещение бесшумно скользнули две огромные мохнатые фигуры, в которых все узнали разумных медведей здешнего мира.

— Медвяны! — ахнула Ясена.

— Знакомьтесь, — повел рукой Род. — Хорс и Хорив, разведчики медвян, представители новой разумной расы, появившейся на нашей Земле в результате вытаивания Ствола.

Жданов встретил взгляд светлых, с вертикальным зрачком, необычайно умных глаз одного из гигантов и почувствовал, как мгновенно был оценен этим существом. Невольно улыбнулся, кивая медвяну в ответ, словно подтверждая оценку.

Медвян тоже слегка наклонил голову, тяжелую, вытянутую вперед, с мощными челюстями, и наблюдавший за этим немым диалогом Род усмехнулся.

— Я думаю, вы поладите, Павел. Они отлично понимают наш язык, а кроме того, способны читать мысли. Моим соплеменникам в скором времени придется с ними считаться и уживаться. Итак, выступаем, коллеги?

Медвяны отступили в коридор, ловко и неслышно, что казалось невероятным при их габаритах и массе. Жданов махнул рукой, первым выводя свой сводный «женско-мужской батальон», задержался на пороге:

— До встречи у трансгресса, друзья. Рискуйте разумно. Кстати, не забудьте, у них есть «глюк». Хорошо бы его уничтожить... вместе с владельцем. — Он хотел добавить что-то еще, но лишь ответил на жест Белого ударом ладони о ладонь.

Оставшиеся подождали шума удаляющихся шагов, ничего не услышали — ходить тихо научились все — и начали еще раз проверять амуницию. Спустя несколько минут отряд выступил в путь.

Они стояли перед выпуклой белой стеной с затейливой вязью борозд, загородившей все пространство впереди, и молчали. Стена принадлежала боку «псевдоголема», разрубившего здание Ствола сверху вниз почти до основания. Владей называл «псевдоголем» «палицей Богов», и это мифически-эмоциональное определение было недалеко от истины. Только боги — если иметь в виду Тех, Кто Следит, — могли направить отряд десанта на «големах» таким образом, чтобы он вышел, во-первых, в достаточно тихом месте, прямо неподконтрольном «хронохирургам», и во-вторых, уцелел при выходе, хотя бы и ценой разрушения Ствола. Того, что выход «заминирован» эффектами многомерного дублирования и трансформации масштабов, люди в «големах» не знали, зато знали Те, Кто Следит, и послали впереди группы еще один «голем». Именно этот ведущий аппарат и «разминировал» собой законы многомерности, увеличившие его и навеки вписавшие в ландшафт Горы Богов, превратив в гигантскую палицу или балку, которая соединила края кольцевого здания. Теперь отряду Жданова предстояло проникнуть внутрь этой «балки» и найти трансгресс, «парамост межпро-

странственных перемещений», как назвал его Павлу автомат управления.

— Будущее отбрасывает свою тень, — вспомнил Жданов английскую поговорку, пристально разглядывая корпус «псевдоголема» в конце разрушенного коридора. — Знать бы, чье это будущее...

— Что? — оглянулся Владей, с благоговением взиравший на бок «палицы Богов».

— Дошли, — сказал Павел. — Давай настраиваться на поиски входа.

Еще в самом начале пути они решили действовать не вслепую, а, используя приемы ясновидения, попробовать издали определить, в каком конце «псевдоголема» находится трансгресс, а также имеется ли в корпусе «палицы Богов» проход внутрь. Для этого они поднялись на пару этажей выше, нашли комнату, выходящую окнами во двор здания, и принялись каждый по-своему разглядывать белую трубу «псевдоголема», пока обе девушки стерегли коридор.

Через полчаса, потеряв уйму нервной энергии, Владей и Павел вышли из инсайта — состояния ясновидения — и суммировали свои впечатления. Оба отметили в центре трубы наличие энергоисточника («внутреннего огня», как выразился Владей) и оба не нашли ни одного отверстия, трещины или скрытого люка. Корпус «псевдоголема» казался монолитным и непробиваемым.

— Что ж, — не расстроился Жданов, — будем действовать просто. Если не удастся войти там, где у нормального «голема» располагается мембрана люка, попробуем проковырять в корпусе дырку.

— А Боги нас за это не убьют? — наивно спросила Ясена.

— Не убьют, — серьезно ответил Павел.

Владей, немногословный и сдержанный, каким и положено быть волхву-воину, только кивнул, полагаясь на опыт старшего спутника.

Теперь они стояли на сто двадцать втором этаже Ствола напротив того места, где у «голема» должен был находиться появляющийся по команде люк, и буравили стену взглядами, пытаясь разглядеть, что там за нею прячется.

До «псевдоголема» они дошли быстро, никого не встретив по пути, ощупывая пространство впереди «щупальцами» пси-

полей, прислушиваясь к шепоту духов и колебаниям здания. Но дальше пройти не смогли. Люк, если и был здесь, по команде извне не открывался.

— Придется прибегнуть к грубой силе, — пробормотал Жданов, доставая «универсал». — Конечно, если бы у нас был «глюк», проблем было бы меньше.

Но «глюк» он отдал Белому, поэтому приходилось рассчитывать только на «универсал». А еще Павел не знал, как реагирует «псевдоголем» на энергетический удар.

— Может быть, попробовать мечом? — предложил Владей.

Жданов оглянулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Дриммер! Ну конечно! Как я мог забыть о нем. Раз реши?

— Я сам, — твердо отвел его руку Владей.

Павел хотел было объяснить юноше, что у него в руках не просто меч, а эффлектор любых материально-полевых преобразований, с помощью которого можно не только воевать, но и строить, изменять параметры среды, синтезировать любые материалы, лечить, превращать его в любые полезные предметы, однако глянул на лицо парня и отступил.

— Хорошо, иди ты. Только будь осторожней. Сначала проткни стену «псевдо»... э-э... «палицы Богов» и отскочи на всякий случай. Если ничего не произойдет, сделай четыре разреза...

Владей кивнул и упруго зашагал по коридору к белой стене, обходя обломки обрушившегося перекрытия и провалы в полу. Ясена следила за другом восторженными сияющими глазами, в которых стояли слезы, для нее он был героем, и Жданов улыбнулся в душе. В принципе и по его меркам юноша был героем, достойным поклонения и любви таких красавиц.

Владей не колебался ни секунды. Подобрался вплотную к загадочному боку «палицы» и с ходу полоснул по нему мечом. И... ничего не произошло. Меч легко пробил белый материал стены, словно она была сделана из картона, прочертил в ней глубокий надрез. Тогда волхв принялся углублять надрез и вычертил мечом почти идеальный прямоугольник, показав себя хорошим геометром. Когда он заканчивал нижний разрез двери, прямоугольник, обозначенный тонкими линиями разре-

зов, неожиданно выгнулся пузырем и лопнул с тихим треском, превратившись в облако белого дыма. На Владея пахнуло незнакомыми запахами, холодом, а он, забыв об опасности, смотрел на открывшийся взору тоннель и ждал сурового приговора богов.

Лишь после этого Павел понял, что юноша действительно герой. Ибо он шел на смерть, будучи уверенным, что боги не прощают тех, кто вторгается в их обитель без приглашения. Но пошел без колебаний.

Ясена бросилась к волхву, размазывая по щекам слезы, а Павел, встретив удивленный взгляд Таи, коротко объяснил ей, в чем дело. Затем связался с Ивашурой:

— Мы на месте.

— Мы тоже, — отозвалась рация.

— Начинаем?

— За вами никто не увязался?

— Если кто и увязался, мы у цели. Проход в «голем» готов, идем дальше.

— Как удалось?

— Дриммер.

— Ясно. С богом! Мы начинаем тоже.

Павел отключил связь, подошел к проделанному Владеем проему в корпусе «псевдоголема».

— На разведку я пойду один. Как только отыщу то, что нам нужно, дам сигнал. А вы пока все трое остаетесь здесь. Будете держать оборону в случае нападения. Приказ понятен?

Владей промолчал, и даже девушки не стали возражать против такого варианта, хотя им не терпелось скорее добраться до цели. Не оглядываясь, Павел шагнул в прямоугольный проем, ведущий в кормовой отсек «голема», и скрылся в зеленоватом сиянии его стен, не позволяющем разглядеть внутренности аппарата даже на расстоянии десятка шагов.

Координаты зоны, предположительно обслуживающей хрономембрану Ствола — его своеобразный лифт, — которые сообщил Владей, совпали с теми, что имел Род: сотый этаж здания, в центре полукольца, ограниченного белой трубой «палиты Богов». К зоне можно было подойти с двух сторон по кольцевому коридору, и первоначально они так и собирались поступить, разделив отряд. Однако это означало неизбежное

ослабление десанта и не гарантировало прорыва двух групп одновременно, поэтому Род посоветовал сделать финт: послать с одной стороны медвян, чтобы они подняли шум, а самим атаковать зону с другого направления.

— А они послушаются? — усомнился Белый.

Род отошел к двум мохнатым гигантам, следовавшим за отрядом на некотором отдалении, о чем-то поговорил с ними с помощью жестов, мимики и прямого внушения (медвяны действительно воспринимали мысленные образы людей) и вернулся.

— Все в порядке, они понимают ситуацию. А помогают нам не из-за неких симпатий, а во имя справедливости. Банда Тюрьма терроризировала окрестности давно и уничтожила чуть ли не половину популяции медвян. Они хотят покончить с таким положением вещей. Единственная закавыка: им нечем «шуметь».

— А у вас, как у эмиссара Тех, Кто Следит, разве нет своего арсенала? — недоверчиво осведомился Белый.

— Увы, друг, весь мой арсенал — вот здесь. — Род, улыбувшись, постучал пальцем по лбу. — Да еще, пожалуй, этот лонг-меч. Но его я отдать медвянам опасаясь, им могут завладеть наши враги.

— Если «санитары» Тюрьма вооружены дриммерами, нам не прорваться, — меланхолично заметил Белый.

— Вооружены, однако всех свойств дриммеров они не знают, принимают их только за мечи с необычными свойствами.

Ивашура снял с пояса свой «универсал», протянул волхву.

— Передайте медвянам вот это, если они смогут им воспользоваться. Сможет медвян взяться за ручку и попасть пальцем в скобу? Уж больно пальцы у них когтистые.

— Сейчас посмотрим. — Род принял оружие, отошел к своим лесным друзьям. Полуянов и Костров промолчали. У Ивашуры еще оставался «глюк», который ему передал Жданов, а остальные были вооружены «универсалами», хотя боезапаса у каждого едва ли хватило бы на два десятка выстрелов.

Медвяны ушли, растворились в полутьме коридора, направляясь к лестнице, чтобы зайти к зоне «с тыла». Род вернулся, встретил взгляд Ивашуры, кивнул с нежностью и сожалением.

— Они погибнут. Но иного выхода нет.

— Кажется, я тоже начинаю их уважать, — тихо проговорил Ивашура. — Как вы условились с ними о начале штурма?

— У них нет понятия «течение времени», но думаю, минут через десять можно будет начинать. Мы их услышим.

Отряд остановился за полкилометра до зоны, представлявшей, по сути, тот же коридор с такими же дверями, выходящий в круглый зал с трубой лифта, однако этот участок коридора с залом все еще снабжался энергией из автономного кварк-кессона и обслуживался автоматикой Ствола. Мало того, участок был заблокирован, чтобы создать у десантников впечатление, будто там внутри действительно находится работающий лифт. Если бы они поверили Валетову и пришли сюда всем отрядом, живым бы не ушел никто, потому что зона была заминирована и готова к взрыву.

— У «санитаров» есть масс-детекторы? — вполголоса обратился Белый к старому волхву. — Если есть, они быстро вычислят, что нас здесь меньше, чем должно быть.

— «Санитары» появились в Горе... м-м, в Стволе, примерно на год раньше вас и освоили, естественно, все его уцелевшие НЗ-склады, тем более оставленные специально для такого случая «хирургами». У них должны быть оружие и техника. Но я знаю лишь о дриммерах, пандавах и герплексах, автоматах типа «черепеха». Многие россины проникали в Гору Богов сквозь Границу Страха, но вышли единицы, мало что видевшие. Те сведения, которыми я располагаю, доставили мне медвяны.

— Что такое пандавы?

— Шестилапые твари — две ноги и четыре руки с необычной змеиной головой, очень сильные и опасные.

— Понятно, мы называем их обезьянозмеями. Да, это серьезный противник. Медлить нельзя, надо начинать штурм.

— Подождем еще немного... — Старейшина россинов не договорил.

Где-то в недрах здания раздался глухой удар, за ним другой, вздрогнули стены коридора, эхо повторило раскаты взрывов, и Род кивком ответил на вопросительный взгляд Ивашуры.

— Медвяны дошли. А наши друзья?

— Они у цели, только что сообщили.

— Тогда пора и нам. — Род вынул меч из ножен. — Я пойду впереди. В стены, потолок и пол коридоров встроены сюрпризы от падающих на голову каменных глыб до фугасов направленного действия, их надо обезвреживать. Когда пройду я, двинетесь вы.

Род на несколько мгновений застыл, превращаясь в бронзовую статую, потом кожа лица его стала полупрозрачной, налилась бледным лунным свечением, седые волосы поднялись шапкой над головой, а сам он стал стройнее и выше. Шагнул в коридор и исчез. Вернее, с невероятной быстротой преодолел метров двадцать. Замер, вслушиваясь в тишину вокруг, снова двинулся вперед в немыслимом темпе, словно перемещался не человек из плоти и крови, а призрак.

Белый, который и сам неплохо владел сверхскоростным ритмом, только крикнул, покрутив головой:

— Дает старик!

Инфракрасной оптики у них не было, а глаза хоть и адаптировались к вечной полутьме коридоров и помещений Ствола, не могли проследить за действиями волхва. Лишь изредка удавалось поймать и зафиксировать отдельные эпизоды его рейда. Ивашура, например, всего дважды смог определить, что делает Род: мечом врубаясь в стены, он обезвреживал какие-то ловушки.

Трижды за время рейда волхва срабатывали фугасы, но каждый раз уже после того, как Род оказывался на десяток метров дальше. Грохот этих взрывов еще не успел отгреметь, как Белый заметил в противоположном крыле коридора какое-то движение и не раздумывая выстрелил туда из «универсала».

— Внимание, сзади киберы!

Ивашура оглянулся, поймал тусклый металлический блик в сотне метров, выстрелил из «глюка» навскидку. Над головой пролетел бесшумный ручей прозрачного огня — это выстрелила «черепеха», догоняющая десантников, однако выстрел Белого помешал ей прицелиться, а трасса «глюка» развалила чудище надвое. Грохнуло! Горячая ударная волна детонации — рванули аккумуляторы кибера — едва не сшибла с ног людей.

— Вперед! — скомандовал Ивашура, и четверка десанта рванула по коридору за Родом, который уже достиг тупика — заблокированного участка зоны — и с философским спокойствием ждал остальных.

Им не пришлось пробивать дверь в стене, она образовалась сама, и навстречу разгоряченным бегом землянам вышла кошмарная фигура с четырьмя лапами и головой кобры — знакомый всем обезьянозмей, не то кибер «хирургов», не то киборг, не то закодированное ими живое существо.

Чисто змеиным движением монстр дернул головой, оглядывая прижавшихся к стенам людей, и выстрелил. Зеленоголубая молния сорвалась с одной из крупных чешуй «бронекостюма» на груди, вонзилась в стоявшего ближе всех Рода. Но волхв каким-то чудом уклонился, подставляя меч, и молния неведомого энергетического разряда отразилась обратно, ударила по светящимся глазам чудовища.

Обезьянозмей издал скрежещущий вопль, отшатнулся, и Род успел достать его мечом: одна из лап монстра упала на пол, задымив, как головешка. В следующее мгновение меч волхва проткнул дверь позади обезьянозмея, которая автоматически свернулась вокруг опоры.

— Сюда!

Десантники нырнули в проем — и вовремя: ослепленный на время обезьянозмей открыл пальбу «из всех стволов». Всполохи молний озарили помещение, в котором оказались люди, зал с тремя черными параллелепипедами, похожими на гробы, такими же черными потолком и стенами. Костров узнал это место: они с Таей когда-то отдыхали в подобном зале, да и с Павлом Ждановым тоже.

— Зал контроля! — воскликнул Иван. — Здесь Павел устанавливал связь со Стасом.

— Отключен, — буркнул Белый. — Причем недавно, мониторы контроля еще теплые. Неплохо было бы поговорить со Стасом, а, командир? Что дальше?

Ивашура молча показал «глюк», намереваясь тут же пустить его в ход, как только обезьянозмей покажется на пороге, но Род остановил Игоря Васильевича:

— Погодите, сейчас его отвлекут.

Сверкание разрядов внезапно прекратилось. Казалось, обезьянозмей наконец увидел, что воевать ему не с кем. Однако увидел он другое. Послышался звук тяжелых шагов, от которых сотрясался пол здания, шаги приблизились. Ивашура рискнул выглянуть в коридор и разглядел контуры чернофиолетового гиганта, медленно надвигавшегося из темноты.

Это был хронорыцарь, может быть, даже тот придавленный своим жутким конем, мимо которого они проходили в лесу, недалеко от Ствола.

Гигант, напомилавший ожившую каменную, грубо отесанную скульптуру с едва намеченными головой, ногами и руками, остановился в полусотне шагов от застывшего обезьянозмея, пристально разглядывая его единственным рубиново светящимся горизонтальным глазом-щелью. Наступила напряженная тишина.

Рядом с головой Ивашуры появились головы Белого и Кострова, которые тоже заинтересовались происходящим в коридоре. Только старый волхв не стал смотреть на разворачивающиеся события, а сразу двинулся к стене помещения, прильнув к заблокированной зоне, и принялся разглядывать ее и пробовать мечом.

Тем временем в коридоре начался бой между гигантами, слугами «хронохирургов» и Тех, Кто Следит.

Сначала они опробовали друг на друге свое лазерное, плазменное и электроразрядное оружие, изрешетившее стены, пол и потолок коридора. Если кто и пострадал от попаданий, заметного преимущества это не принесло никому. Все-таки отсутствие коня-кентавра сказывалось на мощи черного всадника.

Затем исполины схватились в рукопашную, с легкостью круша друг другом стены здания, окончательно разрушая перегородку и обрушивая часть потолочного перекрытия.

— Сейчас они вломятся сюда и растопчут нас, как козлявок, — сказал Белый. — Надо или убираться отсюда, или помочь рыцарю.

В это время Род, буквально обнюхивающий стену зала, в три мгновения росчерка располосовал ее мечом и толкнул метровый треугольник рукой. С гулом треугольник выпал по ту сторону стены, открывая еще один зал — длинный, гудящий, заполненный белыми шкафами с мириадами огней, столбами, пирамидальными сооружениями, конусами и решетками.

— Все сюда!

Десантники без разговоров ринулись в треугольный проход с толстыми стенами, и в тот же момент в стене помещения, откуда они только что бежали, обращенной во двор, обра-

зовалась огромная звездообразная брешь. Стена по краям бреши буквально выплеснулась внутрь комнаты, образовав жидкую корону, тут же застывшую. Часть разряда, образовавшая брешь, с гулом ударила в противоположную стену зала, уже покрывшуюся трещинами, готовую рухнуть, проделала в ней дыру поменьше.

— Мать честная! — влетел в треугольный проход Костров. — Что это было?!

— Эсперы, — буркнул Белый, влетая следом, подскочил к Ивашуре. — Дай на минутку «глюк».

Игорь Васильевич непонимающе глянул на него, потом на Рода, тот кивнул.

— У него профессиональные навыки и реакция воина, отдайте «глюк», пусть попробует снять эсперов, иначе они нас достанут.

— Как эсперы узнали, что мы здесь?

— Кто-то их наводит. Вперед, добры молодцы, пробиваемся дальше. Где-то неподалеку я чувствую живую засаду.

Ивашура сунул «глюк» Григорию, тот ласточкой нырнул в зал, откуда они только что выбрались, исчез из глаз. С грохотом часть стены нового помещения вывернулась десятиметровым цветком лотоса — эсперы продолжали обстреливать здание, целя именно туда, где находились люди. Пока десантники бежали по залу с работающим оборудованием, в его стене появились еще три звездчатых пролома. Затем канонада эсперов стихла.

Запыхавшиеся бойцы отряда ждали ее продолжения у двери из зала, но выстрелов больше не было, а потом в зале появился Белый, целый и невредимый. Рысцой приблизился, бросил на пол «глюк».

— Каюк обоим. Но стрелять больше нечем, магазин пуст.

Стены зала вздрогнули, рухнул один из шкафов. По видимому, борьба хронорыцаря и обезьянозмея все еще продолжалась.

— Куда дальше? — спросил Костров.

— В дверь.

— А если снова сквозь стену?

— Там стоит кварк-кессон, реактор зоны, если пробьем изоляцию...

— Вопросов нет. Тогда через дверь.

Род взмахнул мечом, в двери появился шрам, она дернулась, как живая, пошла волной и лопнула. Десантники по одному выбрались в короткий металлический коридор с рядом ниш и светящихся окон, однако преодолеть его не успели. Из каждой ниши вдруг выпрыгнули стремительные тени и бросились на команду Ивашуры.

Их набралось две дюжины, не все они были людьми и даже живыми существами, но все были вооружены лонг-мечами и жаждали одного — расправиться с проникшими на их территорию врагами.

К счастью, бойцы отряда не остановились, будучи готовыми к засаде, к превосходящей численности противника, и выиграли первое столкновение, прорвавшись в конец коридора ценой исполосованных защитных костюмов, легких ран и царапин. Сами же уложили пятерых боевиков засады. Род пробил мечом заблокированный люк, пропустил всех, отбил от приблизившегося уroda с плоской головой сколопендры, махнул рукой:

— Уходите, я их задержу!

— Вместе отобьемся, — возразил было Ивашура, но старый волхв яростно сверкнул глазами.

— Уходите! Среди них нет Тюрьма, вооруженного «глюком», и его охраны. Вполне вероятно, что он вычислил Жданова. Мчитесь туда... — Род снова крутанул меч смертельным веером, отбивая атаку очередного «санитара».

— А как же вы нас догоните?

— Я останусь. Я не только эмиссар ваших друзей, но еще и россин. Это моя родина, мой народ, здесь я родился, здесь и умру. Прощайте. Дальнейшую дорогу вам укажут другие, свою же задачу я выполнил.

Несколько мгновений всматривался Игорь Васильевич в гибкую не по летам фигуру волхва, с удивительной легкостью и силой работавшего мечом, и бросил всего одно слово:

— Вперед!

Внутри «псевдоголема» было светло из-за свечения его стен, перепонок и оборудования, в результате трансформации масштабов увеличившихся в сотни раз. Зная конфигурацию прототипа, в натуре представлявшего собой единый кристалл из особого сверхпластичного материала со встроенным задат-

чиком форм, Павел легко добрался до середины гигантского аппарата, никого не встретив по пути и не обнаружив ни одной ловушки или смертоносного сюрприза. Видимо, «санитары» так и не сообразили проникнуть внутрь колоссальной трубы, разрубившей здание Ствола, приняв ее за муляж, за пустую оболочку некогда существовавшего реально аппарата.

Трансгресс располагался в рубке «голема» — длинная ажурная колонна из серебристого материала, опутанная лесом растяжек и паутин, которые сливались в красивый и сложный узор. Невольно задержав дыхание, Павел подошел под колонну, глядя на нее снизу вверх, облизал пересохшие губы. Внезапно пришло ощущение, что на него смотрит с высоты некто огромный, тяжелый и неумолимо строгий, не терпящий ошибок, не прощающий неповиновения.

Связь с момента проникновения Жданова внутрь «псевдоголема» работать перестала, но Павел все же вызвал по радиации Таю, а потом Ивашуру. Убедившись в отсутствии ответа, осторожно дотронулся до ближайшей растяжки, зная, что никаких паутин, растяжек и самой ажурной трубы на самом деле не существует. Просто трансгресс влиял на чувства человека таким образом, что мозг создавал образы, наиболее адекватные объекту. В тот же момент непреодолимая сила подхватила Жданова и подвесила в центре трубы по ее оси. Павла окружили десятки фигур в зеркальных комбинезонах — его отражения в неизвестной субстанции, — в уши просочился мурлыкающий женский голос:

— Вы находитесь в узле трансгресса системы Зимзама-три. Код перегиба: ба-ум сто одиннадцать тэта аш двадцать три. Ближайший узел перегиба: Аримойя — тридцать три, двенадцать хроноквант-градусов ниже. Ваша масса?

— Секунду, — торопливо выговорил Павел, облившись потом. — Вас разве не предупредили? Я Павел Жданов, Солювелл-три, планета Земля, хронокоординат не помню...

Женский голос сменился на мужской:

— Приветствую тебя, землянин. Кажется, ты наконец выплыл из реки Времен на твердый берег.

— Не очень-то он твердый... да и река Времен — не совсем точный термин, а вернее, совсем неточный.

— Ты прав, — согласился неведомый обладатель голоса. — Время — очень тонкое и сложное понятие. По большо-

му счету оно находится вне Бытия, хотя и делает это Бытие возможным. Тебе еще придется разбираться в том, что такое время и как с ним бороться.

— Простите, — пробормотал Павел. — С кем я говорю? Мне почему-то кажется, что в прошлый раз я беседовал с другим че... э-э, господином.

Обладатель голоса не удивился вопросу, вообще не выказал никаких чувств:

— Ты общаешься с одним из Тех, Кто Следит за тобой. Не имеет значения, кто с тобой беседовал раньше, все мы разумные клетки одного организма, хотя и носим некие отпечатки личности. Кстати, термин «Те, Кто Следит» не совсем удачен, ибо мы не только следим, но и помогаем и координируем действия всех сил, заинтересованных в сохранении Метавселенных, Ветвей Времени, в которых они обитают.

— Как вам удастся вычислить мое местонахождение, а тем более провести туда линию трансгресса? Что такое тогда вообще трансгресс?

— Трансгресс по сути — трубка топоса, то есть особое пространство с переменной, вариабельной, топологией. С другой стороны, это процесс преобразования...

— Нет, я имел в виду не физический смысл. Если верить автомату обслуживания трансгресса, то я имею дело с сетью некоего непространственного способа транспортировки материальных тел в любую точку любой Ветви Древа Времен. В таком случае трансгресс кто-то создал для своих целей... Или его создали вы?

— О нет, — с добродушной интонацией рассмеялся собеседник. — Трансгресс создали не мы. Позволительно будет предположить, что возраст этой сложной системы, изредка играющей роль транспорта, сравним с возрастом Древа Времен.

— Но ведь Древо — Большая Вселенная, а она вечна!

— Вечность — не бесконечная протяженность Времени, а бесконечное число конечных Времен. Хотя в чем-то ты прав, землянин. Позволительно будет сделать еще одно допущение: трансгресс — Ветвь совсем иного Древа Времен.

— Не понял!

— Думай — и найдешь ответ. Кстати, ваш Ствол, в сущности, сам стал Ветвью со своими законами, константами, про-

странством и временем. Если только удастся его восстановить и сохранить.

Павел, перед мысленным взором которого вспыхнула грандиозная панорама только что полученной информации, с трудом заставил себя оторваться от восторженного, с холодком жути, созерцания.

— Извините, я не сразу... но если вы правы... Господи, какие масштабы! Еще раз простите, но ни о чем подобном я никогда не задумывался! Однако почему сами «хронохирурги» не воспользуются трансгрессом? Смогли же вы, да и мы, люди...

— «Хирурги» никогда не смогут воспользоваться трансгрессом в силу соблюдения неких законов, знать которые тебе необязательно. Эта транспортная сеть была создана — если только она действительно не есть Вселенная — существами с иным спектром эмоций и переживаний, которые встроили в систему селективный контур, отсеивающий тех, кто действует во вред другим. Этот контур подразладился, но все еще работает, он с трудом пропустил вас, то есть представителей человечества, еще не избавившихся от груза эгоизма, подлых расчетов, равнодушия, беспредельного желания жить за счет других. Хотя мы вас понимаем. Но вернемся к делу.

— Мне сказали, что «хирурги» не оставили попыток ампутировать нашу Ветвь, то есть Метавселенную, и строят где-то Контрствол...

— Да, это так. Если они запустят свой Контрствол, генератор ретроактивного воздействия, то Ствол будет уничтожен, нейтрализован, а вместе с ним будет ликвидирована и линия связи Ветвей, и хронобур, и с десятков Ветвей «засохнет». В том числе и ваша.

— А ваша?

— Мы слишком далеки от дестабилизированных узлов Древа, хотя этот процесс, конечно, отразится и на нашей Метавселенной. И все же мы уцелеем.

— Тогда почему вы вмешались?

— Мы говорили на эту тему когда-то. В каком-то смысле вы наши предки, и наш мир — мир вашей мечты. Реализованный.

— Как «засыхает» Ветвь?

— В вашем мире этот процесс уже начался, хотя и несколько замедлился, так как ты — ты лично — уцелел и еще

обладаешь запасом инвертирования законов. Что касается «засыхания» — происходит всеобъемлющее схлопывание волнового потока Вселенной. Иногда мгновенно, иногда достаточно плавно. Изредка процесс идет рывками, поэтапно: сначала исчезает разумная жизнь, то есть Среда действия социальных законов Бытия, причем во всем объеме Ветви сразу, потом вымирает фауна — на всех бесчисленных планетах, если Метавселенная включает в себя такие системы, как звезды, галактики, их скопления, и, наконец, гибнет флора. Ну а уж потом начинается распад материальной ткани мира: атомов, элементарных частиц, вакуума... Кстати, вам может представиться уникальная возможность увидеть воочию мир «засохшей» Ветви.

— Почему может? — От обилия информации, которую надо было анализировать, Павел осоловел настолько, что не сразу врубался в смысл сказанного.

— Потому что вы можете отказаться от дальнейшего пути.

— А как же «хронохирурги»? Наш мир, Древо Времен? Другие Ветви?

— Вы готовы идти дальше?

Павел открыл рот, чтобы произнести вслух: готов! — но взял себя в руки, унял дрожь в теле, ледяной озноб. Глубоко вздохнул, и... голос прозвучал неожиданно, не теплый и не холодный, но и не равнодушный — доброжелательный, голос такого далекого будущего, что при мысли об этом замирало сердце:

— Ты сделал выбор, землянин. Благодарить не будем, все мы сидим в одной лодке, как говорят у вас на родине. Ты один?

— Нет, наш десантный отряд поредел, но...

— Мы ждем.

В следующее мгновение Жданов оказался стоящим на полу центрального отсека «псевдоголема», под невозмутимо блистающей трубой трансгресса.

— Я быстро, — пообещал Павел, будто далекий абонент мог его услышать. И тотчас же в душе шевельнулась тревога: ситуация во внешнем мире изменилась.

Владей почувствовал приближение опасности сразу же после ухода Жданова. Напрягся, заставляя организм работать в состоянии магического озарения — всеведения на пределе.

Внутри Горы шла война с применением мощных энергетических потоков, это мешало сосредоточиться, однако волхв сумел все-таки определить источник опасности, угрожающий непосредственно ему и спутницам.

— Прячьтесь, — приказал он Ясене, также увидевшей скрытое перемещение тьмы. — С двух сторон сюда движутся враги.

Ясена уже показала себя дисциплинированным воином, поэтому отступила к светящейся дыре в боку «палицы Богов» беспрекословно, Тая же задержалась, не понимая, в чем дело.

— Объясни ей, — сквозь зубы бросил Владей, чувствуя, как тают драгоценные секунды, необходимые для отступления. Кто-то посмотрел на него оценивающе, юноша сделал шаг вперед, пытаясь проникнуть взором сквозь стены.

Коридор, по которому они добрались до «палицы», был пуст, но где-то рядом продолжала шевелиться тьма, вот-вот грозившая вылиться на свет.

Ясена подбежала к новой подруге, защebetала, подталкивая ее к проходу в глубины «палицы», но было уже поздно.

Одна из черных дверей слева по коридору бесшумно свернула, и в коридор вышел, мерзко улыбаясь, недавний противник Владея, безволосый чужак, которого новые друзья волхва называли «санитаром».

— Какая приятная встреча, — осклабился он, поигрывая мечом, держа его в правой руке, в то время как из левой выглядывал ствол метателя молний. — Стоять! — Это он бросил уже Тае, дернувшейся к поясу, где у нее был закреплен «универсал». — Стоять, леди, не то я попорчу вашу шкурку. И ты, самочка, не хватайся за лук, не поможет. — Безволосый прищелкнул языком. — Надо же, как мне везет! Искал одну, а получил сразу двух красавиц. Нет, Тюрьм — все-таки голова. Проверь, говорит, левый конец этой белой дубины, больно плотно он вписался в здание, не то что правый. Я и проверил.

Язык безволосого отличался и от россинского и от русского, хотя в нем было много родственных слов. Ни Владей, ни Тая не смогли понять всей речи «санитара», однако смысл сказанного уловили.

— Что ж, продолжим разговор, — улыбнулся шире безволосый, подходя ближе. — В прошлый раз ты меня сильно огорчил, молокосос, пора возвращать долг.

В тот же миг он выстрелил в Таю, снова попытавшуюся выхватить оружие. Разряд пришелся ей в грудь, девушка отлетела к стене, упала и осталась лежать без движения. Вскрикнула Ясена. Владей стремительно нырнул на пол и в подкате выбросил вперед меч.

Бой закончился.

Безволосый пытался отбить выпад, но такого приема не знал, и меч Владея, удлинившись вчетверо, пронзил его насквозь, несмотря на защитный комбинезон. Владей нажал, поднимаясь с пола на колени, меч, продолжая движение назад и вниз, разрезал тело «санитара» до паха и возвратился без единого пятнышка. Безволосый с вытаращенными глазами рухнул на пол, заливая его кровью. Понять он так ничего и не успел.

Но это было еще не все. Если бы Владей сразу кинулся под защиту «палицы Богов» и затолкал туда Ясену, ситуация могла измениться в его пользу. Однако он промедлил, а когда отреагировал наконец на тревожные сигналы подсознания, было поздно. В коридоре появились еще три действующих лица: великан с широченными плечами и яйцевидной головой и двое высоких существ, затянутых в черное трико, делавшее их почти невидимыми. Они были похожи на людей и насекомых одновременно.

Тюръм — яйцеголовый, Владей узнал его — без лишних слов вытянул вперед руку и выстрелил. Владей успел подставить меч, как его учил Род, но это был выстрел из «глюка», отразить который волхв не смог. На месте юноши вздулся сияющий радужный пузырь, лопнул с оглушающим треском, и Владей исчез. Его уцелевший меч со звоном воткнулся в стену. Отшатнувшаяся Ясена, не веря собственным глазам, с ужасом глядела на оплывшую, остекленевшую яму в полу, побелела, внезапно осознав, что это означает, и с воплем метнулась навстречу врагу, дважды успев выстрелить из лука.

Тюръм не стал тратить на нее энергию «глюка», просто отмахнулся, сломав девушке руку, и прошагал дальше, разглядывая расплосованное чуть ли не надвое тело своего подчиненного. Бросил с угрюмым презрением:

— Лурье всегда торопился получить все и сразу.

Жестом командир ватаги «санитаров» послал своих телохранителей вперед. Двое в черных маскировочных ком-

бинезонах молча нырнули в прямоугольник вырезанного Владеем прохода в корпусе «псевдоголема», однако спустя короткое время один из них вылетел обратно с перебитой шеей и уже не встал. Затем на пороге возник Павел Жданов, быстро оглядел поле боя и встретил взгляд яйцеголового эмиссара «хирургов». Несколько мгновений они смотрели друг на друга, держа противника под прицелом. Но у Жданова был только «универсал», а Тюръм держал в руке «раздиратель кварков», способный любой материальный объект превратить даже не в пыль — в ничто, в глюонное излучение.

— А вот и знаменитый землянин Жданов, — произнес наконец Тюръм с удовлетворением скрипяще-металлическим голосом, — доставивший нам столько хлопот. Где же ваши друзья, Те, Кто Следит? Что же они не вмешаются, не спасут героя в очередной раз?

Павел молчал, хотя знал ответ. Невмешательство Тех, Кто Следит за ним, в некоторых ситуациях говорило о том, что он мог выпутаться и сам.

Щель на лицевой оконечности головы-яйца Тюръма раздвинулась — он улыбнулся.

— Или вы рассчитываете на помощь отряда? Не стоит, от него сейчас не останется и пылинки. Сектор заминирован и вот-вот взорвется.

Словно в ответ на слова «санитара» где-то в недрах Ствола рвануло так, что стены здания зашатались и, казалось, сейчас рухнут. Со всех сторон загрохотало, корпус «псевдоголема» со скрипом просел на метр. Жданов прыгнул в коридор, но остановился, следя за стволом «глюка». Он был готов к работе на сверхскорости, но ждал благоприятного момента.

— Не спеши, герой. У меня, собственно, только один вопрос: трансгресс здесь, в этой трубе?

Павел молчал, сделав вид, что внутренне сломлен.

— Похоже, ты нашел его, — продолжал Тюръм. — Жаль, я не догадался проверить трубу раньше, считал ее пустой оболочкой. Зато я догадался заложить по центру двора хороший фугас. — Улыбка снова раздвинула узкие черные губы «санитара». — Вы, по-моему, там побывали — в моем катере, не так ли? Бедный пандав, стороживший его, помешать вам не сумел. А сейчас я сначала уничтожу тебя, потом взорву катер с

трубой и с трансгрессом, естественно, — и все закончится. Неплохая... — Тюрьм не закончил.

Вмешались силы, которые он уже списал со счета, пребывая в полнейшей уверенности, что ситуация находится под его контролем.

Очнувшаяся Ясена, долго целившаяся в него из лука, терпя боль в сломанной руке, выстрелила. Стрела попала Тюрьму в затылок, срикошетировала. Великан оглянулся, выпустив из поля зрения не только Жданова, но и Таю. Выстрел Лурье из «универсала» не пробил ее защитный комбинезон, только оглушил ее, и она тоже ждала своей минуты, уже научившись многим тонкостям боя, как заправский спецназовец.

Тюрьм, обладая мгновенной реакцией, выстрелил назад, но всех возможностей противника он не знал и промазал. Павла на прежнем месте уже не было, луч «глюка» вонзился в бок «псевдоголема», проделав в нем пятиметровый вывал, испарив часть корпуса на глубину в полсотни метров. В ответ сверкнула вспышка «универсала», вонзившего миллион вольт в шею гиганта, и снова факел разряда из «глюка» протянулся к Жданову, уничтожая стену коридора и все, что было за ней.

В третий раз Тюрьм выстрелить не успел. Разряд «универсала» Павла не пробил защитный воротник, но вырубил автоматику костюма, что немедленно сказалось на подвижности хозяина. Он нашел противника слишком поздно. Тая, вскочив и выдернув из уцелевшей стены меч Владдея, наотмашь ударила гиганта.

Лезвие дриммера вошло наискось между шеей и плечом Тюрьма и вышло из бока, отделив плечо и руку с «раздирателем кварков». И тотчас же Павел вонзил в это место последний заряд «универсала», развернув тело «санитара», будто консервную банку.

Тюрьм медленно повернул голову к Тае, так что девушка в испуге отпрянула, и завалился навзничь, рухнул с тяжким ударом, словно глыба камня.

Тая выронила меч, заплакала, прижимая тыльную сторону ладони к губам, потом вспомнила о Ясене, подковыляла к ней, скорчившейся на полу, присела на корточки. К ним подошел Павел и молча обнял обеих.

В такой позе, посреди учиненного боем разгрома, их и застали бездыханные от бешеной гонки уцелевшие десантники:

Ивашура, Полуянов, Белый, Костров. Остановились, оглядывая поле боя, засыпали Павла вопросами, примолкли, когда он коротко сообщил о гибели молодого россиянина.

— Как это произошло? — понизил голос Ивашура.

— Потом. — Жданов очнулся, подобрал упавшие «глюк» и меч Владея. — Быстрее к трансгрессу. Эта тварь приготовила к взрыву свой катер во дворе. Если не успеем...

Мужчины поняли все, бросились к дыре в корпусе «псевдоголема». Игорь Васильевич задержался, кивнул на безучастную ко всему подругу юного волхва.

— А что делать с ней?

— Идите, я догоню. — Павел подошел к Ясене, увидел ее прикушенную до крови губу, решительно достал аптечку с антишокером. Ничего не говоря, чмокнул присоской аптечки к щеке девушки, подождал, пока алый индикатор сменит цвет на зеленый, снял аптечку.

Щеки девушки порозовели, в глазах протаяло изумление, они стали осмысленными, хотя боль и горе заполняли их до краев.

— Мы уходим, — сказал Павел. — Сможешь дойти до своих сама?

Ясена отрицательно качнула головой, встала, прошептала еле слышно по-россински:

— Я с вами...

— Что? — не понял Павел.

— Я пойду с вами, — громче повторила девушка. — Там у меня никого нет... Владея убили... я здесь умру. Возьмете?

И в голосе юной россинки было столько тоски и надежды, что Павел не смог сказать «нет».

Они догнали ушедших вперед уже под трубой трансгресса. Все молча смотрели на приближающихся Жданова и Ясену, понимая, что это означает. Потом Тая вышла вперед и бережно взяла девушку под здоровую руку, шепча ей что-то на ухо. Павел вздохнул с облегчением. Объяснить, почему он решил взять Ясену с собой, он не смог бы и самому себе.

Через минуту они все находились внутри стартового объема трансгресса, подхваченные силовым полем.

— До встречи в иных временах, — попрощался с ними вежливый представитель Тех, Кто Следит, уже другой, судя по тембру мыслеголоса, не тот, с кем недавно общался Жда-

нов. — Кое-что успело измениться за последние полчаса. Нам стало известно, что «хронохирурги» попытаются прервать траекторию Ствола, взорвав его выходы в некоторых Ветвях. Как ни странно, это именно ваши Ветви, ваши Метавселенные, то есть родные вам времена и планеты. Вы должны помешать их планам.

— Как? — за всех спросил Павел.

— Решать вам, каждому в силу своих возможностей. Больше я ничего не успею вам сообщить. Мина под нами в центре двора сейчас взорвется. Желаю всем удачи!

Ответить неведомому союзнику никто не успел. Трансгресс включился, и началось стремительное падение — или взлет? — каждого в бездну...

Часть II

ВЕРБЛЮДЫ ТАНЦУЮТ...

Глава I

На фоне глубокого звездного купола небосвода Башня казалась провалом в преисподнюю. Не здание исполинских размеров — гипертрофированно жуткое явление инфернальных сил, решивших потрясти человеческое воображение невиданными масштабами и кошмарными тайнами. С другой стороны — априори было известно, что Башня создана людьми. Или их потомками. Потому что ни у кого из исследователей не оставалось сомнений, что она каким-то образом связана со временем, точнее, с прошлым человечества и с его будущим.

Где-то далеко раздался долгий тоскливый звук, полуплач-полувоющей. Стих. Веронике стало зябко, несмотря на теплую летнюю ночь. Она передернула плечами, но взгляда от черного провала не отвела. Ее спутник почувствовал смену настроения женщины, успокаивающе жжал локоть.

— Это всего лишь выпь.

Вероника благодарно улыбнулась. Старик Гришин почему-то взял симпатичную дикторшу Центрального телевидения под свою опеку, считая личным долгом посвящать ее в проблемы исследования Башни. Иногда это становилось обременительным. Но Вероника не сердилась на академика, разделяя его увлеченность, эмоциональность и... печаль по Ивашуре, начальнику экспедиции, пропавшему без вести возле стен Башни почти полгода назад.

Женщина вздохнула. Игорь Васильевич, Игорь Васильевич, где же ты теперь? Почему молчишь, почему не подашь весточки? И когда вернешься?.. Вероника была уверена, что Ивашура жив. Несмотря на официальное заключение: «Погиб вместе с другими членами исследовательской группы в составе: полковника Федеральной службы безопасности Одинцова, капитана ФСБ Штерна, сотрудников Центра по изучению быс-

тропеременных явлений природы Михаила Рузаева и Сурена Гаспаряна...»

Да, следов от них не осталось никаких, к тому же вернувшийся из вылазки к Башне второй помощник Одинцова майор Сысоев подтвердил факт их гибели, но сердце... сердце не соглашалось с этим заявлением. И Вероника ждала, приезжая в Брянские леса на свидание с Башней каждые две недели.

Мысли свернули в другое русло.

Со времени исчезновения (гибели?) отряда Ивашуры произошло множество событий, удивительных и ужасных, трагических, драматических, изредка приносящих впечатление успеха и подъема, но чаще — сталкивающих человека, утверждавшегося в самомнении повелителя природы, с чудесами, которые он не мог не только одолеть, но даже объяснить и понять.

В январе Башня начала сжиматься, одновременно увеличивая активность. «Глаза дьявола» — источники жесткого рентгеновского и гамма-излучения, «мертвые выбросы» — струи неизвестной субстанции, превращавшие любые предметы из любого вещества в полиметаллические болванки, «призраки» — удивительные объемные светящиеся фигуры, насыщенные электричеством, «телеэкраны» и другие чудеса Башни стали появляться чаще и в больших масштабах. Что, к слову, привело к жертвам среди исследователей, не готовых к резкому возрастанию активности гигантского сооружения.

После каждой пульсации Башни происходили подвижки почвы в округе в радиусе полусотни километров, изменился рельеф, появились холмы и новые долины, в ряде мест ручьи и реки пробили себе новые русла, но главным бедствием при этом оставались землетрясения, разрушающие города, заводы, линии электропередачи, газопроводы и трубопроводы разных назначений и калибров. Жители стали покидать райцентр, Жуковка превратилась в зону отселения, беженцы из других городов и сел, начавшие было обживать ее, потянулись в другие районы России, подальше от жуткой громады, грозящей невиданными катаклизмами.

В конце февраля активность Башни достигла максимума, и, хотя она к тому времени сжалась уже вдвое, уменьшив диаметр до двух километров, находиться даже в десяти километрах от ее стен было небезопасно. А поскольку добиться взаи-

мопонимания с обитателями Башни не удалось — в контакт с людьми ни пауки, ни черные всадники на «кентаврах», ни странные птицы, формой напоминавшие скатов, не вступали, — на самом верху, в правительственных кругах, дали команду попробовать свои силы военным и Федеральной службе безопасности. В результате восьмого марта, аккуратно в праздник всех женщин Земли, по Башне был нанесен с воздуха ракетный удар: девять «СУ-37» Брянской зоны ПВО выпустили одновременно со всех сторон восемнадцать ракет «Х-59».

Момент пуска совпал с очередной пульсацией Башни, и фейерверк получился впечатляющий.

Все ракеты попали в цель (лишь одна не взорвалась), в воздух взлетели гигантские фонтаны огня и дыма, но... после того, как «извержение» Башни закончилось, взорам потрясенных людей предстало практически чистое, неразрушенное здание без тех дыр и проломов, рухнувших стен и груд вывороченных блоков, которые все ожидали увидеть после попадания и взрывов.

Конечно, уже было известно явление «флаттера», процесса, очищающего, ремонтирующего стены Башни, но чтобы «флаттер» смог восстановить разрушения подобных масштабов — такого не ожидал никто.

Вероника знала, что в недрах военных кабинетов зрел и другой план: нанести по Башне ядерный удар, но пока что никто не решился воплотить его в жизнь. Да и в принципе острота проблемы была несколько снята некоторым снижением таинственной деятельности хозяев Башни. Однако в апреле произошло уж и вовсе неожиданное событие: Башня взорвалась изнутри! Правда, по поводу этого до сих пор шли споры, многим наблюдателям показалось, что на гигантское здание сверху спикировала огромная, длиной метров двести, ракета. Она вонзилась точно в центр кольца, коим представлялась Башня с высоты, исчезла, а уж потом, через пятнадцать–двадцать секунд, и раздался взрыв, расколовший здание на пять частей. С тех пор Башня стала похожа на удивительный рукотворный цветок, своеобразный «бутон лотоса», перестав светиться, стрелять, искрить, демонстрировать свои чудеса, она оставалась тем не менее опаснейшим объектом исследования. «Глаза дьявола» и прочие шумные, смертельно опасные дела прекратились, но «мертвые выбросы» нет-нет да и заставляли иссле-

дователей врасплох. Вдобавок появились новые сюрпризы, такие, как «блуждающие зоны ужасов», стреляющие по любой движущейся цели механические «черепахи» и «скаты», а также гигантские шестиметровые монстры, похожие на двуногих и четырехлапых чешуйчатых обезьян с головами змей. Вероника сама видела такое чудовище, и оно произвело на женщину неизгладимое впечатление. «Господи! — подумала она тогда. — Каково же Игорю там, внутри?»

Она все еще считала Ивашуру живым и молилась в душе, чтобы никакие монстры не помешали ему вернуться.

К лету произошли изменения и в социально-бытовой сфере экспедиции. Не выдержав нагрузки, ушел директор Центра Богаев, на место Ивашуры был назначен доктор физико-математических наук Тьмаревский из ФИАНа (Физического института Академии наук), сменился и куратор со стороны правительства: вместо ушедшего на покой Старостина появился представитель Совета безопасности Козюля, энергичный человек, бывший генерал. А старик Гришин остался, не желая, впрочем, занимать ни один из официальных управляющих постов. Академик был исследователем, ученым и хотел нести этот крест до конца своих дней.

Невидимый, протарахтел в стороне над лесом вертолет, и снова наступила тишина. Звери и птицы покинули этот край давно, еще прошлой осенью, и уже не возвращались, даже насекомые не хотели селиться в болотах и лесах, словно понимали угрозу, исходящую от полуразрушенной, но все еще непредсказуемо опасной Башни.

— Пойдемте, Вероника. — Пальцы Гришина легонько тронули локоть женщины.

Она вздохнула, отрывая взгляд от черной бездны над лесом, поискала Полярную звезду, рассмеялась с дрожью в голосе.

— Интересно, с какой звезды они все же прилетели?

Гришин понял. Наряду с основной — временной — концепцией, объясняющей явление Башни, существовала версия ее космического, внеземного происхождения. Сам академик склонялся к первому варианту, но в среде ученых не было единства, и теорий хватало, хотя ни одна из них пока не претендовала на истину.

— У писателей конца прошлого века Стругацких была повесть «Пикник на обочине», помните? — продолжала Верони-

ка, пока они медленно спускались с холма к дороге, где их ждал экспедиционный «уазик».

— Фантастику не читаю, — ответил Гришин извиняющимся тоном. — Пробовал в детстве, а потом...

— Так вот в повести рассказывается о том, как Землю посетили инопланетяне-негуманоиды, провели эдакий пикничок, оставив после себя зоны с неземным мусором, особо опасным. В принципе Башня может претендовать на звание такой зоны.

— Я все же убежден, что Башня — явление земного плана, несмотря на выходы из нее разных страшилищ, и связана она с прорывом временного барьера. Слишком много фактов указывает на это.

Вероника села в машину, следом, кряхтя, влез Гришин, заурчал мотор, УАЗ медленно, раскачиваясь на колдобинах и буграх, пополз прочь от гигантской аномалии (Башня изменила все параметры среды вплоть до геомагнитной обстановки). Солдаты поста, охранявшие въезд на территорию запретной зоны, проводили машину глазами и закурили. Они давно привыкли к опасному соседству и не реагировали на торчавшую над лесом громаду.

В кабине машины воняло бензином и карболкой. Вероника сморщила носик, заметила взгляд водителя в зеркале заднего обзора и улыбнулась.

— Отвыкла от запахов цивилизации.

— Скорее наоборот — от запахов нецивилизации, — авторитетно возразил водитель, молодой парень, обрадованный возможностью поговорить с красивой женщиной. — У вас там в Москве, наверное, запахи совсем другие, я имею в виду телестудию. Ну а как вам наша Башня?

— Манит, — Вероника подумала, передернула плечиками, — и пугает. Сама не знаю почему, но меня действительно тянет сюда. Вот и приезжаю каждый месяц, как на свидание.

Подвывая мотором, УАЗ выбрался с проселочной дороги на асфальтовую ленту, новую, уложенную всего месяц назад, но уже исполосованную трещинами, и через несколько минут миновал еще один пост — милицейский, на въезде в город.

Лагерь экспедиции располагался на окраине Жуковки, в двенадцати километрах от Башни и всего в двух от отгоро-

женной зоны отчуждения. Он был мобилен и мог в любую минуту сняться и переместиться на другое место. Состоял лагерь из двенадцати огромных спецфургонов финской фирмы «Миккели», дизеля, трех трейлеров Академии наук, в которых находились пять лабораторий и компьютерный центр, а также машины связи и двух БТР охраны. В одном из фургонов, используемом в качестве гостиницы для важных визитеров, представляющем собой жилой бокс — четыре комнаты со всеми удобствами, кухня, столовая на двенадцать человек, комната отдыха с телесистемой, она же конференц-зал, — жила Вероника.

— Пойдемте пить кофе, Константин Семенович, — остановилась она у длинной, тридцатиметровой, белой с красной полосой сосиски фургона. — Время еще не позднее.

Гришин посмотрел на часы и согласился:

— Думаю, жена бы не возразила.

На пороге фургона им повстречался сурового вида молодой человек, окинул ведущую телепрограммы новостей цепким взглядом, молча посторонился, пропуская. Вероника узнала его, это был тот самый майор ФСБ Максим Сысоев, помощник полковника Одинцова, единственный уцелевший из всей группы Ивашуры. В последнее время Вероника начала замечать с его стороны особое внимание к себе, выливающееся, правда, пока что в странные многозначительные взгляды и частые встречи, как бы невзначай. Вот как сейчас. Это не особенно беспокоило бы женщину, привыкшую к мужскому интересу, если бы не одно обстоятельство: майор Сысоев в отличие от остальных представителей мужского пола — официальных, военных и гражданских лиц — даже в начале лета, в тридцатиградусную жару был наглухо запакован в костюм и носил рубашки только с длинными рукавами. Почему-то именно данный факт тревожил Веронику больше всего. И еще она была уверена, что майор знает об исчезновении отряда Ивашуры гораздо больше, чем доложил руководству экспедиции.

Открыв дверь своего гостиничного номера, Вероника пропустила академика, бросила вызывающе-ироничный взгляд на все еще рассматривающего ее майора и захлопнула дверь. Проговорила сквозь зубы:

— Мерзавец! Смотрит словно удав на кролика.

— Это вы о майоре? — уточнил Гришин, с удовольствием усаживаясь в плетеное кресло-шезлонг. — Да, неприятный молодой человек. Мне приходилось с ним сталкиваться.

— А вы заметили, как этот майор одет? Темно-серый костюм, глухая синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы, красный галстук... и это в такую жару!

Гришин, одетый в бежевую рубашку с короткими рукавами и шорты, улыбнулся.

— Ну, у каждого свои причуды. Мерзнет человек, может быть, или статус обязывает быть человеком в футляре. А что мы будем пить?

— Можно открыть вино, у меня есть «Хванчкара», или заварить чай, кофе.

— Тогда лучше чай, кофе на ночь мне вредно, а для вина нужна причина.

Вероника быстро приготовила чай для Гришина и кофе для себя, накрыла стол, зажгла бра на стене, и они принялись чаевничать, поглядывая на экран телевизора, встроенного в нишу. В комнате стояли четыре кровати, по две — одна над другой, стол, четыре стула, тумбочки были встроены в стены, шкаф для одежды тоже, и тем не менее походной солдатской казармой комната не выглядела, в ней было уютно и прохладно. До вселения Вероники здесь обитала девушка, сотрудница какого-то института, но она уехала, и Вероника жила пока одна.

— И все-таки, Константин Семенович, — проговорила она задумчиво после недолгого просмотра программ телепередач и выключила телевизор, — вот мы все говорим, говорим, что Башня связана со временем, вернее, с путешествием во времени... а что такое время вообще?

— Это называется вопрос на засыпку, — пробормотал Гришин.

— А все-таки?

— Как сказал философ: время — понятие, необходимое для описания чего-то происходящего с Я или внутри Я.

— Красиво, но непонятно.

Гришин рассмеялся.

— Я сам вряд ли смогу объяснить внятно, что такое время. Существует множество концепций времени, и все они не идеальны, хотя, может быть, некоторые и близки к истине.

— Например?

— Ну, например, субстанциональная, реляционная, динамическая теории... статическая, субъективно-психологическая... и так далее.

— Константин Семенович, я не специалист в физике, поэтому раскройте суть этих идей попроще и не уваливайте от ответа.

Гришин развел руками, состроив комическую гримасу: вот, мол, получил ни за что.

— Я же вам говорю, Вероника Даниловна, я специалист в несколько другой области знаний и сам мало что понимаю в физике времени. Другие ученые и коллеги, впрочем, тоже. Ну хорошо, попытаюсь. Субстанциональная концепция определяет время как особую субстанцию наряду с пространством, веществом, излучением и полем. Так нормально?

Вероника не выдержала тона и рассмеялась.

— Так нормально. Во всяком случае, мне все понятно.

— Идем дальше. Реляционная гипотеза толкует время как отношение или систему универсальных устойчивых отношений между физическими событиями. Очень заманчивая гипотеза, но с изъянами. Динамическая версия: время — изменение порядка событий...

— Ну, это я еще со школы помню. Будущее превращается в настоящее и прошлое.

— Именно так, уважаемая Вероника Даниловна. Хотя никто не знает, почему будущее превращается в прошлое, что его заставляет. Наконец, статическая теория: время — скольжение сознания мыслящего индивидуума вдоль мировой линии, где события располагаются друг за другом, как точки с определенными координатами в пространстве.

Вероника оживилась.

— Вы хотите сказать, что по этой теории порядок вещей во Вселенной жестко закреплен, а мы, точнее, наше сознание мчится мимо? Ощупывает, так сказать, дорогу в будущее? И все уже известно заранее? Кому известно в таком случае?

Гришин с уважением оглядел раскрасневшуюся собеседницу, хмыкнул.

— Надо признать, вы задаете весьма интересные вопросы, Вероника. На них нет ответов. По этому поводу могу привести вам лишь высказывание одного из ученых недавнего прошло-

го: «Для Бога нет будущего, ибо Он ничего не ожидает, и нет прошлого, ибо для Него ничего не происходит»*. Понимаете? Если Вселенную создал Бог, то лишь он знает, что такое время. Мы же всегда будем знать не всю, а только часть истины. Почему бы нам не остановиться на определении Достоевского: «Время есть отношение бытия к небытию»?

— Время есть отношение, — повторила Вероника, — бытия к небытию... Хороший афоризм. Может быть, с очень мощным философским подтекстом. Надо будет поразмышлять на досуге. Ну а другие гипотезы?

— Другие не менее... — академик не договорил.

Где-то на территории лагеря зародился шум, раздались возбужденные голоса, лязг железа, стук дверей, топот. Кто-то закричал, бахнул выстрел, взревел двигатель вездехода.

— Эт-то что еще такое там творится? — Гришин вскочил.

Вероника дотянулась до селектора связи и повысила голос:

— Юра, что случилось? Что за паника? Приехал кто или ребята решили повеселиться?

— Говорят, возле Фокина солдаты оцепления перехватили группу людей, идущую от Башни.

Ухнуло вниз сердце, заложило уши. Вероника побледнела.

— К-какую группу? Сколько их? Кто?!

— Трое в каких-то блестящих комбинезонах. Один из них — Игорь Васильевич Ивашура, бывший начальник...

Еще не смолк голос дежурного, а Вероники уже не было в комнате. Простучали каблучки ее туфель по коридору, хлопнула дверь.

— Чудеса! — покачал головой Гришин, и тут только до него дошел смысл слов: вернулся Ивашура!

Глава 2

Обычно путешествие по линии трансгресса сопровождалось провалом сознания: падение в пропасть, вспышка света, истома, небытие — и вот они уже за тысячи и миллионы парсеков от места старта, за миллионы и миллиарды лет. Нынешний же старт Ивашура помнил до мельчайших подробностей,

---

* Иоанн Скотт Эриугена.

а еще ему показалось, что его бессчетное количество раз «пересаживали» с одного вида транспорта на другой, пока наконец капсула трансгресса (сгусток поля? тахионный луч? процесс перегиба координат?) не достигла родной Метавселенной, родной Ветви Времени и не затормозила, выбросив хрупкий свой груз — людей — в материальность и реальность бытия...

Потрясенный, он таращился в темноту, ничего не видя и не понимая, пока не почувствовал рядом движение и дыхание. Напрягся, дотягиваясь до пояса с оружием, вдруг сообразив, что лежит на твердом, а лицо овеивает теплый ветер с запахами трав и цветов.

— Куда это мы врезались? — раздался недовольный голос Кострова, и Ивашура с облегчением расслабился. — Тая, ты как?

— В порядке, — отозвалась девушка. — Где Игорь Васильевич? Ничего не вижу.

— Здесь я, — откликнулся Ивашура. — Поздравляю, десантники. Кажется, мы прибыли точно по расписанию и в нужный квадрат. Вот только уходили мы зимой, а вернулись, судя по всему, летом.

Они полежали немного, привыкая к положению, к запахам и звукам, разглядели звездное небо над головой и глухую черную стену, скрывающую половину небосклона, и поняли, что выпали из трансгресса ночью возле стены Ствола.

Идти никуда не хотелось, вообще не было желания напрягаться, бороться с силами зла, кому-то что-то доказывать, организовывать и работать, но Ивашура заставил себя собраться и убедил в необходимости этого спутников. Через полчаса они уже шагали прочь от остывшей громады Ствола, к лесу, за которым шатром вставало сияние города, к людям. Никто их не заметил, никто не попался на пути. Еще через два с лишним часа их обнаружили возле деревни Фокино, на границе отгороженной зоны, солдаты патруля.

На счастье Ивашуры, Кострова и Таи, первыми с ними встретились не сотрудники ФСБ, а работники экспедиции и журналисты. Поэтому засекретить выход группы из Башни новому начальнику службы безопасности, которым стал майор Сысоев, не удалось. Чем объяснялась подобная нерасторопность службы, заинтересованной в сокрытии тайны, стало из-

вестно позже, а пока майор, поднятый по тревоге дежурным по лагерю, крепя сердце слушал вместе со всеми рассказ бывшего начальника экспедиции в одном из фургонов лагеря, битком набитом людьми.

Рассказ длился недолго, около двадцати пяти минут, Ивашура был немногословен, что вполне объяснялось усталостью вернувшихся «с того света». Отчасти это было верно, однако истинной причиной лаконичности Ивашуры было то, что он знал о присутствии на пресс-конференции агента «хирургов» и тщательно подбирал слова, чтобы не наговорить лишнего. «Санитары» здесь, в Брянских лесах, должны были оставаться в неведении относительно знаний вернувшихся, а тем более их нового задания. Что реакция последних последует в ближайшее время, Ивашура не сомневался и был готов к этому. Были готовы и Тая с Иваном, хотя очень хотели отдохнуть, пожить в атмосфере спокойствия и уюта, в домашней обстановке, с родными и близкими.

Вероника не отходила от Игоря Васильевича ни на шаг, что и радовало, и тревожило Ивашуру. Он не хотел посвящать ее в свои опасные тайны и в то же время жаждал остаться с ней наедине, выговориться, получить поддержку и одобрение, а если и не рассчитывать на серьезность отношений, то хотя бы расслабиться в компании с той, о ком не раз думал во время похода по Древу Времен.

И все же, как ни спешил он закруглиться, путешественников по Башне, оказавшейся своеобразной машиной времени, а точнее — шахтой времени, отпустили только в четвертом часу ночи. Возбужденные исследователи феномена, ученые, сотрудники многих институтов и Центра по изучению быстропеременных явлений природы, бойцы спецназа, обслуживающий экспедицию персонал, представители официальных кругов расходились по своим комнатам нехотя, возбужденные чудом возвращения пропавших без вести и их не менее чудесным рассказом о сути Башни.

В каюте для совещаний руководства экспедиции остались семь человек: Ивашура, Иван, Тая, Вероника, майор Сысоев, заместитель секретаря Совета безопасности Козюля и новый начальник экспедиции Тьмаревский, кругленький, маленький, лысый, но с длинной «курчатовской» бородой. По всему было видно, что он испытывает адские муки сомнений и недоверия,

однако в отличие от скептически настроенного Козюли доктор физматнаук из ФИАНа ни одного вопроса не задал и слушал рассказ Ивашуры внимательно.

— Гмм-кхе-кхе, — прокашлялся он, когда в комнате остались только непосредственные руководители исследовательского контингента. — Э-э... м-м-м... в общем, я думаю, картина ясна...

— Да-а-а! — проговорил Козюля, с силой хлопнув себя по ляжкам, встал, оглядел всех. — Будем разбираться со всем этим на свежую голову. Отдыхайте пока, располагайтесь в здешней, так сказать, гостинице. Пойдемте, Лев Давыдович.

Тьмаревский подхватился со стула и шариком выкатился за дверь. За ним, поколебавшись, вышел молчавший все время майор Сысоев, бывший помощник Одинцова, одетый как на прием.

Путешественники по хроношахте Бича Времен переглянулись.

Иван поднял брови, кивая на дверь. Ивашура кивнул в ответ, понимая Кострова без слов. Майору Сысоеву явно было что скрывать под пиджаком. Вероника, не понявшая этой пантомимы, произнесла с сожалением:

— Ну, я тоже пошла. Тая, идemте со мной. Я одна в номере, а коек четыре, разместимся нормально. Умоетсяь, отдохнете.

Тая оглянулась на Ивана, получила молчаливое одобрение, и женщины вышли.

— Итак, будем располагаться и мы, благо здесь есть две койки. — Ивашура ткнул пальцем в потолок, на стены, показал себе на уши. Иван понял, что в комнате могут быть установлены подслушивающие устройства, и кивнул. С этих пор им предстояло вести себя предельно сдержанно и осторожно, потому что для агента «хирургов», занимающегося здесь своими делами, они были свидетелями сверхнежелательными.

Словно в ответ на мимику друзей в дверь без стука вошли майор Сысоев и двое здоровенных молодых ребят в рубашках, буквально лопающихся на могучих плечах, один — обритый наголо, второй, наоборот, с пышной прической «а-ля Миша Боярский».

— Собирайтесь, пойдете с нами, — равнодушно проговорил майор, небрежно показав издали красное удостоверение с тисненым двуглавым золотым орлом.

— А в чем дело? — осведомился Ивашура не менее индифферентно. — По-моему, мы договорились разбираться на свежую голову, то есть утром. Ваш шеф сказал...

— Он мне не шеф. Собирайтесь, и побыстрей.

— Да, собственно, и собираться-то нечего, у нас все с собой.

— А санкция прокурора у вас есть? — невинным тоном спросил Костров, поглаживая свою отливающую медью щетину на щеках. Последний раз он брился с неделю назад. — Может быть, дадите время до утра привести себя в порядок? Или ФСБ считает нас инопланетными шпионами?

— Мне санкции прокурора не нужны.

— Не юмори, рыжий, — тихо добавил один из парней, терпя терпение, бритоголовый, с квадратным подбородком, толстым носом и злыми глазами цвета свинцовой пули. — Не то небо с овчинку покажется.

— Да ну? — удивился Иван. — А ты, значит, специалист по выделке овчин.

— Если не подчинитесь, вынужден буду применить силу, — угроюще сказал майор.

Ивашура и Костров обменялись взглядами. Потом Игорь Васильевич демонстративно сел на кровать.

— Никуда мы не пойдем. Подождете до утра.

Крутоплечий верзила шагнул было к нему, и в этот момент в комнату ворвалась запыхавшаяся Вероника. Оглядела застывшую компанию, подошла к Ивашуре.

— Я позвонила ребятам, утром прилетит Гибелев со своими архаровцами, а возле лагеря уже собрались жуковские журналисты, жаждут встречи. — Тут только Вероника якобы заметила напряженно застывших сотрудников майора, перевела взгляд с лица Ивашуры на них и обратно. — Что происходит, Игорь?

— Ничего особенного, — усмехнулся Ивашура. — Ребятки из службы безопасности предлагают следовать за ними. Вероятно, они считают, что мы убили полковника Одинцова, а также наших друзей Гаспаряна и Рузаева, а чтобы скрыть следы, придумали историю о шахте времени.

— Чушь! — сердито фыркнула Вероника. — Господин Сысоев, в чем дело?

— Ни в чем, — ответил майор, пожевав губами, затем повернулся к своим телохранителям. — Пошли, утром продолжим разговор.

— Иди, иди, культурист, — посоветовал замешкавшемуся верзиле Костров, — бицепсами будешь в цирке играть.

— Ну, смотри... — процедил сквозь зубы накачанный молодой человек с бритой наголо бугристой головой.

— Смотрю, — ответно показал зубы Иван, хотел что-то добавить, но из коридора донесся окрик: «Агатов!» — и бритоголовый исчез за дверью.

Оставшиеся в комнате молча взглянули друг на друга.

— Они нас в покое не оставят, — задумчиво проговорил Ивашура. — Надо что-то придумать. Ты про жуковских журналистов сочинила или они действительно ждут?

— Конечно, сочинила, — призналась Вероника. — Кто тебе поплетется сюда в четыре часа ночи? Почувствовала, что этот майор затевает какую-то гадость, и прибежала.

— А про Гибелева с его архаровцами?

Вероника опустила голову.

— Тоже. Но его-то как раз, — она прямо и сердито посмотрела на Ивашуру, — можно поднять хоть сейчас. Уверена, примчится первым же авиарейсом из Москвы.

— Тогда иди звони, пока не перекрыли все каналы связи, говори своему коллеге что хочешь, но утром он должен быть здесь. Нас спасет только открытая пресс-конференция с привлечением столичных журналистов и телекорреспондентов, заставить которых замолчать будет невозможно.

— Игорь, что происходит? — Вероника нахмурила тонкие брови-крылья, придававшие ее лицу особый восточный колорит.

Ивашура поколебался немного, но рассказать ей правду не решился.

— Потом как-нибудь объясню, — сказал он глухо. — Иди поухаживай за подружкой Ивана и не отходи от нее ни на минуту. Как бы наш бравый майор не взялся за нее.

— Спокойной ночи. — Вероника ушла.

Мужчины остались одни и несколько минут сидели молча, думая об одном и том же. Потом Игорь Васильевич начал снимать свой блестящий комбинезон, не раз спасавший ему жизнь во время боя в мире россинов.

Гибелев не подкачал и появился в лагере экспедиции с двумя телеоператорами и четырьмя корреспондентами Цен-

трального телевидения (ОРТ, РТР и ВИД) и радио, а также с гостившим у него журналистом из Германии Гюнтером Кранцем. Поэтому ни выставить приехавших за пределы лагеря, ни помешать пресс-конференции Ивашуры, прошедшей на открытом воздухе при достаточно большом стечении народа, майор Сысоев не сумел. А может быть, этого ему не позволило сделать начальство. Во всяком случае, вел он себя тихо и незаметно и к вернувшимся путешественникам больше не приставал.

После обеда Иван и Тая уехали на вокзал без провожающих, чтобы без лишней суеты и огласки отбыть в Москву. Они хотели побыть дома, сообщить родителям о помолвке и отдохнуть от долгого путешествия по другим временам. В дальнейшем они решили не расставаться и сыграть свадьбу, как только позволит обстановка.

— Счастливые люди! — вздохнула Вероника, провожая глазами «девятку» Гришина с молодой парой, пока она не скрылась на окраине города; академик лично захотел отвезти Ивана с Таем на вокзал.

— Ты говоришь так, словно завидуешь, — усмехнулся Игорь Васильевич. — Неужели такая женщина, как ты, может быть несчастливой?

— Несчастливой — не то слово. — Вероника поправила прическу. — Скорее невезучей. Не нашлось мужчины, чтобы я могла вот так, как Тая за Иваном, следовать за ним куда угодно, без оглядки.

Ивашура хотел было пошутить, но вовремя прикусил язык, чувствуя на спине чей-то взгляд. Оглянулся. На него от фургончиков экспедиции смотрел один из клеветов Сысоева, качок с пышным чубом. Вероника тоже оглянулась.

— Пойдем ко мне, хоть поговорим без соглядатаев.

— У меня другое предложение. — Игорь Васильевич понизил голос. — Сейчас я кое с кем повстречаюсь и кое-кому позвоню, потом зайду к тебе, и мы поедем в город, посидим в каком-нибудь жуковском ресторане. Возражения?

— Никак нет, начальник!

Ивашура наклонился, бережно взял руку женщины, поцеловал пальцы и быстро пошел к лесу. И Вероника вдруг поняла, насколько Игорь изменился. Он и раньше был решительным и смелым человеком, прекрасным организатором, целе-

устремленным и даже порой жестким, но теперь в нем чувствовалась иная сила — знание вселенских тайн, ответственность за судьбу не только людей, но и мира Земли, и это знание сделало его кем-то большим, чем просто руководитель экспедиции. Он имел право приказывать, оставаясь при всем при том галантным кавалером и мужчиной, ценящим в женщине красоту и ум.

В начале пятого они сумели оторваться от бдительного ока майора Сысоева, побродили по центру Жуковки, абсолютно провинциального, как и сотни других в российской глубинке, городка, а потом уединились за столиком частного ресторанчика «Ломотов и К^о», расположенного в переулке Мальцева, недалеко от местного рынка.

Женщины обычно любят, когда мужчина играет перед ними роль героя, босса, барина или благодетеля, но Игорь Васильевич Ивашура такую роль не играл, он был волевой натурой изначально, с рождения, и всегда знал, с кем и как себя вести. Его спокойный уверенный голос действовал на Веронику столь сильно, что она удивлялась сама себе, поддаваясь магии этого голоса, интонациям, завораживающим оттенкам, хотя сам Ивашура не прилагал к этому никаких видимых усилий. Он просто рассказывал разные истории, эпизоды похода по Башне, шутил часто и вел себя абсолютно естественно. И вместе с тем внутри него жили тревога и напряженность, Вероника чувствовала это с самого начала и в конце концов спросила напрямик:

— Игорь, тебя что-то беспокоит. Я еще ночью заметила, да и Сысоев не зря интересуется тобой. Что все-таки происходит? А я чувую — происходит, и хочу помочь. И вообще... — она замолчала на мгновение, но преодолела естественную женскую гордость, — я готова всегда быть с тобой. Понимаешь?

Ивашура, словно споткнувшись на скаку, замолчал, пристально разглядывая ставшее пунцовым лицо собеседницы, ослепительно красивое от волнения и переживаемых чувств, в том числе страха, что ошибается, что он не свободен или не чувствует то же самое, накрыл сильной рукой ее ладонь, сжал. Улыбнулся так, что ей стало больно и радостно одновременно, проговорил медленно:

— Я давно хочу того же. Но со мной будет беспокойно... если не сказать больше. А в последнее время — опасно.

— Переживу, — храбро заявила Вероника. — Рассказывай все.

И тогда он поцеловал ее в губы, не обращая внимания на обстановку, ресторанный шум и сидящих за соседними столиками посетителей.

Глава 3

Появление Ивана настолько поразило его мать и старенькую бабушку, что обе едва не слегли с сердечным приступом. Но все обошлось, женщины быстро отошли, а забота и уход за ними Таи, невестки, как догадались они, и вовсе подняли тонус и настроение «мамы Любы и бабы Маши».

Погостив у Ивана два дня, молодая пара отправилась к родителям Таи, проживавшим в Лобне; сама она имела квартиру в Москве, недалеко от станции метро «Царицыно». Естественно, Калашниковы обрадовались возвращению дочери, да еще с женихом. Оба уже похоронили ее в душе, прождав полгода и получив сообщение из милиции о том, что она пропала без вести. Отец, Николай Демьянович, профессиональный военный, побывавший в свое время в Чечне и списанный по ранению, работал заместителем комиссара Лобненского военкомата и попробовал искать дочь по своим каналам, однако правды не добился, пока не съездил в Брянскую область, к родственникам, и не выяснил, что дочь пропала аккурат в момент появления в здешних лесах жуткой Башни, «НеНЛО», как ее прозвали в народе: непознанного нелетающего объекта. И вот дочь вернулась...

Разговоры затянулись за полночь, были охи и ахи, изумленные реплики Калашникова-старшего, в конце концов поверившего в реальность путешествия по шахте времени, а когда рассказчики притомились, их милостиво отпустили подышать свежим воздухом.

Июньская ночь была теплой и звездной. Над парком в стороне теплоцентрали вставала огромная из-за рефракции оранжевая луна. Одетые по-домашнему в спортивное трико Иван и Тая спустились к реке, остановились у воды, завороченные лунной дорожкой.

— Не верится, что мы побывали в прошлом, — прошептала Тая, — за миллиарды лет до Рождества Христова.

— И даже до рождения Вселенной, — отозвался Иван, обнимая девушку. — Признаться, я и сам с трудом верю в наш поход. Если бы мне кто рассказал подобное — рассмеялся бы ему в глаза! Но стоит вспомнить лифт, погони, «санитаров»... гибель Сурена и Миши... нет, все было! Что-то еще нам предстоит?

— Спасать Вселенную, — невольно улыбнулась Тая. — Несоизмеримые понятия — я и Вселенная, а надо же, как все переплетено: оказывается, от меня тоже зависит ее судьба!

— Ну, насчет несоизмеримости можно поспорить. Человек — тоже микрокосм, своеобразная Вселенная, и не в масштабах величие. Другое дело — наша взаимосвязь. Мы жестко сидим в узле, определяющем параметры мироздания, а оно, в свою очередь, влияет на нас и определяет нашу линию поведения.

— Ты заговорил как философ.

— Поневоле им станешь, пройдя десятки других Ветвей Времени, столкнувшись с замыслами тех, кого и врагом-то назвать нельзя в полном смысле этого слова. Вот «санитарь» — да, враги, их уровень близок нашему, а «хирурги» — нет. По сути, это боги, только злые.

— Скорее, равнодушные к нам, другим существам, к жизни вообще.

— У зла градаций много, равнодушие — одна из них. Люди в большинстве своем тоже заражены бациллой равнодушия. Но спорить об этом мне не хочется. Интереснее анализировать наш последний бой. Ты помнишь...

Тая прижала пальцы к губам Кострова, заставив его замолчать.

— Иван, давай не будем об этом тоже. Мне все еще больно, что мы потеряли Мишу... и страшно. Ведь еще ничего не известно, путь наш не закончен.

— Для тебя закончен, — недовольно буркнул Иван. — Дальше я пойду один, вернее, с Игорем. Ты останешься дома, будешь ждать.

— Ну уж нет! — Брови Таи сдвинулись, упрямства ей было не занимать. — Только вместе! Я такой же десантник, как и ты, иначе Те, Кто Следит, давно посоветовали бы вам избавиться от подобной обузы. И все, никаких возражений! Одно-го я тебя никуда не отпущу!

Иван открыл рот, собираясь возразить, и тут же закрыл. Если Таисия начинала «упираться рогом», заканчивалось это всегда капитуляцией Ивана. Лучше было не акцентировать внимание на будущих делах и попытаться уйти с Ивашурой в Ствол-Башню тихо, по-английски.

— Хорошо. — Иван притянул к себе девушку, поцеловал, преодолевая недолгое сопротивление, потом стал целовать шею, щеки, грудь, рванул с себя футболку... и закончился этот взрыв любви и страсти через час.

Искупались, продолжая касаться друг друга руками и телами, ощущая не утоленное до конца желание, надели костюмы прямо на мокрые тела. Иван оступился, едва не свалившись в воду, и Тая засмеялась, зажимая рот. Потом притворно сдвинула брови.

— Насильник! Хорошо, что здесь никто не гуляет в три часа ночи... — И тотчас же испуганно вскрикнула, потому что неподалеку раздался чей-то недобрый скрипучий голос:

— Напрасно ты так думаешь, малышка. Нам было очень интересно смотреть на ваши кувырки. Не хочешь повторить?

В лунном свете серебристо высверкнули три фигуры на другом берегу реки. Было видно, как свет переливается в их одежде, будто живое жидкое сияние, и Костров даже принял было одежду незнакомцев за компенсационные костюмы, такие же, какие сохранились у них, но это были всего лишь белые летние рубашки и брюки. Лунный свет превратил их в ртутно-серебристую рыбу чешую.

— Беги! — еле слышно прошипел Иван.

— Но мы можем... — так же тихо, неуверенно проговорила Тая.

— Беги, я их отвлеку. Они вооружены, но, пока перейдут реку, ты успеешь добраться до милиции. К себе не иди, нас, очевидно, выследили. Поняла?

— Побереги себя. — Тая набрала воздуха в грудь и нырнула в кусты слева, будто в ледяную воду.

Рванулся в другую сторону и Костров, чувствуя тугие толчки воздуха над головой и шлепанье пуль в береговой откос. Троица в белых костюмах мгновенно открыла огонь из пистолетов с глушителями, но такой резвости от своих жертв не ожидала и поэтому опоздала. Ошиблась она и в оценке си-

туации. Иван, пройдя хорошую школу жизни, приобретя выучку десантника, не был кабинетным ученым, поэтому он не бросился бежать сломя голову, а, надеясь на фактор внезапности, решил напасть на преследователей первым.

Пробежав с шумом десятка два шагов, пригнувшись, каждую секунду ожидая удара пули в спину, он свернул, сделал круг, перемещаясь теперь бесшумно, и вышел к реке как раз там, где ее переходил крайний левый «форвард», широкоплечий и бритоголовый. Иван едва не присвистнул, узнав в нем телохранителя майора Сысоева, парня по фамилии Агатов. Проговорил про себя: вот и свиделись, особист хренов! Посмотрим, чего стоят твои бицепсы и трицепсы...

Мускулы бритоголовому Агатову не помогли. Во-первых, понадеявшись на превосходство в силе и вооружении, о противнике он думал только как о беглеце, не помышлявшем о сопротивлении. Во-вторых, напрочь отсекал творческий подход в таких делах. И в-третьих, знал технику боя всего лишь на уровне первого дана — школярскую блокировку и кихон, хорошо смотрящийся на публике. Иван возник рядом как привидение, когда бритоголовый качок выходил на берег, первым ударом выбил пистолет-пулемет (отечественный «бизон», очень удобная и мощная машина), а вторым, несмотря на демонстрацию стойки, защитного блока и удара (так машут веслом), уложил здоровяка на песок ударом локтя-кулака в ключицу-шею.

Шум от падения тела получился изрядный, поэтому Иван не стал рисковать с обезвреживанием двух оставшихся боевиков, а просто подхватил выпавший у Агатова «бизон», дал очередь по метнувшимся к нему фигурам, затем бросил оружие в воду и нырнул за ним, моля Бога, чтобы здесь было не мелко.

Фортуна не подвела. Глубина реки в этом месте достигала полутора-двух метров, поэтому, погрузившись в ил и перевернувшись на спину, Иван не поплыл дальше, а стал ждать, глядя из воды вверх, на колышущееся зеркало поверхности.

Ждать пришлось недолго, около трех минут.

К упавшему подбежал всего один его партнер, сыпанул очередями по кустам и воде, помог Агатову прийти в себя и подняться, и они тяжело побежали туда, где несколько минут назад исчезла Тая. Но догнать ее они уже не могли.

Иван всплыл, отдышался, прошелся по берегу, вглядываясь в причудливую игру теней, и обнаружил третьего охотника лежащим ничком: ноги в воде, туловище на песке. Иван перевернул его и невольно поежился. Пуля из «бизона» попала парню в щеку и застряла в голове. Этого здоровяка Костров видел впервые.

Вздохнув: «Или они нас, или мы их — альтернативы нет», — он медленно и осторожно побрел вслед за исчезнувшими головорезами Сысоева. Сомнений не оставалось, бывший напарник полковника Одинцова стал «санитаром» и стремился теперь избавиться от неожиданных гостей, чтобы выполнить задание «хирургов» без помех. Какое это было задание, гадать не приходилось, а прикрытые агенту «хирургов» досталось великолепное. ФСБ была структурой мощной и практически не подлежащей контролю со стороны.

Идти далеко не пришлось.

Тая смогла быстро добраться до ближайшего отделения милиции и привести с собой к реке наряд муниципалов — троих парней в камуфляже с автоматами. Пока парни разбирались, кто в кого стрелял и кто убитый, Иван бросил в девушку камешек, надеясь, что она не закричит от радости, жестом показал, что ждет ее дома, и тихо растворился в кустах.

Тая пришла через полтора часа, усталая, грустная и в то же время решительная, готовая постоять за себя и за друга.

— Отпустили, — выдохнула она Ивану на ухо, чтобы не будить родителей, которые ничего не знали. Будить их Иван не стал.

Они обнялись. Потом Костров шепнул:

— Нужно уходить. Эти мерзавцы здесь были и могут вернуться. Что ты рассказала ментам?

— Пьяные бандиты с автоматами... напали, хотели изнасиловать... поспорились, стали стрелять... о тебе ни слова. Гуляла, мол, по берегу одна. Записали адрес, два раза допрашивали, потом отпустили. Что теперь будет, Ваня?

— Война, — горько усмехнулся Иван. — Мы все еще на службе, Тая, и до дембеля далеко. Пиши письмо своим, что мы, мол, решили отдохнуть на юге до свадьбы, позвоним позже.

— А сами?

— Сами снова в Брянские леса, поближе к Игорю. Как бы его там не... а втроем мы отобьемся. И еще надо выполнить

задание, которое нам доверили. Ты готова? Или все же на время где-нибудь спрячешься?

Тая сильнее прижалась к Ивану.

— Я с тобой! Десантник я или не десантник? — она подняла голову, сияние луны — света в квартире не зажигали — отразилось в ее глазах.

— Десантник, — проворчал Иван и поцеловал ее в подозрительно заблестевшие глаза.

В поезд Москва — Брянск сели на Киевском вокзале после тщательной проверки перрона и потока пассажиров. Ничего подозрительного не заметили, хотя Иван в душе признался, что контрразведчик из него никакой. Их могли вести издали, с применением спецтехники, что нелегко обнаружить и профессионалу. Но делать было нечего, их путь лежал в Брянские леса, а добраться туда можно было всего тремя видами транспорта, одинаково небезопасными: железнодорожным, автомобильным и воздушным. Второй и третий Иван по зрелом размышлении отбросил, в обоих случаях преследователям было легче перехватить жертвы и ликвидировать, не привлекая особого внимания. Поезд тоже не гарантировал комфортных условий по части безопасности, но Иван надеялся, что при большом скоплении народа преследователи не решатся хотя бы стрелять. Холодного оружия Костров не боялся.

Через час легли спать; поезд в Брянск отходил от вокзала почти в двенадцать часов ночи. А еще через час с четвертью у Ивана сработала интуиция, и он проснулся как от толчка. Полежал, глядя в потолок купе, чувствуя злые сквознячки, текущие через голову из-за стенок вагона, из коридора, бесшумно спустился вниз, разбудил Таю.

— Может быть, я напрасно психую, но мне не по себе. Пойду проверю вагоны впереди и сзади нашего. Жаль, что не взяли оружия, хотя бы газового.

— Да, «универсал» не помешал бы, — улыбнулась девушка, так и не отдохнувшая за день. — Или на крайний случай меч-дриммер.

— Возьми складной нож. Обращаться умеешь, десантник?

— Даже бросать умею, отец когда-то учил.

— Отлично! Чуть что — пускай в ход, не задумываясь. Мы должны выжить и помочь Игорю выполнить задание.

Иван приоткрыл дверь, выглянул в коридор — никого. Быстро двинулся к туалету, открыл и зашел, оставив дверь полуоткрытой. Подождал минуту, обращаясь в слух.

Со стороны купе проводника щелкнула дверь тамбура, кто-то вошел. Иван присел, чтобы голова не отразилась в зеркале, осторожно выглянул из-за двери и в тусклом свете ночника увидел две крупные фигуры все в тех же белых рубашках и брюках. Преследователи не потрудились переодеться, чувствуя себя хозяевами положения. Спеси у них даже после гибели напарника не поубавилось. Каким образом они выследили беглецов, гадать было бесполезно, существовало множество разных методов и технических средств.

План действий созрел в голове мгновенно.

Иван нарочито шумно хлопнул дверью туалета, вышел в коридор, резко остановился, словно только что увидев преследователей, и бросился из вагона, приглушенно крикнув:

— Тая, беги!

Расчет его оправдался. Двое не стали проверять все купе подряд, ломать голову, сколько человек убегает. Рефлекс сработал за них, да и фраза Ивана: «Тая, беги!» — тоже прозвучала вовремя. Жертвы убегали, их надо было догнать и уничтожить.

Иван выскочил в тамбур, попробовал открыть двери вагона — заперты на ключ, помчался дальше. Проскочил соседний вагон, снова дернул за ручки выходных дверей. Слава Аллаху! То ли проводник ленивый попался, то ли дверь не запирается, но именно то, что нужно. Прилип к поручням несущегося в темноту вагона, закрыл дверь, краем глаза следя за тамбуром... Вот они!

Две тени метнулись из переходника в вагон, не заметив не полностью закрытой двери. Пора!

Иван снова вскочил в тамбур и метнулся вслед за пробежавшими убийцами, не особенно удивляясь своему хладнокровию: поход по Стволу не прошел даром и для него, а навыки Российских ВДВ не забываются никогда.

Бугристого от мышц здоровяка с мясистым затылком Иван догнал в следующем вагоне и с ходу врезал ему по шее тычком — ударом костяшками пальцев правой руки. Попал куда надо. Здоровяк сунул носом в ковер на полу коридора и захит. Первый бегущий — тот самый бритоголовый Агатов, уже

получивший крещение от Ивана у реки, — оглянулся, стал поворачиваться, ведя руку с «бизоном» справа налево, как в тире, но поворачивался недостаточно быстро. Костров в прыжке выбил у него ногой пистолет-пулемет, тут же добавил выпад растопыренными пальцами в бок, отбрасывая к двери из коридора в туалетный бокс.

Бритоголовый, массивный и твердый, как шкаф, не упал, сбить его с ног, наверное, и кулаком было трудно, а свободы в тесном помещении для маневра Костров не имел, поэтому Агатов решил задавить противника силой, захватить корпус и сломать позвоночник. Но шанса такого Иван ему не дал. Как только Агатов, набычившись, ринулся на него, Иван нырнул ему в ноги и нанес жестокий удар рукой снизу вверх — в пах. И схватка закончилась, практически еще не начавшись. Закатив глаза, Агатов замычал, опустился на пол, скорчился, глядя на противника и не видя его.

Иван подобрал оба упавших «бизона», обыскал карманы преследователей, молясь в душе, чтобы никто не вышел из купе, опустил себе в карман удостоверение сотрудников Федеральной службы безопасности (Управление «К», отдел «НИЗ»; что за НИЗ такой — научно-исследовательская зона, что ли?) на имя капитана Агатова Сергея Николаевича и на имя лейтенанта Смурного Петра Аркадьевича, обнаружил прикрепленные специальными ремешками к ногам кинжалы — прекрасной формы и работы персы, тоже положил в карман. Похлопал по щекам бледного до синевы бритоголового.

— Эй, капитан, живой?

Глаза Агатова, почти полностью занятые зрачками, стали проясняться, и Костров добавил медленно и внятно:

— Встречу еще раз — убью! Понял? Не попадайся мне на глаза, особенно там, в Брянских лесах. Моли Бога, чтобы наши тропы больше не пересеклись. Понял?

Агатов оскалился, пришлось дать ему пощечину, чтобы привести в чувство.

— Понял, подонок?!

— П-по...

— Ну и отлично. Оружие пока побудет у меня. Если что, я сумею объяснить, каким образом оно у меня оказалось.

Пнув Агатова и, походя, второго особиста, Иван отправился в свой вагон. Он был уверен, что до утра к ним никто боль-

ше не пристанет. Ожидавшей его с нетерпением Тае он сказал всего три слова:

— Все спокойно, спи.

Глава 4

Они сидели в каюте Гришина и беседовали о высоких материях: хозяин, одетый в полосатую пижаму, Игорь Васильевич Ивашура, Вероника Ткаченко, доктор физико-математических наук Меньшов, волосатый, бородатый, громогласный, шумный, но интересный собеседник, и Леонид Дмитриевич Гибелев, телекомментатор программы НТВ.

Время перевалило за полночь, а они и не собирались расходиться, увлеченные темой разговора, которой интересовались не только дилетанты, но и сами специалисты: время и его аспекты, гипотезы, предположения. У Гришина и у Меньшова были по этому вопросу свои мнения, поэтому слушать их перепалку было очень забавно, хотя даже Ивашура не всегда их понимал, несмотря на свой опыт и полученные знания.

Как тогда при встрече с Гришиным, инициатором беседы о физической природе времени стала Вероника, не получившая от академика ответы на многие свои вопросы.

— Константин Семенович, мы позавчера не договорили, — сказала она, когда компания пригубила вино и разобрала нехитрую закуску — бутерброды с икрой, колбасой и ветчиной. — Я не поняла, что такое динамическая теория времени.

— Вы его лучше не спрашивайте, — хмыкнул Меньшов, вытирая усы, — он теоретик, истина ему только снится. Спрашивайте у экспериментатора, у меня например.

— А чем теоретик отличается от экспериментатора? — заинтересовался Гибелев.

— Это классика ученого фольклора, — улыбнулся Ивашура. — Не помню, кто сказал, но изречение известно давно: «Теоретик верит себе, когда другие не верят, а экспериментатор, наоборот, не верит себе, даже если верят другие». А что там вы имели в виду под динамической теорией, Константин Семенович?

— Это не теория — концепция, справочно-математический аппарат не дотягивает ее до теории. По этой концепции вре-

мя — всего лишь изменение порядка событий, при котором будущее превращается в настоящее и в прошлое.

— Спекуляция, — поморщился Меньшов. — Что значит — превращается? В результате какого процесса? Почему порядок событий именно таков, каков есть?

— Потому что таковы законы, вложенные в континуум при рождении Вселенной, — ответил Гришин спокойно. — Кстати, я не сторонник динамической модели. — Он оттопырил губу в некотором сомнении. — Впрочем, и статической, и прочих иных тоже.

— А что, есть еще модели? — собрал морщины на лбу Ивашура.

— Ну, например, субъективно-психологическая: время — это способ восприятия Вселенной сознанием человека.

— Ерунда, — проворчал Меньшов, терзая бороду. — Козырев еще сорок лет назад доказал в своих опытах, что время — особая субстанция, способная трансформироваться в энергию.

— Все это хорошо, — примирительно произнесла Вероника, — все это мне понятно. А статическая модель? Как объясняет течение времени она?

— По статической теории время — это скольжение сознания человека вдоль мировой линии, — буркнул Меньшов. — И если я кое-что смыслю в физике, то эта модель — откровенная бредятина. Ее автор — недоучка-аспирант Петя Смирнов, сумевший выбиться в депутаты и благодаря этому обойти многих претендентов на пост ученого секретаря. Сорок лет он, по его же словам, изучал курс физики Ландау, умудрился прочитать в свое время книгу Цацулина «Атомная крепость», в результате чего у него поехала крыша. В конце концов он дошел до журналистской деятельности, начал кропать критические статейки, в том числе и против меня, и на этой почве окончательно спятил.

Ивашура и Гришин переглянулись, засмеялись, к ним присоединился и Гибелев, знавший, о ком идет речь. Только Вероника осталась серьезной. Нахмутив лоб, она о чем-то размышляла.

— Мужчины, вы слишком жестоки к оппонентам. Речь же о другом. Все пять перечисленных вами концепций времени не свободны от изъянов, а есть ли такая, которая свела бы их воедино, объединила бы их достоинства?

— Нетути, — бросил Меньшов.

— Есть, — в унисон ответил Ивашура.

Все посмотрели на него.

— Ну-ка, ну-ка, Игорь Васильевич, интересно, — проговорил Гришин. — Поделитесь-ка своей гипотезой.

— Она не моя. И я не все рассказал о своем путешествии по Стволу... э-э, по Башне, — рассеянно проронил Ивашура. — Точнее, ничего не рассказал о тамошних встречах и о причинах явления Башни. Я могу на вас положиться, что ни одно слово не просочится за стены гостиницы? — Он посмотрел на Гибелева.

Комментатор телевидения заерзал, но взгляд выдержал.

— За себя ручаюсь. — Гибелев почувствовал, что говорит не то, и поспешил добавить: — За Веронику тоже.

— Так вот, реальна лишь одна версия. Виталий, ты наверняка читал работы Эверетта...

— О вариантном копировании? Конечно, читал, но никогда не воспринимал всерьез.

— Что вы хотите сказать, Игорь? — Гришин пристально глянул на обманчиво спокойное лицо Ивашуры.

— Эверетт был прав, — тихо произнес тот. — В каждое мгновение Вселенная ветвится на столько копий — «ветвей хронодендрита», — сколько вариантов имеет данный квантовый переход.

Меньшов хотел выстрелить своим обычным: «Чушь!» — но передумал, хотя скепсис его не угас.

— Почему же мы этого не замечаем? Почему не видим расщепления мироздания?

— Потому что наше сознание, сознание наблюдателя, каждый раз оказывается в одной из возможных копий-ветвей. Таким образом, множество возможных состояний Вселенной образует многомерный континуум потенциально равноценных эвереттовских копий — Дендроконтинуум, Фрактал или Древо Времен.

— Не факт... — начал было Меньшов.

— Подожди, Виталий, — сердито оборвал его Гришин, что было ему не свойственно. Видимо, академик волновался.

— Факт, — все так же тихо проговорил Ивашура. — Ствол... простите, привык называть Башню так. В общем, Башня была создана не в нашем будущем, а в будущем другой Ветви вре-

мени, и соединила она не прошлые времена одной Мета вселенной, а множество Ветвей Древа мира. Я посетил многие Ветви и знаю.

Наступила тишина. Потом Меньшов крикнул, дернул себя за бороду, за волосы, покрутил головой.

— Игорь, я, конечно... и все же... ведь хронон равен десяти в минус сорок четвертой степени секунды! Что же получается, что Вселенная спустя каждый хронон делится на идентичные копии?

— Не идентичные, но отличающиеся весьма и весьма незначительно. А затем каждая копия или Ветвь, в свою очередь, спустя хронон делится на другие копии.

— Что такое хронон? — спросила Вероника.

— Квант времени, равен времени, необходимому для преодоления фотоном, то есть светом, диаметра электрона.

— Сколько же при этом расщеплении образуется копий?! Бесконечность?!

— Очень много, но не бесконечное количество.

Меньшов шумно выдохнул.

— Не верю! Что хотите делайте, режьте, приводите любые доводы — не верю! Все-таки человек я простой, несмотря на высшее образование, и привык верить глазам.

Ивашура погрустнел, откупорил бутылку «Старорусской», налил всем по глотку.

— Давайте выпьем за погибших, за Сурена — это он любил говорить: человек я простой... За Мишу Рузаева... Пусть земля им будет пухом.

Выпили, помолчали. Меньшов отломил кусок хлеба, прожевал, сказал с упрямой миной:

— Все равно твое Древо Времен не решает проблему собственно времени. Получается, что каждая Ветвь — Мета вселенная с потоком времени, текущим под углом к потоку времени другой Ветви. Так? Именно поэтому они не пересекаются и не взаимодействуют друг с другом. Тогда что такое Башня? Надвременной топологический тоннель с квантованным выходом?

— Хватит, мужчины, — вздохнула Вероника. — Чем мудреней вы говорите, тем меньше понимаете сами, что говорите. Я устала. Как бы вы ни утверждали обратное, но время все же идет и мы идем вместе с ним.

— Не помню, чьи это стихи, — сказал Ивашура, — их читала Тая Калашникова, подруга Ивана, но мне они запали в душу:

Кто-то сказал — время идет.
Ах, к сожалению, нет.
Время стоит, мы же идем
Через пространство лет.

— Красиво. — Вероника задумчиво посмотрела на Игоря Васильевича. — Действительно, в этих строчках кроется глубокий смысл. Игорь, а почему ваш Ствол, то есть Башня...

— Называй ее хроношахтой, если хочешь.

— Пусть будет шахта. Почему она соединяла Ветви Времени в прошлом? То есть двигалась к началу ветвления, а не наоборот, в будущее других Ветвей?

— Этого я не знаю, — честно признался Ивашура. — Вероятно, существует некий закон корреляции выходов Ствола в другие Ветви, не позволяющий ему соединять будущие времена. У меня сложилось впечатление, что ученые из той Ветви, где был построен Ствол, сами не очень-то разобрались, что произошло. С другой стороны, могли вмешаться разумные силы, заинтересованные именно в таком направлении хроношахты.

По взглядам Гришина и Меньшова Игорь Васильевич понял, что проговорился. Правда, ни тот ни другой не знали истинной подоплеки сказанного и под словами «разумные силы» вряд ли видели конкретных существ, то есть «хронохирургов», но у Ивашуры появилось неприятное чувство прощупывания психики чьей-то волей. Чтобы не подвергать разум слушателей давлению запретной информации, он перевел разговор на другую тему.

— Константин Семенович, мне так никто и не рассказал, чем вы тут без меня занимались.

— А ничем, — под общий смех ответил Гришин. — Любуемся издали на Башню да пишем трактаты на основе ранних исследований. Ситуацией здесь распоряжается Федеральная служба безопасности, а экспедиционный корпус мало того что сократился вдвое, так еще практически и ничего не делает. Федералы изредка милостиво разрешают какой-нибудь группе приблизиться к Башне с приборами, но чтобы как при вас, пощупать стены своими руками... — Академик нахмурился с горечью.

— Что, так плохо? — Ивашура сочувственно глянул на Меньшова.

Физик мотнул кудлатой головой.

— Исследования сокращены, допуск в зону теперь возможен только после проверки и согласования с чинами из ФСБ. Так что похвастаться открытиями не можем.

— А кто этот ваш новый начальник экспедиции? Я что-то его совсем не знаю.

— Тьмаревский? — Меньшов сплюнул. — Лев Давыдович. Вроде мы с ним из одного учреждения, а я его тоже не знаю ни как ученого, ни как человека. Одно скажу: твоей хватки и умения работать с вышестоящим начальством у него нет. Может быть, возглавишь экспедицию снова?

— Действительно, Игорь Васильевич, — подхватил Гришин, — почему бы вам не вернуться на свое место?

— Подумаю, — неопределенно пообещал Ивашура.

Гибелев, с интересом прислушивающийся к разговору, хотел было что-то вставить, но в это время в коридорчике фургона гостиницы послышался топот, потом стук в дверь.

— Входите, — откликнулся Гришин.

Дверь открылась, и в комнату вошли одетые по-походному — ветровки, джинсы, рюкзаки — Иван Костров и Тая.

— Добрый вечер, — поклонился Иван, чем-то расстроенный или озабоченный.

Впрочем, его спутница тоже не выглядела веселой и довольной.

— Иван?! — обрел дар речи Ивашура. — Ты же хотел отдохнуть. Я жду тебя только через неделю.

— Погода хорошая, — хмуро ответил Костров, и все увидели на щеке у него свежие царапины. — Луна светит, мочи нет. Пошли погуляем?

Ивашура понял, встал.

— Посидите, мы сейчас.

Они вышли. Тая робко огляделась, и Вероника поспешила посадить гостью рядом.

— Что это вы такие серьезные? Случилось что?

— Так, — повела плечиком девушка, — ничего особенного.

— Давайте-ка нальем гостье винца, — преувеличенно бодро проговорил Гибелев, придвигая к Тае пластмассовый

стаканчик. — Что будете пить? «Хапуриви», шампанское, водку?

— Спасибо, немного шампанского.

Гибелев налил полстаканчика шампанского, Тая пригубила, с благодарностью кивнула Веронике, подвинувшей ближе блюдо с бутербродами. Меньшов, разглядывающий гостью своими цыганскими глазами, опрокинул в рот полстакана водки, закусил.

— А знаете, други, кого мы видели недавно, аккурат месяц назад? Это уже после того, как Башня треснула. Гигантского черного человека на огромном кентавре! Выполз из стены Башни, рысью объехал ее кругом и скрылся. Все прямо обалдели. Урод, я вам скажу, первостатейный.

Вероника заметила, как вздрогнула Тая, придвинулась ближе.

— Вы там с такими не встречались?

— Встречались, — тихо ответила Тая. — Они людей не обижают.

— А кого еще вы встречали в Башне?

Отвечать девушке не пришлось, вернулись Ивашура и Костров.

— Вечер закончен, — лаконично известил собравшихся Игорь Васильевич. — Константин Семенович, встретимся завтра. Извините, у нас возникли кое-какие проблемы.

— Может, я чем помогу? — прогудел Меньшов.

— Или я? — отозвался Гибелев с готовностью.

— Спасибо, помощь пока не требуется.

Тая встала, вышла вслед за Иваном. Вероника тоже поднялась.

— Я с вами. — Оглядела дружно вставших мужчин, повернулась к Гришину. — Спасибо за вечер, Константин Семенович. Надеюсь, мы еще встретимся за чашкой кофе.

Ивашура заколебался было, решая, стоит ли брать женщину с собой, однако длились его колебания недолго. Они вышли. В коридоре Иван повернул голову к Ивашуре и сказал негромко:

— Они возьмутся за нас по-настоящему. То была разведка боем. Парням приказали, они выполнили приказ. Что будем делать?

Один за другим они вышли из фургона наружу. Над миром царствовала полная луна, заливая лес, недалекие домики при-

города, дорогу призрачно-серебристым светом. Какой-то человек торопливо скрылся за соседним фургоном, и очарование лунной ночи сменилось неуютным ощущением тревоги.

— Что все это значит? — тихо спросила Вероника.

Мужчины переглянулись.

— Говорите все! — Женщина начала сердиться. — Я и так догадываюсь, что вы попали в переплет. Будет хуже, если я все узнаю, но не от вас и слишком поздно.

— Она права, — едва слышно шепнула Тая.

Ивашура кивнул, Иван легонько сжал плечо подруги.

— Расскажи ей все, пока мы побеседуем.

Женщины медленно направились мимо ветхого заборчика, за которым доживала век хлипкая хибара, мужчины побрели за ними, прислушиваясь к звукам, долетавшим из города и со стороны леса.

— Мы сейчас представляем собой отличную мишень, — со смешком проговорил Костров.

Игорь Васильевич вытянул из внутреннего кармана куртки рукоять «универсала».

— Сохранил, хотя заряда хватит всего на десяток выстрелов.

— Наши там остались, разряженные полностью. Но у меня кое-что припасено. — Иван показал два «бизона», заткнутые за пояс под курткой. — У боевиков майора отнял. Нам бы еще вернуть комбинезоны...

Компенсационные костюмы, в которых они вышли из Ствола, у них отобрали спецы ФСБ под предлогом «изучения», и где теперь эти костюмы находились, было неизвестно.

— Зря взял, — заметил Ивашура. — Если это их штатное оружие, они в лепешку разобьются, чтобы его вернуть.

На фоне темно-зеленой, почти черной стены леса в полусотне шагов мелькнула светлая тень. Ивашура остановился, сказал сквозь зубы:

— Ты был прав, мы сейчас хорошая мишень. А они не остановятся ни перед чем. Зови девчат, идем обратно. Теперь нам все время надо быть на виду, там, где больше народу. По толпе они стрелять не осмелятся.

Иван догнал беседующих женщин, и в то же время Ивашура крикнул:

— Ложитесь!

Тая упала на землю мгновенно, привыкнув повиноваться без слов, впитав с мукой и болью навыки десантника. Вероника замешкалась, и Костров сбил ее с ног, прикрыл телом. В лесу замелькали вспышки выстрелов, стреляли из «бизона» с насадкой бесшумного боя, очередь прошла над упавшими на уровне груди.

Костров, падая, ответил из своих «бизонов», а Ивашура выстрелил из «универсала», не целясь и не рассчитывая мощность выстрела. Длинная шипящая молния разряда накрыла какие-то бочки, огонь из лесу прекратился. Подождав немного, Игорь Васильевич вскочил, подбежал к лежащим, помог подняться Веронике.

— Никого не зацепило?

— Извините, — пробормотал Иван, — что я вас уронил. Не больно?

— Нет, все нормально. — Вероника была ошеломлена, но в себя пришла быстро. — Они в нас... стреляли?! Значит, все правда... А мы не можем даже пожаловаться.

Ивашура беглой улыбкой ответил на взгляд Ивана.

— Держится молодцом, да? Похоже, у нас появился еще один десантник. А пожаловаться нам действительно некому. Вот что, Ваня. Вам с Таей лучше всего исчезнуть на время, ну или, в крайнем случае, быть поблизости от лагеря, но не высываться. В нужный момент я вас найду. Есть где переночевать?

— Я говорила, в Жуковке у меня тетки родные живут, — напомнила Тая. — Можем пожить у любой из них.

— Отлично, отправляйтесь сейчас же и бдите в четыре глаза.

Иван пожал руку Игорю, взял Таю под руку, и они быстро зашагали через поле к домикам пригорода Жуковки.

— Что же теперь будет? — голос Вероники дрогнул.

Ивашура подошел к ней, обнял, и они застыли на несколько мгновений, тесно прижавшись друг к другу. Потом женщина шепнула:

— Кто все-таки стрелял?

— Не знаю. Враг.

— «Санитар»?

— Кто-то из них или же их помощник. Исполнителей такого плана у них хватает.

— Вы его... убили?

— Скорее всего, нет, — покачал головой Ивашура, — но отпугнули. Теперь они будут знать, что мы вооружены, и не сунутся просто так.

— Куда пойдём? К тебе, ко мне?

— К Гришину.

— Куда?!

Ивашура засмеялся.

— Там нас никто искать не будет. А с Константином Семеновичем я уже договорился, он эту ночь проведет у коллеги.

Вероника поцеловала Игоря в щеку, хотела отодвинуться, но он прижал ее к себе сильнее и поцеловал в губы властно и в то же время нежно. Через несколько минут они были на территории лагеря, освещенного луной и двумя фонарями на столбах.

Перестрелка никем не была услышана, и тревогу охрана лагеря поднимать не стала.

Глава 5

Попыток нападения на Ивашуру больше не было.

Не удалось федералам во главе с майором Сысоевым и запереть его в стенах ФСБ, изолировать от общественности, журналистов и научных работников. У бывшего начальника комплексной экспедиции оказалось слишком много друзей среди высокопоставленных лиц в Москве, чтобы Сысоеву разрешили вести силовую политику в отношении столь известного многим чиновникам человека.

Помощник Сысоева капитан Агатов, участвовавший в нападении на Ивана с Таей, не показывался, то ли был убит во время последней перестрелки в лесу, то ли был переведен отсюда в другое место. Однако шума по поводу стрельбы в лагере не было, что наводило на размышления. Сысоев не хотел огласки, способной помешать его планам, и умело прятал концы в воду, будь то раненый или убитый сотрудник, а также вещественные доказательства — спецкостюмы путешественников по «шахте времени», их аптечки и блоки НЗ.

Ивашура пока не требовал вернуть принадлежащее его экспедиции имущество, справедливо полагая, что не следует

нарываться на неприятности, однако мечтал в скором времени воспользоваться спецкостюмами, которые выдерживали даже выстрел из «универсала».

По разговорам с исследователями он понял, что вокруг Башни, как здесь продолжали называть хроноускоритель, сложилась очень непростая обстановка, сильно осложнившая изучение феномена. Ситуацию держали под контролем не столько служба безопасности, сколько Совет безопасности, создавший атмосферу непроницаемой секретности вокруг таинственного объекта. Руководил всеми мероприятиями по охране заместитель секретаря СБ Петр Михайлович Козюля. Ивашура его не знал, поэтому решил выведать, что это за человек, каковы его полномочия, а главное — цели. Правда, судя по задавленности ученых, сей деятель власть имел немалую и весьма активно мешал исследователям, не подпуская их к Башне. Ивашура не удивился бы, узнав, что Козюля «санитар».

Первая их встреча не развеяла подозрений. Петр Михайлович напоминал знаменитого политика конца двадцатого столетия — Лебеда, и был так же прям, суров, лаконичен и жесток в формулировках. Он не стал оправдываться перед Ивашурой, не стал и извиняться за действия спецслужб, начавших откровенную слезку за бывшим начальником экспедиции.

— Вы теперь персона грата, вернувшаяся с того света, — сказал он Игорю Васильевичу; встреча происходила в фургоне, принадлежащем ФСБ. — Мы вам верим, но все ваши сообщения требуют проверки. Так что придется потерпеть.

— А как вы собираетесь проверять наши сообщения? — полюбопытствовал Ивашура.

— Это секрет службы, — отрезал бравый замсекретаря СБ. — И пока идет проверка, вам не рекомендуется покидать территорию полигона... э-э, лагеря. Кстати, а где ваши приятели, этот Костров и журналистка? Каким образом им удалось без разрешения миновать блокпосты и уйти из расположения поли... э-э, лагеря?

— Увы, я не контролирую каждый их шаг, — развел руками Ивашура. — Вероятнее всего, они отправились домой, повидать родных и близких. Я думаю, они скоро вернуться.

— Ну-ну, — хмыкнул Козюля, длинный, костистый, худой как жердь, с коричневым сморщенным лицом. — Я посовето-

вал бы вам связаться с ними и вызвать сюда. В противном случае придется их...

— Да? — с иронией поднял бровь Ивашура.

— Вернуть принудительно, — сухо закончил Петр Михайлович. — Мы здесь не в бирюльки играем. Несмотря на то что Башня снизила активность, она по-прежнему представляет реальную угрозу для города, района, да и области в целом. Если не удастся договориться с теми, кто ее строил, кстати, с вашими приятелями из будущего, о которых вы рассказывали, то придется ее разрушить.

— Вы же пробовали.

— Ракетный удар был предупреждающим. Готовится кое-что... — Козюля прервал сам себя. — Короче, никуда не уезжайте без моего ведома во избежание неприятностей.

— Ну, это я вам обещаю, — задумчиво проронил Ивашура, размышляя, что же такое «кое-что», о чем проговорился Петр Михайлович, и кто его готовит.

Откланявшись, Игорь Васильевич направился к Гришину, и тот поведал ему о проведенных за последние полгода экспериментах с Башней. Всего их оказалось четыре. Два провели физики-ядерщики во главе с Меньшовым, подставившие под «мертвый выброс» контейнер с радиоактивным кобальтом и с десяток биологических объектов, от муравьев и жуков до крыс, а два — военспецы, просветившие Башню локаторами, гамма-телескопом и нейтринным интраскопом. О результатах последних экспериментов и с какой целью они ставились, Гришину ничего не было известно.

— О взаимодействии «мертвого выброса» с любыми предметами вы знаете, — добавил академик. — Мгновенное превращение в полиметаллический конгломерат. Думали, что кобальт взорвется, пройдя цепочку распада-синтеза до плутония включительно и набрав критическую массу, но ничего подобного не произошло. Конечный продукт — свинец со следами заурановых образовался слишком быстро, практически мгновенно. Виталий до сих пор бесится, что не дали довести дело до конца. Игорь Васильевич, а правда, что вы в Башне встречались с потомками? Или это сказано было специально для спецслужб?

— Правда, — кивнул Ивашура. — Хотя я уже говорил об истинном положении вещей. Башню построили люди из дру-

гой Ветви Времени, а не наши прямые потомки. Константин Семенович, вы не в курсе, кто в настоящее время готовит поход к Башне?

Гришин задумался, покачал головой.

— По-моему, никто. Разве что федералы. Но у них свои задачи, и нам они не докладывают. Знаю только, что Сысоев часто провожает к Башне колонны машин.

— Колонны?!

— По два-три грузовика или фургона. Как минимум два раза в неделю в зону отправляется такая колонна, а Сысоев со своими помощниками ее сопровождает. Что они там делают, одному Богу известно.

— Спасибо за информацию, — пробормотал Ивашура, озадаченный этой новостью. Впрочем, он был готов к такому сообщению. Агенты «хронохирургов», просочившись в ряды ФСБ, не могли не подчинить деятельность службы у стен Башни своим целям. А цели эти были просты — уничтожение хрономембран Ствола, отсечение его от трактрисы «Бича Времени».

К концу дня Ивашуре удалось связаться с другом из военной контрразведки в Москве и уговорить его приехать. Друг — полковник Гаранин — курировал спецобъекты, то есть военные заводы и базы на территории России и мог выправить командировку в любой район страны, особенно не засвечиваясь.

Затем Ивашура встретился с лейтенантом Куцей, который все еще командовал взводом оцепления зоны вокруг Башни, и договорился о проведении «секретного рейда» к Башне — во имя интересов науки, разумеется. Посвящать в детали лейтенанта он не стал, хотя знал его отношение к себе и мог надеяться на парня почти как на самого себя.

Куца предложению не удивился. Он тоже хорошо знал рискованную натуру бывшего начальника экспедиции и верил в его истовую увлеченность научными тайнами, ради которых можно было пренебречь положением и даже рискнуть жизнью.

Вечер Игорь Васильевич провел с Вероникой.

Им удалось избавиться от слежки, которую демонстративно вели двое крепких молодых людей, и спокойно посидеть в знакомом ресторанчике. В девять часов вечера они встретились с Иваном у тетки Таи, доживающей век в собственном доме на улице Гомонова. В десять по этому же адресу заявил-

ся крепко сбитый плечистый мужчина лет сорока, оказавшийся полковником Гараниным Олегом Борисовичем.

— Рассказывайте, — пророкотал он басом, пожав руки мужчинам и оглядев женщин, как бы спрашивая: а вы что здесь делаете?

Тая, в отличие от Вероники не смутившаяся подобной оценкой гостя, усадила всех в гостиной — в горнице, как говорила ее тетка Ксения, — принесла чай, бутерброды с сыром и колбасой, и женщины подсели к телевизору. Ивашура, с удовольствием выпив чашку ароматного чая с чабрецом, принялся вводить приятеля в курс дела, не заботясь о впечатлении, каковое должен был составить Гаранин о рассказчике.

Иван ждал реакции гостя, в душе забавляясь ситуацией, но полковник ничем не выдал своих чувств, даже когда Игорь Васильевич дошел до «хронохирургов» и Тех, Кто Следит. Ивашура закончил рассказ, наступило молчание. Все, даже тихо беседующие о чем-то женщины, смотрели на полковника, ожидая, что он скажет.

— Да! — проговорил он наконец и улыбнулся, отчего каменное лицо его пошло морщинами и складками, сразу добавив к возрасту десяток лет. — Всякое слышал, но такое... Если бы не Башня, сама по себе являющаяся феноменом, да ваше неожиданное возвращение, не поверил бы!

Полковник вдруг остро посмотрел на Ивана.

— Вы уверены, что в нападении на вас участвовали сотрудники конторы? Я имею в виду ФСБ.

— Уверен, — хмуро ответил Костров.

— А доказательства?

— Доказательства вот, — усмехнулся Ивашура, показывая «бизоны». — Иван отобрал их у помощников Сысоева. — Он поколебался немного и вынул из-под джинсовой рубашки «универсал». — И еще вот это.

Гаранин покачал в руке грозное оружие, напоминающее маузер, но зализанное, создающее особое впечатление мощи, с удобно умещавшейся в ладони рукоятью.

— Хороша машина! Заряжена? Чем стреляет? Разрывными?

— Силовым полем либо плазменными сгустками. — Ивашура отнял у полковника пистолет. — Форма силового разряда варьируется в широких пределах, можно при желании

сформировать силовой пузырь и в виде пули. Ну так что посоветуешь?

Гаранин задумался, потер пальцем переносицу.

— Надо разобраться. Нужны прямые доказательства, что федералы готовят взрыв Башни.

— Ночью я отправляюсь к ней, можешь присоединиться.

— Ты серьезно?

— Я всегда говорю серьезно, особенно в подобных обстоятельствах.

— Лекция о противозаконности подобных действий нужна?

— Нет.

Полковник хмыкнул, оглядел сидящих напротив десантников, снова потер переносицу.

— А если вас перехватят в зоне?

— Пробьемся. Не перехватят.

Олег Борисович отхлебнул чаю, покосился на прижавшихся друг к другу женщин.

— Нужно подготовиться. Я с вами. Плюс двое моих ребят. Не волнуйтесь, профи высокого класса. Кто еще пойдет?

— Иван, я, один лейтенант из взвода оцепления, все ходы и выходы здесь знает, ну и вас трое. Итого шесть человек.

— А мы? — подала голос Тая.

— А вы подождете здесь, — твердо сказал Ивашура.

Вероника хотела возразить, но посмотрела на лицо Игоря Васильевича и промолчала.

Отряд миновал оцепление в районе болота возле Пожны, где когда-то проходила линия электропередачи. Болото за три недели июньской жары подсохло, и лейтенант Куца, действительно знавший окрестности Башни как собственный огород, провел отряд там, где никто не удосужился поставить ограждение из колючей проволоки.

Впереди группы бесшумно скользили Куца и парни полковника Гаранина, не слишком высокие, не особенно накачанные и широкоплечие, но тем не менее уверенные, сдержанные и опасные, словно укус змеи. За ними шли Ивашура и Гаранин, а прикрывал тылы Иван Костров, вооруженный «бизоном» и кинжалом. У Куцы имелся «калашников». Как были вооружены полковник и его команда, Ивашура не знал, сам он нес за ремнем брюк «универсал» и второй «бизон».

Впервые за три дня, которые пробыл в Брянских лесах Игорь Васильевич, луна спряталась за облака, и это обстоятельство благоприятствовало замыслу.

Через полчаса выбрались к мостику через реку. Здесь, по утверждению Кущи, пролегалла дорога к Башне, по которой некие спецслужбы в обстановке полной секретности гоняли колонны грузовиков.

— Пошли вдоль нее, — шепнул Ивашура Гаранину. — Она приведет нас не просто к Башне, а прямо к базе тех, кто ее строил.

— Не стоит, Игорь Васильевич, — вмешался Куща. — Дорога наверняка просматривается и охраняется, я проведу вас более коротким путем, в обход топи.

Нырнули в заросли осинника слева от свежей грунтовки, снова вышли к просеке ЛЭП. Темп движения снизился, идти приходилось все более осторожно, чтобы не шуметь осокой и камышом. Поэтому оставшиеся шесть километров до Башни преодолевали больше полутора часов. Наконец выбрались на всхолмленное, разломанное давними подвижками Башни пространство, на котором не росло ничего, даже трава, остановились под защитой брошенного БТРа, попавшего когда-то под «мертвый выброс». Лобовая броня вездехода блестела как серебро, корма же, наоборот, почернела, словно вымазанная сажей.

Лейтенант коснулся плеча Ивашуры, показал рукой вправо. Игорь Васильевич поднял к глазам захваченный у исследователей аппарат ночного видения. Поле и черная стена Башни, закрывшая половину небосвода, окрасились во все оттенки багрового и коричневого цветов. Башня перестала быть монолитом, входом в преисподнюю, покрылась узором более светлых рубиновых пятен на общем темно-коричневом фоне и сеточкой оранжевых прожилок, что говорило о каких-то источниках тепла. Поле стало светло-коричневым со множеством более темных полос. И на этом фоне ярко высветились два металлических барака, пять автомашин: три фургона, джип и «Волга», а также штабеля каких-то ящиков и бочек. Возле них возились люди, но с километрового расстояния разглядеть в ноктовизор, что они делают, было невозможно, а бинокль ночью помогал мало.

— По-моему, они таскают ящики внутрь Башни, — одними губами выдохнул на ухо Ивашуре Костров.

— Что это может означать?

— Только одно: в ящиках взрывчатка, в бочках — бензин, и разносят их по всему зданию, где стоят лифты хрономембран. Чтобы уничтожить лифты наверняка, взрывчатки надо много, вот и возят ее уже несколько месяцев. Узнать бы, в какой стадии находится вся операция.

— Для этого надо проникнуть в Ствол и проверить. Причем без шума. Снять все на пленку.

— Зачем?

— Полковнику нужны доказательства не санкционированной сверху деятельности ФСБ, только после этого он задействует военную контрразведку и поможет нам.

— Может, обойдемся своими силами?

— Не обойдемся.

— А если он с ними? И эти его профессионалы — «санитары»? Один раз мы уже обожглись — с Одинцовым.

— Я слишком хорошо знаю Олега. К тому же он не занимался Башней и заинтересовать «санитаров» не мог.

— Тогда давай прямо сейчас и рванем туда.

— Куда? — придвинулся к разговаривающим полковник; он услышал последнюю фразу.

— Дите шутит, — сердито прошептал Ивашура. — Ну что, Олег Борисович, определился?

— Наполовину, — отрывисто бросил Гаранин. — То, что по дороге к Башне ездят грузовики, возят какие-то ящики, еще ни о чем не говорит. И этот лагерь под стенами тоже. Мало ли чем может заниматься служба безопасности?

— Вот именно, — с иронией хмыкнул Костров. — Игорь, давай хоть дриммер заберем, что ли. В любой момент может пригодиться.

— Рано, пусть лежит.

— Что заберете? — любопытствовал Гаранин.

— Когда мы вышли оттуда, то спрятали возле Башни одну вещь, дриммер называется. Говорят, он может трансформироваться в любое изделие рук человеческих, но мы использовали его в качестве меча.

— Помощней ничего не догадались прихватить?

— Во-первых, у нас не оставалось времени добывать себе оружие, а во-вторых, дриммер — очень необычное устройство. Может случиться, что ты еще испытаешь его в действии.

Что ж, разведчики, пошли обратно. Больше нам здесь делать нечего. Теперь мы знаем, как проще всего подобраться к Башне. Подготовимся и вернемся. Лишь бы нам никто не помешал.

Внезапно в районе базы вспыхнул прожектор. Его луч описал полукруг и уперся в БТР, за которым прятался отряд Ивашуры. Все замерли.

— Отходим! — почти беззвучно шепнул Гаранин.

— Не торопись, — прижал палец к губам Игорь Васильевич. — Собак у них, к счастью, нет, а если пойдут люди, мы всегда успеем разбить прожектор и уйти. Не хочется поднимать лишний шум.

Издали донеслись громкие голоса, скрип, металлическое позвякивание. В ту же секунду о корпус вездехода ударила пуля, с визгом отрикошетировала, и лишь потом донесся звук выстрела.

— Приготовьтесь. — Ивашура достал «универсал». — Как только я расстреляю прожектор — бегите к лесу и вдоль реки к болоту.

Послышался второй шлепок пули о борт БТРа, на этот раз без рикошета, затем щелчок выстрела. Стреляли явно из винтовки с оптическим прицелом.

— Черт, у них, наверное, звуковые сканеры! — Ивашура высунул руку из-за гусеницы и сделал два выстрела, выбрав в качестве пуль плазменные сгустки. Два неярких шарика размером с желудь метнулись вдоль оси луча лазерного целеуказателя и разнесли прожектор в пыль. Упавшая темнота показалась абсолютной.

— Пошли! — выдохнул Ивашура, и они помчались назад, рискуя запнуться о пласт земли или камень и сломать шею.

Глава 6

Два дня Ивашура деятельно готовился к разведрейду в Башню, искусно имитируя увлеченность научными проблемами, стоящими перед исследователями. Но если в первый день после ночной вылазки к Башне его допрашивали особысты и федералы Сысоева, дотошно выспрашивая подробности похода по хроношахте, придирчиво уточняя детали, расположение хрономембран и складов и даже пытались выяснить, где и с кем

он провел ночь, то второй день прошел чересчур спокойно, из чего Игорь Васильевич сделал вывод, что агентура «хирургов» готовит для вернувшейся команды неприятный сюрприз. Поразмыслив над этим, Ивашура принял решение предупредить сюрприз и уйти в рейд, не дожидаясь возвращения Гаранина из Москвы. Полковник убыл туда ранним утром второго дня вместе со своими зубрами контрразведки и приказал без него ничего не предпринимать.

После встречи с Гришиным Игорь Васильевич уединился в одной из кают фургона-гостиницы, предоставленной ему в единоличное пользование нынешним начальником экспедиции, и набросал в мыслях план предстоящей кампании. Смущал его лишь один факт: майор Сысоев, одевающийся даже в летнюю жару в глухую рубашку и пиджак (скрывает «паутинку» на коже?), должен был иметь помощников не только из среды профессионалов ФСБ, подчиненных ему по службе, но и прямых агентов «хирургов», закодированных для решения одной-единственной задачи: уничтожения хроношахты.

Занятый размышлениями, Ивашура не сразу расслышал стук в дверь. Спихватился:

— Входите, не заперто.

Вошла Вероника, с виду уверенная и спокойная, как всегда, но в глазах женщины явно читалась озабоченность и тревога.

— Что-нибудь случилось? — насторожился Игорь Васильевич.

— В принципе ничего, — отмахнулась Вероника, оказываясь вдруг в объятиях Ивашуры и освобождаясь из них через некоторое время. — Следит за мной один тип... куда я, туда и он.

— Этого следовало ожидать. Ты его знаешь?

— Видела в компании майора.

— Ну и черт с ним, пусть следит. В нужное время мы всегда сможем от него избавиться.

— Надоела их бесцеремонность. А ты о чем задумался?

— О «санитарах» и их слугах. В лагере кто-то еще, кроме Сысоева, должен быть «санитаром». Надо искать.

— Как ты их собираешься искать?

— Они меченые. По всему телу нечто вроде татуировки — тонкие синеватые прожилки, складывающиеся в узор редкой паутинки. Это они получили в подарок от хронобура, явивше-

гося причиной ответвления от Древа Времен нашей Ветви. Точнее, Ветви, давшей начало огромному количеству Ветвей, в том числе и нашей.

— Не представляю процесс, оставивший такой след на телах «санитаров». И почему он затронул только их?

— Не знаю, не задумывался, но эту информацию мы получили от одного из эмиссаров наших могущественных друзей из будущего, а он знал, что говорил. Хотя я, конечно, тоже не представляю, каким образом рождение Ветви — Метавселенной — способно затронуть живых существ в других мирах, да еще со столь изощренной избирательностью.

— По-моему, я видела у кого-то на руке такую татуировку. — Вероника наморщила лоб. — Давно, месяц назад. Дай Бог памяти... Ах да, у Ленечки Гибелева, совершенно случайно. Он умывался, я тогда еще удивилась: с чего это мужик в свитере умывается, только рукава закатал. А он увидел, застеснялся. Неужели ты думаешь?..

— Я ничего не думаю, но все может случиться. Надо проверить вашего Ленечку. То-то он примчался из столицы за несколько часов, как только узнал о нашем выходе. Ника, нужна твоя помощь.

— Все, что угодно.

— Сходи в Жуковку и вызови Ивана. Он знает, куда прийти.

— Но за мной же следит...

— Не беспокойся, это моя забота. Выходи не спеша и делай вид, что ничего не замечаешь.

— Только ты осторожней.

Ивашура засмеялся, поцеловал Веронику и подтолкнул к двери.

— Все будет хорошо.

Женщина вышла. Через несколько секунд Игорь Васильевич вылез в окно фургона с другой его стороны, убедился, что здесь нет наблюдателя, следившего за ним лично, и увидел, как от соседнего фургона наискосок двинулась за Вероникой фигура в темном спортивном костюме. Вторая фигура осталась на месте, ожидая своего подопечного. Шел уже десятый час вечера, но было достаточно светло, чтобы разглядеть под тонкой тканью костюма ремень наплечной кобуры.

«Жди, жди, — подумал Ивашура с насмешкой, — я с тобой потом поговорю».

Вероника миновала пост охраны лагеря, где дежурили местные милиционеры, свернула к домам пригорода Жуковки, но пошла не по асфальтовой дороге, а по тропинке через небольшую сосново-березовую рощицу.

— Умница ты моя! — прошептал Ивашура, оценив маневр женщины. Бесшумно двинулся наперерез паре: впереди Вероника, метрах в тридцати сзади — «спортсмен». Выбрал место, где тропинка обходила заросли кустарника, подождал, пока с ним поравняется преследователь, и вышел из-за ствола сосны. — Закурить не найдется?

Парень, следивший за Вероникой, долговязый, длинноволосый, с носом-пуговкой, шарахнулся в сторону, сунул было руку за пазуху, но Ивашура опередил его классическим ударом в подбородок. Описав дугу, тело парня нырнуло в заросли крапивы и осталось лежать неподвижно.

«Смотри-ка, давно не дрался по-боксерски, — подумал Игорь Васильевич, пососав костяшки пальцев, — а навыки остались. Кажется, я уложил его надолго, даже Ивану понравилось бы».

Проследив за голубой блузкой Вероники, пока та не скрылась за домами, он вернулся в лагерь, демонстративно профланировал мимо ошеломленного его появлением наблюдателя и обнаружил в своей каюте лейтенанта Куцу, смотрящего телевизор.

— Привет, Володя. Что-нибудь нужно?

— Не мне, — усмехнулся лейтенант, и лицо его, лицо двадцатичетырехлетнего парня с ямочками на щеках, на мгновение стало очень старым и мудрым.

Ивашура внимательно всмотрелся в глаза Куцы, как бы невзначай опустил руку в карман куртки, где грелся о бок «универсал». Спросил негромко:

— Кто вы?

Лейтенант кивнул, продолжая улыбаться с некоторым снисхождением, сочувствием и пониманием собеседника.

— Вы хорошо схватываете ситуацию, Игорь Васильевич.

— Оголите руку по локоть!

Куца, одетый в армейский полевой костюм, закатал рукав куртки, подержал худую незагорелую руку пальцами вверх, расправил рукав, аккуратно застегнул пуговицу.

— Осторожность не помешает, тут вы правы.

Ивашура снял палец с курка, готовый стрелять сквозь ткань кармана. Куща не был отмечен «татуировкой» «хирургов».

— Вы эмиссар Тех, Кто Следит?

— Совершенно верно.

— Никогда бы не подумал! — Игорь Васильевич покачал головой, улыбнулся. — Извините. В моем представлении эмиссаром мог быть умудренный опытом человек, Гришин к примеру, но никак не юный офицер. Что заставило тебя... вас раскрыться?

— Время, — серьезно ответил Куща. — Вернее, его отсутствие. По моим данным, на завтра запланировано уничтожение Башни. «Санитары» выявили все хрономембраны здешней линии, их всего четыре, и закончили их минирование.

— Ясно. Наш разведрейд опоздал. Пойдите, как же нас выпустили из Башни? Если все лифты заблокированы...

— Вы забываете, что доставил вас сюда не Ствол хроношахты, а трансгресс. Кстати, выход его сохранился.

— Что посоветуете нам делать?

— Я смог определить координаты трех мембран, необходимо найти четвертую и уберечь ее. Судя по перехвату переговоров Сысоева со своими помощниками, они зачем-то засекретили ее местонахождение от всех заинтересованных лиц и готовят какой-то особый взрыв — с передачей энергетического импульса в соседний узел Ствола.

— Чтобы и там разрушить мембраны.

— Возможно. Моя компетенция так далеко не распространяется.

— Ты... вы пойдете с нами?

— Нет, моя задача — вывести вас на цель. До Башни я вас доведу и помогу всеми имеющимися в распоряжении средствами, а дальше вы пойдете одни.

— Полковник Гаранин «санитар»?

— По имеющимся у меня данным — нет.

— Камень с души!.. Тогда придется подождать его возвращения, вдвоем с Иваном нам не справиться. Я собирался потрясти Гибелева, по всей видимости, он один из врагов, на предмет выяснения деталей операции, которую готовит Сысоев.

— Гибелев? Телекомментатор? Значит, это еще один. Я имею сведения о трех «санитарах». Это Сысоев, заместитель секретаря СБ Козюля и физик Меньшов.

— Что?! — Ивашура от неожиданности поперхнулся соком, брызнув на собеседника. — Простите!

— Ничего. Он ваш друг?

— Не друг, но... черт! Когда его завербовали?

— Закодировали, это совсем иной процесс. Сейчас я уйду, пора на развод, а в полночь вернусь. Можете избавиться от хвоста?

— Смогу.

— Вот вам рация. — Куца передал Игорю Васильевичу черный квадратик величиной с почтовую марку, прижал его пальцем, и в углу квадрата замигала зеленая искорка. — Будем держать связь. И вот вам еще на всякий случай. — Лейтенант достал нечто вроде значка: золотой паучок с множеством тонких ножек-проволочек. — Это опознаватель «свой-чужой», в нужный момент он подает сигнал: «Я свой!»

— Зачем он мне нужен? В какой нужный момент?

— Узнаете. Закрепите под волосами на лбу. — Лейтенант встал. — До связи, Игорь Васильевич. Действуйте, как наметили.

Он ушел, а Ивашура остался сидеть с ощущением плавящегося от перегрева мозга.

Иван почувствовал слезку, когда выходил из магазина с Таей, где они купили продуктов на несколько дней: колбасу, консервы, овощи, хлеб, молоко, чай. Тая не хотела объедать теток, как она выразилась, живущих только на одну пенсию, и Костров счел этот довод справедливым.

— Иди потихоньку, не оглядывайся, — сказал он девушке одними губами.

Сделав вид, что расшнуровалась кроссовка, нагнул, завязал шнурок, оглядел улицу и успел заметить беглый взгляд какого-то небритого парня в спортивном костюме, покупавшего сигареты в киоске напротив. Иван узнал его. Не узнать мрачное бледное лицо, хотя и порядком подзаросшее щетиной, с челкой на весь лоб и квадратной челюстью, было нельзя. Парень был напарником капитана Агатова из команды Сысоева.

Что заставило Ивана пригнуться и вскинуть над головой руку, он и сам не понял. На руку упало какое-то тонкое черное кольцо, словно кто-то играл в кольца и набросил одно на стержень. Кольцо тут же уменьшилось в диаметре, до боли пере-

хватив предплечье. Мышцы обожгло, словно руку обвил раскаленный обруч, затем по жилам вниз потек такой мертвящий холод, что захолонуло сердце.

Однако Иван был слишком опытен, чтобы удивляться впустую и анализировать свое состояние во время боя. Он тут же упал вперед, перекатился через голову и вскочил, оборачиваясь, уже понимая, что врагов двое. Этот второй, одетый по-другому — в серые брюки и рубашку, изумленно смотрел на Кострова, еще не веря, что бросок кольца не удался, сунул было руку в карман, однако из двери магазина за его спиной вывалилась целая компания, и стрелять он не стал. Отступил, потом, когда Иван сделал к нему движение, бросился прочь. За ним рысью помчался напарник.

Подбежала Тая, не заметившая падения друга, но оглянувшаяся в тот момент, когда «игрок в кольца» брался за рукоять пистолета.

— Что с тобой?!

Тут только Иван вспомнил о кольце, почувствовал боль в руке, уже порядком онемевшей, и озадаченно глянул на странное кольцо, ставшее кроваво-красным и более толстым, чем было раньше.

— Что это? — округлила глаза Тая.

Иван попытался ослабить хватку кольца, с трудом сдвинул его с места и покатил по руке вниз, к запястью. Снял, с облегчением вздохнул. Затем глянул на передавленное предплечье, начавшее синеть, и похолодел. Он понял, что это такое. Кольцо предназначалось для его шеи и служило автоматической удавкой! Будучи наброшенным на шею, оно сжималось и душило жертву за несколько секунд, а снять его обратно через голову вряд ли было возможно.

Наверное, он побледнел, потому что Тая испуганно уцепилась за его плечо и оглянулась. Глаза ее снова стали огромными. Она тоже поняла.

— Петля?

Иван кивнул, все еще рассматривая холодное и упругое, как тело змеи, кольцо. Сунул в карман.

— Пошли домой.

— Он пытался тебя... задушить?

— Нас выследили, надо уходить отсюда. И хорошо бы повидаться с Игорем, посоветоваться.

Тая, бежавшая за Костровым чуть ли не вприпрыжку, отстала и замолчала, и он был вынужден идти медленнее.

— Не обижайся, Тайна. Но все это серьезнее, чем мы думали. Кто-то спокойно кладет на весы чужие жизни, лишь бы устранить нас с дороги. Тебе надо уехать. Немедленно!

— Нет, — отрезала девушка.

Он остановился, повернул ее к себе, проговорил как можно более убедительно:

— Я очень не хочу тебя потерять, Тайна. Понимаешь?

— Я тебя тоже, — ответила она шепотом. — Но одна не уеду.

До девяти вечера они были у тетки Ксении, не подавая вида, что напряженно ждут нежелательных гостей. Однако гость вскоре прибыл, и оказалась им Вероника Ткаченко, посланная Ивашурой.

— Вас ждут в условленном месте в десять часов, — сказала она, оглядев притихшую пару. — Что это с вами?

— Расскажи. — Иван накинул куртку, сунул под ремень «бизон». — Сидите здесь, пока не приду.

Тая хотела остановить его, но он уже исчез в саду за верандой теткингого дома.

В десять Костров встретил Ивашуру у поворота дороги на Скрабовку, возле трех мощных дубов, за которыми начинался сосновый лес. Башня отсюда была не видна за деревьями, но присутствие ее черной громады ощущалось во всем: в молчании леса, в отсутствии лесных птиц и насекомых, в застывших деревьях, в самом воздухе и в противоестественной тишине. Лишь изредка где-то взрывались моторы машин, тут же замолкая в испуге, да издали прилетал перестук колес электрички, разносившийся на многие километры окрест. Луна еще только показалась из-за горизонта, огромная, распухшая, медно-красная, с синими тенями морей, и казалась лицом сторожа, охранявшего мрачный покой Башни.

— Как вы там? — осведомился Ивашура, пожав все еще побаливавшую руку Ивана.

Тот протянул ему тяжелое кольцо-удавку.

— Что это? Кистевой эспандер?

— Душитесь. — Иван изложил историю с нападением. — Наверное, новое оружие из арсенала «санитаров».

— Или нашей ФСБ. Их спецы тоже не стоят на месте в творческом поиске методов умерщвления человекoв. — Ива-

шура не остался в долгу и передал разговор с лейтенантом Кущей. — Так что у нас здесь есть не только враги, но и союзники. А сейчас мы с тобой должны взять Гибелева и вытрясти из него все, что знает.

— Зачем?

— Он один из «санитаров».

Иван хотел сказать: «Не может быть! — но лишь звучно сплюнул.»

— Этого следовало ожидать. Я еще в первую встречу обратил внимание на его свитер. Свитер летом!

— Времени у нас в обрез. Сысоев собрался взрывать Башню сегодня ночью.

— Давай свой план.

Обсудив детали захвата, они двинулись к лагерю экспедиции, освещенному по периметру двумя фонарями и прожектором, работающим от сети. Попросив закурить у парней, «прогуливающих» по территории, они скрутили их, не ожидавших такого наглого нападения от объектов своего наблюдения, связали и заперли в каюте Ивашуры в гостинице. Затем принялись за поиски Гибелева.

Им повезло.

Телекомментатор ЦТ отыскался в расположении склада горюче-смазочных материалов, где он заправлял бензином из запасов экспедиции сысоевский БМВ с затемненными стеклами.

Ивашура с Иваном подождали, пока он выедет с территории склада, и остановили машину за воротами, у стены деревянного барака, где было темно.

— Подвезти? — с преувеличенным оживлением спросил Гибелев, несмотря на теплый вечер одетый в свитер с воротом до подбородка. — Рад видеть доблестных путешественников. Куда собрались на ночь глядя?

— Привет, Леня. — Ивашура влез на переднее сиденье, кивнул на панель управления БМВ с полихромным индикатором. — Серьезный у тебя аппарат. Случайно его Сысоеву не «хирурги» подарили? Или ФСБ раскошелилась?

Гибелев замер, потом дернулся к бардачку, сразу сообразив, что шутками здесь не пахнет, но Игорь Васильевич перехватил его руку, а Иван упер в шею сзади острие кинжала.

— Тихо, «санитар»! Люди мы суровые, битые и щадить тебя в случае чего не будем. Веди машину и не нервничай.

Гибелев посидел немного в раздумье, поерзал на сиденье, устраиваясь поудобней, выжал сцепление. По его лицу не было видно, что он сильно обеспокоен.

— Куда?

— Налево и в лес, к реке. Иван, обыщи-ка его.

Костров тщательно ощупал свитер и брюки водителя, обнаружил точно такое же кольцо-удавку, которое едва не задушило его в Жуковке, показал Ивашуре. Тот кивнул, открывая дверцу бардачка и извлекая оттуда «бизон» и две гранаты «РГ-8». Сказал флегматично:

— Неплохо вас экипируют, Леонид Дмитриевич.

Иван пошарил под сиденьем водителя и вытащил оттуда огромный черный револьвер длиной чуть ли не в полметра. Выдохнул с восхищением:

— Вот это да! Слышать слышал, но вижу такую машину в первый раз!

— Что это? — оглянулся Ивашура.

— Модель 458 «Целиска» под патрон винчестер-магнум, австрийцы изготавливают. С такими револьверами на слонов можно охотиться. С пятнадцати метров пробивает стальную пластину толщиной в сантиметр.

— Интересно, зачем Леониду Дмитриевичу такая мощная гармата? — равнодушно пожал плечами Игорь Васильевич. — От него же шуму — как от пушки. Может, форма — это лишь маскировка?

Гибелев, изогнувшись, попытался выхватить у Ивашуры револьвер, но получил удар по уху и упал на сиденье. Машина вильнула, едва не врезавшись в дерево, остановилась, мотор заглох. Наступила тишина.

— У него должна быть рация для связи со своими, — все тем же ровным голосом сказал Ивашура.

Костров снова начал ощупывать одежду «санитара» и нашел висящую на шее на цепочке вместо крестика телесного цвета пластинку с мигающим зеленым глазком.

— Она?

Ивашура глянул на рисунок «татуировки» на шее Гибелева, рванул цепочку так, что она лопнула, внимательно осмотрел пластинку, кивнул.

— Похоже. У меня такая же. — Повернулся к Гибелеву, смотрящему вперед сквозь прищур век и насвистывающему

сквозь зубы какую-то мелодию. — Я понимаю, Леонид, что вы не боитесь смерти, уж так вас запрограммировали хозяева, поэтому пугать этим я вас не буду. Но вот покалечить вас, избирательно, так сказать, мы можем. Пояснить, что я имею в виду?

— Не надо, — перестал насвистывать Гибелев. — Похоже, мне не надо было покидать столицу.

— Это уж точно. Но так удобно все складывалось: появились мы, вам позвонила Вероника... Когда вас завербовали?

— Завербовали? — не понял телекомментатор.

— Ну закодировали. Кто, Сысоев?

— Нет, еще Одинцов, перед уходом с вами. Так что я тут давно и обосновался прочно. Давайте говорить о деле. Я, конечно, лажанулся, как любят говорить переводчики американских телебоевиков, но и вы не в том положении, чтобы диктовать свои условия. Предлагаю обмен: вы отпускаете меня, мы перестаем охотиться на вас. А через сутки мы и вообще исчезнем.

— Вместе с Башней, — кивнул Ивашура. — Это нам известно. Где находится четвертая мембрана, которой занимается лично Сысоев?

Гибелев поскущнел.

— Вы и это знаете? А если я не скажу?

Ивашура с улыбкой обменялся взглядом с Иваном.

— Скажете!

Гибелев заерзал, почесал за ухом, снова рванулся было к Ивану, все еще разглядывающему суперревольвер, и снова получил удар по уху. Прижал ладонью вспухшее еще от первого удара ухо.

— Черт, для научного работника вы деретесь слишком хорошо! Допустим, я отвечу. Но где гарантии, что вы меня отпустите?

— Ну-ка, Ваня, дай мне пушку. — Ивашура взял тяжелый револьвер. — Что это он так нервничает из-за нее?

Он откинул барабан и высыпал на ладонь пять длинных, тяжелых, с палец величиной золотистых патронов с черными головками пуль.

— Интересные пульки. Ты такие видел?

— Таких не видел. Видать, пули не простые. Испытать бы? Давай привяжем этого деятеля к рулю, отойдем подальше и шахраем по машине.

Гибелев начал бледнеть, на лбу его выступила испарина.

— А что, неплохая идея, — подыграл Ивану Игорь Васильевич. — Ну, Леонид Дмитриевич, как обменчик? Вы нам ответы на все наши вопросы, мы же не станем испытывать на вас этот револьверчик. Годится?

Телекомментатор облизнул сухие губы, закрыл глаза, открыл, выдавил через силу:

— Спрашивайте.

— Координаты четвертого лифта.

— Сто двадцать первый этаж, рабочая зона со стороны реки, увидите.

— Отлично, проверим. Кто еще закодирован, кроме Козюли, тебя, Сысоева и Меньшова?

В глазах Гибелева мелькнуло удивление, но страха не было. Он действительно не боялся смерти, хотя только что панически реагировал на угрозу пальнуть по нему из револьвера.

— Эмиссар-один — Сысоев, агентов влияния пятеро: Меньшов, я, один из лейтенантов Сысоева, Козюля и один из вице-премьеров правительства.

— Старостин?

— Нет, Чуйко. Мы закодировали его для дезориентации правительства и финансирования...

— Понятно. Когда намечается взрыв Башни?

От щек Гибелева снова отлила кровь, но ответил он быстро, даже слишком быстро:

— Завтра ночью.

Ивашура и Костров обменялись понимающими взглядами, однако уличить «санитара» во лжи не стали.

— Какая из мембран планируется вами для отхода?

— Кроме четвертой, больше не работает ни одна... — Гибелев заметил, как сдвинулись брови Ивашуры, закончил с колебанием: — Вторая, на семнадцатом этаже. Но она заблокирована, Сысоев не может в нее попасть сам. Ждет помощи.

— Что ж, благодарим за информацию, — растянул в улыбке губы Ивашура, и Костров тут же нанес удар по затылку Гибелева рукоятью револьвера. Телекомментатор обмяк.

— Что будем с ним делать?

— Свяжем и оставим в лесу, чтобы часа три-четыре не смог выбраться. Нам этого времени должно хватить.

— А машину?

— Есть идея. Машина принадлежит Сысоеву. Мы подьем на ней прямо к базе майора у Башни, никто не остановит, ручаюсь. Разоружим охрану, проникнем в Башню, а дальше — по обстоятельствам.

— Ну, стратег! — восхищенно крутанул головой Костров. — Даже я такого бы не придумал. Только не забудь забрать дриммер. Меч нам очень пригодится, там, внутри. Во всяком случае, с его помощью можно будет проникнуть в заблокированную зону лифта на семнадцатом этаже.

— Мы, кажется, друг друга стоим, — улыбнулся Ивашура. — Жаль, что мы не успели спросить у Лени, как включается удавка. Спрячь ее пока у себя. Доставай упряжь.

Они связали потерявшего сознание Гибелева, еще раз убедившись, что он «санитар», по сеточке «татуировки» на теле, отнесли его подальше в лес и привязали к стволу сосны, предварительно вставив в рот кляп. В лагерь вернулись в одиннадцать часов с минутами и тотчас же узнали, что вернулся полковник Гаранин.

Глава 7

Телекамеры были размерами со спичечный коробок и крепились на лацканы курток, сигналы же с них записывал компьютер и синтезировал целостную картину события, которое представляло собой поход в Башню отряда из семи человек: Ивашуры, Кострова, Таи, Вероники, полковника Гаранина и двух его «зубров» — капитана Клюева и прапорщика Сергеева.

Кроме телекамер, Гаранин привез оружие — пистолеты «кабан» и бронежилеты из кевлара, легкие, тонкие, но выдерживающие, по его словам, удар автоматной пули и осколки гранат. Больше всего броникам обрадовался Ивашура, потому что это было единственной защитой для Вероники, женщины, несомненно, смелой, но не владеющей навыками рукопашного боя и десантно-разведывательных операций. Тая в этом смысле была образованна лучше.

Прежде чем отправиться в путь, Ивашура связался по радиации с лейтенантом Кущей, получил ответ: «Не ждите меня, присоединиться не могу, но подстрахую» — и вынужден был начинать рейд не так, как задумал.

Разговаривали мало, обстановка не благоприятствовала беседам и шуткам. По одному, под прикрытием ребят Гаранина, перебрались в лес, к машине, убедились, что слежки нет, и погнали БМВ в обход лагеря к дороге, по которой сотрудники ФСБ гоняли к Башне грузовики со взрывчаткой.

Расчет Ивашуры оказался верным. Машину майора Сысоева на КПП знали и пропустили в зону возле Башни без проверки документов, лишь откозыряли на короткий гудок.

— Значит, самого Сысоева здесь нет, — заметил Костров. — Странно. Если они собрались взрывать Ствол сегодня ночью...

— Он может подъехать позже или вообще будет руководить операцией дистанционно.

Иван счел эти доводы резонными и замолчал, проворчал только:

— Лишь бы не поднял панику раньше, обнаружив, что Гибелев куда-то пропал вместе с машиной.

Девять километров проехали по дороге, не включая фар, настороженно вглядываясь в темноту леса. Луна то показывалась из-за облаков, то скрывалась за ними, и это обстоятельство держало всех в досаде и напряжении. В километре от Башни Ивашура остановил БМВ.

— Ждите здесь, не выходите из машины. Мы с Иваном сейчас прогуляемся кое-куда и через полчаса вернемся.

— Куда? — тихо спросил Гаранин.

— Заберем спрятанное снаряжение.

Не поясняя, что он имеет в виду, Ивашура выбрался наружу, подождал Ивана, и они канули в темноту как привидения, не хрустнув сучком и не прошелестев травой.

До того места, где они спрятали меч-дриммер, идти надо было с километр. Сориентировавшись, десантники обошли болотце, бегом преодолели открытое пространство до стены Башни, выросшей над головой бесконечной стеной мрака, отдышались за глыбой земли.

— Хорошо, что база совсем с другой стороны и отсюда не видна, — шепнул Костров. — Вот было бы смеху, выйди мы тогда прямо на нее.

— Смех был бы горький, — проворчал Ивашура. — Перестреляли бы нас, как перепелов, и костюмы б не спасли. Ты точно помнишь место?

— Еще полста метров, возле поваленной сосны.

Крадучись, они пошли вдоль стены Башни, обходя горки и встопорщенные пласты почвы, обнаружили упавшее дерево с вывороченными корнями и были остановлены тихим, но непреклонно-выразительным возгласом:

— Стоять! За оружие не хвататься!

Вспыхнул луч фонаря, осветил землю, чьи-то ноги в ботинках сорок пятого размера и длинное, узкое, туманно-прозрачное и металлическое одновременно лезвие меча.

— Дриммер у меня, — продолжил человек знакомым голосом. — Так что будь благоразумен, Игорь Василич.

— Меньшов? — Ивашура напряг зрение, сиюсь разглядеть лицо говорившего. — Виталий, ты? Один?

— Я, Игорь. — Человек осветил свой плащ, бородатое лицо, погасил фонарь. — Только, во-первых, в настоящий момент не доктор физматнаук Меньшов Виталий Борисович, а резидент «хирургов», и ты это знаешь, а во-вторых, я не один, а с дриммером, что сводит ваши шансы уцелеть к нулю.

— Это всего лишь меч, — пренебрежительно процедил сквозь зубы Костров.

— Ошибаешься, рыжий. Дриммер потому и назван дриммером, что может не только превращаться в любые предметы, внесенные в программу, но и выполнять любые желания и приказы. Надо лишь знать код, так сказать, «слово власти». Я знаю. Понятно?

— Понятно, господин резидент. Как ты его нашел?

— Он не был заблокирован, а полуинициированный дриммер излучает в длинноволновом радиодиапазоне. Вы этого не знали?

Костров сделал взмах рукой, но меч в руке Меньшова тотчас же удлинился на несколько метров, отбил бросок кинжала, с тихим треском распорол куртку на плече Ивана, успевшего тем не менее отклониться. Если бы он этого не сделал, остался бы без руки.

— Не шебуршись, рыжий, — оскалил зубы Меньшов. — Хотя ты и мастер рукопашного боя, но, как говорят, против дриммера не выдюжишь. Брось-ка пистолетик на землю, он тебе явно мешает, да и второй кинжальчик, если есть. Я все равно сдам вас майору, целиком или частично, так что для вас лучше будет, если целиком.

Иван, помедлив, бросил к ногам «бизон».

— Мне жаль, что так получилось, Игорь, — продолжал физик; луна вышла из-за облака и высветила его серебром, словно он за одно мгновение поседел. — Но программа не оставляет мне свободы выбора. Идите вперед, к биваку майора. Он скоро подъедет с Леней Гибелевым.

— Гибелев не подъедет, — флегматично заметил Ивашура, что-то взвешивая про себя.

Физик с любопытством глянул на него.

— Вы что же, вычислили его и убрали?

— Очередь за тобой, — буркнул Костров.

Меньшов снова оскалился.

— Не кажи «гоп», хлопче. Я ведь могу и осерчать.

— Ты уверен, что успеешь? — странным голосом спросил Ивашура.

Меньшов перестал показывать зубы, насторожился.

— Хочешь сказать, что у тебя есть «универсал»? Без автонаводки и мыслеспуска он — железака.

— Ты уверен? — все тем же голосом повторил вопрос Игорь Васильевич.

Меньшов отступил на шаг, потом расслабился, покачал головой.

— Блефуешь, Игорь. Если бы ты имел «универсал» с компьютерным блоком, ты им уже воспользовался бы. Но я не любитель рисковать и предупреждал — не дергайтесь. А теперь я покажу тебе, что такое дриммер в действии. — Он помолчал несколько мгновений и произнес раздельно: — Убей его!

Лезвие меча метнулось к Ивашуре... и остановилось в миллиметре от его лба. Медленно втянулось обратно.

Меньшов обалдело глянул на меч, перевел взгляд на сосредоточенного Ивашуру. Прошептал снова:

— Убей его!

Меч не шелохнулся, продолжая туманно струиться от рукояти к острию.

— Прощай, Виталий, — глухо проговорил Ивашура. — Мне тоже очень жаль, что все так случилось. Но и у меня нет выбора.

Тусклая беззвучная вспышка осветила вывороченный пласт земли, на котором стоял Меньшов, и ствол сосны. Меч

выпал из руки физика, и он с дырой во лбу мягко завалился навзничь. Ивашура, сгорбившись, смотрел на тело бывшего приятеля и вышел из ступора, лишь когда Костров тронул его за плечо.

— Время, Игорь. Если бы его не... он наверняка поднял бы шум. Кстати, что произошло? Почему дриммер не убил тебя?

— Я тоже знаю «слово власти». — Ивашура подобрал меч. — Пошли назад, а то полковник еще бросится на поиски.

Они двинулись к лесу обратным маршрутом, прислушиваясь к звукам, доносившимся со стороны базы Сысоева. Там ничего не происходило, драматическая сцена с физиком не была услышана охраной.

— Что за слово? — не отставал Костров.

— Я шучу. Куца дал мне кодовый опознаватель для дриммера, я только что понял. — Ивашура показал под волосами надо лбом золотистого паучка. — Дриммеры делали в мире Жданова, и конструкторы предусмотрели, как видишь, кое-какие меры безопасности. Меч не рубит своих, тех, у кого есть такая штука.

— Вроде самолетного запросчика «свой-чужой»?

— Нечто в этом роде.

Они вышли к БМВ, и Гаранин сердитым шепотом осведомился, где они прохлаждались целый час.

— Наткнулись на неожиданное препятствие, — ответил Ивашура, не вдаваясь в подробности, не посмотрев на женщин, залез в машину.

Иван, понимаяюще глянув на его спину, коротко рассказал о встрече с Меньшовым. В кабине БМВ наступила тишина. Потом Ивашура включил подфарники, тронул машину с места, и вести отвлеченные разговоры стало некогда.

База ФСБ возле Башни была не огорожена, но охранялась капитально — двумя блокпостами, перекрывающими дорогу и целину со стороны леса, а также лазерными и электронными системами, способными засечь в километре передвижение муравья и жужжание пчелы. Именно такое устройство и засекло группу Ивашуры в прошлый раз, во время разведывательного похода. Теперь же стоило машине пересечь невидимый лазерный луч, как впереди на столбиках с обеих сторон дороги вспыхнули предупреждающие алые огоньки, а к БМВ выскочили, словно из-под земли, две тени. Вспыхнули фонари, ос-

вещаю машину, кусок дороги, ноги в ботинках и камуфляж-штанах.

Ивашура задержал дыхание, собираясь при первых же признаках досмотра рвануть прямо к Башне, но, видимо, Сысоев еще не прибыл и появление его машины приняли за прибытие начальства.

Фонари погасли. Охранники в маскировочных костюмах исчезли так же быстро, как появились, красные светлячки на столбиках изменили цвет на фиолетовый и погасли. Игорь Васильевич плавно выжал сцепление и въехал на территорию базы, сразу определив местоположение здешнего штаба. Однако подъехал не к фургону, похожему на один из домиков экспедиции, а к бронетранспортеру с крупнокалиберным пулеметом на крыше, охранявшему вход в Башню — неровную дыру в ее стене пять на пять метров, проделанную, очевидно, с помощью взрыва. Дыра освещалась изнутри тусклым желтым светом, но людей ни внутри, ни возле видно не было.

— Может быть, рванем прямо туда? — выдохнул на ухо Ивашуре Костров. — Пусть потом догоняют.

— Олег, выпускай своих парней, — негромко произнес Ивашура. — Надо во избежание лишнего шума обезвредить командирскую будку и БТР.

— Шум все равно начнется, — обиженно проворчал Иван. — Я пойду с ними.

— Ты пойдешь со мной. Олег, останешься здесь, с женщинами. Ваша группа — резерв на случай осложнений.

План был оговорен заранее, и полковник промолчал.

— Игорь, — прошептала Вероника.

Ивашура, вылезавший из машины, сунулся обратно, обнял подавшуюся к нему женщину одной рукой, поцеловал и вышел. Костров выбрался следом, когда оба помощника Гаранина уже растаяли в темноте у глыбы бронетранспортера.

С виду не торопясь, но ожидая появления противника с любой стороны, Ивашура с Иваном прошагали по утрамбованной площадке к домику штаба с тарелкой спутниковой антенны на крыше и с ходу вошли в коридор, освещаемый лишь настольной лампой, стоящей на тумбочке. Охранник обретался здесь и дремал, удобно устроившись на стуле и опустив автомат между ног. Услышав шум, вскочил, вытягиваясь, тараща глаза, но сообразить, что происходит, не успел. Иван про-

летел на цыпочках весь коридор (он начал движение раньше, как только вошел) и точно воткнул два пальца в солнечное сплетение камуфлированного верзилы, не экипированного, к счастью, бронежилетом. Парень согнулся пополам, хватая раскрытым ртом воздух, Иван добил его костяшками пальцев в затылок (не смертельно, жить будет, но очнется не скоро), уложил на пол, затем выключил лампу и метнулся назад, к Ивашуре, который уже открывал одну из дверей. Сквозь щели этой двери пробивался свет, в то время как другие — всего дверей было четыре, по две на каждой стороне коридора — казались темными.

Это была диспетчерская, комната управления всем хозяйством базы. Посередине стоял стол с тремя мониторами, компьютером и пультами, рядом на столике поменьше — переносная военная рация типа «Слава», с выходом на спутниковую теле- и радиосвязь, две микрорации «Тюльпан», мощный двадцатикратный бинокль. В углу — пирамида с тремя автоматами АКСУ и карабином СКС, два ящика, один из которых был вскрыт и показывал ствол переносного зенитно-ракетного комплекса типа «Гарпун». У стены диван, у стола три стула и кожаное черное кресло, предназначенное, очевидно, для «самого».

На диване сидели двое в камуфляжных комбинезонах без знаков различий, третий — в черном трико, с повязкой на голове — нагнулся над столом. Все трое оглянулись на скрип двери и теперь молча смотрели на вошедших. Потом Ивашура, не давая им опомниться, сделал выпад мечом и развалил рацию на столике надвое. Морзянка, попискивание из динамика, чьи-то голоса — все стихло. Острие меча уперлось в грудь здоровяку. Иван узнал в нем помощника Сысоева капитана Агатова. Качнул головой:

— Надо же, выжил, поручик! Надеюсь, на этот раз продемонстрировать выучку не станешь? Везение ведь может и закончиться когда-нибудь. Ложись. Ложись на пол, говорю! Драки не будет, некогда. И вы, господа, тоже укладывайтесь рядом.

Военные на диване — один постарше, лет под сорок, с широким бледным лицом, второй помоложе, загорелый до черноты — послушно сползли на пол, легли лицом вниз. Иван связал им руки и ноги особым способом, не позволяющим не только делать попытки развязаться, но и двигаться вообще, глянул на неподвижно разглядывающего стол Ивашуру.

— Куда их?

— Проверим остальные комнаты и разнесем по одному. В принципе до начала их операции остались считанные часы, надо спешить.

Они проверили оставшиеся комнаты штабного строения, обнаружили еще одного спящего охранника и связали, оставив досыпать с кляпом во рту. У Ивашуры пискнула «марка» рации за ухом.

— Игорь, мои вернулись, — раздался голос Гаранина. — Все тихо. Разоружать охрану периметра нет смысла, да и опасно. Помощь нужна?

— Нет, идем обратно, — ответил Игорь Васильевич. Махнул рукой Кострову. — К машине! Знаешь, что я нашел на столе?

— План Башни.

— Умница! Да, план коридоров, где заложена взрывчатка. Гибелев не соврал. Они заминировали три этажа в местах расположения лифтов, а сто двадцать первый этаж отмечен как строго охраняемый объект. Соображаешь?

— Сысоев готовится уплыть отсюда... или, наоборот, встретить десант.

Ивашура остановился так резко, что Иван налетел на него.

— Ты что?

— Знаешь, рыжий, ты мыслишь лучше меня! Нам в первую очередь надо уничтожить именно тот лифт, а уж потом заниматься остальными. Где же лейтенант, черт бы его драл! Нужен совет.

— Какой лейтенант?

— Куца. Он же обещал подстраховать.

— У тебя нет с ним связи?

— Рация молчит. — Ивашура думал несколько мгновений, оглядывая площадку базы с застывшими машинами, домиками, штабелями ящиков, махнул рукой. — Ждать не будем. Вернись-ка туда и захвати «гарпун» с парой ракет, авось пригодится.

Костров безмолвно повернул обратно и через минуту возвратился с зенитно-ракетным комплексом на плече и с ящиком ракет под мышкой.

Еще через минуту они встретились с группой Гаранина у входа в Башню.

Отдыхали на восемьдесят первом этаже, преодолев четыреста с лишним ступенек за полчаса. Женщины выбились из сил, да и мужчины устали изрядно, однако не жаловался никто. Все понимали, что от скорости подъема зависит успех операции.

Ивашура не знал, как полковник относится к происходящему, но решил ничего не объяснять, хотя изредка ловил на себе его красноречивые взгляды. Когда боль в ногах от подъема стала невыносимой, Игорь Васильевич объявил привал и отозвал в сторонку Гаранина. Они поднялись на пролет выше. Ивашура сел на ступеньку, с наслаждением упер ноги в стену.

— Насколько мне было бы проще, Олег, — сказал он, улыбаясь, — если бы я полгода назад взял с собой тебя, а не полковника Одинцова. Ты его, случайно, не знал?

— Знал немного, — нехотя отозвался Гаранин. — Что ты задумал, Игорь? Вижу, что у тебя есть определенная цель, и даже догадываюсь — какая, но ничего понять не могу. А вслепую ходить не привык.

— Я же тебе все рассказал.

— Думаю, что не все.

Ивашура помедлил, хлебнул воды из фляги.

— Если я расскажу тебе все, ты не поверишь.

— А ты попробуй. Это лишь один дрянной журналист, тебе вряд ли известный, Ромул Арбихман, покусывающий спецслужбы, считает, что контрразведчики ФСБ — необразованные, серые личности. Ты же так не считаешь?

— Ну, серых личностей, наверное, везде хватает. — Ивашура вздохнул. — Как среди федералов, так и среди ученых. Я уж не говорю про самих журналистов. Однако даже мне поверить в мою историю было бы трудно. Что ж, слушай, пара минут у нас есть, пока отдышатся женщины.

Рассказ длился целых пять минут, и после него полковник глубоко задумался. Он получил такую порцию информации для размышлений, от которой рядовой обыватель просто отмахнулся бы, как от бреда шизофреника.

Во всем здании хроноускорителя царил мертвая тишина, ни одного звука не доносилось снаружи, да и внутри можно

было слышать лишь собственное дыхание, и эта тишина действовала на психику больше, чем яростная пальба.

Они проникли в Башню легко, не встретив у входа ни одного человека. Поднялись на третий этаж и рысью преодолели треть кругового коридора до следующей лестничной шахты, по которой и поднялись на восемьдесят первый этаж. Теперь предстояло отшагать еще сорок этажей, выйти к рабочей зоне, охраняемой командой Сысоева, и разрушить там лифт. И лишь потом спуститься вниз, на семнадцатый этаж, с заблокированной изнутри рабочей зоной хрономембраны (интересно, кто ее заблокировал? Те, Кто Следит? Хронорыцари? Сам Стас, компьютер Ствола?), проникнуть внутрь, взорвать мину Сысоева таким образом, чтобы не повредить лифт... и выжить при этом самим.

Ивашура покачал головой, понимая, что план сложен и почти не выполним. Но у него, то есть у них всех, не было другого выхода.

— Да-а! — промычал Гаранин, возвращая собеседника к яви. — Задал ты мне загадку! А если я тебе предложу другой вариант?

— Какой?

— Проникнуть в эту твою... хрономембрану...

— Хроно...

— Хрономембрану, обезвредить взрывное устройство и занять круговую оборону до подхода основных сил.

— Каких сил? — Ивашура подозрительно всмотрелся в смутно белеющее напротив лицо полковника, но разглядеть его не смог.

— Моих сил. — Олег Борисович усмехнулся. — Думаешь, я зря в Москве сутки провел? Стоит дать сигнал, и сюда через час вертолетный полк высадит десант Брянской бригады спецвойск.

Теперь получил порцию информации для размышлений Игорь Васильевич. Но думал недолго.

— Этот вариант чреват потерями. Будет запасным, на крайний случай. Попробуем управиться собственными силами. Главное — обезвредить «санитаров», без них «хирургам» одним не справиться с уничтожением Ствола... то есть Башни.

— А зачем женщин потащил с собой? Что за особый стратегический расчет?

— Я не сказал тебе еще одной вещи. — Ивашура помолчал. — Если все сложится удачно, мы уйдем, а тебе придется отдуваться за всех. Справишься?

— То есть как уйдете? Куда?

— Туда. Вверх. Или вниз по Стволу, «Бичу Времени», как его прозвали наши приятели. У нас задача посложней: сохранить Вселенную, как бы выпренно и напыщенно это ни звучало.

Гаранин хмыкнул.

— Да уж, звучит... неправдоподобно. Так и хочется проснуться. А мне с вами нельзя?

— А кто будет охранять Башню здесь? Вдруг «санитары» предпримут еще одну попытку?

— Ясно. Значит, буду выполнять задачу здесь. Хотя очень хочется побывать там... в будущем.

— Скорее в прошлом.

— Ну, все равно, в других мирах. А ты вернешься?

— Если честно — не знаю.

— Понятно. Что ж, пошли, командир?

Игорь Васильевич встал, обнял поднявшегося полковника.

— Если бы ты знал, как я тебе благодарен!

— Да чего уж там, — проворчал Гаранин. — Как-никак себя спасаем... со Вселенной вместе. — И не было в его голосе ни сарказма, ни скептической нотки, ни иронии. — Как ты думаешь, майор уже прибыл на базу? Поднял тревогу?

— Если бы поднял, мы бы и здесь услышали. Наверное, еще не прибыл. Хотелось бы, чтобы мы начали первыми.

— Да, фактор внезапности великое дело.

Они вернулись к отдыхающим десантникам. Ивашура безосшибочно нашел в темноте Веронику, подсел к ней, и они просидели несколько секунд обнявшись. Потом Гаранин тихо скомандовал своим ребятам выступать, и все зашевелились, разминая мышцы ног.

Отряд выступил в поход. Через двадцать минут они вышли на сто двадцать первый горизонт здания, где располагалась работающая хрономембрана Ствола, контролируемая эмиссаром «хирургов» майором Сысоевым.

— Что будем делать дальше? — спросил Гаранин, когда Иван с его сотрудниками сходил в разведку и доложил о бетонной стене, перегородившей коридор, охраняемой двумя

мощными парнями в камуфляже с автоматами. — Не пробиваться же туда силой. Охрана вряд ли знает, что охраняет, парни просто на службе, а при штурме жертвы неизбежны с обеих сторон.

— Мы не собираемся штурмовать эту крепость, — рассеянно проронил Ивашура. — Попробуем пройти другим путем, опыт уже есть.

Он красиво крутанул в руке меч, так что даже Иван посмотрел на него с завистью и недоумением, и вонзил бледно-голубое лезвие в стену коридора. Затем двумя последующими ударами нарисовал на стене тонкими прорезями треугольник. Налег плечом на треугольник, Костров помог ему, упершись рукой, и кусок стены толщиной в полметра, которую вряд ли можно было пробить гранатой, с гулом выпал в соседнее помещение. Пол коридора вздрогнул.

— Сейчас нас засекут и... — Гаранин сделал всем понятный жест.

— За мной. Твои ребята пусть прикрывают тыл. — Ивашура включил фонарь, нырнул в треугольную дыру.

Один за другим члены отряда последовали за ним.

Помещение было длинным и пустым, если не считать каких-то странных ветвистых образований, вырастающих из пола и напоминающих скелеты деревьев.

— Похоже, здесь что-то росло, — предположила Вероника.

— Или просто высохло за много тысяч лет, — добавила Тая.

Ивашура, не отвечая на реплики, прошел в конец помещения и проделал ту же процедуру, что и в коридоре: в три взмаха вырезал мечом кусок стены и выдавил его на ту сторону.

Следующее помещение было копией первого, только «высохший лес» стал гуще. Третье помещение ничем не отличалось от первых двух так же, как четвертое и пятое, но «лес» становился все гуще, он начал повторяться и на потолке, подобно пещерным сталактитам, и наконец пройти дальше, не задевая белых колючих ветвей, стало невозможно. Пришлось рубить «деревья», что дриммер делал не с такой легкостью, как дыры в стенах. Видимо, материал «скелетообразного леса» представлял собой не вещество — соединение атомов и молекул, — а полевые структуры.

Ивашура насчитал двадцать четыре помещения, которые удалось пройти, когда при очередном проникновении за перегородку в лицо им брызнул яркий белый свет и взору представился круглый зал с пульсирующими, меняющимися размерами, форму и цвет объектами непонятного назначения, рядом металлических контейнеров явно земного, то есть отечественного, происхождения и колонной лифта — хрономембраны — посередине.

У колонны с открытой дверью стоял знакомый десантникам монстр — обезьянозмей и всеми четырьмя лапами копался в клетке лифта. Лишь голова его, голова кобры с раздутым капюшоном, увеличенная до размеров бычьей, была повернута к людям, выражая каким-то образом ошеломление и удивление. Еще один монстр, похожий на гигантскую пиявку с головой паука, стоявший на хвосте, возился с одним из меняющих форму объектов, живых и неживых одновременно. Людей в зале не было.

— Огонь! — скомандовал Ивашура, не потерявший бдительности, и первым выстрелил в обезьянозмея из «универсала».

Затрещали выстрелы. Костров, Гаранин и его команда открыли стрельбу из пистолетов.

На обезьянозмея пальба никакого впечатления не произвела, а вот пиявку-паука буквально размазало по стенам: брызнуло зеленой маслянистой, бурно испаряющейся жидкостью. Затем Иван сунул в отверстие, пробитое мечом, ствол зенитно-ракетного комплекса и выпустил ракету за мгновение до того, как в перестрелку вмешался обезьянозмей, метнувшийся зеленый клубок огня.

Однако выстрел монстра не был точным, хотя и ослепил людей, зато Иван попал прямо в яблочко — в раскрытую дверь хрономембраны. Взрыв получился таким, что зашатались стены, а десантников отбросило от дыры в стене.

Это их спасло. Потому что второй взрыв, не очень громкий и яркий, но более тяжелый, глубокий, потрясающий внутренние структуры материи, буквально испарил стену, и во все стороны от колонны лифта ударили струи «мертвого выброса». Одна из струй пересекла прапорщика Мишу, превратив его в свинцовую статую, вторая коснулась плеча Ивашуры, но легко, лишь ткань комбинезона обратив в ме-

таллический наплечник. И все же укол боли был столь сильным, что Игорь Васильевич на какое-то время потерял сознание.

Очнулся он от того, что лицо его задела ветка «засохшего дерева», завозился, понимая, что его несут на руках Гаранин и Костров.

— Я сам... отпустите!

Встал, опираясь на чье-то плечо, оказалось — Вероники.

— Где мы?

— Все там же, — ответил невидимый Гаранин. — Миша Сергеев мертв. Остальные отделались легким испугом. Что это было?

— Слуга «хирургов».

— Нет, я о взрыве. Показалось — ядерный!..

— Пострашней, пожалуй, — хрипло произнес Ивашура. — Мы взорвали действующую хрономембрану, и произошло прямое преобразование времени в энергию... если только не наоборот. Плюс «мертвый выброс».

— Это те черные струи?

— «Мертвый выброс» на самом деле сброс хронопотенциала во внешний мир, — попытался внести ясность Костров, знакомый с этой процедурой еще со времени своего путешествия с Таей по Стволу.

Вряд ли полковник понял его, но переспрашивать не стал. Сказал с угрюмой задумчивостью:

— Странно, что все тихо... как на кладбище. Нас ведь должны были преследовать... встретить на выходе.

— Еще встретят.

— В том-то и дело, что коридор, из которого мы проникли сюда, темен и нем. Я послал вперед Ключева, он передает, что в пределах видимости никого нет.

— Это немного упрощает дело. Рвем когти на семнадцатый этаж, пока Сысоев не опомнился. Надо успеть до взрыва горизонта.

Гаранин, невидимый в темноте, щелкнул обоймой пистолета, передернул затвор.

— Пошли. Только осторожней, «лес» тут очень колючий.

Они выбрались в коридор через тот же треугольный пролом, рассредоточились, это получалось у них уже автоматически, и помчались к лестнице, а потом по ней вниз, ощущая ка-

жду ю истекшую секунду. До семнадцатого этажа им удалось добраться всего за двенадцать минут.

Но здесь их ждал сюрприз.

Как только отряд оказался в коридоре, ведущем к заблокированной рабочей зоне, подготовленной командой Сысоева к уничтожению, с потолка впереди и сзади бегущих цепочкой десантников вдруг упали толстые металлические решетки, вспыхнул слепящий свет прожектора, и раздался усиленный мегафоном голос:

— Всем стоять! Оружие на пол! Руки на затылок! При малейшем движении стреляем без предупреждения!

Иван поднял было пистолет, чтобы выстрелить в прожектор, но выстрел из глубины коридора опередил его. Пуля из карабина попала Кострову в грудь, бронежилет не пробил, но отшвырнула Ивана назад, свалила с ног. Вскрикнула Тая, бросаясь к Ивану.

— Не двигайтесь! — сквозь зубы бросил Ивашура. — Бросайте оружие.

— Но мы могли бы... — начал Гаранин.

— У меня меч.

Полковник не понял, при чем здесь меч, но в голосе Игоря Васильевича было столько уверенности, что он повиновался.

Десантники побросали пистолеты на пол, подняли руки над головой. Меч Ивашуры остался на боку, под курткой, прижатый ремнем брюк. Рукоять его торчала под мышкой, закрепленная в специальной петле, и видна не была.

В сияющем тоннеле светового луча прожектора появилась тень, прошагала с полсотни метров, сгущаясь в черную человеческую фигуру, остановилась у решетки.

— Вот так встреча, — произнесла фигура насмешливо голосом майора Сысоева. — Полковник Гаранин! Вы-то как оказались в этой компании?

— Мимо проходил, — усмехнулся Олег Борисович.

— Понятно. Видимо, я что-то упустил из виду, раз Башней заинтересовалась военная контрразведка.

— Да уж, — неопределенно хмыкнул Гаранин. — Устроили вы тут испытательный полигон. Не хотите поторговаться? Я ведь здесь не один.

— А что вы можете предложить? Жизнь? Я ею не особо дорожу, такова уж внушенная мне программа. Лифт моей

личной хроноструны вы уничтожили. Кстати, как вам это удалось? Я считал, что гарантирован от любой случайности.

— Это секрет.

— Понятно. Что ж, тогда шансов у вас... Впрочем... — Сысоев помолчал. — Пожалуй, шанс есть. Что, если вам предоставить возможность разблокировать эту зону? Она под контролем инка Ствола, Стаса, как его называют ваши друзья, и проникнуть туда я не смог, почему и решил уничтожить. Ну как? Ваш выбор.

Гаранин повернул голову к Ивашуре.

— Отпустите женщин, — ровным голосом сказал тот, щурясь от яркого света.

Сысоев засмеялся.

— Я ждал этого предложения. Как романтично! Нет, уважаемый Игорь Васильевич, не пойдет. Сделаете дело — отпущу всех, вы мне не нужны ни живыми, ни мертвыми. Вариант не подходит — не обессудьте.

— Согласен.

— Вот и отлично.

Майор поднял руку, в коридоре появились еще две тени, превратились в двух верзил в камуфляже с автоматами. Решетка перед десантниками поднялась. Верзилы встали с двух сторон, направили оружие на десантников.

— Выходите и не делайте резких движений.

— Подожди, — угрюмо проговорил Ивашура, приблизился к Тае, склонившейся над Иваном. — Что с ним?

— Нормально, живой, — отозвался сам Костров сдавленным голосом. — Либо ребро сломано, либо синяк будет, но броник спас. — Иван завозился, сел на полу, потом встал, поддерживаемый Таей. — Шмальнули, судя по всему, из малого калибра. СКС проделал бы во мне и в жилете дырку даже с километрового расстояния.

— Шагай, — подтолкнул его стволом автомата верзила слева.

Десантники вытянулись цепочкой и медленно двинулись за шагавшим впереди Сысоевым. Проектор впереди погас, зато вспыхнул еще один — сзади. В его свете стали видны двое парней в комбинезонах, у одного из них оказалась винтовка «маузер» калибра 5,45 миллиметра. Из нее, видимо, и досталась пуля Кострову.

Из-за закругления коридора показался еще один человек, торопившийся навстречу. Это был Гибелев.

— Вот вы где, — выдохнул он. — Боялся, что не успею, но освободиться удалось только сейчас.

Сысоев оглянулся.

— Так, значит, это они тебя спеленали? То-то рация молчит. Поздравляю, Игорь Васильевич, я вас недооценил.

— Они забрали программатор.

Сысоев резко остановился, дал знак одному из конвоиров.

— Обыщи их.

— Не надо. — Костров вытащил из-за пояса гигантский револьвер, который они отобрали у Гибелева, бросил на пол. — Забирайте.

— Вот это что за диковина, — негромко сказал Ивашура. — А мы гадали, отчего Леонид Дмитриевич так нервничает, когда на него наводят эту пушку.

Майор оскалился, подобрал револьвер.

— Потеря была бы невосполнима.

Он снова зашагал вперед, а переглянувшиеся Ивашура и Костров поняли, что шансов уцелеть у них нет. В любом случае они обречены: либо умереть, либо стать слугами «санитаров».

Впереди показалась голубая, бликующая металлом стена, перегородившая коридор. Возле нее высились штабеля ящиков, а у самой стены стояли два металлических контейнера, в которых Иван узнал боеприпасы объемного взрыва, так называемые вакуум-бомбы типа «серая зона», по мощности сравнимые с ядерным зарядом десятикилотонного эквивалента.

— Елки-палки! — изумленно воскликнул он, получив тут же удар в спину. Мгновенно, не разворачиваясь, ударил ногой в ответ, так что конвоир отлетел назад и растянулся на полу. Его напарник дал очередь над головами, Сысоев оглянулся на застывших пленников, покачал головой.

— Я бы посоветовал не раздражать моих ребят, это может плохо кончиться. Итак, Игорь Васильевич, вот ваш объект. Приступайте. Мы, конечно, пытались пройти туда, но Стас зауклил зону полевой завесой, восстанавливающей структуру стен.

Десантники сгрудились у голубой стены, с виду металлической. Сысоев отступил, подчиненные встали за его спиной,

еще двое подкатили на тележке прожектор поближе, направили на стену.

— Они не отобрали рацию, — одними губами произнес Гаранин. — Я даю сигнал своим.

— Поздно, — прошипел Костров.

— Стойте! — выкрикнул вдруг Гибелев. — Майор, вы забрали у них дриммер? У них был с собой...

В то же мгновение Ивашура, развернувшись лицом к стоящим в двадцати шагах «санитарам», бросил в их сторону меч и произнес два слова:

— Убей их!

Что произошло в последующие несколько секунд, никто так толком и не понял.

Лишь Сысоев да Гибелев, знавшие, что такое дриммер, успели среагировать, да и то неправильно: открой они огонь — успели бы кого-нибудь убить или ранить, они же попытались защититься.

Когда ошеломленные десантники пришли в себя, в мертво-белом свете прожектора они увидели лежащие на полу тела, а затем — медленно летящий над полом меч. Он возвращался от тех, кто стоял у прожектора. Опустился у ног Ивашуры, такой же чистый, туманно-прозрачный, струящийся и в то же время создающий впечатление разящей стали. Все молча смотрели на него, пока Игорь Васильевич не подобрал дриммер и не спрятал под куртку, лезвием в левую штанину, до бедра, рукоятью в петлю под мышку.

Гаранин прокашлялся.

— Как он это сделал?

— Не суть важно, — хмуро ответил Ивашура. — Давайте думать, как пройти в зону. Не то какой-нибудь служивый рванет этот склад по запасному варианту, не получив вовремя сигнал отбоя.

— Может быть, просто растащим взрывчатку, обезвредим взрыватели...

— Не надо, — раздался из-за прожектора чей-то голос, и в световой конус вышел человек в полевой форме Российской армии.

Гаранин и его подчиненный капитан Клюев напряглись, меряя взглядами расстояние до убитых с автоматами, но Ивашура удержал их.

— Это свой. — Сделал несколько шагов навстречу. — Я ждал вас раньше, лейтенант. Вы обещали подстраховать.

— Появились проблемы. Пришлось ликвидировать Козюлю, он занервничал и собирался форсировать события. Тем не менее я подстраховывал и вас. Если бы вы не догадались использовать дриммер, я успел бы сам ликвидировать команду Сысоева.

— Кто это? — подошел Гаранин. — А, лейтенант Куца!

— Так точно, товарищ полковник, — вытянулся молодой человек. — Извините, что заставил вас поволноваться.

— Кроме всего прочего, он эмиссар Тех, Кто Следит, — негромко добавил Ивашура.

Их окружили оживившиеся женщины, Костров и Клюев, такой же озабоченный, как его шеф. Гаранин хотел задать вопрос, но Куца опередил полковника:

— Вы легко пройдете в зону с помощью дриммера. А там договоритесь со Стасом, он знает, что делать.

— А вы?

— Я останусь. Нам с полковником еще предстоит повоевать кое с кем, чтобы гарантировать ваш отход и не допустить новых попыток взрыва Башни. Хотя ее, конечно, придется взорвать.

— Как? Зачем? — в один голос спросили женщины.

— Чтобы все думали, в том числе не вычисленные нами «санитары», что их план сработал. Но заряды, естественно, мы перегруппируем. Их надо установить так, чтобы стены Башни рухнули и завалили работающую зону. А о том, что она работает, будем знать только мы. Не возражаете, полковник?

Гаранин потер подбородок, окинул взглядом фигуру лейтенанта, в глазах которого снова на миг протаяло удивительное понимание момента, кивнул, усмехнулся.

— Если бы вы знали, как мне будет трудно хранить тайну.

Куца повернулся к Ивашуре.

— Отправляйтесь, Игорь Васильевич, время не ждет. Мы тут справимся сами.

Ивашура встретил его руку, сжал, отступил, потянув за собой Веронику, все еще глядя на эмиссара Тех, Кто Следит. Потом повернулся к голубой стене и вынул меч.

Часть III ПОД НАМИ

Глава I

Ромашин заявился домой к Златкову рано утром, когда тот еще спал.

Всемирно известный ученый жил на окраине Злата Бряга, в прошлом — столицы Болгарийской республики, ныне — города-музея планетарного значения. Дом Атанаса скорее напоминал замок в миниатюре, чем обычный жилой коттедж, но имел стандартное инженерно-техническое оборудование, делавшее жизнь человека комфортабельной и удобной. В зависимости от программы и желания владельца внутреннее пространство дома можно было перестраивать в широком диапазоне интерьерно-архитектурных решений, но Златков предпочитал «рыцарский» вариант: каминный зал, обеденный, комнаты отдыха, спальни, винные погреба, алхимические лаборатории, конюшня, скотный двор, баня... плюс компьютерный комплекс, оборудованный плейвером — фантоматическим генератором с игровым объемом и эйдозффектами. Плейвер мог конструировать почти любые ситуации, в которых мог бы и хотел поучаствовать игрок. Сам Златков уже давно не пользовался плейвером, да и сын, повзрослев, покинул дом и жил теперь в Мурманске, поэтому комната плейвера открывалась редко. Именно сюда Ромашин и привел Атанаса, одетого в халат, недоумевающего по поводу столь раннего визита комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности.

Ромашин был одет в белый кокос и походил на опытного врача «Скорой помощи», профессионально успокаивающего пациента. На вопрос Златкова, чем обязан визиту, комиссар ответил:

— Не волнуйтесь, Атанас, все будет хорошо. Просто надо без свидетелей поговорить об интересующих меня вещах.

Инк плейвера включил в комнате интерьер прошлой игры: сын, очевидно, создал вариант мира «запрещенной реальности» и воевал с Иерархом этого мира, — но Ромашин выключил контур, и комната сразу стала маленькой и голой, с мерцающими янтарными стенами и светящимся потолком. Комиссар вырастил из пола два кресла, колокол инка задвинул в стену и сел перед стоящим Златковым, глядя на него снизу вверх.

— Садитесь, Атанас. Разговор будет долгим.

— Вы один?

— И даже без «кольчуги».

Златков, подумав, запахнул халат и сел.

— Ничего не понимаю... пять утра... нормальные люди еще спят...

— Так то нормальные.

— Что происходит? Дело не терпит до десяти часов, до начала рабочего дня?

— Не тербите пуговицу халата, то бишь кнопку вызова охраны, — вежливо посоветовал Ромашин. — Один из ваших телохранов спит, а второго пришлось убрать, потому что он «санитар» и приставлен не столько охранять вас, сколько в нужный момент ликвидировать. Программа у него такая.

— Откуда вы знаете?

— Я много чего знаю.

Златков откинулся на спинку кресла, изучающе глядя на комиссара, который сцепил руки на груди и с неопределенным сожалением смотрел на него.

— Вы уверены, что поступаете правильно?

— А вы?

— Резонный вопрос. Честно говоря, я давно ждал этого, только не предполагал, что мной займетесь вы лично.

— Этого требует уровень игры, Атанас. Я ждал, что вы придете ко мне сами, но потом понял, что программа — вы ведь закодированы? — этого не допустит.

— Вы правы. Я смог преодолеть два предохранительных порога программы, в том числе порог самоликвидации в случае раскрытия, но третий порог — освобождение от внутреннего брейн-контроля, внесенного непосредственно в генетическую матрицу, — пробить пока не смог.

— Когда вас закодировали?

— Перед последним пробным запуском Ствола, почти два года назад. После чего я разработал правдоподобную концепцию времени и начал проводить в жизнь план «хирургов».

Ромашин кивнул, глаза его стали грустными.

— Да, удар был нанесен сильный. Если бы не Те, Кто Следит, мы с вами уже перестали бы существовать. Еще и сейчас проблема не решена, нет стопроцентной гарантии, что наша Ветвь уцелеет. Именно поэтому вами занимаюсь я лично, а не следственный отдел службы... в котором, кстати, сидят помощники «санитаров». Собственно, у меня только один вопрос: сможете ли вы, оставаясь резидентом «хирургов», помочь нам освободиться от них?

Златков закрыл глаза. Лицо его сделалось бледным, на лбу выступила испарина. Видимо, он боролся с программой «хирургов», предписывающей ему действовать определенным образом. Помолчав с минуту, он глухо сказал:

— Я попробую. — Открыл черные, полные внутренней борьбы и муки глаза. — А вы не боитесь, что я поведу с вами тройную игру? Или дам команду на ликвидацию?

— Боюсь, — серьезно кивнул Ромашин. — Но, во-первых, у меня нет другого выхода, а во-вторых, есть шанс декодировать вас, не изменяя личности. Наши медики поработали с захваченными «санитарами» и кое-чему научились.

— Сначала я попробую освободиться сам. Если не получится...

— Хорошо, только не опоздайте. А что вы там говорили о правдоподобной концепции времени?

— Прежде чем начать строительство хроноквантового ускорителя, мы создали теорию «бурения времени», предполагая, что время — особого рода субстанция, физическая реальность, такая же, как пространство, вещество и поле. В наших ранних опытах, а я занимаюсь проблемой инверсии времени пятьдесят лет, мы как будто получили подтверждение правильности субстанциональной концепции.

— Как будто?

— Во всяком случае, нам удалось преобразовать время в энергию. Мы так думали, что удалось. Отсюда и родилась идея хронобура, которую мы воплотили в жизнь. Но теперь,

после открытия Древа Времен, квантового ветвления Вселенной, появления «хирургов» и Тех, Кто Следит, после десятка новых открытий и похода в Ствол Павла Жданова, я не уверен, что верна даже концепция самих «хирургов», которую они используют для работы с нами.

Ромашин покачал головой.

— Поскольку я незнаком с этой теорией, давайте по порядку, с самого начала. По долгу службы мне пришлось прштудировать многие труды по хронофизике, и я кое в чем разбираюсь. Ведь реальность Фрактала, или Древа Времен, не снимает с повестки дня вопрос: что такое время?

— Не снимает, — кивнул Златков, с усилием преодолевая внутренний позыв взорвать дом вместе с собой и гостем; этого уровня контроля — самоликвидации при провале — он уже действительно не боялся. — Кроме пяти существующих, так сказать, официальных версий времени, многие ученые, в том числе и я, разработали еще несколько.

— Погодите, я знаю только четыре: субстанциональную, реляционную, динамическую и статическую.

— Пятая версия — субъективно-психологическая, в принципе она тоже ничего не объясняет и не решает. По этой версии время — способ отражения Вселенной сознанием мыслящего существа. В каком-то смысле так называемое биологическое время — процесс упорядочивания и синхронизации информации из разных источников в теле человека — смыкается с понятием субъективно-психологического времени.

— По-моему, эта идея себя изжила. Во всяком случае, в разряд серьезных она не входит.

— Отчего же? Просто ученые не занимались ею всерьез, поэтому и нет капитальных разработок. Но сама идея великолепна: пространство и время есть субъективные формы нашего чувственного восприятия объектов и явлений, они могут быть только изменяющимися отношениями и имеют смысл только для субъекта. Очень мощная идея! Будь я помоложе и получи другое образование, я занялся бы ею. Но я занимался другими идеями.

— А какую концепцию вам внушили «хирурги»?

— Они кинули мне кость в виде пространственно-событийной концепции. — Златков слабо улыбнулся, снова

преодолевая приступ-команду ликвидировать источник беспокойства. Ромашин заметил это.

— Может быть, закончим разговор? Вы все чаще усилием воли отключаете программу, как бы не наступил нервный срыв.

— Справлюсь. В каком-то смысле мне теперь легче, потому что вы сбросили с моих плеч весомый груз неумышленного предательства. Сам я вряд ли пришел бы к вам с повинной, несмотря на успешную борьбу с программой. Я закончу. Чтобы вы знали, с чем вам придется иметь дело. Итак, концепция «хирургов»: прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно в общем многомерном пространстве событий.

— Об этом говорил еще Блаженный Августин, — хмыкнул Ромашин. — «Прошедшее и будущее время также существуют, хотя и непостижимым для нас образом».

Златков сморщил лицо в гримасе, означающей улыбку.

— С вами приятно разговаривать, Игнат. Чувствуется профессиональная подготовка и хватка. Вам бы бросить службу безопасности и уйти в науку.

— Спасибо за благие пожелания. В юности я подавал большие надежды, но счел работу безопасника более необходимой.

— Кому, обществу?

— Себе. Но давайте прервем colloquium по проблемам времени... хотя мне очень интересно. Остался единственный вопрос: почему вам перестала импонировать идея «хирургов»? Ведь наш Ствол, по сути, ярко проиллюстрировал ее своим воплощением, соединив Ветви Древа Времен и став мировой линией, существующей одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Златков некоторое время изучал спокойное неподвижное лицо комиссара, поправил полу халата, наклонился вперед.

— Игнат, это только часть истины. Если я прав и моя собственная концепция верна, не только знать, но и говорить о ней опасно!

— Почему?

— Потому что она существенно меняет мировоззрение человека. Потому что знание истины в этом деле означает всемогущество! Переход на совершенно иной уровень информированности.

— Так уж и совершенно иной, — раздвинул губы в беглой улыбке Ромашин. — Почему же «хирурги» в таком случае не воспользуются этим всемогуществом? Или Те, Кто Следит, чтобы избавиться от притязаний «хирургов»?

— Потому что, кроме нашего, человеческого, уровня борьбы за жизнь и власть, существуют иные уровни, где у «хирургов» и Тех, Кто Следит, образовался паритет. Мы единственные, кто этот паритет может поколебать. Потому нас и пытаются использовать и те и другие.

Ромашин заглянул в запавшие, лихорадочно блестящие глаза ученого, и ему на мгновение стало страшно. Чтобы убить этот страх, он заставил себя пошутить:

— В таком случае тот, кто раскроет тайну войны «хирургов» и Тех, Кто Следит, станет богом. Может быть, это сделаете вы?

Златков проглотил ком в горле, прикрыл глаза ладонью, пробормотал невнятно:

— Я еще не уверен... нужны расчеты, эксперименты, помощники, свобода. Ничего этого в полной мере у меня нет. «Хирурги» не оставят меня в покое.

— Вот поэтому и надо от них избавиться. — Ромашин встал. — Хотя бы в пределах нашей Земли. Работайте, как работали. Я надеюсь, мне удастся через вас выйти на их эмиссара и выяснить, что здесь готовится. Одно только слово: выдержите игру до конца?

Златков не пошевелился. Лишь спустя некоторое время Ромашин услышал шепот:

— Попытаюсь...

Выйдя из замка ученого на лужайку перед домом, где его ждал двухместный пинасс, Ромашин обошел машину кругом, но в кабину не сел. Он не солгал Атанасу, что пришел один, однако партнер у него все-таки был — инк-анализатор ситуаций и обработки рассеянной информации, вживленный за ухом под кожу и питающийся сигналами сети микродатчиков, вшитых в ткань костюма. Подключенный прямо к слуховому нерву инк носил имя Саваоф и с недавних пор стал Игнату вторым Я.

— Поостерегись, — сказал он хозяину. — Чую колебания полей по формуле прямой угрозы жизни.

— Разве за мной сейчас наблюдают? — мысленно спросил Ромашин. — Я же предпринял меры.

— Меры сработали, филеры «санитаров» нас потеряли, но, вероятно, «хирурги» следят и за своими агентами. Я ощущаю поток внимания к дому Златкова.

— Наш с ним разговор был подслушан?

— Не думаю, ты ведь включал шумовик?

Ромашин кивнул. Шумовик — генератор «белого шума» — создавал вокруг себя сферу звуковых интерференций, пробиться сквозь которую не мог ни один оптический, лазерный или электронный сканер.

— Почему я не могу сесть в машину?

— Поток внимания теперь распространился и на тебя. Нас засекли. Боюсь, что сторож, охраняющий Златкова, настроен не просто на слежку и передачу информации хозяевам, он явно запрограммирован на ликвидацию факторов, дестабилизирующих ситуацию.

— Хочешь сказать, что не только я вхожу в число этих дестабилизирующих факторов, но и Златков? Они посмеют его убрать?

— Не знаю, делай выводы сам. Ты не просто гость ученого, ты комиссар службы безопасности и наверняка внесен в реестр особо опасных лиц. Твой ранний визит должен был насторожить не только охрану Златкова, но и руководителей повыше. Рано или поздно тобой займутся специально. Либо запрограммируют, либо просто убьют.

— Сделать это непросто.

— Они готовятся к какой-то акции, а ты стоишь у них на пути.

Ромашин еще раз обошел пинасс, прислушиваясь к себе, и впервые в жизни пожалел, что он не паранорм.

— А что, если нам исчезнуть?

— Не понял.

Игнат вздохнул. Саваоф не был рассчитан на тонкие, нюансные, многослойные беседы и подсказать ничего не мог, но мысль была неплохая, надо было ее обдумать. Надо было найти союзника, обговорить с ним условия исчезновения, а потом исчезнуть. Скажем, погибнуть в авиакатастрофе. Взорвался пинасс... или куттер... или даже коракл, после того как в него вошел комиссар-два Игнат Ромашин. И пусть «санитары» вздохнут с облегчением и спокойно поработают... некоторое время.

Игнат залез в кабину пинасса, задал курс к ближайшей станции метро и начал обдумывать идею, все больше убеждаясь в ее привлекательности и не отвечая на «вздохи» Саваофа, расстроенного легкомыслием хозяина.

До метро, однако, долетели нормально. Если наблюдатель и следовал за пинассом, уничтожить его он не стал, не имея на то санкции эмиссара «хирургов». Что самостоятельных действий охране Златкова не предписывалось, Ромашин был уверен. Другое дело, что предпримет эмиссар, когда узнает о визите.

— Нет, пора исчезать, пора, — вслух произнес Игнат.

Выйдя из метро Брянска, он задействовал «кольчугу» — бригаду сопровождения, взял куттер и взлетел над зоной бедствия, в центре которой, в лесах, располагался хроно-квантовый ускоритель.

Всего два месяца прошло с момента запуска в Ствол Павла Жданова, но за это время все здесь изменилось.

Кубическое здание хронолаборатории растаяло, и на его месте сначала образовалось озеро хронопены, а затем, когда хронопена испарилась, стометровой глубины воронка с полурастаявшими, пористыми, как губка, стенами. На дне воронки осел слой серебристого металла, зеркально-гладкий, причудливо искажающий перспективу, поэтому наблюдателям постоянно казалось, что они видят на дне воронки странные движущиеся объекты.

Но больше всего изменился Ствол. Спустя два дня после старта Жданова он вдруг налился багровым свечением и буквально взорвался, но не разрушился, а словно застыл в процессе взрыва и теперь издали напоминал гигантскую, гротескно увеличенную колючую головку чертополоха, слепленную из ажурных, иззубренных, перекрученных поверхностей, лохмотьев, сталактитов, листьев, стеблей, тычинок и пестиков. Вблизи становилось видно, что каждый такой «лист» — по сути, струя взрыва, застывший в момент разлета фрагмент стен Ствола — состоит из множества ворсинок размером от сантиметра до двух-трех метров и впечатление производит удивительное, поражающее гармоничностью форм и переходов. Ученые попытались объяснить сей феномен не взрывом, а «выходом в земную физическую реальность чужого закона, изменившего структуру данного объе-

ма пространства-времени», и возможно, они были правы, но лишь Златков обратил внимание на общую форму образования: Ствол теперь странным образом напоминал Древо Времени — то есть Большую Вселенную. Словно некий исполин решил пошутить, а может, проявить свою компетентность и создал для людей «модель Древа Мира», дабы они преисполнились благоговения и восхищения.

Ромашин достал бинокль.

Ядро «модели» представляло собой черное плотное образование диаметром около километра, с кавернами и дырами, в глубине которых изредка появлялся мерцающий свет, словно там, внутри полого шара, кто-то разжигал костер. Но пройти внутрь и вернуться не удавалось до сих пор ни одному конкистадору, в том числе и автоматам с защитой от хронопены. Разведчики же из числа живых людей, проплутав по лабиринтам «перекрестка пространств» многие часы и дни, возвращались обратно без особых открытий. Ствол не пропускал их к своим опасным тайнам, а иногда калечил или убивал смельчаков. Именно в связи с гибелью последней разведгруппы и появилось решение СЭКОНа* о необходимости скорейшего уничтожения бывшего здания хроноускорителя.

Ромашин спрятал бинокль, повторил про себя: как можно скорее уничтожить... И задал сам себе сакраментальный вопрос: зачем? Зачем «хронохирургам» понадобилось разрушать Ствол, если «война Ветвей» закончилась? А она закончилась, причем победой людей, Жданов дошел до дна Мира и отключил хронобур — если верить расчетам и происшедшим в космосе изменениям.

Область сжимающейся вокруг Солнечной системы тьмы исчезла, звезды и галактики засияли вновь, хотя рисунок созвездий изменился, к неопишущему изумлению астрономов. Трансфузия полей вокруг Ствола также пропала, экологическая обстановка улучшилась, подвижки почвы, порождающие землетрясения, прекратились, исчезли «привязанные» над хроноускорителем прозрачные «дыры» — зоны поглощения вещества и «пузыри отталкивания», природа залечила

---

* СЭКОН — отдел социально-этического контроля за опасными исследованиями.

раны, нанесенные ей человеком, наступила тишь и благодать. Отчего же ноет сердце при взгляде на это колючее чудо — «чертополох» Ствола? И почему не пропадает ощущение угрозы, исходящей от его колючек?

Может, Златков прав и Ствол надо уничтожить? Чтобы все тревоги рассеялись, а опасное явление исчезло как дурной сон?

В кабине запищал вызов, командир «кольчуги» кобра Харлам Саковец запрашивал инструкции.

— Обычный маршрут, — бросил в микрофон Ромашин, зная, что сегодняшней маршрут будет не совсем обычным. Сегодня, после встречи с директором УАСС комиссар-два Евразийского филиала СБ Игнат Ромашин «погибнет» во время облета Ствола.

Глава 2

Хотя подземный бункер Центра пояса защиты потерял свое значение как долговременное сооружение с максимально возможной степенью безопасности, его решили сохранить и передать в ведомство вновь созданного Центра по ликвидации последствий и изучению феномена Ствола. Руководил работой Центра второй заместитель председателя СЭКОНа Лев Косулин, а руководство исследовательской бригадой по-прежнему продолжал осуществлять Атанас Златков.

В этот день он прибыл в Центр поздно, к двенадцати часам дня по местному времени и сразу стал свидетелем двух событий, драматического и трагического, изумивших всех сотрудников Центра.

Трагическим событием стала гибель комиссара безопасности Ромашина. Его куттер взорвался во время облета Ствола, столкнувшись с одной из ветвей «чертополоха». Зная расчетливость, ум и силу этого человека, Златков не поверил в его гибель, хотя и засомневался в своих выводах, когда в Центр принесли останки погибшего.

Пока врачи хлопотали вокруг обезображенного тела, пытаясь вдохнуть в него жизнь, случилось второе событие.

Ни с того ни с сего вдруг отвалилась одна из колючек «чертополоха» (застывшая струя взрыва) длиной около двухсот метров, ударилась о землю и взорвалась по-настоящему. Во все

стороны брызнули струи чистейшего смарагдового огня, вспушили клубы дыма, а когда опали, перед взорами наблюдателей предстало нечто вроде половинки гигантского ослепительно белого яйца, внутри которой копошились две человеческие фигуры. Служба безопасности Центра, потрясенная гибелью комиссара, на этот раз сработала вовремя и подобрала людей уже через две минуты после их появления, буквально за секунды до того, как яйцо загорелось бездымным фиолетовым пламенем и сгорело без следа, оставив на своем месте глубокую каверну.

Спасенных было двое, и одного из них, Федора Полуянова, знали все работники Центра, второго — только спецслужбы. Им оказался гриф безопасности Григорий Белый, запущенный с особым отрядом в Ствол накануне запуска Павла Жданова.

Размышляя над двумя событиями, происшедшими одно за другим, Златков опустил в бункер и был встречен мрачным начальником Центра, занятым созданием комиссии по выяснению причин гибели комиссара Ромашина.

— Вы мне нужны, — бросил он на ходу, окруженный толпой помощников, секретарей и сотрудников безопасности, обескураженных случившимся.

Златков вынужден был повернуть и проследовать за Косулиным в его рабочий кабинет.

Видеопласт кабинета был настроен на морской пейзаж, однако начальник Центра выключил его, движением руки отослал помощников, подождал, пока в кабинете останутся трое — Златков, начальник группы безопасности Центра Базарян и он сам, — повернулся к стоящему Базаряну и сказал дрожащим от ярости голосом:

— Как это могло произойти?!

— Не знаю, — ответил перепуганный Базарян, терзая черные усики. — Он вел куттер сам, никого не взял... все было как обычно... никаких тревожных сигналов... кто же знал, что он врежется в этот чертов «чертополох»?

— Вы! Вы должны были знать! Представляете, что будет?! Самое малое — отстранение от работы! И мне придется подавать в отставку! Понимаете, что произошло?!

Базарян дернул себя за ус, скривился, хотел что-то сказать в свое оправдание, но посмотрел на молчавшего Златкова и проглотил возражения. Проямлил:

— Комиссия разберется... Разрешите идти?

— Идите, — выдохнул Косулин, достал из стола белый тюбик адаптогена, чмокнул присоской в шею, бросил тюбик в ящик. — Извините, Атанас, не сдержался. Такая беда!

— Не торопитесь с отставкой, — тусклым голосом произнес ученый. — Надо спокойно разобраться, может быть, служба безопасности и не виновата ни в чем. А что там с выходцами из Ствола?

Косулин несколько оживился, сел за стол, кинул взгляд на плывущие строки бланк-сообщений, вырастил усик микрофона и бутон эмкана, одним движением нацепил дугу с наушником на голову. Теперь он мог общаться мысленно и в звуковом диапазоне с десятком абонентов сразу.

— Сейчас их отмывают, кормят и лечат. Через час приведут сюда. Сначала с ними поговорим мы, потом устроим пресс-конференцию для представителей средств массовой информации. Все-таки после возвращения Марича это лишь второй выход из Ствола живых людей, явление, можно сказать, уникальное.

Златков промолчал, с иронией подумав: «Знал бы ты, что за Марич вернулся из вылазки в лабораторию...»

Лишь самому Атанасу было известно, что под личиной Марича действовал агент «хронохирургов», да, возможно, об этом догадывался Ромашин.

— Так вот, уважаемый коллега, — продолжал Косулин. — Вчера вы изволили заявить, что Ствол перестал быть опасным для природы планеты и человека. Хотелось бы знать, на чем основано ваше заявление. Ведь не далее чем два дня назад, вы во всеуслышание дали добро на уничтожение остатков хроноускорителя.

— Я ошибался, — равнодушно ответил Златков, принимая свой обычный сонный вид.

— Когда? Два дня назад или вчера?

— Хроноквантовый ускоритель вовсе не является таким, это название не соответствует его назначению.

— Да Бог с ним, как бы он ни назывался, он до сих пор работает и преподносит сюрпризы. — Косулин вдруг задумался, озадаченно глянул на собеседника. — То есть как это ускоритель не является таким? Это же ваша идея, вы его рассчитывали, конструировали, строили...

— Я ошибался, хронокванты ускорить нельзя, их можно только задержать, выбрать один из вариантов ветвления... — Златков пожевал губами. — Простите, Лев, я вряд ли способен нарисовать наглядную картину преобразования хронополей. Во всяком случае, Ствол — не ускоритель и не машина времени.

Брови Косулина поползли вверх.

— Но ведь она... он... э-э, проник в прошлое...

— Недавно появилась революционно смелая работа Марка Прашкувича по теории времени. Согласно ей сигналы, посылаемые в прошлое, полностью гасятся своим эхом. Ознакомьтесь, и вы поймете, что ни о каком хронобурении прошлого речь идти не может. Справедлива, вероятнее всего, версия Эверетта.

— О ветвлении Вселенной? Но вы же сами месяц назад разнесли эту версию в пух и прах!

— Я ошибался, — в третий раз признался Златков, и глаза его на мгновение блеснули энергией, иронией и болью. От усилия сдержать эту внутреннюю боль он побледнел, и начальник Центра поспешил перевести разговор на другие рельсы.

— Хорошо, только не волнуйтесь, Атанас, поговорим на эту тему позднее. Как вы думаете, что произошло на самом деле со Стволом? Почему он, во-первых, едва не вызвал все-ленскую катастрофу и, во-вторых, легко отвел ее?

Златков вытер ладонью лоб, улыбнулся с долей насмешливости и сочувствия к самому себе, покачал головой.

— Ну и аппетит у вас, Лев. Ответ на этот вопрос знает только Бог... да еще, может быть, Те, Кто Следит... если они вообще существуют. Я же — человек, способный ошибаться, как выяснилось, чаще других.

— Так уж и чаще, — проворчал Косулин, теряя интерес к разговору. — Вы меня ни в чем не убедили. Я считаю, что Ствол опасен и его следует уничтожить. Подготовка уже начата, вам же надо рассчитать фронт взрывных работ и последствия взрыва. С этим вы, я надеюсь, справитесь?

— А если там внутри еще бродят люди?

— Что? Какие люди? — смешался начальник Центра.

— Жданов, члены группы Белого. В Ствол было направлено по крайней мере два десятка человек, вернулись двое... вернее, трое. Где остальные? Вы уверены, что они погибли?

— Но ведь они же... вы сами утверждали... условия внутри башни ускорителя не способствуют... выжить после взрыва...

Златков встал, холодно поклонился.

— И тем не менее придется учитывать этот вариант. Проверьте, уточните, убедитесь.

— Но как это можно проверить?!

— Запустить в Ствол спецкоманду, защищенную по высшему классу. А проводниками послужат вернувшиеся только что оттуда Белый и Полуянов. Позовите меня, как только они придут в себя и обретут возможность говорить. И на вашем месте я бы поставил возле них охрану.

Златков вышел, а озадаченный Косулин остался сидеть за столом, силясь понять, что имеет в виду руководитель исследовательской бригады Центра.

Григорий Белый отказался разговаривать с начальством Центра и участвовать в пресс-конференции, на которую слетелись сотни корреспондентов крупнейших информационных агентств со всех уголков Земли. Отказ он мотивировал усталостью и нежеланием видеть кого бы то ни было из людей, а также стрессовым душевным состоянием, вызванным гибелью комиссара Ромашина. Таким образом, Федору Полуянову пришлось отдуваться за двоих, а так как делал он это неохотно, на вопросы отвечал скупо, то и пресс-конференция закончилась быстро.

Златков, присутствовавший на совещании у начальника Центра и на пресс-конференции, прекрасно понял, что Полуянов о многом умалчивает, а многое преподносит совсем не так, как это происходило на самом деле. Было видно, что бывший хрооинженер (а также начальник группы риска «Роуд-аскер» службы безопасности) тщательно формулирует каждую фразу и пытается по вопросу определить, кто его задал — нормальный человек или «санитар». В конце концов он тоже сослался на усталость и покинул Центр, сопровождаемый облойкой подстраховки, которую приставил к нему вконец задерганный и расстроенный Базарян.

Придя к себе в кабинет, Златков проанализировал все услышанное, восстановил картину происшедших событий — там, на Дне Мира, у начала Ветви Времени, порожденной

провалом хронобура, и вдруг почувствовал страх. У него постепенно складывалось впечатление, что не только все эти масштабные события были спланированы неким колоссальным интеллектом, но даже мелкие детали вроде участия в операции отдельных личностей, Жданова или самого Атанаса Златкова, к примеру, были скрупулезно учтены и тщательно подогнаны одна к другой, образуя монолитный блок реализованного действия.

Так, может, и в самом деле прав был Блаженный Августин, говоря, что прошедшее и будущее времена существуют одновременно в общем пространстве событий? Недаром и Аристотель задавался вопросом: чем отличается физическая реальность вчерашнего дня от физической реальности дня сегодняшнего или позавчерашнего? Он наверняка был посвящен в истину, иначе зачем природа снабдила его мощным умом, интуицией и ясновидением, способностью творить миры...

На столе зажегся красный огонек вызова, и мысли Златкова свернули в другое русло. Снова перед глазами встало лицо Ромашина, лицо человека незаурядного, посвятившего всего себя без остатка службе безопасности, и снова в голове всплыл вопрос: где ошибся этот человек, провидевший практически все шаги «хирургов», вычисливший почти всех «санитаров»? Или все же он просто сделал хитрый ход? Успокоил врага своей гибелью, подтолкнув его тем самым к более решительным действиям, а сам тем временем готовит ответный удар?

Огонек на столе погас. Загорелся снова. Кто-то настойчиво пытался связаться с ученым, но тот оставался равнодушным к неведомому абоненту.

А если Ромашин все-таки погиб? Что в таком случае делать ему, Атанасу Златкову, осознавшему свое предательство (пусть невольное, запрограммированное хитроумной аппаратурой, но кому от этого легче?) и наполовину избавившемуся от контроля? Рассказать о встрече с комиссаром главе СЭКОНа? Который сам, возможно, является резидентом «хирургов»... Или просто застрелиться?

Дверь кабинета свернулась валиком влево, и в кабинет вошел Игорь Марич, бывший хроноинженер, бывший приятель Федора Полуянова, бывший человек. Включил шумо-

вик, остановился посреди комнаты, сказал угрюмо, с нажимом:

— В чем дело, Атанас?

— А в чем дело? — простодушничал Златков.

— Косулин приостановил подготовку взрыва Ствола до завершения работы комиссии по расследованию обстоятельств гибели комиссара.

— Разве в этом кроется нечто тревожное? На его месте я сделал бы то же самое.

— Но он издал распоряжение сразу после разговора с тобой! Кстати, что за самодеятельность? Зачем ты ему подбросил полено в костер сомнений — идею о том, что Ствол стал менее опасен? Да еще предложил запустить туда спецгруппу для обследования?

— Дело в том, коллега, — рассеянно ответил Златков, — что в отличие от вас я должен производить впечатление человека думающего, обязан генерировать идеи, предлагать планы, анализировать, считать и решать. Если я перестану это делать, меня вычислят мгновенно. Вы же знаете Ромашина.

— Комиссар уже не в счет, а его команда не сможет противостоять нам, как прежде. И все же мне не нравятся ваши речи и поступки. Прекратите гнать отсебятину, иначе придется...

— Что? — глаза Златкова вспыхнули силой и угрозой.

— Перепрограммировать тебя... вас, коллега, — уже тише продолжил Марич. — Не слишком высовывайтесь, занимайтесь своими тракторками времени, хронопolem, исследованиями, моделированием Древа Времен, но не лезьте с практическими советами к высокому начальству. С этого момента будете докладывать мне о своих перемещениях каждые два часа. Уяснили?

— Пошел вон! — не повышая голоса, сказал Златков.

Марич хмыкнул, кивнул про себя, словно соглашаясь с собственным мнением о создавшейся ситуации, и добавил так же негромко:

— Послезавтра сюда прибудет посол «хирургов», он разберется в твоём поведении... коллега. Не позавидую тому, кто не сможет доказать свою лояльность. До встречи.

Инженер вышел, а Златков вдруг рассмеялся, чувствуя странное облегчение, будто с плеч упала гора, давившая его все годы возни с хроноускорителем. До полной победы над

обстоятельствами и судьбой было еще далеко, но одна маленькая победа все же была им одержана: победа над самим собой! Он преодолел порог кодирования, нейтрализовал программу, не стал помешанным и объявил войну «хирургам». Свою войну, интеллектуальную. А вооружен он был гораздо лучше любого «санитара», ибо его оружие — мозг — не требовало особого ухода, спецхранения и работало в любых условиях. Даже если Ромашин погиб, он сам найдет способ перехитрить «хирургов», выяснить, зачем они провоцируют полное разрушение Ствола, чего добиваются, какие планы разрабатывают, и в конце концов отыскать верный рецепт, как сорвать эти планы.

Глава 3

Слежку Гриша Белый обнаружил сразу же, как только покинул Центр по ликвидации последствий катастрофы под Брянском. Он был опытным безопасником, и косые взгляды «случайных» людей — в бункере начальника Центра, в коридорах, на транспортной стоянке — чувствовал кожей. Однако, будучи уверенным, что в настоящий момент слуги «хирургов» ничего предпринимать не станут, не зная, с чем он вернулся, от «хвоста» избавляться не спешил. Лишь добравшись до метро Брянска, он наконец определил, кто его ведет и с помощью каких средств, и ушел «вчистую», с тройной пересадкой без выхода из канала. Григорий знал, что «санитары» все равно вычислят маршрут, но ему необходим был получасовой запас времени: забежать в Управление, бросить пару слов кое-кому из друзей и заскочить на склад, чтобы вооружиться. Как гриф безопасности, то есть функционер службы высокого ранга, он имел особые полномочия, мог действовать без санкций начальства и СЭКОНа и имел доступ ко многим спецхранам Управления.

На складе он немного задержался, потому что здесь его ждал сюрприз. Доступ сработал, его пропустили в хранилище оружия, хотя и не сразу, после консультаций инка хранилища с инком охраны тайн УАСС, но дриммеры ему найти не удалось. Они отсутствовали на складе. Мало того, оружейный инк не знал, что это такое!

Ошеломленный Григорий связался с общим информарием Управления, но и там не нашел упоминаний о хранящихся некогда в бункерах СБ дриммерах. Впечатление было такое, будто они вообще не существовали!

Пришлось взять то, что в данный момент находилось в хранилище: «глуок» и кинжал с молекулярной заточкой лезвия, каких Григорий еще не видел. Кроме оружия, в другом бункере хранилища он отобрал спецкомбинезоны «уник» с генератором идеальной маскировки типа «хамелеон», два комплекта защитных костюмов, выдерживающих выстрел «универсала», со встроенными узлами автоматики и управляющим инком, бинокли, аптечки и блоки НЗ. Все это он упаковал в контейнер и велел инку склада доставить по адресу, который после выполнения задания надлежало стереть из электронной памяти.

— Уж не на войну ли собрались? — пошутил инк, видеопризрак которого сопровождал безопасника во время хождений по складу.

— На нее, родимую, — пробормотал Григорий, озадаченно разглядывая стеллаж с табличкой: «Ингравы. Максимальная масса транспортировки — 200 е. м.».

— Что это за диковина?

— Стандартные антигравы, — улыбнулся инк. — Масса переноса до двух тонн. Ремень с генератором и стабилизатором положения тела. Надеваешь, подгоняешь и летишь.

— Когда же их успели создать?

— Давно, лет семь назад. Точнее, семь лет два месяца и три дня.

— Семь лет?! — Белый изумленно потянул к себе одну из коробок, раскрывшуюся в руках, пощупал черный упругий ремень с квадратной толстой пряжкой. — Надо же, я понятия не имел, что у нас есть такие штуки.

— Мода на них прошла, теперь ингравы монтируются прямо в ткань костюма. Но летают не многие, медики объяснили этот феномен психологическим барьером. Разве что спасатели во время операций, пожарники, врачи «Скорой» и безопасники.

— Короче, работники тревожных служб. Ладно, присоедини пару комплектов к грузу.

Белый повернулся, чтобы выйти из хранилища, и в это время инк спросил его в спину:

— Скажите, гриф, вы знаете этого человека?

Григорий оглянулся и рядом с фигурой инка обнаружил видеопризрак Павла Жданова в белом кокосе официала.

— Что за шутки, витс?

— Как вы сказали? — заинтересовался инк. — Витс? Меня зовут Барри.

— ВИТС — это сокращение, аббревиатура слов: высокоинтеллектуальная техническая система. — Белый расшвирил. — Издеваешься, Барри?! Чтобы клерк не знал такого слова...

— И тем не менее в моей памяти его нет. Простите. Это не существенно. Вы не ответили на вопрос.

— Это Павел Жданов, сотрудник группы риска «Астроаскер». Только он, насколько мне известно, не носил костюм официала.

— Спасибо. — Изображение Павла исчезло. — Все в порядке.

— Да что в порядке?! Что ты тут изображаешь?!

— В моей памяти записан приказ — выполнять задания лишь тех сотрудников, кто лично знает Жданова.

— Бредятина! — протянул изумленный безопасник. — Его же знает каждая собака...

— Далеко не каждая... гм-м... собака. Для меня важно не узнавание, а реакция вашей пси-сферы. Вы действительно знаете его не так, как другие. Всего доброго. — Изображение инка растаяло.

Белый почесал в затылке и, полный впечатлений, выбрался из-под земли в Бугровский лес под Екатеринбургом, где располагался склад Управления.

В лесу царил теплый день бабьего лета, березы светились белизной стволов и золотом листвы, пылали костры кленов, по воздуху летали паутинки, и не верилось, что где-то, в невообразимой дали пространств и времен, существа под названием «хронохирурги» лелеют планы отсечения Ветви Времени, которую люди именуют Метагалактикой...

Побродив немного между деревьями, Григорий стряхнул с себя оцепенение, вызвал модуль и помчался к метро, прикидывая, кто может быть полезен им с Федором в предстоящих делах и где можно раздобыть исчерпывающую информацию о планах «санитаров». Через час, проскакав для вер-

ности по десятку станций, он выбрался из метро Салавпилса и на такси спокойно добрался до своего небольшого «охотничьего» коттеджа, где жил последние несколько лет.

Настроил систему охраны коттеджа, походил по комнатам, вдыхая давно забытые запахи, включил игровой плейвер, но тут же выключил — не до игр. Зашел в сауну, разделся и с удовольствием искупался в мини-бассейне. Затем сварил кофе, затопил камин и уселся в гостевой зале с чашкой кофе и рюмкой коньяка. Мозг все еще сопротивлялся резкому выключению из напряженного ритма жизни, но мысли шли вяло, постепенно останавливая бег. Не волновали уже ни «санитары», ни открытия, сделанные в спецхране Управления. С сочувствием подумав о Полуянове, Белый уснул, и снился ему залитый солнцем коралловый берег, ласковое море и чайки, стонущие вовсе не по-птичьи...

Он вскинулся: сигналил инк системы охраны дома. Но это просто прибыл заказанный груз. Григорий снова уснул и проснулся уже через два часа от легкого прикосновения к руке. Открыл глаза. Перед ним в гостевом кресле сидел живой и невредимый комиссар-два Игнат Ромашин.

Белый закрыл глаза, на ощупь нашел рюмку с коньяком, сделал крупный глоток. Открыл один глаз. Ромашин не исчез. Он сидел нога на ногу, по обыкновению обхватив пальцами колено, серьезный и деловито-сосредоточенный, и Григорий проглотил вопрос: «Вы мне снится или нет?»

— Живой я, живой, — успокоил его Ромашин. — Просто понадобилось, чтобы я для всех побыл мертвым некоторое время. Рассказывайте. Официальную версию Федора я уже слышал. Нужна реальная оценка ситуации.

Белый кивнул, покосившись на светящийся зеленым «кактус» сторожа в углу комнаты. Комиссар заметил этот взгляд.

— У наших мудрецов есть «отмычки» для таких систем, пора вместо «клиффордов» переходить на «киборги». Но это к слову.

— Я проспал около четырех часов. Странно, что меня до сих пор не засекали «санитары».

— Они ждут вас у родственников, об этом домике знают всего два-три человека в Управлении. Но не обольщайтесь, в конце концов вас вычислят и начнут охоту.

— Так серьезно все?

— Серьезней некуда. Все главные лица в СБ и СЭКОНе закодированы, даже Златков...

— О нем я знаю.

— С ним-то как раз все не так просто. Очень сильной воли человек, он смог освободиться от контроля и практически готов работать с нами. Что касается остальных...

— Директор Управления тоже?..

— Нет, Костров смог закрыть себя «кольчугой» наглухо, ключа к ней «санитары» пока еще не нашли и взять директора под свой контроль не смогли. «Взорвался» я с его помощью. Одно время после прыжка Жданова нам представлялось, что мы переловили всех «санитаров», но ничуть не бывало. На свободе остался кто-то из них с программатором и быстро восстановил свое войско. Я вычислил восьмерых, однако, наверное, далеко не всех.

— Татуировка.

— Что?

— У всех закодированных «хирургами» людей после обрыва «струны» хронобура появился на коже странный ветвистый рисунок в виде паутинки, похожий на татуировку.

Ромашин задумался, кивнул.

— То-то я все ломал голову, почему те, кого я вычислил, всегда одеваются в комби до горла, с длинными рукавами, даже в жару. — Он встрепнулся. — О, дьявол! Не может быть! Получается, что первый зампред ВКС Орест Шахов — тоже «санитар»?! Он вдруг начал носить плотные фарантуры, а на приемах щеголяет только в кокосах...

Белый промолчал. Ромашин провел рукой по лицу, успокаиваясь, откинулся на спинку кресла.

— Рассказывайте, но покороче, у нас мало времени. За вами вот-вот придут. Резидент в Центре и так дал нагоняй всем своим «шестеркам», что они вас упустили. Кстати, Федора Полуянова изолировали якобы для обеспечения безопасности. Приказы идут сверху, безопасники ниже поручика их исполняют — и крайних нет.

— Поручика? Разве за время нашего отсутствия ввели новые звания?

— Почему новые? Они были всегда. Ротмистр, прапорщик, поручик, лейтенант, оберст... ну и так далее.

— А кто в таком случае я, гриф «Роуд-аскер»?

— Гриф не звание, а ранг. Насколько я знаю, вы были гранд-майором. Я не прав?

Белый налил полный стакан воды, залпом выпил. В голове мелькнула мысль: не сошел ли он с ума? Но он тут же отогнал ее. Становилось понятно, что в мире произошли некие странные изменения. И надо было выяснить, что именно изменилось: сам ли мир Земли начала двадцать четвертого века или бывшие десантники Григорий Белый и Федор Полуянов, спасшие этот мир от уничтожения.

— Что-нибудь не так? — спросил внимательный Ромашин.

— Позже, — ровным голосом ответил Белый. — Я не готов к определенным выводам. А теперь слушайте...

Рассказ длился около сорока минут, до тех пор, пока зеленый «кактус» сторожа не выкинул гроздь оранжевых огней.

— Вот и гости пожаловали, — сдержанно отреагировал комиссар. — Мне пора уходить. Транш у вас имеется?

— Что? — не понял Белый.

Ромашин настороженно заглянул ему в глаза.

— Гриша, создается впечатление, что вас поражают самые обыкновенные вещи. Транш — это непеленгируемая рация. Если у вас ее нет, вот экземпляр. — Игнат протянул Белому черную каплю с коготком, внутри которой мигнула синяя искорка. — Обеспечивает связь в пределах Солнечной системы. Через спутниковые сети, разумеется.

Григорий взял рацию, как ядовитый змеиный зуб. Ромашин хмыкнул, встал.

— До связи, гриф. Будь готов ко всему. Мне надо кое-что уточнить, а вечером мы встретимся снова, чтобы начать свою операцию. Вы прибыли на Землю очень вовремя.

Ромашин вышел, сел в такси-пинасс и... исчез! То, что Григорий принял за такси, оказалось «големом», стартовавшим в джамп-режиме сразу на высокую орбиту вокруг Земли. Комиссар знал свое дело и подстраховывался капитально.

Григорий включил монитор охраны, оглядел команду, прибывшую по его душу на трех куттерах, и усмехнулся, проворчав:

— Ну что же вы, коллеги, смелее. Сейчас я преподам вам урок, чтоб в следующий раз неповадно было действовать так открыто.

Не спеша он переоделся в «хамелеон», укрепил в узлах автоматики оружие — «глюк», «универсал» и кинжал, — рассовал по карманам доставки боезапас, аптечку, НЗ, универсальный инструментарий, батарею динго, настроил инк спецкостюма на мыслеприем хозяина и включил аппаратуру костюма. Инку понадобилось две секунды на апробацию режима и проверку систем, после чего Григорий Белый будто растаял в воздухе, стал невидимым.

Гибель комиссара-два практически не отразилась на деятельности Евразийского филиала службы безопасности. Круг решаемых им задач не изменился, огромный механизм связей и отношений сохранил набранный ход, тысячи людей продолжали свое дело, даже не представляя, что произошло. Лишь родные, близкие и друзья комиссара переживали трагедию, ошеломленные случившимся, все еще не веря в его смерть, несмотря на панихиду и похороны на старинном кладбище в Рославле, на родине Ромашина.

Место Игната занял его первый заместитель Луиджи Тарантино, и все пошло своим чередом, если не считать усиления влияния «санитаров» на службу безопасности и ситуацию вокруг «чертополоха» хроноускорителя в целом. А поскольку Тарантино, жгучий брюнет с ниточкой усов и глазами навывкате, был резидентом «хирургов» рангом выше, чем Игорь Марич, последний был вызван в резиденцию службы, занимавшую крыло гигантского здания УАСС под Рязанью.

— Полуянова и Белого необходимо в ближайшее время ликвидировать, — приказал комиссар, небрежно отбрасывая со лба прядь черных волос. — Они в курсе всех событий, это очевидно, и очень опасны. Через двое суток прибывает инспектор наших хозяев, мы должны будем отчитаться о проделанной работе и о готовности к уничтожению Ствола. К этому времени оба должны быть обезврежены.

— Полуянов уже под стражей, содержится пока в клинике Центра, но через пару дней, когда шумиха вокруг его имени уляжется, мы переведем его в изолятор СБ в Брянске, где он и останется навсегда. Белый же... — Марич потуск-

нел. — Белому удалось скрыться. Мы ждали его у родителей, у жены и детей — все живут отдельно в разных уголках Европейской России, однако у него оказался личный схрон, так сказать, коттедж в Салавпилсе. Когда наши люди прибыли туда, он был готов к встрече. Сжег все три куттера, четверых оперативников покалечил и скрылся.

Тарантино налился темной кровью, минуту молчал, потом произнес обыкновенным голосом, будто они говорили о пустяках:

— А ведь вы обязаны были проконтролировать их появление, коллега, такие проколы наши хозяева не прощают.

— А вы должны были изучить их досье, — огрызнулся Марич. — И сообщить мне подробности. Откуда я мог знать, не будучи в вашем штате, что этот гриф владеет скоростными режимами и занимается рукопашным боем с младенчества?

— Хорошо, хорошо, не кипятитесь. Белый далеко не убежит, рано или поздно объявится возле Ствола. С Полуянова глаз не спускать! Попробуем его закодировать, а если не получится — уничтожим. Ваш промах с Белым велик, но ликвидация Ромашина компенсирует его, можете пока не бояться гнева хозяев.

Марич знал об истинном положении дел, но говорить, естественно, ничего не стал. Гибель комиссара изменила соотношение сил и решила множество проблем, которые сам Марич решить не мог. Что ж, пусть все думают, что Ромашина убрал он.

— Мне не нравится поведение Златкова.

— А в чем дело?

— Он позволяет себе странные эскапады, делает ненужные заявления, развил бурную деятельность по изучению остатков Ствола, перекрестка пространств, как он говорит.

— Что беспокоит вас конкретно?

— Он стал другим, избегает контактов... — Марич помолчал. — У нас есть данные, что за день до гибели комиссар Ромашин встречался с ним дома.

Тарантино сузил глаза, голос его похолодел.

— Это уже интересно. Разговор записали?

— Нет, Ромашин применил глушилку.

Марич поймал немигающий, острый и холодный, словно у змеи, взгляд резидента и внутренне поежился. Он знал, что

происходит с теми, кто не оправдывает надежд «хронохирургов».

Федор Полуянов мог бы освободиться из своего заточения уже через час после того, как его поместили в отдельный бокс клиники Центра под предлогом «восстановления тонуса и проведения специальных лечебных процедур», но не стал этого делать, не получив сигнала от Белого. Он действительно нуждался в отдыхе, а лучшего места, чем палата в реанимационном отделении клиники, придумать было трудно.

В гибель комиссара Федор не поверил. Слишком хорошо он знал этого человека, способного рассчитать любую комбинацию на много ходов вперед. Однако пока доказательств у него не было, настроение оставалось паршивым. Очевидным было наступление «хирургов» на властные структуры и усиление их контроля над Стволом. Они явно готовили удар по зданию бывшего хроноускорителя, и удар этот был не за горами.

День и ночь после перевода его в отдельный бокс клиники с медицинским комбайном и прочими лекарскими прибабасами Федор проспал, как младенец. На следующее утро рослый молодой человек в комби техперсонала принес завтрак и молча передал «больному» черную капельку с коготком, проронив всего одно слово:

— Транш.

Капля оказалась рацией с речевым и мыслевыходом, а также, естественно, и мысленным входом. Таких Федор в бытность свою начальником группы «Роуд-аскер» не знал.

Рация запищала после обеда. Это был Белый.

— Федор, ты живой? Слышишь меня?

— Ты где?

— Неподалеку. Все нормально, готовлю с Ромашиным сюрпризы местной контре.

— Он жив?!

— Ты сомневался? Будь спокоен, этот человек не даст себя угробить за здорово живешь. Рацию тебе передал его паренек, с ним и будешь контактировать. Вечером по моему сигналу уйдешь, он поможет.

— Благодарю за заботу. Что, у нас мало времени?

— День и ночь. Завтра или послезавтра прибывает некий инспектор от «хирургов», будет проверять готовность их

сети к операции по уничтожению Ствола. Может быть, придется его захватить. Кроме того, Златков подал хорошую идею: запустить туда разведгруппу для оценки опасности остатков хроноускорителя. Если СЭКОН даст добро, у нас появится шанс организовать контригру.

— Но ведь Златков...

— С нами. Мужик мощный и умный, самостоятельно смог раскодироваться. Представляешь силу воли? Ну, будь. Да, вот еще что, покумекай на досуге. — Пси-голос Григория изменился. — В спецхране Управления нет дриммеров!

— Ну и что? Дриммер не игрушка, разработан специально для первопроходцев, спасателей и прочих представителей тревожных служб и требует особого обращения. Нет в Управлении, есть где-нибудь на складах ВКС.

— Они здесь вообще не существуют!

Федор засмеялся.

— Гриша, ты переутомился. Как это дриммеры не существуют? Мы же с тобой ими пользовались. А мечи Владея и старого волхва?

— Там они есть, здесь их нет.

— Что ты хочешь сказать? Что значит — там?

— А ты подумай. Добавлю еще кое-что для размышлений. Тебе знаком термин «транш»?

— Это... мне кажется, принесли...

— Рация, правильно. Но я таких никогда не видел! А ведь обязан знать, как гриф СБ. Кстати, ты тоже. У нас, конечно, есть микрорации, но без выхода на спутниковые сети, и называются они по-другому.

— Вокеры...

— Все, до связи.

— Подожди... — попытался было остановить безопасника Федор, но тот уже отключил связь.

— У нас, — вслух пробормотал Полуянов. — Черт возьми, что он хотел этим сказать?!

Глава 4

Заседание Совета безопасности Евразийского нойона (материкового куста) состоялось в конференц-зале УАСС. Корреспонденты службы новостей на это заседание допуще-

ны не были, и по миру пошли бродить всякие тревожные слухи, умело инспирируемые агентами влияния «хронохирургов», о «новом всплеске» смертельно опасного для здоровья людей хроноизлучения, регистрируемого приборами за многие сотни километров от полуразрушенного здания хроноквантового ускорителя в Брянских лесах. Поговаривали даже, что здание вот-вот взорвется и вокруг Солнца снова начнется свертка пространства, грозящая концом света.

В принципе слухи были не так уж и далеки от истины, но об этом знали всего несколько человек, в том числе постоянные члены Совета безопасности: Орест Шахов — зам-председателя ВКС, Ив Костров — директор УАСС, Луиджи Тарантино — новый комиссар-два, Златков Атанас. Ну и, естественно, Гриша Белый и Федор Полуянов, которые на заседании Совета не присутствовали. Лев Косулин, начальник Центра по ликвидации последствий, знал многое, но не все, как, впрочем, и большинство специалистов и руководителей тревожных служб.

На повестке дня заседания стоял один вопрос: ситуация вокруг хроноквантового ускорителя. Зачем СЭКОНу понадобилось секретить тему, не понял даже его председатель, однако все формальности были соблюдены, и общественность могла судить о важности проблемы лишь по просочившимся сквозь стены УАСС слухам.

Двадцать пять членов Совета выслушали доклад Златкова, затем выступления Косулина, Тарантино и Шахова, вяло поучаствовали в прениях и уже собирались принять решение, подготовленное председателем СЭКОНа — стереть Ствол с лица Земли, — но в это время слова попросил Ив Костров и предложил не торопиться с уничтожением здания.

— Дело даже не в том, что мы потеряем уникальный объект для исследований, — сказал он. — Для акции уничтожения необходимы более весомые аргументы и обоснования, которых я не услышал. Все мы знаем о роли так называемых «хронохирургов» и их приспешников — «санитаров», вознамерившихся отсечь от Древа Времен нашу Ветвь, то есть, по сути, уничтожить нашу Метавселенную. Можно спорить о терминах, но суть останется неизменной. Наши посланцы, двое из которых недавно вернулись из похода по временной

«струне» Ствола, приняли посильное участие в войне с различными пособниками «хирургов», но их самих не встретили. В то же время некоторые данные исследований говорят в пользу того, что «хирурги» все еще надеются на реванш. На мой взгляд, требуется послать спецгруппу в Ствол, а то и не одну, для оценки обстановки и работоспособности энергооборудования ускорителя. Лишь после этого можно будет вынести окончательное решение о судьбе Ствола.

— А если разведгруппа нарвется на эту вашу... хронопену и погибнет? — язвительно осведомился Тарантино. — Или нарушит наступившее равновесие? Вы можете гарантировать, что это не произойдет?.. — Он посмотрел на Златкова.

— Не могу, — честно сознался Атанас. — Ствол сейчас представляет собой конгломерат пространств с разными свойствами.

— Вот видите. — Комиссар развел руками.

— И все же я настаиваю на посылке группы для обследования объекта, — твердо заявил Костров. — Еще неизвестно, чего мы добьемся, уничтожив Ствол. Если в нем все еще работает реактор, то взрыв кварк-кессона превратит Брянские леса в пустыню. А такая возможность есть, приборы отмечают наличие в здании ускорителя источников энергии. Мое мнение: надо не взрывать здание, а изолировать его, благо появились технические предпосылки для такого действия.

Последовало недолгое молчание, затем развернулась бурная дискуссия по поводу предложения директора УАСС, длившаяся три часа с небольшим. Затем прошло голосование членов Совета. С перевесом в три голоса победили идеи Кострова и Златкова: подготовить спецгруппу для проникновения в здание хроноускорителя и построить вокруг него куполовидное укрытие, способное выдержать любой взрыв Ствола.

После заседания в кабинете Ореста Шахова встретились новый комиссар безопасности, Златков, Марич и Павло Обережный, командир «кольчуги» прикрытия директора УАСС. «Санитаром» он стал недавно, когда агентам «хирургов» удалось закодировать его во время отдыха. Их совещание не в пример заседанию Совета безопасности было кратким.

— В разведгруппе должен быть наш человек, — сказал Шахов. — Поскольку благодаря странной инициативе нашего хроногения мы не смогли помешать созданию этой группы, следует знать о каждом ее шаге, а при первой же возможности уничтожить ее.

— Человек найдется, — заверил его Тарантино.

— Скорее всего, пойду я, — буркнул Марич. — Но для уничтожения группы понадобится поддержка.

— Поддержка будет. Вслед первой мы пошлем вторую группу, целиком составленную из наших людей. Остальные продолжают подготовку взрыва Ствола. Естественно, втайне от общественности и руководства УАСС.

— Между прочим, Атанас, — повернул к Златкову голову Орест Шахов, — зачем вам понадобилось затевать всю эту кутерьму с разведгруппой?

— По двум причинам, — безразличным голосом отозвался ученый. — Первая — Ствол в настоящее время действительно представляет собой перекресток пространств с разными физическими свойствами, представляющий несомненный интерес для науки. Изучение его свойств даст нам понимание происходящих в здании процессов, позволит сделать прогноз поведения и опасности разных участков, а главное — позволит определить местоположение работающих хрономембран для их конкретного уничтожения. Вторая причина: гибель разведгруппы станет дополнительным весомым аргументом для СЭКОНа и для нас, конечно, в пользу прямого разрушения хроноускорителя как сверхопасного объекта.

Шахов ощупал рассеяннo-сонное лицо Златкова своими серыми цепкими глазами, медленно проговорил:

— Да вы у нас настоящий стратег. Замысел и в самом деле хорош... если его осуществить. А мы его обязательно осуществим, не так ли, коллеги?

Агенты «хирургов» ответили дружным молчанием.

Директор УАСС Ив Костров слыл человеком жестким — по отношению к тем, кто хоть раз допустил преступную, по его мнению, халатность и разгильдяйство, и даже жестоким, если такие случаи повторялись. Наказание следовало мгновенно: работник Управления, виновный в повторном нару-

шении служебных правил, допустивший срыв плана или развитие аварийной ситуации, безжалостно изгонялся из рядов спасателей и безопасников или привлекался к уголовной ответственности, невзирая на ранги и бывшие заслуги. Поэтому окружали Кострова только люди, преданные делу, и только молодые. Сорокалетний возраст считался порогом для работников оперативных подразделений, а пятидесятилетний — для чиновников аппарата управления. Люди старше пятидесяти лет могли работать только в отделе когнитивного прогноза и эф-анализа* да в экспертной группе.

Когда после известных событий в Брянских лесах с появлением «санитаров», чья деятельность несла разрушения и смерть, наметилась потребность защиты руководителей тревожных служб, пытавшихся ограничить экспансию «санитаров», Костров не стал возражать против варианта личной «кольчуги» — группы телохранителей, командиром которой был назначен поручик оперативного отдела Павло Обережный. За полгода с момента создания группы директор УАСС практически не контактировал с ней и с ее командиром, исполнявшим свои обязанности с похвальной аккуратностью и мастерством. Но в последнюю неделю Костров вдруг столкнулся с назойливым вниманием поручика и насторожился. Обережный слишком часто стал запрашивать инструкции, интересоваться предполагаемыми маршрутами передвижения и даже дважды заявлялся к директору в кабинет, чтобы «лично убедиться в безопасности шефа».

Проанализировав поведение командира обоймы сопровождения, Костров связался с «погибшим» комиссаром и рассказал ему о своих сомнениях. Реакция последнего последовала незамедлительно:

— Никуда из Управления не выходи до вечера. Затем сообще Обережному маршрут: админуправление Москвы — строительное управление — аварийный пост в Североморске у завода «СевЗУАПЛ». Остальное — моя забота.

Костров так и поступил. Закончив рутинные дела, двинулся по указанному маршруту, который проделывал неред-

---

* Эф-анализ (от слова future — будущее, *англ.*) — F-анализ, то есть всесторонний компьютерный анализ деятельности Управления с разработкой и выдачей рекомендаций по перспективным направлениям.

ко, и в четвертом часу дня вышел из служебного галеона с традиционной расцветкой УАСС: красный верх, синий низ, между ними белая полоса, — под Североморском, на территории завода по утилизации военных отходов прошлых столетий.

Североморск когда-то служил портом для атомных подводных лодок, сильно загрязнявших экологическую среду, а после всеобщего объединения стал первым в мире городом, где был построен крупнейший завод по утилизации отработанного ядерного топлива, оружия, транспортных средств и просто мусора. Работал завод уже три сотни лет, претерпел множество технологических изменений, но избавить планету от ядерных и химических отходов так и не смог.

У причалов охраняемой зоны № 3 до сих пор стояли подводные ракетные крейсера типа «Тайфуна», «Смерча», «Недотроги» и «Блю хоррора», терпеливо дожидавшиеся своей очереди, и почти каждую неделю чистильщики доставляли сюда с разных концов планеты найденное оружие, опасные химические и взрывчатые вещества, мины, бомбы и снаряды, столетиями прятавшиеся в земле, в глубинах океана и в космосе.

На территорию завода директора УАСС пропустил инк охраны, получивший кодовый ответ о ранге и допуске гостя. Спустя несколько секунд возле его галеона опустился один из нефов личной охраны, второй остался висеть в воздухе на высоте сотни метров, контролируя воздушное пространство.

Костров, помня наставления Ромашина, внешне спокойно и неторопливо побрел к одной из круглых цистерн угрюмого вида, диаметром около двухсот метров, торцами смотрящих в небо. Обошел старинный перегрузочный узел со стрелами кранов, подошел к длинному зданию древнего железнодорожного вокзала, и в этот момент среди телохранителей директора возникла короткая потасовка и перестрелка, закончившаяся почти мгновенной гибелью пятерки.

Действия телохранителей до этого момента полностью укладывались в разработанную специалистами и апробированную множество раз схему сопровождения ОВП*: двое впереди, двое по бокам, командир сзади, эшелон прикрытия

---

* ОВП — очень важная персона.

и контроля сверху или, если нет такой возможности, усиливает контроль «уязвимых зон» в соответствии с местностью. Но схема не рассчитывалась на прямое предательство члена команды, поэтому была малоэффективна при появлении в группе инициатора внезапно возникшей угрозы, несмотря на компьютерное сопровождение и связь.

Огонь на поражение открыл по своим товарищам не командир отряда, как сначала подумал Костров, а один из «крабов» — членов группы, специализирующихся на прикрытии охраняемого объекта сбоку. Он был отменным стрелком и успел из «универсала» поразить трех телохранителей в голову и командира обоймы Павла Обережного в грудь; видимо, таков был план — начинал комбинацию запрограммированный смертник, а заканчивал «раненый» и потому находившийся вне подозрений командир. Однако поручик Обережный не просчитал варианта чужого вмешательства, а также того, что объект был предупрежден.

Костров упал на землю сразу же после первого выстрела, мысленно включая защиту костюма. Поэтому плазменные заряды Обережного цели не достигли: первый прошел над ним, а второй был полностью погашен кокосом. Третьего ни поручик, ни его контрагент сделать не успели. Из здания старинного вокзала протянулись к ним туманно искрящиеся лучики и разрезали обоих вместе с защитными костюмами и взорвавшимися в руках «универсалами». Огонь, открытый из кинувшегося сверху нефа прикрытия мгновением позже, оказался уже не нужен.

— Пока, — донесла Кострову рация мыслеголос Ромашина. — Берегись теперь сам. Ты знаешь, что делать.

— Спасибо, — мысленно отозвался директор Управления, поднимаясь с земли и отстраняя протянувшиеся руки ошалелых от неожиданности телохранителей второй пятерки.

Ребята, впрочем, тут же опомнились и умело провели поиск затаившихся неподалеку неведомых «друзей», не забывая прикрывать Кострова, никого не нашли и вызвали подмогу. Через полчаса Костров вошел в свой кабинет и доложил о случившемся комиссару-два Тарантино. Соболезнования и горячие уверения последнего в том, что он «немедленно примет меры», директор выслушивать не стал. Он

просто подал рапорт в административную комиссию ВКС о неполном служебном соответствии вновь назначенного комиссара Евразийской наземной службы безопасности.

Нападение на директора УАСС не стало достоянием гласности и не повлияло на события, разворачивающиеся вокруг здания бывшего хроноквантового ускорителя.

По решению Совета безопасности Евразийского нойона спешно была создана команда из пяти человек, профессионалов службы, для оценки состояния хроноускорителя, в которую были включены Федор Полуянов и Игорь Марич. Григория Белого, грифа безопасности, мастера рукопашного боя, включить в группу не удалось. Он исчез. Посланные за ним официальные лица вернулись ни с чем. Ни у жены, ни у детей и родственников он не появлялся.

Экипировка разведгруппы не заняла много времени. Уже на второй день группа была готова к походу в здание, похожее издали то ли на удивительный шар перекаати-поля, то ли на причудливый колючий цветок «чертополоха», то ли на «растянутый во времени взрыв». Все пятеро опробовали скафандровые комплексы, превращавшие людей в неведомых динозавроподобных существ, способные защитит их от любого вида излучений и даже от хронопены, познакомились с инками скафандров, которые управляли всеми их системами и оружием, и договорились о подстраховке каждого и о способе передвижения.

Полуянов был неприятно удивлен, узнав, что в комплект входит инграв — поясной генератор антитяготения, не только снимающий пресс груза (скафандр со всеми прибабасами весил около ста двадцати килограммов), но и способный поднять владельца на километровую высоту. Выяснились и еще кое-какие подробности, заставляющие чесать затылок, и Федор наконец всерьез задумался над словами Григория, подходя вплотную к догадке, пугающей простотой и очевидностью. В конце концов он не выдержал и связался по транш-рации с Белым:

— Привет, беглец. Ты далеко?

— Рядом. Готовлю третью группу, которая пойдет за вами. Встретимся в здании.

— Почему третью? Вторую?

— Вторую готовят «санитары». По сигналу Марича она накроет вашу команду, а тот потом сочинит какую-нибудь жуткую историю, которая послужит поводом для уничтожения Ствола. Следи за инженером в четыре глаза, чтобы не выстрелил тебе в спину.

— Нас снабдили суперскафандрами...

— Против струнного «глюка» это — яичная скорлупа. Что ты хотел сообщить? Что-нибудь случилось? Почему звонишь не по графику?

— Гриша, назови мне, пожалуйста, столицу Болгарии и как называются у нас жители этой страны?

— София и болгары.

— А здесь столица Болгарии — Златов Бряг и аборигены называют себя болгарийцами!

— Что, дошло наконец?

Федор звучно проглотил слюну, благодаря скафандр за то, что тот был непрозрачен внешне и не давал возможности видеть его лицо.

— Так это... правда?!

— Йес, мой друг. Мы с тобой попали не в свою Ветвь времени! Да, здесь живут все те, кто посылал нас в поход, есть Ствол, есть ученый, реализовавший идею хронобурения, и даже моя жена и дети! — Белый хохотнул. — Но дело в том, что у меня никогда не было ни жены, ни детей! Улавливаешь разницу? Я когда узнал — обалдел!

— Но тогда... нас посылали... а Жданов как же?

— Это означает, Федя, что существует множество Ветвей Времени с планетами по имени Земля, с почти абсолютно сходными условиями жизни, и в каждой Ветви решался вопрос засылки в Ствол десантных групп для отключения...

— Для сохранения.

— Ну, или сохранения Ствола.

— Почему же мы не пересеклись с теми группами... со своими двойниками... там, в Стволе?

— А кто тебе сказал, что он существует в единственном экземпляре?

Полюянов почувствовал слабость в ногах и вынужден был присесть на скамейку в парке базы Управления, где группа готовилась к походу.

— Не понимаю! Существуют законы...

— Поговори со Златковым. Сей деятель не раз задумывался над природой времени и устройством Вселенной, у него есть оригинальные идеи. До связи, дружище. Кстати, вовсе не обязательно для связи со мной принимать меры предосторожности, местные транш-рации не боятся прослушивания и пеленгации.

С тихим двойным звоночком мыслеголос Белого уплыл в немоту эфира, связь прервалась.

Полуянов понял, что за ним следят не только «санитары», но и люди Ромашина, и ему, несмотря на сумбур в голове, на мгновение стало легче.

Глава 5

Белый и Ромашин встретились в драйв-рубке одного из спутников погодного мониторинга, подвешенного на орбите над Северным Ледовитым океаном на высоте пятисот километров. Спутник не требовал настройки аппаратуры и профилактических работ, но мог менять функции и поэтому имел рубку. Безопасниками отряда «Астро-аскер» он использовался в качестве запасной орбитальной базы. А когда Ромашин установил на его метро кодовый замок, спутник и вовсе стал недоступен для всех, кто не знал кода.

«Погибший» комиссар изменил внешность, походку, жесты и речь и теперь походил на пожилого джампера, путешественника по новым, колонизируемым землянами мирам. Однако мешком сидящий кокос, футляры видео- и фотоаппаратуры, укрепленные в спецкарманчиках на рукавах, животе и спине костюма, были камуфляжем, на самом деле Ромашин носил суперсовременный динго-костюм «уник», формирующий любую модель и голографически разворачивающий любой вид одежды.

Белый, одетый в «хамелеон», выключил аппаратуру костюма, перестал быть привидением с тающими интерференционными струями, словно там, где он двигался, воздух дрожал от зноя, и Ромашин, сидевший в кокон-кресле рубки, молча пожав ему руку, кивнул на второй развернутый кокон.

С минуту они разглядывали друг друга, не зная, что оба сравнивают впечатления от встреч с «родными» им Ромашин-

ным и Белым. Для первого отличий между «тем» Григорием Белым и «этим» не нашлось, второй с трудом признал в пожилом джампер-туристе сурового начальника службы безопасности.

— Однако узнать вас можно только при сильном желании. Признаться, я сначала подумал, что попал не туда и не к тому.

— Стараемся, — без улыбки ответил Ромашин. — Вас еще не вычислили? «Клопов» не подсунули?

— Обижаете, начальник. Я редко выхожу из схрона, а если и выхожу, то ночью, не в толпу и в «хамелеоне». А как вам положение нелегала?

— Не нравится, — тем же тоном произнес комиссар. — Я привык быть на людях, в обществе, все время на виду, и нынешнее положение — крайне вынужденное. — Ромашин помолчал. — О том, что я жив, не знает ни один человек из моих близких.

Григорий представил, каково сейчас жене комиссара, красавице Дениз, его сыну, отцу и матери, всем родственникам, а также ему самому, и пожегился. Только очень сильный человек способен решиться на такой поступок, да и то ради колоссальной важности цели. Несомненно, спасение Ветви Мира является такой целью, но какие же надо иметь нервы и волю, чтобы справиться со своими переживаниями и чувствами!

Глаза Ромашина стали тоскливыми, но лишь на один миг, и тут же снова обрели стальной блеск. Он понял, о чем подумал собеседник.

— Я вызвал вас по двум причинам. Первая — рутинно-профессиональная: знакомство с командой, которая пойдет в Ствол третьей, после группы Федора и обоймы ликвидации. Поведете команду вы. Вторая причина сложнее. Но о ней позже. Итак, ваша задача до похода в Ствол...

— Выявить меченых, захватить пару «языков», выяснить план «хирургов» и средства его реализации.

— Что-то в этом роде, — кивнул Ромашин. — Но последний пункт — лишний. Допрос меченых в вашу задачу не входит, это мои проблемы. Зато добавлю еще один пункт, может быть, наиболее важный из всех: перехватить в Стволе инспектора «хирургов». Его цели неясны; для чего он прибывает, не знает даже Златков, и это меня пугает.

Белый хищно улыбнулся.

— Этот противник посерьезней остальных, интересно будет потягаться с ним в спарринге.

Ромашин внимательно посмотрел на уверенно-воинственное лицо безопасника с иронично изогнутой складкой губ, и тот поспешил добавить:

— Я пошутил. А кем будет инспектор? Человеком, роботом, киборгом, другим разумным существом?

— Неизвестно. Однако уровень его так высок, что даже у резидентов душа уходит в пятки. — Ромашин позволил себе улыбнуться. — Если только у них есть душа. Теперь я попросил бы вас поделиться теми наблюдениями, которые вы сделали за время пребывания на Земле. Мне сказали, что вы задаете очень странные вопросы. Это вторая причина вашего вызова и личного контакта со мной. Обещаю, что дальше этих стен ваши слова не просочатся. Златков тоже заинтересовался вашим поведением и сделал одно весьма любопытное предположение. Понимаете, о чем речь?

— Сформулируйте, — внутренне поджался Григорий.

— Ну-ну, успокойтесь, — дернул уголком губ Ромашин. — Здесь нет ни подслушивающих, ни записывающих устройств, а зону разговора я перекрыл шумовиком. Если же вы мне не доверяете...

— Каждому хочется опереться на плечо друга, я не исключение. Но Жданов далеко, а вас...

— ...я не знаю, — закончил Ромашин. — Так?

— Примерно так. И все же: начали — договаривайте.

Комиссар собрал морщины на лбу, помолчал, глядя Белому прямо в глаза, медленно проговорил:

— Вы из другой Ветви, Гриша.

Белый дернулся, словно под током, ответил Ромашину таким же пристальным изучающим взглядом, и голос его внезапно сел:

— Вы понимаете... что это значит?!

Ромашин погрузился.

— Скорее всего, нет. Этого не понимает даже такой мощный интеллект, как Атанас Златков, и даже еще более мощные фигуры — Те, Кто Следит. Иначе они уже подсказали бы ответ. Видимо, Атанас прав, мы далеки от разгадки природы времени, несмотря на созданную нами теорию хроно-

переноса и реализацию идеи бурения времени в здании Ствола.

— Если все это обстоит именно таким образом...

— Вы сомневаетесь?

— Н-нет... уже нет. Но если это правда... возникает столько попутных проблем и вопросов, что кружится голова. Нам нужен консультант, и что-то мне подсказывает, что им вполне может стать ожидаемый «санитарами» гонец. И еще может случиться, что «хронохирурги» — единственные обладатели истины.

Ромашин задумчиво кивнул, не торопясь продолжать тему. Проговорил спустя некоторое время:

— Расскажите мне о дриммерах. Наша наука и техника вплотную подобралась к созданию таких суперуниверсальных изделий, но в материал еще не воплотила.

Белый не сразу вышел из транса, в который его завели размышления о множественности Ветвей — Вселенных с мало отличающимися условиями существования, а главное — о бесчисленных Григориях Белых и Игнатах Ромашиных, живущих в этих мирах и решающих те же проблемы.

— Черт возьми, как сложен мир!

— Видимо, он гораздо более сложен, чем мы думаем и даже можем представить, — ответил Ромашин горько.

Разведгруппа, ведомая Федором Полуяновым, стартовала в Ствол лишь после того, как там побывали конкистадоры. Три механических паука метровой высоты, повинаясь команде из Центра, отыскиали в иззубренно-колючем шаре «чертополоха» проход в его недра, нырнули в него и благополучно вынырнули обратно через пару часов, принеся видеозапись своего путешествия по таинственным лабиринтам «перекрестка пространств». И хотя видеозаписи всех трех киберов разнились, будто они шли не одним тоннелем один за другим, а совершенно разными, главным фактором в пользу посылки людей стало возвращение конкистадоров.

Группа ушла в Ствол утром семнадцатого сентября в сопровождении целой роты киберов. Связь с ней почти сразу же прервалась, но спустя час вышел конкистадор и доложил, что все идет нормально, отряд успешно продвигается по коридорам Ствола и, хотя потерял уже два автомата, продвинулся к ядру «чертополоха» на пять километров.

Это известие взбудоражило исследователей, ожидавших возвращения разведчиков не меньше, чем официальные лица. Видимый диаметр ядра «чертополоха» не превышал одного километра, а в сообщении говорилось о пяти и о том, что группа «движется дальше».

Еще через два часа из дыры тоннеля, в котором скрылись разведчики, выполз другой паук и принес известие о дальнейшем пути группы, преодолевшей уже восемь километров, и об удивительных эффектах, сопровождавших продвижение. В зале Центра по ликвидации последствий началась дискуссия между учеными по поводу оценки «восемь километров», но быстро стихла. Все ждали, что будет дальше.

Очередной конкистадор-посланец вышел через четыре часа после второго и запись передал лаконичную и неполную: «Впереди бесконечная цепь пространств с разными... или это иллюзия, или начало другой...» На этом запись обрывалась.

Златков знал, что за слово оказалось стертым в конце сообщения: слово «Ветви», но не счел нужным делиться догадкой ни с кем. Он вдруг остро пожалел, что не пошел в поход вместе с Полуяновым.

Больше конкистадоры не выходили. А поздно ночью, когда уставшие исследователи и наблюдатели утомнились, в Ствол тайно ушла вторая группа, ведомая одним из «санитаров». Она нырнула в здание в том месте, где к нему почти вплотную прижимался хобот одного из хроностабилизаторов, разрушенного выпадом хронопены сразу после старта Жданова. Однако не только наблюдатели из числа сотрудников безопасности, но и «санитары» пропустили старт в Ствол еще одной группы, которую возглавил Григорий Белый.

До этого он успел выявить двух меченых и захватить одного из них. Им оказался сотрудник СЭКОНа, экзоттик, афганец по происхождению Наджибулла Талибхан. Допрашивал его уже Игнат Ромашин со своей бригадой, используя для этой цели некоторые неизвестные медперсоналу кабинеты в институте Склифа в Новгороде с кое-какой медицинской аппаратурой. Эта аппаратура понадобилась комиссару для нейтрализации программы в мозгу закодированного «санитара» и удержания его психики на грани распада.

После допроса Талибхана отправили на лечение, психика его все же не справилась со взрывом установленного в сознании «подрывного устройства» — команды самоуничтожения, срабатывающей при попытке давления на личность, и хотя принятые комиссаром меры ослабили «взрыв», Наджибулла Талибхан надолго выбыл из строя и как «санитар», и как человек.

Кое-что все же выяснить у него удалось, и Ромашин связался со Златковым, чтобы договориться о встрече. Вопросы, возникшие у него после контакта с Талибханом, по рации решить было невозможно.

Они встретились в рубке того же спутника службы погоды, предназначенного для подобного рода встреч. Ромашин все еще пребывал в образе довольного жизнью джампера, Златков же, по обыкновению, имел вид засыпающего на ходу дилайтмена. Лишь те редкие люди, кто встречался с ним взглядом, могли оценить мерцающий на дне его глаз огонь мысли и силы.

— За вами наблюдают? — спросил Ромашин, когда они поздоровались и сели друг против друга.

— Почти не скрываясь. С момента, когда я предложил оценить степень опасности Ствола изнутри, мне перестали доверять. Но все же пока удастся уходить из-под наблюдения, разумеется, с помощью этих ваших штучек с непеленгируемыми пересадками на метро, динго-двойников и эйдонаводок. Надо признаться, ваши специалисты разработали неплохие методы маскировки. Однако в будущем личные контакты придется ограничить или вовсе исключить.

— Согласен. Сегодняшняя встреча последняя, кое-что надо обсудить и договориться о взаимодействии. Но первый вопрос у меня иного плана. — Ромашин уселся в коконкресле поудобнее. — Как вы объясните феномен Гриши Белого?

— Двойники? — тотчас же понял Златков. — Да, это весьма занятная проблема. Посылали одного, точнее — многих, а вернулись внешне те же люди, но с иным опытом, знаниями и памятью. С точки зрения ортодоксальной науки, нашей науки, объяснить сей феномен нельзя. Требуется применение неформальных логик. Но если принять за истину матричную концепцию времени...

— Секундочку, что за концепция?

— Любое информационное преобразование Вселенной производит мгновенное изменение матрицы мира.

— Я знаком с этой версией мироустройства. Но наш случай, по-моему, выпадает из нее. Матричная концепция предполагает мгновенное изменение памяти людей, не так ли? То есть они не должны помнить, что было до изменения, до точки бифуркации, как принято говорить, так как изменяется не только внешний мир — матрица Вселенной, но и, соответственно, их внутренний мир. В памяти стирается все то, что происходило раньше.

Златков покачал головой. Сонным он уже не казался.

— Вы более информированы, чем я думал, комиссар. Однако наш случай полностью укладывается в рамки матричной гипотезы. Белый потому может помнить события и детали прошлой жизни, что он в момент изменения отсутствовал в нашей Метавселенной!

В рубке наступила тишина. Ромашин переваривал полученную информацию, но чувствовалось, что он внутренне был готов услышать столь необычные, поражающие воображение вещи.

— Наверное, я все-таки ограничен от природы, — с виноватой усмешкой произнес он наконец, — потому что до сих пор не могу понять, что же такое время. Каждая версия, а их, по моим подсчетам, набралось уже восемь, объясняет природу времени по-своему, и каждая не претендует на звание истины.

Усмехнулся и Златков.

— Как говорил Антифонт: «Время есть мысль или мера, а не сущность». Попробуйте опровергнуть его.

— Не смогу. Впрочем, вы, по-моему, тоже. Мне надо осмыслить ваше предположение. Оно многое меняет в моем мироощущении. Ведь, если вы правы, вполне возможно возвращение наших ребят, уходивших в Ствол из нашего пространственного континуума. Чем это может закончиться, трудно представить.

Златков, который давно обдумал и просчитал многие варианты взаимодействий Ветвей Времени, промолчал. Он занимался хронофизикой более пятидесяти лет, но чем больше углублялся в дебри разных теорий, тем с меньшей уверенно-

стью мог сказать, что такое время. Несмотря на осмысление этой удивительной темы, создание теории хронопереноса и воплощение идеи в хроноускорителе.

— Это все, что вы хотели выяснить, комиссар?

Ромашин ответить не успел. В стенах рубки вдруг вспыхнули алые огоньки, раздался басовитый мужской голос:

— Отмечаю локацию с земной поверхности в диапазонах «один ноль два» и «один и шесть». Мощность девяносто, пучки узкие, направленные. Предполагаю использование станций наведения...

— Уводи станцию! — отреагировал Ромашин на сообщение инка спутника, вскочил. — Быстрее отсюда, Атанас! Кажется, нашу секретную базу все-таки нащупали. Интересная петрушка получается...

Один за другим они нырнули в кабину метро, швырнувшую обоих по «струне» транспортировки на одну из лунных станций, и уже не увидели, как пронзившая атмосферу Земли ракета вонзилась в спутник и превратила его в лопнувший огненный шар.

Домой Златков возвращался затемно.

После встречи с Ромашиным, которую засекли «санитары», он проанализировал случившееся — уничтожение спутника — и понял, что не учел сноровки и технической оснащенности своих бывших хозяев. «Санитары» все же не потеряли его из виду, вычислили местонахождение и попытались локализовать объект на орбите с кодовым выходом метро. А когда это не удалось, уничтожили спутник. Это означало, что резидентам «хирургов» Златков перестал быть нужен как специалист и помощник и теперь следовало ждать волны покушений на его жизнь.

До вечера Атанас находился в Центре по ликвидации последствий, продолжая работать с проблемным инком Центра, занимаясь расчетами и моделированием своей новой идеи, консультируя коллег, десятки специалистов, занятых проблемами времени в общем или частными научными вопросами, которые так или иначе касались работы хроноускорителя. О своей безопасности он задумался, лишь когда прощался с начальником Центра. Долго колебался, просить ли Ромашина о подключении «кольчуги», но так и не решил-

ся. Значение своей персоны для мировой науки Златков никогда не оценивал сам, полагаясь на мнения окружающих его людей, поэтому и на этот раз не стал доказывать даже самому себе важность своих умозаключений.

Шел одиннадцатый час вечера по времени Злата Бряга, когда он посадил такси-пинасс на освещенной фонарями лужайке возле своего дома. Отпустил машину, но в дом не спешил, ощущая некий дискомфорт, неприятный холодок в спине, словно от дуновения морозного ветра. Внимательно оглядел сад, рощицу тополей и каштанов, начинающих терять листву, ничего подозрительного не заметил и, расправив плечи, пошел напрямик через цветник с увядшими гладиолусами. Интуиция сработала еще раз прямо у двери: нахлынула вдруг слабость, ноги отказывались переступить порог коттеджа, а в спине застрял тяжелый кирпич чужого взгляда.

Облившись потом, Атанас отступил, оглянулся и, повинуясь инстинкту, бросился ничком на землю.

Взрыв был не очень мощным, но направленным, и если бы Златков остался на прежнем месте, от него не осталось бы ничего. А так его только отшвырнула прочь ударная волна, располозовав на спине прочнейший кокос и срезав клочок волос на затылке вместе с кожей. При ударе о гранитную скамейку Златков сломал два ребра и левую руку, но сознание потерял еще раньше и поэтому не видел развития событий.

Из-за дома со стороны водоканала вывернулся полосатый неф аварийной службы, метнулся к телу ученого, застрявшему в кустах, однако его пассажиры сделать ничего не успели. Откуда-то на огромной скорости вылетел галеон со звездой правительственной инспекции на борту и с ходу разнес неф залпом из аннигилятора. Покружив над садом в поисках затаившихся ликвидаторов, он опустился возле Златкова, из него выбрались двое парней в серо-синих комби, подобрали ученого, уложили в просторной кабине и улетели. Уже в воздухе один из парней включил рацию:

— Первый, все в порядке, успели. Ранен, но будет жить, везем в сотую Склифа. Дом проверит вторая группа.

— Добро, — отозвалась рация мыслеголосом Ромашина. — Не спускайте с него глаз.

Полуянов не знал, вся ли его группа состоит из «санитаров» или только один Марич, но на всякий случай стерегся всех. Для этого он разбил группу на двойки и шел в арьергарде, сориентировав сторожевого инка следить больше за спиной. Кроме того, он «привязал» к себе одного конкистадора, установив с ним кодированную связь. Теперь восьминогий механический паук слушался только его команд и, по сути, стал телохранителем командира группы.

Впереди и сзади разведчиков бежала еще дюжина конкистадоров, готовая прийти на помощь в любой момент, однако Федор не был уверен, что Марич не подстраховал себя, как он сам.

Первого паука они отправили с донесением спустя час после старта, пройдя около пяти километров по черному, пустому, словно вымазанному сажей и копотью коридору переменного сечения, то прямоугольному, то овальному, то круглому.

Ничего удивительного не происходило, ничего особенного они не увидели, если не считать самого коридора, который, казалось, тянется в бесконечную даль и пульсирует как живой.

Затем постепенно стали накапливаться странности: слышались тихие необычные звуки — скрипы, вздохи, щелчки, струнные аккорды, топоток маленьких ножек по металлу, зудение мух и посвисты ветра; изменился поток излучения — в сторону увеличения плотности гамма-лучей и нейтрино; началось «порхание» электромагнитных и гравитационных полей, отразившееся на самочувствии разведчиков не лучшим образом. Скафандры излучение выдерживали, и тем не менее вибрации полей отзывались в телах людей ломотой суставов и ухудшением зрения. Лишь максимальным напряжением защитных генераторов удалось снять эти негативные явления, а о том, что ждало разведчиков впереди, приходилось думать с тревогой. Во всяком случае, ничего подобного Федор до этого не испытывал.

Коридор начал ветвиться, словно прожилки на древесном листке. Первый узел ветвления они пропустили, на втором задержались. Коридор здесь был круглым в сечении, и такими

же, только поменьше в диаметре, виднелись боковые ходы. Стены их отсвечивали металлом и заметно пульсировали, а по полу бродили голубые огни, похожие на небольшие шаровые молнии.

— По-моему, мы изначально избрали неверный путь, — сказал Полуянов, — или повернули не туда. Данный коридор не принадлежит зданию хроноускорителя, это и не коридор вовсе, а развертка «струны» иного пространства. Предлагаю вернуться, поискать настоящий кольцевой коридор и обойти здание кругом. Если удастся, конечно. Нам необходимо найти реактор, выяснить, работает ли он, и определить уцелевшие зоны с лифтами хрономембран.

— Хорошо бы еще найти ту мембрану, по которой вы с Белым выбрались в наше время, — подал голос Марич. — Хотя я совершенно не понимаю, как вам это удалось. Мембраны работают только в одном направлении — вниз, в прошлое.

Полуянов промолчал. О том, что он и Григорий были перенесены сюда трансгрессом, никто не должен был знать, и они придерживались версии, что воспользовались лифтом мембраны.

— Попробуем пройти по этим двум ходам, — предложил Марич. — Может быть, один из них и приведет нас в нормальный коридор.

Но ответвлявшиеся от основного боковые тоннели не вывели группу к знакомым интерьерам здания. Первый постепенно сужался, петляя, темнел, зарастал черной паутиной, пока не «усох» совсем. Второй, наоборот, стал шире и вскоре уткнулся в гигантскую шаровидную полость, диаметр которой аппаратура скафандров оценила в два километра. Полость была заполнена слоистым серым дымом и то и дело пробивалась ядовито-зелеными молниями, оставлявшими в этом дыму черные следы.

Пришлось возвращаться к развилке и решать, что делать дальше. Марич упорно настаивал на продвижении вперед, остальные члены группы соблюдали нейтралитет, и в конце концов Федор решил продолжить путь.

— Если в течение часа не выйдем в здание, — сказал он, — повернем обратно.

Марич занял место впереди отряда, следуя за тремя конкистадорами, за ним двинулись остальные и последним По-

луянов. Отпустив группу метров на тридцать, он попробовал связаться «с поверхностью», ответа не услышал и остро пожалел, что рядом нет Григория. Быстрый в решениях, импульсивный, бесстрашный и целеустремленный, безопасник был надежен как скала, на него всегда можно было положиться в самых безнадежных ситуациях. Что задумал Ромашин, Федор не знал, но помнил его предупреждения и назад поглядывал часто. Где-то там, по извивам коридоров, спешила за первой разведгруппой команда ликвидации, и надо было не пропустить момент ее появления.

Полуянов не знал, что его опасения напрасны. По крайней мере на ближайшие несколько часов. Вторая группа, ведомая грифом безопасности Шитовым, ставшим «санитаром» недавно, вышла в другой тоннель и надолго застряла в его умопомрачительных пересечениях с самим собой. Каждое такое пересечение бросало пятерку ликвидаторов в пузырь пространства с локальным ходом времени, подобный тому, в какой попал когда-то Игорь Васильевич Ивашура на Земле своей Ветви, и каждый раз приходилось выбираться из этого пузыря предельным напряжением физических сил и энергетических запасов. Наконец Шитов смекнул, что попали они не туда, и повернул на одной из развилок обратно, только сориентироваться правильно не сумел. Группа продолжала следовать по цепочке иновремениа и углубляться в вихревую зону пересечений пространств с удивительными свойствами.

Отряд Белого прорвался в Ствол «из подвала», то есть через подземный тоннель, координаты которого знал только Ромашин. Тоннель был прорыт еще до катастрофы хроноускорителя и соединял его с бункером независимой аппаратуры и лабораторией времени. Однако после провала Ствола в прошлое был частично разрушен, частично затоплен хронопеной. Уцелел лишь северо-западный его участок длиной около полукилометра, о котором забыли все, даже Златков. Вернее, не забыли, а приняли общее мнение: уничтожен. Зато о нем помнил Ромашин, тайно исследовал и использовал в нужный момент.

Отряд, экипированный не хуже первой разведгруппы, вышел в коридор, пронзающий в прошлом здание по кольцу,

но смог пройти по нему лишь около сотни метров. Коридор перестал быть таковым, потому что в соответствии с изменением формы здания приобрел те же ломаные колена, изгибы и разрывы, и напоминал теперь пунктир, а кое-где — пучок прямоугольных коробов, круглых труб или перекрученных спиралей. Естественно, пройти по нему в другие участки «чертополоха» было невозможно.

Пришлось применить «глюк», чтобы пробить проход в ядро здания, соединяющее все разлетающиеся «струи взрыва», ветви и колючки «чертополоха». Однако ядро оказалось еще более сложным образованием, нежели каждая вырастающая из него колючка. Оно напоминало кочан капусты, каждый лист которого представлял собой слой пространства с разным количеством измерений и свойств. Но это десантники Белого поняли позже, прощупав и испытав на себе с десяток «капустных листьев». В первом же они заблудились, едва не потеряв ориентацию, так как слой, в который им удалось выйти с помощью «раздирателя кварков», оказался настоящим лабиринтом.

Во второй слой «капусты» они также пробились с помощью «глюка», потратив на блуждания в первом около двух часов.

Этот слой напоминал скорее губку или пласт гигантского разноцветного мха. Пробраться между его стеблями было невероятно трудно, так как росли они почти вплотную друг к другу, и еще очень сильно мешала сочащаяся фиолетовым свечением жижа, люди тонули в ней по пояс, а иногда по горло, с трудом выбираясь на более мелкое место. Инк скафандра, разобравшись в потоках полей и излучений, сообщил Белому, что жижа, скорее всего, особого рода субстанция или неизвестное науке поле, и посоветовал поскорее выбираться из «зарослей мха», потому что энергозапасы скафандра расходовались здесь слишком быстро.

Десантники вернулись к лабиринту и попытались пройти к центру Ствола в другом месте. Дыра, проделанная лучом «глюка», вывела их в следующий слой «капустного кочана», представляющий собой ком «сахарной ваты», сплетенной из тяжей, нитей и жил некой бесконечной паутины. Лучи фонарей выхватывали из тьмы белоснежные перепонки, растяжки и связки, куда бы люди ни бросили взор. Это была настоя-

щая вата или губка, только увеличенная в тысячи раз. Искать в ней ушедшую вперед группу было бессмысленно.

Снова вернулись в лабиринт, посовещались. Еще и еще раз попытались счастья, попадая то на берег освещаемого звездным небом черного асфальтового океана с бесконечной чередой застывших волн, освещаемого звездным небом, то в мир, заполненный туманом с летающими в нем сиреневыми и багровыми огнями. И снова возвратились к началу пути, поручив инкам скафандров проанализировать погружения и дать рекомендации.

Инки трудились полчаса, после чего и родилась гипотеза «капустного кочана» — переплетения и плотной упаковки слоев пространств с разными свойствами. Но рекомендаций, что делать дальше, куда идти и где искать ушедших ранее, инки дать не смогли.

Тогда Белый предложил свой вариант движения.

— Мы примерно знаем, где вошла в Ствол группа ликвидации, — сказал он. — Попытаемся подойти к этому месту как можно ближе и пойти по ее следам. В конце концов, Федор знает, кто в его команде враг, а кто друг, справится и сам в случае нужды. А вот если их настигнут ликвидаторы, шансов у него не будет.

Предложение было принято, и пятерка зеркально бликующих «динозавров» направилась по коридору первой «струи взрыва» к узлу пересечения ее с ядром здания. Ей предстояло спуститься, а может быть, подняться, — понятия «верх» и «низ» в этом немисливо сложном образовании перестали отражать свой смысл, — к той точке здания, откуда начала путь пятерка ликвидаторов, отправленная вслед за разведгруппой Полуянова.

Кострова разбудил ранний утренний звонок. Зная, что все видеозапросы проходят инк-цензуру и к нему попадают лишь те, которые действительно способен решить только директор УАСС, Костров набросил халат и приказал домовому включить связь. Стена спальни напротив потеряла плотность и растаяла, превратившись в видеообъем, впус-тив в спальню тусклый свет свечи. Из-за свечи на директо-ра глянули чьи-то светящиеся желтизной, словно у кошки, глаза.

— Извините, Ив, за столь ранний визит, — произнес хрипловатый голос, и Костров узнал Кристиана Хансена, второго заместителя Ромашина, ведающего спецподготовкой службы безопасности, — но поймать вас в другое время трудно, а случай показался мне необычным. Комиссар погиб, вы теперь единственный человек, кому можно доверять.

— Слушаю.

Свеча по ту сторону виома загорелась ярче, из тьмы проступили резкие черты лица Хансена, холодного, твердого, словно камни фьорда, на берегу которого он родился. Впрочем, свеча вовсе не была свечой, это работал кодовый отсеиватель канала связи, зачастую облекавший намеренно искаженные защитой абонента сигналы в забавные картинки.

— Мне позвонила жена Григория Белого...

Костров продолжал сидеть у кровати в той же позе, и Хансен продолжал:

— Я готовил его лично к броску в Ствол еще до похода Жданова. Мы дружим семьями, поэтому Марина хорошо меня знает. А позвонила она из-за того, что Григорий после выхода из Ствола не явился домой.

— Откуда она узнала, что он вышел? Вся информация о событиях вокруг хроноускорителя засекречена.

— К ней пришли двое молодых людей, представились коллегами Белого и остались его ждать. Но он... не пришел. Марина была в шоке и позвонила мне, чтобы я ей все объяснил. Естественно, я попытался ее успокоить. Зато у меня у самого возникли некоторые сомнения, наводящие на размышления. Если...

— Минуту, Кристиан, — остановил вице-комиссара Костров. — Перед ис... перед гибелью Ромашин встречался с вами? Ничего не передавал?

— Нет, — после секундного замешательства ответил Хансен. — Мы контактировали в пределах служебной необходимости. А что он должен был мне передать?

— Еще вопрос, — напористо продолжал Костров. — Что вы ответили жене Белого?

— Ну, что он выполняет спецзадание... А что еще я мог сказать? — попытался оправдаться Хансен, увидев, как резко изменилось лицо директора УАСС. — Она плакала, я ничем не мог ее успокоить...

— Немедленно найдите ее и дезавуируйте свое заявление! Придумайте любую легенду, только не ту, что вы нашли. Белый не выполняет никакого спецзадания! Поняли?

Каменные желваки каменного лица Хансена шевельнулись, будто он перекусывал проволоку.

— Не понимаю. Зачем?

— После того как поговорите с ней, прилетайте ко мне. Я все объясню. Жду.

Костров выключил виом и некоторое время смотрел прямо перед собой, думая о людях, с которыми ему приходилось работать. Хансен был профессионалом, жестким и требовательным с подчиненными, и было удивительно узнать, что он способен на дружбу и сострадание.

Только бы он успел, подумал Костров. «Санитары» будут стеречь Белого везде, в том числе и дома, и если с губ его жены сорвется фраза: «Муж выполняет спецзадание...» — они все поймут и нанесут удар, во-первых, раньше, чем мы узнаем, когда этот удар готовится, и, во-вторых, в месте, которого мы не знаем до сих пор.

«А что, если Хансен «санитар»?» — пришла угрюмая мысль.

Костров встал, побродил по спальне, заглянул в спальню жены, но будить ее не стал, пошел в душ. Вторая мысль была успокаивающей: если бы Кристиан был агентом «хирургов», он не звонил бы директору УАСС, а просто дал бы сигнал тревоги по всей агентурной сети «санитаров». Сеть эта отреагировала бы немедленно, и Ромашин узнал бы об этом первым. И доложил бы ему, директору Управления.

Уже стоя под тугими струями душа, Костров услышал сигнал транша (рацию он не снимал ни днем, ни ночью). Это звонил Ромашин, легкий на помине. Выслушав директора, он сказал:

— Есть причина, по которой Белый не явился к жене.

— Какая же?

— Он не женат!

От неожиданности Костров включил слишком горячую воду, едва не ошпарился и зашипел сквозь зубы.

— Не говорите загадками, Игнат! В чем дело?

— Времени на объяснения у меня нет. Поговорите на эту тему со Златковым, когда он выйдет из клиники. Он сейчас

залечивает ребра и руку в клинике Склифа в Новгороде. А теперь главное: инспектор «хирургов» придет сегодня вечером. И судя по тем сведениям, которыми мы располагаем, он не человек.

— А кто?

— Не знаю. Выйдет — увидим. Начинайте мобилизацию, Ив, и с богом!

Костров почувствовал короткий озноб, включил воду погорячее, потом похолоднее, чтобы кровь быстрее побежала по жилам.

— Не спешим ли мы? Не зная, что хотят устроить «санитары»...

— Во-первых, кое-что мы уже знаем со слов Белого и Полуянова: «хирурги» собираются разорвать причинную цепь, которой стал Ствол, а для этого им надо уничтожить хотя бы один полный выход Ствола в какой-нибудь из Ветвей. Для верности же необходимо устранить в первую очередь причину рождения нашей Ветви, то есть собственно хроноускоритель со всеми его хрономембранами. Другой вопрос: каким образом они собираются это сделать? Взорвать изнутри? Не похоже, мы бы засекали подготовку. Да и проникнуть в нынешний Ствол не так-то просто. Нанести удар извне? Нужна орбитальная база или по крайней мере наземная с соответствующим транспортом доставки взрывного устройства — бомбы или ракеты. Это реальный вариант уничтожения Ствола, но сведений о подобном у меня нет. Захваченные «санитары» ничего не знают. Мы пытаемся вычислить базу «санитаров», однако лучшим решением данной проблемы будет перехват инспектора. Он должен знать все. Кстати, я вычислил главного резидента «хирургов», который и будет встречать инспектора.

Директор Управления провел внезапно пересохшим шершавым языком по верхней губе, не удивляясь своему волнению; всегда неприятно разочаровываться в людях, ставших предателями, даже если они становятся ими не по своей воле.

— Кто он?

— Орест Шахов.

— Что?! Не может быть! Т-ты понимаешь?.. Вы понимаете, Игнат, что это означает?

— Понимаю, — ответил Ромашин. — Для захвата и допроса Шахова понадобится квалитет ответственности. Подумайте, кто может его составить и дать санкцию на арест.

Костров выключил воду, сел на край ванны. Голова была пустой и звонкой, и гуляла по ней с комариным писком одна только мысль: Шахов — резидент «хирургов»!..

Глава 7

Ромашин настолько хорошо изучил психику «санитаров», их тактику, стратегию, стандарты решений, систему связи и взаимодействия, что мог вычислить любого из них в течение получаса. Естественно, с помощью больших инков Управления, к которым имел дистанционный доступ. Поэтому тех, кто стерег возвращение Павла Жданова на его квартире и у родителей, он определил легко. Результатом этого было задержание двух «санитаров» особой группой перехвата, подчинявшейся лично комиссару, о которой в Управлении никто не знал, ни один заместитель, так как создана она была незаконно, тайно, в обход комиссий по этике и кадрам. Теперь же Игнат мог только похвалить свою предусмотрительность, ибо группа пригодилась, и даже раньше, чем он предполагал.

Окруженные веселыми девушками прямо у метро Смоленска «санитары» не успели понять, в чем дело. Усыпили обоих мгновенно, поэтому их программы самоликвидации не сработали. А потом психику каждого медленно, но уверенно, имея немалый опыт подобного рода операций, разгрузили в медцентре Управления, и Ромашин узнал кое-какие любопытные подробности о замыслах «хирургов». Так выяснилось, что ожидаемый ими инспектор имеет очень широкие полномочия, вплоть до «зачистки» ряда агентов, что означало ликвидацию не справившихся с делом или пренебрегших инструкциями хозяев.

Ромашин созвал всех своих помощников по «спруту», компьютерной сети связи, и провел короткое совещание, выяснив мнение каждого о проведении операции «Мангуст», то есть о полной ликвидации сети «санитаров». Двое

из пяти «кобр»^{*} не согласились с предложением начать операцию немедленно, до появления инспектора, и Ромашин перенес сроки ее проведения, остудив горячие головы пословицей: «Тот, кто делает быстро, не всегда делает достаточно быстро».

Златков все еще находился на излечении в клинике Склифа, личная встреча и даже переговоры с ним по рации были невозможны, и комиссар вынужден был ждать, когда ученый сможет уединиться, хотя вопросов к нему набралось изрядно. Особенно Игната интересовала проблема двойников: сколько их насчитывалось всего? Почему произошел переброс пары Полуянов — Белый не в свою Ветвь? Возможны ли другие накладки? Где находятся «настоящие» Полуянов и Белый? Того ли Жданова они встретили в Стволе или «чужого»? Как это отразится на судьбах мироздания? И, наконец, каково же тогда устройство этого самого мироздания, допускающего сосуществование бесчисленного множества Мета вселенных, похожих одна на другую, словно капли воды? Не считая мелких отличий вроде тех, с которыми столкнулись люди.

Ромашин представил, как в этот же самый час миллионы других Ромашинных ломают голову над теми же вопросами жизни и смерти Вселенной, и у него стало мутно на душе. Вообразить такой вариант мира было нетрудно, труднее было поверить в колоссальную сложность и избыточность Древа Времен, в его чрезмерное многократное дублирование, не поддающееся логике. Объяснить это дублирование можно было разве что замыслом Творца, придавшего сотворенной им Вселенной стопроцентную надежность, будто он сомневался в своей творческой силе и на всякий случай обеспечил сам себе шанс выживания при любом внутреннем преобразовании.

Ромашин повторил про себя последнюю мысленную формулировку и уставился перед собой ничего не видящим взглядом. Было похоже, что неожиданно для себя самого он сформулировал принцип бытия Большой Вселенной. Представляя собой невообразимой протяженности (бесконечной?!) и сложности разумное существо (Бога?!), Вселенная

---

^{*} «Кобра» — аббревиатура слов «командир обоймы риска».

(Древо Времен) просто играла сама с собой в разные игры (жизнь — смерть, например), для чего и создала возможность вероятностного пересечения Ветвей, которая только и придавала интерес игре, потому что при этом Вселенная могла притвориться, что не знает исхода игры...

Шок, испытанный Ромашиным от осознания глобальности замысла «садовника», взрастившего Древо Мира или самого ставшего этим Древом, был так силен, что он не вытерпел и позвонил Златкову, и... был несказанно разочарован, услышав ответ:

— Я уже думал над этой проблемой, коллега. Конечно, все намного сложнее, чем вы тут нарисовали, но схвачено верно. Поздравляю. Вот подлечусь, и мы с вами подискутируем на эту тему. Замечу лишь одно: если ваше... гм-м, предположение верно, то выигрышной стратегии игры просто не существует. Понимаете, о чем идет речь?

Ромашин понимал. Златков намекал на то, что судьба их Ветви так же, как множества других, давно решена, борись они за выживание или не борись, войей или не войей с «хронохирургами», посылай или не посылай в Ствол Пашу Жданова с миссией спасения человечества. Мало того, при таком варианте бытия в роли «хронохирургов», Тех, Кто Следит, людей, наконец, выступала сама Вселенная, увлеченно играющая сама с собой в вечный конфликт добра и зла...

— Господи! — вслух произнес Ромашин. — Сделай так, чтобы я был не прав!

Златков, понимающий состояние комиссара, наверное, лучше, чем он сам, промолчал.

После того как прошли сутки, а от группы Полуянова не поступило больше ни одного сообщения, директор УАСС объявил Ствол и территорию вокруг него в радиусе двух километров зоной особого внимания. Теперь без специального разрешения или пропуска ни один человек не мог пройти в зону, ни один летательный аппарат вклиниться в ее воздушное пространство, ни одна организация или частное лицо не имели права вести там какие бы то ни было работы, в том числе исследовательские.

Естественно, указ Кострова серьезно осложнил работу «санитаров» и понравиться им не мог, поэтому ими были

предприняты попытки надавить лично на директора с целью отменить указ, а также на Совет безопасности ВКС, председателем которого был заместитель главы ВКС Орест Шахов.

Первая попытка не удалась. Шахов не смог доказать Кострову его неправоту ни по видео, ни при личной встрече. Директор действовал строго в соответствии с пунктом «срам»* инструкции аварийно-спасательной службы. Тогда зампред ВКС начал срочно обрабатывать членов Совета безопасности с целью дискредитации действий директора УАСС и признания его неполного служебного соответствия, что автоматически означало лишение многих полномочий и в конце концов отставку. Но этот процесс требовал времени, а его-то как раз у Шахова не было, потому что долгожданный инспектор «хронохирургов» наконец-то прибыл на Землю.

Он не стал выходить из Ствола (причину Шахов узнал позднее), а потребовал явиться к нему всех четверых резидентов первого и второго ранга, которыми являлись Орест Шахов, Луиджи Тарантино, Игорь Марич и Атанас Златков. Пришлось ломать голову, как проникнуть в Ствол, не вызывая паники среди безопасников, стерегущих зону с утроенным вниманием.

Поскольку Марич уже находился в здании хроноускорителя, а Златков лечился и прибыть не мог, задача упрощалась, хотя и не намного, однако Тарантино еще не сложил с себя полномочия комиссара после заявления директора УАСС о его несоответствии должности и продолжал командовать силами службы безопасности в зоне особого внимания.

Чтобы не возбудать общественность и исследователей, оставшихся на некоторое время не у дел, поход в Ствол двух руководителей столь высокого ранга решили засекретить и разработали «легенду»: Шахов и Тарантино изъявили желание проинспектировать состояние отрядов поддержки, которые должны были в случае беды с первой разведгруппой идти в Ствол для эвакуации пострадавших. Таким образом, оба резидента спокойно прошли все заслоны, не обнаруживая

---

* «Срам» — сведение риска к абсолютному минимуму.

при этом себя, и нырнули в одну из незаметных дыр в стенке нижней «колючки чертополоха» — там, где их ждал инспектор, в то время как специальная команда «санитаров» отвлекала всех возможных наблюдателей спецэффектами типа динго-программ и радиопризраков. Наблюдатели при этом могли слышать «радиопереговоры» важных персон со всеми службами и видеть их появление перед видеокамерами во время редких встреч с работниками Центра.

Однако эти маневры могли сбить с толку кого угодно, только не комиссара Ромашина с его чудо-богатырями перехвата и анализа ситуации. Он сразу понял, что за интерес к зоне особого внимания проявляют Тарантино и Шахов, а поскольку ему во что бы то ни стало надо было выяснить, кто прибыл на Землю с инспекцией от «хирургов», Ромашин вынужден был сделать свой ход — проникнуть в Ствол вслед за резидентами.

Операция была разработана всего за три минуты; вся команда комиссара и его личная компьютерная сеть находились в состоянии «резонанса» и не требовали ввода данных. После чего две обоймы безопасников, многие из которых вполне легально работали в Центре по ликвидации последствий, начали проводить операцию в жизнь.

У точки входа в Ствол Шахова и Тарантино вдруг вспухло облако дыма, из стены вырвались языки пламени, и тотчас же в это место после сигнала тревоги метнулся пожарный модуль, команда которого — киберы и люди в спецкостюмах — приступила к тушению пожара. Тушили они споро, огонь погас быстро, лишь струи дыма продолжали расползаться во все стороны, но за это время произошла и «смена караула»: «санитары», стерегущие вход, были захвачены, а на их место встали люди Ромашина. Сам он, в сопровождении обоймы риска из личной охраны, одетый в скафандр, вооруженный «глюком», стартовал в здание в режиме ракетного залпа.

Полевые анализаторы «санитаров», конечно, засекали изменение гравитационных и электромагнитных потенциалов в контролируемой зоне, но из-за дыма и прочих шумовых эффектов правильный вывод сделать не смогли. Бросок группы Ромашина прошел для всех заинтересованных лиц незамеченным.

Шахову и Тарантино не пришлось долго плутать в мешанине труб и коридоров, образующих внутренности нижней «колючки чертополоха». Инспектор ждал их в сотне метров от входа на пересечении круглых тоннелей, похожих на кишки неведомого великана — фиолетово-розового цвета, с жирно блестящими стенками и белесо-зеленоватыми лужами. Однако лишь Орест Шахов, получивший полный объем сведений о «хирургах», смог оценить, что это за лужи, образующие длинную цепочку по всей длине тоннеля. Лужи вдруг зашевелились, начали испаряться, превращаться в туманные зеленоватые фигуры, отдаленно напоминающие Кощеев Бессмертных со стертymi лицами. Их набралось около полусотни — призрачных, невесомых на вид, легких: дунь — рассыплются, развеются, исчезнут, — но когда они собрались вместе, втянулись один в другого, темнея на глазах, превратились в плотную, металлическую на вид статую Кощея, на резидентов повеяло недоброй мощью, безразличием, высокомерием, выразительной воинственностью, угрозой и враждебностью.

Тарантино, не представлявший вида инспектора, отшатнулся, готовый стрелять из всего своего арсенала, встроенного в костюм, но Шахов остановил его порыв:

— Остынь, это свои. Сам пожаловал!

Комиссар расслабился, понимая, что речь идет о «хронохирурге». Но резиденты ошибались. Инспектор тоже представлял собой разумную систему (типа «диффузная туманность»), состоящую из миллиардов микроорганизмов, но лишь в какой-то степени копировал своих хозяев. «Хронохирурги» были много сложнее, мобильней, мощней — в физическом и интеллектуальном планах, оперативней, беспощадней и масштабней. К тому же они не знали сомнений при достижении цели любыми средствами. Тем не менее и этот их близкий родственник из «соседней» Ветви Времени производил большое впечатление.

На его широкой «костляво-металлической» груди дважды мигнула малиновая звезда и тут же проступили выпуклые буквы русского языка, слагаясь в текст: «Доложите обстановку. Кратко. Степень готовности. Метод реализации».

Шахов и Тарантино переглянулись, затем заместитель председателя ВКС подал «Кощею без лица» заранее заго-

товленную пуговку бланк-сообщения. Пуговка легла в беспалую ладонь протянувшейся на четыре метра бесформенной руки и утонула в ней. Рука втянулась в глыбистое туловище инспектора, выросла вновь. На груди «Кощея» проявилась новая выпуклая надпись: «Мешающие факторы? Степень автономности агентов? Кто не справляется с делом? Кратко».

Шахов и Тарантино снова обменялись взглядами.

— Говори ты, — сказал зампред ВКС. — Если что упустишь, я добавлю.

Новоиспеченный комиссар пожал плечами и начал перечислять факторы, мешающие работе «санитаров», в число которых попали Ив Костров, Федор Полуянов и Григорий Белый.

На груди инспектора появилась новая надпись: «Устранить! Продолжайте».

— Легко сказать — устранить, — проворчал Тарантино. — А если объект не хочет, чтобы его устранили?

«Проблемы?» — отреагировал инспектор новой фразой на тираду комиссара.

— Костров — директор Управления аварийно-спасательной службы, — вмешался Шахов. — Как очень важная персона он хорошо защищен. Попытка его физического устранения не удалась, исполнители погибли.

«Найдите новых. Не сможете — найду я, в том числе и для вашей личной замены. Что еще?»

Фразы на русском языке прибывшая разумная тварь строила вполне грамотно, и Шахов подумал, что, вероятнее всего, дело не в хорошем знании языка, а в мысленном приеме: они с Луиджи воспринимали телепатическую передачу инспектора, трансформирующуюся в их мозгу в «надписи на груди».

— Григорий Белый ускользнул от наших следящих систем, — мрачно добавил Тарантино. — Но рано или поздно мы его найдем и уничтожим.

«Поздно. Мы начинаем. Кто виноват в провале акции? Непосредственный исполнитель? Руководитель?»

— Белого упустили Марич и агент Юрлов... плюс несколько работников службы, исполняющих свои прямые обязанности.

«Юрлова устранить! Найти руководителя ячейки из более способных работников службы и закодировать. Программатор я вам передам позднее. Все?»

— Федор Полуянов, такой же возвращенец, как Белый, ушел в составе разведгруппы в здание хроноускорителя. Но его «пасет» агент Марич со своей командой, получивший задание при первом же удобном случае убрать Полуянова. Можете на этот счет не беспокоиться.

«Ошибка! Игорь Марич — двойной агент! Его необходимо немедленно устранить!»

— То есть как двойной? — не понял Тарантино, оглядываясь на молчавшего Шахова.

«По моим сведениям, Марич работает на наших врагов, которых люди называли Те, Кто Следит. Даже если это не так, ради перестраховки он подлежит ликвидации. Если он успеет дойти... Впрочем, придется мне самому заняться им. Как давно ушла группа? В каком направлении?»

Запинаясь, пытаясь максимально точно обрисовать точку входа в Ствол группы Полуянова, Тарантино начал объяснения и был прерван на полуслове:

«Достаточно, я понял. Но с вами должен был явиться сюда еще один агент, Атанас Златков. Где он?»

— Он ранен, — проговорил Шахов вместо замывшегося комиссара. — Мы решили его нейтрализовать. По всем данным, этот человек начал работать против нас.

«Что ж, это возможно, если его воля смогла преодолеть порог нейтрализации программы. Справитесь?»

— Справимся, — поспешил заверить инспектора Тарантино.

«Вы ничего не сказали о главном вашем противнике, комиссаре Ромашине».

— Он... погиб.

«Хорошая новость. Ваши властители будут довольны. Я здесь не в последнюю очередь из-за деятельности этого опасного человека. Кто его ликвидировал?»

— Марич, — сказал Тарантино, хотя далеко не был уверен в этом.

Реакция инспектора походила на реакцию человека, побагровевшего от ярости. На Шахова и его спутника буквально выплеснулась волна недовольства, презрения и гнева.

«Кто давал задание Маричу?»

— Я, — нехотя ответил Тарантино.

В ту же секунду к нему метнулась рука инспектора и накинута на голову тонкое красное кольцо. Кольцо упало на плечи, захватив часть воротника костюма Луиджи, и мгновенно сжалось, передавив шею комиссара так, что он не успел ничего предпринять. Схватился за горло, пытаясь разжать смертельные объятия кольца-душителя, просунуть под него пальцы и ослабить хватку, но не смог. Лицо его налилось кровью, посинело, глаза вылезли из орбит. Захрипев, Тарантино упал, дернулся несколько раз и затих.

Шахов, готовый дорого продать свою жизнь, опасливо отступил, пристально следя за руками посланца «хирургов», но тот не собирался убивать обоих резидентов.

«Такие помощники нам не нужны. Он должен был продублировать исполнение и проверить результат лично».

— Мы не знали, что Марич подозревается в измене! — хмуро бросил Шахов. — Вы что же, предполагаете, что Ромашин... жив?

«Немедленно начните его поиск! Немедленно! Всеми доступными средствами! Этот воин слишком умен и непредсказуем, он может сорвать все наши планы. Уничтожьте Златкова. Готовьте удар по зданию — с утечкой информации, пусть служба безопасности занимается противодействием с максимальным напряжением сил. Мы же нанесем удар изнутри».

— Когда?

«Я вас извещу. Очень скоро. Как только ликвидирую тех, кто может помешать, — Полуянова и Марича. Ваша задача — Белый, Ромашин, Златков, Костров. Ждите вызова».

С этими словами инспектор повернулся и бесшумно зашагал по тоннелю, имитируя походку человека. Через минуту он затерялся во мраке, пропал.

— Тьфу! — сплюнул на пол трубы Шахов. Обладая умело отрецензированным пакетом информации о «хирургах», он знал о существовании подобных тварей, но встретил одну из них впервые.

«Колония микроорганизмов, — флегматично подумал он, успокаиваясь. — Уничтожить такое существо, наверное, очень трудно, всегда останется какое-то количество уцелев-

ших микробов-клеток, способных воссоздать весь организм. А у меня неожиданно добавилось проблем: поиски комиссара и уничтожение Златкова».

— Ну и где мне теперь прикажете его искать, господина Ромашина? — Последний вопрос Шахов задал сам себе вслух, разглядывая скрюченное тело незадачливого коллеги.

— А зачем меня искать? — раздался сзади резидента чей-то любезно-ироничный голос. — Вот он я. Привет, Орест.

Шахов стремительно обернулся, готовый открыть огонь из всех видов оружия, встроенного в костюм, но предупреждающий залп суггесторов «слон» погасил его сознание, как гасит порыв ветра слабый огонек свечи.

Глава 8

Протопав восемь часов по кишкообразным петлям тоннеля со сменой разного рода эффектов, отряд снова вышел к гигантской шаровой полости с висящим в центре плотным облаком тумана, и Полуянов дал команду отдыхать.

В общей сложности они за это время прошли километров тридцать, ни разу не встретив «нормального» коридора, принадлежащего Стволу, или хотя бы какой-нибудь знакомой детали. Через каждые полкилометра тоннель пересекался с двумя отростками, действительно напоминающими прожилки на древесном листе, но и отростки не выводили людей в «цивилизованные» уголки здания. Попав в одну из проявленных многомерных областей «перекрестка пространств», отряд так и не смог из нее выбраться. Даже повернув назад, они не вышли в исходную точку путешествия, а продолжали спускаться-подниматься-кружить по бесчисленным коленам и петлям «кишечника», стенки которого не мог пробить ни кинжал, ни разряд «универсала», ни луч аннигилятора, которым, как выяснилось, был вооружен Марич.

После демонстрации аннигилятора Полуянов понял, что обречен, и инстинктивно ждал выстрела: в спину или в лоб — значения не имело, скафандр мог удержать антипротонный луч ограниченное время, — но выстрела все не было, Марич неутомимо шагал впереди, разговаривал мало, а

оглядывался и того меньше. По-видимому, он и сам был обескуражен тем, что они никак не могут выбраться из заколдованного круга.

Конкистадоры-проводники сгрудились на краю бездны, потом разбежались кто куда, имея задание исследовать все препятствия и найти выход из положения.

Трое молчаливых спутников Марича сели отдельно и принялись сосать тоник, так, во всяком случае, думал Федор. То, что он их не слышал, еще не говорило о молчании ребят, они могли переговариваться между собой на другой волне.

Марич походил у обрыва, к которому их привел тоннель, сел рядом с Полуяновым. Федор проглотил несколько порций «концентрата силы», воспользовавшись услугами инка скафандра, глотнул «живой воды», почти мгновенно поднимавшей тонус, но начинать разговор не спешил. Марич нарушил эфирную тишину первым:

— Что будем делать, командир?

Федор еще некоторое время молчал, потом сказал коротко:

— Думать.

Марич хмыкнул, повозился немного, устраиваясь у стены тоннеля поудобней. Видимо, он был настроен на философский лад, потому что заговорил о проблеме, которая мучила и Полуянова:

— Федор, вы попутешествовали по Стволу изрядно...

— Вы тоже, — отрезал Полуянов.

— Да, конечно, — легко согласился Марич. — Хотя у нас были разные дороги и разные встречи. И все же кое-что из вашего рассказа мне непонятно. Не буду спрашивать, кто такие «хронохирурги», этого вы можете не знать. Как, впрочем, и я. Но вот Ствол, хроноускоритель — он-то почему сработал как шахта времени? Как его оценивают ваши высокие друзья? Ведь идея Златкова об ускорении хроноквантов, приводящем к зеркальному эффекту, неверна. Я хочу сказать, что наш Ствол не должен был «пробурить» время и соединить Ветви Древа Времен. Что произошло на самом деле?

— Не знаю, — подумав, ответил Полуянов, который действительно не знал, что произошло.

— Жаль, — вздохнул разочарованный инженер. — Я думал, ваши друзья открыли вам глаза.

— А разве вам ваши не открыли? — Федор напрягся, пристально разглядывая сидящего напротив ртутно отблескивающего горбатого уroda с конической головой — так выглядел Марич в скафандре. Подозвал конкистадора-охранника поближе, понимая, что провоцирует инженера на какие-то активные действия, но уже не желая играть роль ничего не понимающего человека.

Марич неожиданно добродушно рассмеялся.

— Мне — нет, хотя я, конечно, знаю очень много. Однако вы правы. Для того чтобы знать, что произошло, необходимо в первую голову выяснить, что такое время. А то мы говорим: хронокванты, бурение времени, квантовое расщепление Древа Времени, Ветви Времени, в которых время течет «под углом» к нашему... Как — под углом? Куда? Почему мы этого не ощущаем? Риторические вопросы... но ведь интересно! Не правда ли, коллега? Вот вы, например, какую концепцию времени исповедуете? Допустим, Древо Времени разветвляется на столько копий, сколько возможностей развития содержит каждый предыдущий миг, квант времени. Но — время! Что такое само время? Идея Древа Времени не отвечает на этот вопрос.

— Не знаю, — снова ответил Полуянов, озадаченный и заинтересованный темой, а также страстностью Марича. — Гипотез много, Златков разработал только одну из них...

— Но какая истинная?

— Не знаю, — в третий раз отозвался Федор. — Может быть, в каждой Ветви время разное? Отражает свой смысл? Где-то субстанция, где-то поле, где-то мера отношений, способ восприятия мира... Сколько Ветвей, столько и времен.

Марич резко наклонился вперед, так что Полуянов произвольно включил систему наведения оружия в режим стрельбы, задержав «палец на курке» — мысленный спуск последним усилием воли.

— Федор, вы гений! Вдумайтесь в то, что вы сказали.

— Ну? Что я сказал?

— Древо Времени реализует все возможные состояния Вселенной, все возможные смыслы термина «время». Тогда и концепций времени должно быть не девять, сколько знаем мы, а гораздо больше.

— Ну и что? — помолчав, осторожно спросил Полуянов.

— А ничего, — засмеялся Марич, вскакивая. — Даже эта гениальная догадка не решает проблему времени, по крайней мере в нашей Ветви. Сколько себя помню как фаната хроно-теории, инженера «машин времени», начитавшись Уэллса и Азимова, Саймака и Головина, я всегда искал ответ на вопрос: почему в нашей Метавселенной направление времени не величина, а абсолютное условие? Почему его нельзя повернуть вспять?

— И что, ответа не нашли? — Полуянов тоже встал.

— Двадцать лет назад в моей жизни появился Златков, ученый, который, как мне казалось, сумел доказать реальность «машин времени», увлек меня и тысячи последователей и учеников. И вот мы построили хроноускоритель... который ничего не ускоряет, чтобы просверлить дырку в прошлое... и что в результате произошло?

— Что?

Марич снова рассмеялся с необычными для него дружескими нотками.

— Мы встретились с вами в шахте времени, дорогой коллега, чтобы решить одну и ту же задачу, но разными способами.

— Какую задачу?

— Спасти нашу Метавселенную, нашу Ветвь Времени, а заодно и множество других Ветвей, отпочковавшихся от нашей. Ну что, пошли дальше?

— Куда? — только и спросил озадаченный поведением Марича Полуянов.

— Назад, конечно. Выход там, мы его просто не заметили, придется проверять все ходы по памяти инков. Кстати, Федор, как вы понимаете главную задачу нашего похода?

«Выйти живыми обратно», — хотел ответить Полуянов, но не успел.

Из глубины коридора, по которому они вышли к полости в недрах Ствола, замелькали вдруг вспышки выстрелов, Федор почувствовал тяжелые удары в бок и в конус шлема, мгновенно ответил и упал, вжимаясь в твердое покрытие закругленного угла коридора. Его конкистадор, повинувшись заложенной программе, ринулся в глубь тоннеля, принимая следующие выстрелы на себя. Федор перекатился на другой бок, снова открыл огонь и внезапно осознал, что оставил не-

защищенной спину. Холодея, оглянулся, собираясь встретить в упор выстрел Марича, подкравшегося сзади. Но то, что он увидел, поразило его.

«Санитары» Марича и он сам почему-то отвечали на выстрелы, все время передвигаясь, то ползком, то бросками и перекатами, и на Полуянова внимания не обращали. Мало того, они явно старались его защитить!

— Отступаем! — раздался в наушниках рации голос хроноинженера. — Федор, не зевайте! За мной!

Марич перекатился ближе, потом ползком добрался до края обрыва и прыгнул вниз.

— Включайте инграв и прыгайте за мной! Быстрее, спаситель Вселенной! Энергии ингравов должно хватить на преодоление этой полости. Ребята нас прикроют.

Ничего не понимая, Полуянов добрался до края бездны и сорвался с него, включая антигравитационный пояс.

— Кто ты, инженер?

— Потом, потом, — сердито огрызнулся Марич, выписывая петлю, чтобы миновать центральное облако тумана, скрылся за ним. — Дуйте следом, тут до фига отверстий, надо выбрать единственно верное, которое выведет нас в наш уютный земной мирок.

Язык свирепого желтого пламени пролетел под ногой и заставил Федора поторопиться. Через минуту он уже стоял рядом с Маричем на краю широкого квадратного коридора с кирпичными на вид стенами. Оглянулся. Но из-за тумана ничего не было видно, никто не бросился их догонять — ни попутчики, ни неведомые враги.

— Почему вы спасаете меня? — спросил Полуянов, все еще не веря случившемуся и сторожко следя за действиями хроноинженера. — Ведь вы же «санитар», не так ли?

— Так, — хладнокровно ответил Марич. — Пойдемте. Надеюсь, нам удастся добраться до района назначения. — Он повернулся и зашагал по усеянному булыжником полу коридора, светя под ноги поясным прожектором.

— До какого района? — любопытно спросил Полуянов, оставаясь на месте.

Марич оглянулся.

— Во-первых, не стойте там, на краю, из полости ваша спина — отличная мишень, а за нами гонятся не дилетанты,

а профессиональные убийцы. Во-вторых, ваша миссия не окончена, и вас ждут. Я провожу вас в район рандеву.

— Кто меня ждет?

— Увидите.

— Кто вы, Марич? Я вам не верю.

— Естественно, вы не обязаны мне верить. Да, я «санитар» и в то же время эмиссар ваших друзей, Тех, Кто Следит. Это достаточно весомая рекомендация? Да не стойте вы там, словно истукан, черт побери!

Полуянов проглотил по крайней мере еще с полдюжины вопросов и шагнул вслед за Маричем.

Отряд Белого настиг ликвидаторов почти в тот момент, когда те напали на разведгруппу Федора Полуянова.

Бой был скоротечным. Ликвидаторы не смогли выдержать огня с двух сторон и унесли ноги с поля боя, оставив два трупа. Зная, что в команде Федора есть «санитары», наверняка подчиняющиеся Маричу, Белый решил было уничтожить и весь его отряд, но, проанализировав ситуацию, сообразил, что здесь что-то не так. «Санитары» должны были скооперироваться и убить Полуянова, а не отражать атаку ликвидаторов.

Григорий приказал прекратить стрельбу. Тотчас же перестали стрелять и разведчики первой группы. У Белого екнуло сердце, когда он насчитал всего трех человек: двое остались невредимыми, третий был искромсан лучом аннигилятора и лежал неподвижно. Весь стометровый участок коридора до разветвления, где скрылись уцелевшие ликвидаторы, был усеян останками расстрелянных конкистадоров. Белый насчитал девять штук, некоторые из них еще шевелились, скребли лапами пол, но восстановлению не подлежали.

— Федор! — позвал Григорий. — Федор, отзовись! Ты жив?

Ответа не последовало. Снова тревожно сжалось сердце. Если бы Полуянов был жив, он бы ответил. Но, может быть, его здесь просто нет? Похоже, тоннель за спинами разведчиков расширяется, Федор и Марич могли отступить... хотя вряд ли это решает проблему безопасности Полуянова.

Включив рацию на общую SOS-волну, Белый снова попытался вызвать Федора и услышал в ответ незнакомый суховатый голос:

— Полуянов и Марич ушли. Мы остались прикрывать отход. Кто вы?

— Молодцы, как на подбор, с нами дядька Черномор... — пробормотал Белый. — Мы из группы поддержки Полуянова. Двигайте-ка сюда, ребята, да не вздумайте баловаться, играть в ковбоев, против наших «глюков» ваши машинки — что комариное жало против языка лягушки.

На аварийной волне слышались смешки, сравнение оценили и напарники Григория, и уцелевшие разведчики.

— Мы можем присоединиться к вам, — предложил обладатель сухого голоса. — «Санитаров» среди нас нет, и в спину мы стрелять не намерены. Наша задача — прикрытие Марича.

— А вы знаете, кто он? Резидент «хронохирургов»!

— Это не совсем так, но мы не уполномочены вести переговоры от его имени, догоним, вы сами поговорите с ним.

Белый хмыкнул, оглянулся на своих молодцов, контролирующих каждый жест разведчиков, каждый звук в тоннеле, каждую мелькнувшую тень, и скомандовал:

— Васек, бери приبلудных под свою опеку. Пойдем за ними. — Переключил диапазон связи. — Ведите, ребята. С кем имею честь разговаривать?

— Кристиан Хансен.

— Крис?! Бродяга, неужели не узнал?

— Почему не узнал? Гриша Белый.

— Черт! Что же ты сразу не сказал, кто ты? А кто это с тобой?

— Синити Миямото и... Берт Габуня. Убит.

Наступило короткое молчание. Потом Григорий проговорил на полтона ниже:

— Вечная ему память!.. К сожалению, нести его мы не сможем, вернемся потом, когда выполним задание. Веди группу, Крис.

Пятерка Белого подошла к уцелевшим разведчикам и остановилась у обрыва в полость, в центре которой шевелилось белесое облако не то дыма, не то тумана. И в это время стенки тоннеля вздрогнули. Из его глубины, с той стороны, откуда вышли безопасники Григория, прилетел низкий зловещий вой, от которого у всех побежали по коже мурашки.

— Эт-то еще что такое? — негромко произнес Белый.

— Собака Баскервилей, — пошутил Хансен и добавил другим тоном: — Гриша, это может быть все, что угодно. Как-никак в Стволе сейчас пересекаются сотни миров со своими условиями жизни, странно, что мы еще ни на кого не наткнулись, я имею в виду существ, населяющих эти миры. Но сдаётся мне, дело в другом: за нами идет погоня.

— Отобьемся, — беспечно отмахнулся Григорий. — Нас теперь семеро, а если догоним Федора, будет восемь.

— Девять. Ты не приплюсовал Марича.

— Не уверен, что его надо приплюсовывать, скорее — вычитать.

— Может быть, ты и прав, но все эти проблемы решить можно только в присутствии самого Марича.

Хансен прыгнул в пропасть, и все остальные как горох посыпались за ним.

Коридор, по которому шли Полуянов и Марич, не был коридором здания хроноускорителя. Он удивительно напоминал старинный подземный ход под каким-нибудь монастырем и сложен был из огромных, потемневших от времени кирпичей. Изредка в его полу проступали выпуклые щиты, закрывающие устья колодцев, и еще реже в стенах открывались проходы, забранные ржавыми решетками с пудовыми замками. Одну такую решетку Федор разнес разрядом «универсала», обследовал проход и вышел в кубическое помещение, на стене которого висел на чудовищно толстых цепях странный скелет о двух головах, с виду — лошадиных, шести лапах и с длинным хвостом.

— Матка Боска! — воскликнул за спиной Полуянова Марич. — Змей Горыныч, не иначе! Настоящая камера! Склеп. Куда это мы попали? Уж не в подвалы ли некой неземной инквизиции?

— А разве вы здесь не бродили? — рассеянно спросил Федор, с содроганием разглядывая скелет твари на стене.

— Здесь — нет. Я вообще не бродил по Стволу. Коллега, вы все время забываете, что Ствол сейчас — сросток разных миров, пересекшихся по милости взбесившегося хронобура. Есть такой термин: хроноклазм...

— Этот термин выдумали писатели, сочинявшие ситуации с пересечением времен.

— Это у вас его выдумали писатели, в вашей Ветви, у нас же «хроноклазм» — сугубо научный термин и означает нарушение связности времени и пространства.

— Откуда вы... — начал Полуянов, внутренне напрягаясь.

— Откуда я знаю, что вы из другой Ветви? Знаю, коллега. Не пугайтесь, ничего сверхъестественного, я тоже умею анализировать факты, не укладывающиеся в стройное здание общепринятого мнения. Идемте, нам надо поспешить. Никто не знает, даже я, каков темп времени в этом месте. Рисуем опоздать.

— Не пойду, — заупрямился Полуянов, — пока не скажете, куда, на встречу с кем мы рискуем опоздать.

— Могу сказать одно: ожидающие нас не являются «хронохирургами» или их слугами. Мало того, ваших друзей ведут в том же направлении, и с ними вы встретитесь тоже. Этого достаточно?

Федор помолчал, размышляя о странном доверии, которое он сейчас испытывал к Маричу, и с неохотой кивнул.

— Честно говоря, звучит не очень убедительно, но, похоже, у меня нет выбора.

Коридор-тюрьма вскоре закончился, уткнувшись в глухую каменную стену с узором пластов разных пород. Пройти дальше не удалось. Стена казалась настоящей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Странно, — протянул инженер, колупнув кинжалом один из пластов, похожий на мрамор. — Пересечение явно произошло недавно, и, судя по всему, происходит неуклонное вырождение континуума.

— Что это значит?

— Наш «перекресток пространств» упрощается, скатывается в трехмерье, иными словами, вырождается, понимаете? Скоро из многомерного объекта он станет трехмерным, глыбой камня или металла, например. Хотя возможен и провал ниже, в двумерный, а то и одномерный объект.

— Возвращаемся? — после паузы спросил Полуянов. — Или применим «глюк»?

— Что же вы молчали, что у вас есть «глюк»? Когда вам успели его передать? Мы же выходили вместе.

— Меня контролировал лично Ромашин.

— Тогда понятно. Жив, значит, комиссар. Я так и думал. Что ж, попытайтесь пробить дырку в стене. Может быть, это всего лишь перемычка.

Они отступили на два десятка шагов, и Федор дал по стене очередь из «глюка».

Вспыхнуло тусклое прозрачное пламя, приглушенное облаком сизого дыма. Пол коридора зашатался, пошел трещинами, стал проваливаться куда-то, словно под ним разверзлась пропасть.

— Подвешивайся! — крикнул Марич. — Прыгай в пробитое окно!

Взлетев на метр над полом на последних крохах энергии ингравов, они нырнули в плотный вихрь дыма и вывалились в знакомый до боли коридор Ствола с металлическим полом, белыми стенами, черным потолком и рядом дверей по одну сторону коридора. Оглянулись.

Сзади, в стене без дверей, медленно затягивалась звездообразная дыра, сквозь которую был виден горный склон, часть ярко-зеленого неба и летящий по нему косяк каких-то светящихся птиц. Дыра покрылась слоем матового стекла, начала утолщаться, затягиваться.

— Поздравляю, — проронил Марич. — Мы наконец-то выбрались туда, куда направлялись.

Дыра исчезла. Но за мгновение до этого из нее выплеснулся вдруг низкий вой, сменившийся хриплым бормотанием, и было в этом вое столько угрозы и ненависти, что Полуянов невольно отступил.

— Что это было?!

— Погоня, — не задумываясь ответил Марич.

Глава 9

Развернули медицинский бокс прямо в тоннеле, поместив Шахова в специальный тест-пенал. Привели его в чувство, и Ромашин начал допрос, руководствуясь показаниями диагноста и врача-инка, имеющего опыт подобных операций.

Длился допрос всего несколько минут, Шахов был запрограммирован многопланово и глубоко, вплоть до физиологических реакций, и смог, осознав поражение, реализовать

вцементированную в психику команду самоликвидации. Сердце его внезапно остановилось, и никакие ухищрения инк-врача не помогли ему забиться вновь. Однако и того, что успел выяснить Ромашин у бывшего зампреда ВКС, хватило, чтобы сделать надлежащие выводы и начать действовать.

Трем своим подчиненным он приказал продолжить поиски группы Полуянова и присоединиться к ней, сам же с помощником вернулся назад, к выходу из Ствола, и прямо оттуда связался с Костровым, коротко пересказав ему последние новости.

— Думаешь, пора? — ответил директор УАСС.

— Самое время, — уверенно подтвердил Ромашин.

— Развертка полномасштабного «Шторма» займет не менее трех часов. «Санитарь» могут засечь подготовку и нанести удар раньше.

— Во-первых, они будут ждать команды Шахова и начнут психовать, лишь не найдя его в течение определенного времени. За этот период ты успеешь нейтрализовать больше половины действующего против нас состава. Во-вторых, удар они наметили хоть и мощный, но отвлекающий: ракетный залп по Стволу. Наземных ракетных баз давно уже нет, значит, они воспользуются старыми орбитальными базами, о которых мы забыли, или лунными, законсервированными и спрятанными еще лет сто назад. Ищите.

— Легко сказать — ищите... — проворчал Костров. — Где Шахов?

— Он... умер. Кодирование было слишком глубоким, преодолеть порог команды мы не смогли.

— Жаль, — после некоторого молчания проронил Костров. — Он был нужен живой... как свидетель. Кстати, прокурор Управления санкцию на его арест не дал.

— Этого следовало ожидать. Начинай, — приказал Ромашин и отключил связь. После этого он вызвал группу поддержки, не таясь, сел в галеон погранслужбы и выдал инк-пилоту курс к метро. Через полчаса он с личной оперативной обоймой обезвредил стерегущих Златкова в клинике «санитаров» и забрал его с собой, ничего не объясняя. Еще через полчаса они высадились в метро Управления и прошагали в бывший кабинет Ромашина, провожаемые удивленно-испу-

ганными или тревожно-озадаченными взглядами встречавшихся по пути сотрудников; все знали о «гибели» комиссара и встретить его живым в коридоре Управления никак не ожидали.

В кабинете Ромашиных дал в эфир сигнал: «Принимаю ответственность!» — и с этого момента все силы Евразийского филиала службы безопасности должны были снова подчиняться комиссару-два Игнату Ромашиному, внезапно ожившему в рамках операции «Мангуст». Надев корону «спрута» и включившись в информационный вихрь службы, Ромашиных соединился с СЭКОНОм и ВКС, объяснил свое появление, проконтролировал выходы на связь всех отделов, развернул «Шторм» в пределах полномочий и компетенции службы безопасности и наконец обратил лицо к бесстрастно разглядывавшему кабинет Атанасу Златкову.

— Извините за бесцеремонность. Присаживайтесь. Разговор у нас будет недолгий, но важный. Мы взяли Шахова...

— И он остался жив?

— К сожалению, нет.

— Ясно. Глубокое залегание... Что происходит, комиссар?

— Развернут общий по Управлению «Шторм», началась операция «Мангуст», поиск баз «санитаров» и прочие дела. Но главный удар по Стволу готовится изнутри.

— Я это предполагал.

— Прибыл инспектор «хирургов». Судя по уклончивым мыслеследам Шахова, это не просто существо или высокоинтеллектуальный кибер, но разумная система типа «диффузного организма». Нечто вроде трансформного кластера микроорганизмов, способного разделяться на копии, которые вполне могут действовать самостоятельно. Справиться с ним будет нелегко. В связи с этим у меня к вам несколько вопросов. Как его уничтожить? Если, конечно, не удастся захватить.

— Не удастся, не надейтесь.

— Жаль, если так, хотя надежда остается. Тогда с помощью какого оружия можно его уничтожить? Аннигилятор, «глюк», плазмопушки?

— Ни то, ни другое, ни третье стопроцентной гарантии дать не может. Впрочем, как и любые другие способы уничтожения тоже. Я не знаю, как вам помочь в этом деле.

— Как вы думаете, инспектор — «хирург»?

— Вряд ли «хирурги» опустятся до подобного уровня действий. Они существа гораздо более высокого порядка, чем люди, особенно по творческому потенциалу. Кроме того, по некоторым косвенным данным можно судить, что они вообще не существа, а мощные разумные системы типа «стая». Каждая особь этой «стай» не намного интеллектуальнее человека, но, собравшись вместе...

— Понятно. Спасибо за ушат холодной воды.

— Я не хотел...

— А я не обиделся. Теперь вопрос в русле наших последних бесед. Не кажется ли вам, что игра нам предложена какая-то уж слишком простая? Буквально унижающая нас. Агенты, резиденты, эмиссары, «санитары», террористы, неудачные попытки ликвидации... а меченые и вовсе подставлены нам для более надежного опознавания и обнаружения. Если «хронохирурги» столь высокоразвитые существа, Игроки с большой буквы, то почему они играют с нами столь примитивно?

Златков рассеянно потер верхнюю губу, задумчиво глянул на свой палец и вдруг остро посмотрел на Ромашина.

— А кто вам сказал, что они играют с нами?

Ромашин медленно отодвинулся от стола, откинулся на спинку кресла, изучая бледное, обманчиво сонное лицо ученого.

— Черт возьми! Что вы хотите этим сказать, Атанас?

— «Хронохирурги» играют с равными себе. Может быть, между собой, может, с Теми, Кто Следит. Не знаю пока. Надо думать, сопоставлять, искать. Мы же для них — всего лишь рабочий материал. Ну, или мелкие фигуры, пешки, так сказать. Я думаю, игра ведется на всех уровнях мироздания, мы же видим только свой.

В кабинете наступило молчание. Рабочий стол комиссара бесшумно кипел, бросал зарницы, грозди огней, световые транспаранты, но Ромашин ничего этого не замечал. Он вдумывался в прозвучавшие слова, и смысл сказанного наконец дошел до него.

— Матерь Божья! Каков же тогда замысел Игроков? Чего они добиваются? Уничтожения тысяч или миллионов Ветвей Времени? Какова же при этом цена выигрыша? Да и существ-

вует ли выигрыш вообще?! Неужели вы правы, выигрышной стратегии не существует и жизнь — вечная игра?

— Не хотелось бы разочаровываться, — тихо и грустно ответил Златков. — Я имею в виду — в собственном уме. Но я считаю, что игра идет «на интерес». Важен сам процесс, а не выигрыш. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Ошибся же я, разрабатывая свою теорию хронопрокола. Квантовый перенос, — передразнил он самого себя. — Ускорение хроно-квантов... «бурение» времени... Но как же красиво все это выглядело в виде формул!

Ромашин рассмеялся, приходя в себя.

— Не расстраивайтесь, Атанас, вы еще способны создать истинную теорию времени. Я чувствую, что мы не все еще испытали, что нам не все еще рассказали наши покровители, но мне не хватает слов, чтобы выразить свою мысль. Мне не хватает слов даже на то, чтобы задать верный вопрос.

— Древние говорили, что правильно заданный вопрос уже является ответом.

— Что ж, подождем, пока я его сформулирую. Из заранее заготовленных у меня остался только один. Последними словами Шахова были: «...встретимся в вечности». Что он имел в виду, на ваш взгляд?

Златков сгорбился, теряя интерес к разговору.

— Этот вопрос надо было задать ему... — Ученый вдруг оживился. — Хотя, возможно, он имел в виду Древо Времен?

— Какое отношение имеет вечность...

— Если принять априори, что вечность не есть прямая бесконечная линия, бесконечная протяженность времени, а есть бесконечное число конечных времен...

— То это и есть Древо Времен! Очень точная формулировка. Но почему Шахов был уверен, что мы с ним встретимся?

Златков ушел в свои размышления, становясь рассеянным.

— Думаю, вы уже поняли. Он имел в виду, что Шаховых много во Вселенной. В каждой Ветви есть свой Шахов, так же как Ромашин, и Златков, и другие люди. Вы все время забываете, Игнат, о квантовом дублировании. Мир, условий, исполнителей... Ведь уже есть прецедент: в наш мир

вернулись не наши гонцы — Белый и Полуянов. Не те, кого мы посылали. Значит, где-то по другим Ветвям бродят наши. Вот и включите этот факт в свое досье на время. Лучше скажите, что мне делать конкретно, комиссар? Я вам нужен?

— Идите домой, Атанас. Мои ребята за вами присмотрят. Как только закончится операция «Мангуст», встретимся в Центре.

Златков кивнул, не прощаясь, вышел. Ромашин дал команду обойме прикрытия следовать за ним и проговорил вслух:

— Ну что ж, Орест, встретимся в вечности, говоришь? Может быть, даст Бог, и встретимся.

И тут в голову комиссара пришла мысль, заставившая его побледнеть.

Где-то там, в Ветвях бесконечного Древа Времен, должны были бродить по бесчисленным Стволам хроноускорителей миллионы Павлов Ждановых, и все они участвовали в игре помимо своей воли и все не знали, за кого играют! На чьей стороне? На стороне ли одного Игрока? Или по разные стороны баррикад?..

Операция «Мангуст», развернувшаяся с одобрения директора УАСС и Совета безопасности ВКС, позволила за считанные часы задержать около полусотни агентов «хирургов», большинство из которых оказались новобранцами, то есть завербованными в ряды агентуры недавно, уже после выхода Ствола из состояния резонанса. Меченых, с «татуировкой» по всему телу, набралось всего пятеро, все они занимали ответственные посты в СЭКОНе, ВКС и в службе безопасности. И все они были опасны, запрограммированы на сопротивление, прошли спецподготовку и знали приемы рукопашного боя.

Троих из них удалось задержать с минимальными потерями: погиб один человек и еще семеро оперативников получили ранения разной степени тяжести. Но двое, Карен Волонихин и Филипп Норденшельд, соответственно — второй заместитель председателя СЭКОНа и эксперт ВКС, сопротивлялись до конца, положив чуть ли не всю обойму захвата — одиннадцать человек!

Они были вооружены карабинами «дракон», которые стреляли ракетными пулями и гранатами, специальными прыгающими минами с наводящимся на цель сектором взрыва, «универсалами» и аннигиляторами типа «нихиль». Живыми их взять не удалось. Оба пытались вырваться из окружения и начали палить по близлежащим жилым домам, по другим сооружениям и трассам пассажирского транспорта. После того как «меченые» сбили два галеона и разрушили несколько зданий, командир бригады захвата применил в ответ «глюк». От Волонихина осталась кисть руки и часть карабина «дракон», от Норденшельда не осталось ничего.

Когда комиссару доложили о потерях, он пожалел, во-первых, что не пошел на задержание сам, во-вторых, что в операции не смогли участвовать Белый и Полуянов, не говоря уже о Павле Жданове, и, в-третьих, Игнат понял, что Волонихина и Норденшельда кто-то предупредил. Имея все необходимые данные для расчета и прогноза, Ромашин подключился к оперативному инку Управления и вычислил предателя, тоже бывшего, судя по всему, «санитаром» со стажем. Им оказался не кто иной, как начальник отдела базисного информационного обеспечения службы безопасности Дханпатрай Десаи. На людях он появлялся редко, всегда — и подчеркнуто — носил закрывающие тело индийские костюмы и поэтому остался вне поля зрения следопытов Ромашина.

Еще раз тщательно взвесив все факты, укладываемые в поле расчета, Игнат вызвал в кабинет «кобру» личной охраны Харлама Саковца.

— Готовься, бялорус, — сказал он, оглядывая кряжистую, медвежью, с виду неуклюжую фигуру командира обоймы риска.

Харлам носил бороду, усы, длинные волосы до плеч и постоянно ходил с черной лентой, охватывающей лоб и не дающей волне волос разлетаться при ходьбе.

— Всегда готов, — басом ответил главный телохранитель, понимая, что предстоит неординарное дело.

— Пойдем на захват.

Саковец мог бы поворчать, как он это изредка себе позволял, что захват — не его забота, что комиссару не пристало выполнять функции перехватчика, что среди опера-

тивников много хороших исполнителей, профи высокого класса, но взгляд Ромашина не стимулировал ворчание, и Харлам произнес только одно слово:

— Кто?

— Дханпатрай Десаи.

— Начальник ИО конторы, — уточнил «кобра» Саковец.

— Не могу спорить, — кивнул Ромашин.

— Ваш приятель, — добавил Харлам.

— Бывший, — лаконично закончил разговор комиссар. — Начинайте полную программу: наблюдение, местонахождение, маршруты, цепочка выходов, трасса захвата. Учтите, он профессионал и, если заметит, шанса бескровного захвата не даст. К тому же он еще мастер боя, бодипадхай.

— Мы тоже не лыком шиты, — прогудел Саковец.

— Вперед, время не ждет. Я присоединюсь к вам в конечной фазе перехвата.

Бородач развернулся и бесшумно исчез за дверью кабинета, потом вернулся на секунду, чтобы сообщить:

— Я оставлю двух парней, для моего собственного успокоения, они за вами поглядят.

Ромашин покачал головой, глядя на дверь, улыбнулся. Харлам отвечал за его жизнь и оставлять без защиты не хотел.

В толще стола запульсировал зеленый огонек, изнутри раздался двухтональный гудок. Вызов из Центра.

— Включи, — нехотя позвал домового Ромашин.

— Комиссар, из Ствола вышел человек, — доложил Базарян, командир группы «Роуд-аскер», отвечающей за безопасность персонала Центра и контролирующей все события вокруг здания хроноускорителя. — Одет не по-нашему...

Екнуло сердце: неужели Жданов?!

— Кто?

— Назвался Григорием Белым.

Ромашин медленно выдавил из легких ставший густым, словно кисель, воздух. Затем насторожился:

— То есть как — назвался? Есть сомнения? Не похож на Белого? Ты же отправлял его с группой...

— В том-то и дело, что отправлял. Он... странный какой-то... меня не помнит... и одет не в скафандр, а в необычного покроя комбинезон.

— Давай его сюда... Впрочем, я лучше сам к вам явлюсь. Ждите.

Подумав немного, Ромашин переоделся в «уник» с узлами автоматики, управляющими оружием, взял аннигилятор, «глюк», набор метательных ножей и звезд и вышел из кабинета, предчувствуя неожиданные открытия.

Белый ждал его в подземном бункере Центра, окруженный безопасниками Базаряна, взъерошенный и какой-то предельно собранный и возбужденный. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Пятнистый комбинезон, о котором говорил Базарян, сидел на нем, как вторая кожа, но земные фабрики спецодежды такие комбинезоны не делали уже лет двести.

Бросив взгляд на худое, темное, неподвижное лицо Белого с горящими черными глазами, Ромашин понял, что не ошибся с предположением: этот Григорий Белый был другим! Из другой Ветви Времени!

— Здравствуй, Гриша, — сказал комиссар, пожимая горячую сильную руку безопасника. — Надеюсь, меня ты помнишь?

— Надеюсь, вы меня тоже, — угрюмо отшутился Белый. — Что здесь происходит? Меня куда не выпускают.

— Сейчас все объясню. Но сначала ответь на один вопрос, пусть он и покажется тебе странным. Ты давно женат?

Белый нахмурился, исподлобья глянул на Ромашина.

— Это что, новый тест? Или что-то случилось с женой?

Ромашин и Базарян переглянулись. Но Базарян не знал того, что знал Игнат. Тот Григорий Белый, что вышел из Ствола вместе с Федором Полуяновым, по его словам, никогда женат не был!

— Нет, с ней все в порядке, — качнул головой комиссар. — Поехали ко мне, я тебе все объясню. А ты расскажешь, где был и что делал. С Павлом встречался? — все же не удержался он от вопроса.

Белый посмотрел на него с недоумением.

— С каким Павлом?

У Ромашина перехватило дыхание, но он постарался не выдать своих чувств.

— С Павлом Ждановым, грифом из группы «Астраскер».

— Может быть, с Пантелеем Ждановым? Я встречался с Пантелеем, которого вы отправляли в Ствол. А что, есть еще Павел Жданов?

Ромашин покачал головой, внезапно осознавая, что к ним прибыл еще один чужой Белый! Медленно, с расстановкой, комиссар проговорил:

— Я отправлял в Ствол Павла Жданова!..

Глава 10

Дханпатрай Десаи, высокий смуглый индеец, не спеша поднялся по ступенькам своего второго летнего дома, расположенного в пригороде Калькутты, приказал обоим телохранителям действовать по обычной схеме и остановился возле декоративной решетки цветника, искусно сплетенной из виноградной лозы и лианы тараника даис, цветущей круглый год. Со стороны он казался спокойным и невозмутимым, но на самом деле был сжат как пружина, готовый отреагировать адекватно на любую новость, прошедшую сквозь сеть «спрута», а тем более на прямую угрозу жизни.

И все же он прозевал момент начала операции захвата, потому что готовился к стандартному развитию событий, а не к классу операций «элит», разработанных аналитиками и экспертами службы безопасности по уровню секретности «четыре нуля».

Из двери его дома с верандой и мансардой в виде буддийской пагоды, который охранялся инк-системой и кодовыми опознавателями, был оборудован ловушками разных типов и автоматом уничтожения, вдруг вышел живой и невредимый Игнат Ромашин, бывший комиссар Евразийского филиала СБ, которого меньше всего ожидал увидеть Десаи.

В отличие от самого Десаи его телохранители среагировали на это должным образом, развернув эшелон прикрытия и подстраховки, но были перехвачены оперативниками Саковца и открыт огонь — ни предупреждающий, ни на поражение — не успели.

Усыпили их с помощью гипноизлучателей «слон» и «удав» почти мгновенно.

— Здравствуйте, Дхан, — приветливо помахал рукой начальнику отдела Ромашин, подходя ближе, остановился в десятке шагов от молча наблюдавшего за ним с каменным лицом Десаи. — Я тут случайно проходил мимо, дай, думаю, загляну.

— Вы живы, — гортанным голосом, утверждающе, со странной интонацией проговорил Десаи. — Это нужно понимать как...

— Совершенно верно, — кивнул Ромашин, оставаясь учтивым и доброжелательным. — Как провал. Вы шестой резидент «хирургов». Двое мертвы, трое захвачены, вы последний. Что диктует вам в этих условиях глубокая программа?

— Вы же знаете. — Тон Дханпатрая остался тем же, и это не ускользнуло от внимания комиссара. Он мысленно вызвал команду сопровождения, продолжая разговаривать с Десаи: «Первый, он слишком спокоен, в чем дело? Обыщите дом, может быть, мы чего-то не заметили, упустили из виду».

— Знаю. Но я также знаю, что человек с сильной волей может ослабить давление программы и даже нейтрализовать ее. Не хотите попробовать?

— У вас уже есть прецедент? — с едва заметной насмешкой спросил начальник ИО отдела.

— Атанас Златков.

— Вот даже как? Поздравляю. Вы приобрели ценного агента. Однако давайте расставим кое-какие точки над «и». — Десаи оглянулся на цепочку оперативного десанта, обезвредившего его телохранителей и окружавшего дом. — Да, я могу ослабить пси-приказ... если создастся такая ситуация. Но в данный момент прямой необходимости в этом нет. Потому что, комиссар... кстати, я почти догадался о вашем плане с исчезновением, просто не хватило времени на анализ. Так вот, дело в том, что я заминирован, поэтому диктовать условия буду я.

— Заминирован. — Ромашин склонил голову набок. — Это что-то новое в практике «санитаров». Допустим. И что из этого следует? Давайте взрывайте себя, останки мы похороним.

Мысленно же он запросил группу поддержки: «Обыскали дом? Что-нибудь нашли?» — «Нашли слинг без отражающего зеркала, — ответил командир группы. — Подключен к инку инициации и готов к работе. Кроме слинга, обнаружили еще два взрывных устройства и уже обезвредили». — «А слинг обезвредить сможете?» — «Попытаемся, но без знания кода и замков сделать это будет трудно». — «Подключитесь к Стратегу и начинайте».

— Комиссар, у меня дома находится слинг. Без фокусирующего зеркала, естественно. — Десаи растянул губы в ухмылке. — Знаете, что это такое?

Ромашин усилием воли согнал со щек краску, что выглядело так, будто он побледнел от волнения или страха. Конечно, он знал, что такое слинг — генератор «струны» для мгновенной масстранспортировки. Использовался слинг в стационарных комплексах метро и создавал так называемый спонтанный распад вакуума. Разряд такого генератора превратил бы окружающую дом местность в радиусе нескольких километров в «пустую яму» — в гигантскую сферу с «горящим» вакуумом. Вторичная же ударная волна после схлопывания сферы в точку способна была разнести в пыль не только коттедж индийца, но и еще полгорода. Катастрофа подобного рода уже произошла однажды на Меркурии.

— Вы серьезно?! — спросил Ромашин, стараясь затянуть время, мысленно давая команду снайперам подготовиться к поражению резидента, но так, чтобы он не успел дать команду инку на включение слинга.

— Не стоит лихорадочно искать выход из положения, — снова улыбнулся Десаи. — Я же понимаю, что вы сейчас советуетесь со своими помощниками. Не вздумайте стрелять, инициатор сработает, как только перестанет регистрировать мое мыслеизлучение.

— Хорошо, не будем, — легко согласился Ромашин. — Ваши условия?

— Дайте мне галеон, организуйте «зеленую улицу» до здания хроноускорителя, пропустите меня в зону и отпустите захваченных «санитаров». Только после этого мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве.

«Комиссар, мы сможем дезактивировать его только в спецусловиях, — раздался по «спруту» пси-голос аналитика

группы поддержки. — Предлагаю незаметно перетранспортировать слинг вместе с инком инициации в нашу лабораторию под Бомбеем, там мы его вычистим». — «А если он включит инициатор во время транспортировки?» — «Займите его на какое-то время, минут на десять хотя бы, мы попробуем упаковать слинг в контейнер с пси-экраном». — «Начинайте».

— Вы знаете, Дхан, — покачал головой Ромашин, — я не могу один решать такие вопросы, нужен квалитет ответственности...

— Не лгите, можете.

— Н-ну, хорошо, допустим, я дам распоряжение... где гарантии, что вы не взорвете Ствол вместе с собой и со всеми, кто в нем находится?

— Если выполните все мои условия, взрыв будет лишним. Все, комиссар, не тяните время. Даже если ваши специалисты обнаружили слинг в доме, им не раскодировать инициатор. Да или нет?

— Больше нет, чем да, — ответил Ромашин, получивший сигнал от бригады поддержки, что слинг уже запакован в непроницаемый для радиоволн и пси-излучения контейнер. — Мои специалисты действительно попытались раскодировать слинг, но безуспешно. Можете быть спокойны. Но если хотите, можем поиграть в одну любимую вами игру. Говорят, вы мастер-рукопашник. Я в некоторой степени тоже. Не согласитесь ли принять вызов?

Десаи внимательно посмотрел на простодушно-бесстрастное лицо комиссара. Тот напрягся, чувствуя наступление решающей минуты. В сущности, он рисковал жизнью в надежде отвести большую беду, но существовала опасность, что индийцу все-таки удастся включить слинг, несмотря на принятые меры.

«Вы его слышите?» — спросил Игнат мысленно.

«Контролируем все пси-диапазоны, — успокоили его. — Пока все тихо. Но, видимо, он прав, инициатор включится сам, если инк перестанет получать какие-то сигналы». — «И все же забирайте контейнер и выстреливайте на орбиту, пока я буду его отвлекать. Он попытается иницировать слинг только после того, как убедится в окончательном про-

игрыше. Вы к тому времени должны быть далеко отсюда. А на орбите слинг нам будет не страшен». — «Мы пошли, комиссар». — «Ни пуха...» — «К черту!» — «Кстати, выясните, где он добыл слинг и каким образом умудрился установить его дома. Возможно, наткнетесь на других «санитаров», которые ему помогали».

Вслух же Ромашин сказал:

— Ну так как? Принимаете вызов?

— Я вас не понимаю, — медленно проговорил Десаи. — Здесь какой-то подвох? Какова цель схватки?

— Не скрою, я имею цель нейтрализовать вас как очень опасного сумасшедшего, агента «хирургов», чтобы уберечь от самоликвидации. Уверен, что вы знаете очень много и можете быть нам полезным.

— Кому нам?

— Человечеству. Мне, моим друзьям. Вашим родственникам. Поэтому угроза привести слинг в действие меня действительно пугает. Цена же схватки высока для обеих сторон. Выиграете вы — вам сохранят жизнь и дадут «зеленую улицу» до Ствола, выиграю я — вы отдаете мне слинг и будете отпущены на все четыре стороны.

— Даже так?

— Мне лично ваша жизнь не нужна. Как, впрочем, и вам самому. Ну, по рукам?

Ромашин неплохо делал вид, что волнуется, и Десаи купился. Видимо, он был настолько уверен в себе, что не допускал мысли о возможности проигрыша.

— Хорошо, комиссар, я согласен. Только уберите своих псов подальше. Я хочу быть уверен в том, что никто не вмешается в поединок.

— Ну ты и свинья, йог! — не выдержал Белый, маневрирующий неподалеку. — На меня посмотри!

Десаи бесстрастно глянул на безопасника.

— Так вот, — продолжал Григорий, с трудом сдерживаясь, — если произойдет чудо и ты победишь, мы, конечно, исполним волю комиссара, но клянусь родом, я тебя из-под земли достану! В любой Ветви, в любом мире, куда бы ты ни скрылся! Как понял? Перехожу на прием.

Индиец отвернулся.

— У вас очень самоуверенный телохранитель, комиссар. Это может стоить ему головы. — Он осторожно снял рупан*, сандалии, размотал дхоти** и декоративный пояс-шарф, снял и уложил на рупан два ожерелья и спиралевидные браслеты. Выпрямился.

— Начнем, комиссар? Я слышал о ваших подвигах, но ни разу не видел в деле.

— Я вас тоже, — вежливо признался Ромашин, в свою очередь снимая кокос, майку, туфли, пока не остался в плавках. — Гриша, Харлам, уведите всех за горизонт. В пределах ста метров не должно быть никого.

Они встали друг против друга, обменялись оценивающими взглядами. Оба были высокими, поджарыми, широкоплечими, без капли жира, с узкими мускулистыми бедрами, разве что комиссар имел более развитую мускулатуру, а индеец был смуглее. Однако и тот и другой одинаково производили впечатление скрытой силы и уверенности в себе. Предсказать поединок зрителям со стороны, не знающим возможностей обоих, было непросто.

Дханпатрай начал первым. Он владел редкой разновидностью индийской борьбы — айодхья, основанной на гибкости, быстроте, точности и плавности движений, к тому же он знал другие системы воинских искусств и умел работать на сверхскорости, то есть свободно переходить на «рефлекторное мышление» и увеличивать скорость сокращения мышц.

Он стоял в десяти шагах от Ромашина и вдруг оказался рядом и нанес серию уколов-ударов с финальным энергетическим «выдохом» в область сердца противника, способным пробить грудную клетку или бесконтактно порвать сердечную сумку. Однако Ромашин, владевший русбоем, увел корпус закручиванием торса и ответил двойным ударом локоть-колена, называемым в русбое «остынь».

Дханпатрай блокировал локоть, но от колена не ушел и вынужден был уйти влево, защищая правой рукой печень, а левой — пах. Снова, не останавливаясь ни на мгновение, начал атаку: шаг вправо — удар пяткой с поворотом корпу-

---

* *Рупан* — индийский плащ, концы которого завязываются на груди и отбрасываются на плечи.

** *Дхоти* — платок, прямоугольный или треугольный, закрепляющийся на бедрах.

са — подскок — удар правой рукой косо вниз — поворот корпуса — удар растопыренными пальцами левой руки в шею и тут же левой ногой вперед.

Вся серия не достигла цели, Ромашин присел и нырнул вперед под руки-ногу противника, ударил обеими ногами в голени, чтобы тот подпрыгнул, и в тот же момент достал Десаи затылком в область копчика. Прием был известен под названием «хрящ», выполнить его могли только мастера, имеющие высший титул в русбое — «сокол соколов».

Индиец упал навзничь, от боли на мгновение потеряв сознание, и Ромашин мог легко добить противника, грозившего взорвать себя вместе с несколькими миллионами жителей Калькутты, однако не сделал этого. Дождался, пока Десаи придет в себя, сказал вежливо, без улыбки, без тени превосходства в голосе:

— Может быть, довольно, Дхан?

«Он выдал команду в диапазоне пси, — предупредил комиссара аналитик группы контроля. — Частота одиннадцать тридцать шесть, мощность ноль три келлена. Возможно, это команда инициации слинга». — «Где слинг?» — «На высоте шести километров и удаляется отсюда со скоростью две тысячи километров в час». — «Если он до сих пор не взорвался, значит, либо контейнер не пропустил команду, либо Дхан блефует. Но чего-то я здесь не понимаю. Цель «хирургов», по словам Белого и Полуянова, — уничтожение Ствола. Почему же они не воспользовались слингом раньше?» — «Вероятно, по каким-то причинам применять слинг нельзя. Или же они ждали своего часа. Может быть, слинг хотели установить в Стволе позже». — «Мне связь со Златковым. Пусть наши люди дадут ему транш».

Связь с ученым появилась буквально через десяток секунд. Телохранители Атанаса, получив приказ, действовали незамедлительно.

«Игнат? Что случилось?» — «Мы захватили еще одного резидента, о котором не знали ни вы, ни кто-либо иной из «санитаров». Он хотел иницировать слинг...» — «Откуда у него слинг?» — «Не суть важно. Вопрос в другом: почему «санитары», владея слингом, не привели его в действие? Это же самый простой способ уничтожения Ствола». — «Слинг

по сути — компактификатор измерений, он как бы сворачивает континуум, превращает все объекты в «одномерные струны». Если его включить в Стволе, волна компактификации покатится по работающим мембранам вниз, в другие Ветви. То есть произойдет спонтанная свертка всех узлов Ствола, между которыми протянута “струна хроно-поля”». — «Иными словами, будут уничтожены все, кто находится в Стволе, независимо от принадлежности к той или иной группировке. В том числе и сами “хирурги”». — «О “хирургах” ничего сказать не могу, они могут вообще быть вне поля действия Ствола, но, очевидно, взрыв слинга что-то такое важное может уничтожить, что-то очень нужное “хирургам”». — «Спасибо, Атанас. Выздоровливайте». — «А кого вы захватили?» — успел спросить Златков, но Ромашин уже отключил канал. Произнес вслух, с сожалением разведя руками:

— Вы проиграли, Дхан. Мне очень жаль, но... — договорить он не успел, Десаи внезапно прыгнул к нему выгибом вперед и, почти достав комиссара, метнул тонкий, как жало, миниатюрный пальчиковый кинжал, известный под названием «коготь дракона». Такой кинжал обычно крепится под сгибом среднего пальца.

Увернуться Ромашин не смог, хотя и отклонился на пол-локтя. Кинжал вонзился ему не в глаз, а в щеку, пробив ее, десну и язык. В принципе ничего особенного не произошло бы, Игнат умел нейтрализовать боль и снимать шок, но кинжал был отравлен! Единственное, что успел сделать комиссар, — усилием воли установить гематобарьер, чтобы блокировать подачу крови в голову и к пораженному месту, а также нейробарьер, чтобы отсечь передачу парализующего сигнала по нервным волокнам. Поэтому начавшийся паралич развития не получил. Но для спасения жизни этого было мало, а времени на спасение у него оставалось от силы три минуты — до просачивания яда сквозь барьеры.

Снайпер Саковца, следящий за боем с расстояния в сто метров, выстрелил из аннигилятора практически одновременно с выпадом индийца и лучом аккуратно отрезал ему кисть руки, однако помешать не смог. Зато разгадал второе

движение резидента «хирургов» — бросок кинжала левой рукой — и тут же не задумываясь отхватил и эту руку еще до завершения броска. Второй кинжал в упавшего комиссара не попал. А затем в действие вступили законы и инструкции системы охраны жизни. Опытные телохранители, догадавшись, в чем дело, развернули «стрелу спасения»: одна тройка подхватила тело комиссара, вторая — тело Дханпатрая Десаи, третья подогнала галеон с переносной кабиной метро, отправила умирающих в клинику Управления, предупредила врачей и медцентр о характере поражения обоих пациентов, четвертая во время всего действия подстраховывала остальных от возможного повторного нападения и держала связь с поднятыми по тревоге силами оперативной бригады.

Через две минуты тела Ромашина и Десаи лежали на столах реанимационного бокса в клинике УАСС, и Гиппократ, инк медцентра, приступил к первичному тестированию и анализу состояния пациентов. Еще через полминуты в боксе появились доставленные в шторм-порядке врачи. Борьба за жизнь людей началась...

Однако к этому времени Дханпатрай Десаи был стопроцентно мертв. Программа самоликвидации, внушенная «хронохирургами» на уровне подсознания, после его отчаянной атаки наконец-то сработала и освободила несчастного от мук.

— Мы пойдем с вами, — заявил мрачный Саковец, стоя у круглой дыры входа в Ствол, через которую сутки назад ушла группа разведчиков во главе с Полуяновым.

— Я пойду один, — сквозь зубы процедил Белый. — Ваша задача — обеспечить охрану комиссара в клинике. Если бы с этим вашим йогом дрался я, он остался бы жив.

У Саковца было другое мнение по этому поводу, но он оставил его при себе и примирительно добавил:

— Возьмите хотя бы пару моих ребят. Уверю вас, обузой они не будут, а спину прикроют.

— Хорошо, — сдался Белый (Белый-второй, «чужой», попавший не в свою Ветвь). — Эх, мне бы дриггер!

— Что? — не понял руководитель охраны комиссара.

— К сожалению, этой «волшебной палочки» у вас нет, — вздохнул Григорий. — Комиссар мне все доходчиво объяснил. Он выживет, как думаешь?

— Выживет, — уверенно ответил Саковец. — «Живая вода» и не таких с того света вытаскивала. Через пару часов будет бегать.

— Так уж и через пару, — засомневался Григорий. — Впрочем, вам видней, возможности медицины своего мира вы знаете лучше.

Саковец не понял последней фразы безопасника, но переспрашивать не стал, скомандовал:

— Сигурд, Мильчевский, поступаете в распоряжение грифа Белого. — Сунул руку Григорию: — Удачи, друг.

Белый пожал руку, проверил инк-сопровождение скафандра и первым шагнул в дыру входа — горбатый, двуногий и двулапый варан в зеркально бликующей чешуе. За ним канули в темноту тоннеля еще два таких же варана.

Он нагнал их возле обрушившегося участка коридора, который наконец-то приобрел знакомый вид, принадлежа зданию хроноускорителя, и должен был вывести к его целевой рабочей зоне с лифтом хрономембраны. Полуянов почувствовал вдруг толчок в спину, ледяное дуновение ветра (в скафандре!) и низкое угрожающее рычание. Споткнувшись, едва не упал, оглянулся, готовый применить оружие, но никого не увидел.

Коридор, по которому они шли, закруглялся в ста метрах и был пуст, не считая глыб, свалившихся с потолка и со стен, покрытых извилистыми трещинами и узором дыр. Только теперь Федор понял, что его ощущения вызваны пси-ударом, а не физическим воздействием. Тот, кто гнался за ними, был так уверен в своих силах и превосходстве, что не побоялся предупредить. Если бы он подкрался ближе и сразу нанес мощный поражающий пси-удар, защита скафандров вряд ли выдержала бы, и участь разведчиков была бы решена.

— Погоня близко! — предупредил Федора Марич, переживший примерно те же ощущения. — Придется сражаться, сквозь этот завал пробиться к залу с мембраной мы не успеем.

— Как ты думаешь, что за зверь нас догоняет?

— Прошел слух, что в нашу обитель прибывает инспектор, будто бы даже сам «хирург».

— Ух ты! Ему-то зачем опускаться так низко? Исполнителей не хватает?

— Кто знает? Логику негуманов понять простому человеку трудно. Мы зачастую не понимаем друг друга, чего уж говорить о разуме, абсолютно непохожем на человеческий. Давай-ка мы сделаем здесь небольшой контрфлеш, уступчик для засады. Ты слева, за камешками, я справа, чуть впереди.

Снова откуда-то — Федору показалось, из глубин его естества, из желудка и грудной клетки — прилетел порыв ледяного ветра в сопровождении злобно-угрожающего ворчания. Но на сей раз пси-выпад был сильнее и заставил людей пережить гамму негативных эмоций и произвольных физиологических реакций: сокращение мышц, спазм желудка, аритмию сердца, головную боль от резкого сжатия сосудов.

— Черт! — глухо проронил Федор. — Эдак он нас будет глушить издали... хоть бы появился.

— А он уже здесь, — хрипло отозвался Марич, и Федор наконец увидел догнавшее их существо.

Посредине коридора, всего в двадцати шагах от засевших в контрфлеше разведчиков, стоял неизвестно как оказавшийся там призрак — не то мыльный пузырь, не то колеблющийся туманный столбик. Вспыхнувший луч фонаря выхватил из полутьмы странную кисейно-прозрачную фигуру: так выглядел бы персонаж русских сказов Кощей Бессмертный, слепленный из редкого сероватого тумана. Но от этого «Кощея» прынула вдруг такая мощная волна пси-излучения, что, несмотря на защиту, Федор снова всем телом ощутил удар, точнее, ожог.

Марич сориентировался первым. С криком: «Это рой!» — он открыл огонь по «Кощею» из аннигилятора.

И тотчас же весь коридор зашевелился, зафонтировал дымками, превратившимися в настоящий полк призрачных «Кошеев». Теперь стало понятно, каким образом инспектору удалось подобраться к разведчикам вплотную: он передвигался по коридору в форме ручья, вернее, цепочки бесшумно крадущихся пленок жидкости. А еще люди убедились, что их оружие неэффективно против этого диффузного монстра, своеобразного двухуровневого роя.

Луч аннигилятора легко разрезал каждого «Кошея» на части, которые мгновенно соединялись в ту же фигуру. Разряды «универсалов» так же успешно кромсали призрачные струи, пробивали в них дыры, но уничтожить ни одного призрака не смогли. И даже «глюк» не дезинтегрировал солдат роя,двигающихся с поразительной быстротой, а главное, успевающих ответить противнику из многих видов оружия, самым мощным среди которых было, несомненно, пси-излучение. Впечатление создавалось такое, будто на двух представителей человечества обрушился залп из суггесторов «удав» и «слон».

Вряд ли пси-защита скафандров и собственная воля спасли бы Полуянова и Марича от гибели, не вмешайся в этот бой иная сила.

С дальнего конца коридора вдруг замелькали частые вспышки выстрелов, и в свете фонарей разведчиков засверкали живой ртутью чьи-то скафандры. Полуянов насчитал семь фигур, но удивиться, откуда здесь столько людей, не хватило сил. И хотя огонь велся в основном из «универсалов» миллионвольтными электрическими разрядами или плазменными сгустками, инспектору пришлось часть сил бросить на отражение неожиданной атаки.

— Берегись! — послышался в наушниках рации энергичный голос Белого. — Свои! Федор, ты жив?

— Скорее да, чем нет, — отозвался Полуянов со вздохом облегчения. — Кто это с тобой?

— Хансен с ребятами Ромашина.

Призраки роя изменили тактику. Теперь они начали собираться по пять-шесть особей и наседать таким отрядом на одного человека. Тактика принесла успех. За считанные секунды группа Белого поредела, потеряв двух человек, и вынуждена была отступить. На пол коридора стали рушиться стены, обломки потолочного перекрытия, здание не выдерживало пульсации ядерного и кваркового огня. Наступило короткое, чудовищное по напряжению равновесие сил. Люди стреляли скупно, но метко (стрельбой управляли, разумеется, инки скафандров), инспектор же, потеряв треть массы, не мог развить пси-наступление сразу на все направления, задавить «дробную» цель. И снова в действие вмешалась другая сила.

За спиной Полуянова рухнула груда обломков, загораживающих коридор, и в образовавшейся брешке появились две человеческие фигуры, рыжеволосая и черноволосая, в необычных комбинезонах защитного цвета с пятнами камуфляжа. Еще толком не разглядев их, Федор шестым чувством угадал, что это Ивашура и Костров.

— Держитесь! — раздался чей-то призыв.

В луче фонаря вспыхнул, как голубое пламя, поднятый над головой Ивашуры меч. Затем прогремел его сильный звучный голос:

— Убей его!

Дриммер сменил сияние с голубого на ослепительно желтое, стал потом белым, будто раскалился от хлынувшей в него энергии, и миллионом ослепительных искр метнулся в стаю призрачных «Кощеев».

Зашипело, словно от падения в воду множества угольков. На всех диапазонах — пси, электромагнитном и звуковом — раздался многоголосый вопль, затем сменился скулящим ворчанием, замолк на невыносимо низкой ноте... и инспектор «хронохирургов» перестал существовать. Однако и меч-дриммер уже не вернулся к владельцу, исчерпав всего себя без остатка.

Еще некоторое время люди, в большинстве своем пораженные финалом боя, настороженно всматривались в очистившееся от туманных вихрей пространство коридора, вслушивались в звонкую тишину и молчали. Потом тишину нарушил возглас Ивана Кострова:

— Кажется, мы подросли вовремя, командир.

И лишь тогда все задвигались, зашевелились, заговорили, потянулись к пришедшим на помощь союзникам.

— Федор, ты здесь? — позвал Ивашура.

Полуянов разгерметизировал скафандр, откинул капюшон шлема, подошел к нему и обнял. За ним ко вновь прибывшим приблизился Белый, тоже снял шлем, потряс руку Ивана.

— Как вы здесь оказались, рыжий?

— Стреляли, — с улыбкой ответил Костров знаменитой фразой из фильма «Белое солнце пустыни», снятого в конце шестидесятых годов двадцатого века в его родной Ветви Времени.

Подошел Марич, убрал шлем, пристально глянул на собранного и внимательного Ивашуру.

— Игорь Васильевич?

— Он самый. А кто вы?

— Эмиссар Тех, Кто Следит. Мне передали, что следует встретить гостей, правда, в связи с некоторыми осложнениями... э-э... я не успел. Но шли мы к лифту, где я должен был ждать вас.

— Лифт рядом. И мы не одни. — Ивашура повернулся к проделанному в горе обломков проходу, крикнул: — Вероника, Тая, идите сюда.

Послышались шаги, шорохи, женские голоса, и в проходе появились две женщины в таких же комбинезонах, что были на Ивашуре и Кострове. Марич, безопасники Белого, да и он сам молча смотрели на приближающихся женщин.

— Они такие же десантники, как мы, — засмеялся Ивашура. — А может быть, и получше нас. — Посерьезнел. — У вас есть послание для нас? Вести от Павла Жданова?

— У меня есть весть от Жданова, — раздался чей-то голос, из-за спин безопасников вышел человек в скафандре, и все ошеломленно перевели взгляды с его лица на лицо стоявшего с Ивашурой Григория Белого. Потому что подошедший был его точной копией, разве что прическу имел другую. Лишь Марич, Полуянов да сам Белый не проявили особых чувств, догадываясь или просто зная, в чем дело.

— Привет, копия, — сказал Григорий-первый.

— Привет, дубль, — в том же тоне отозвался Григорий-второй. — Узнал?

— Как же я себя-то не узнаю?

— Знакомьтесь, друзья, — вмешался в их диалог Полуянов. — Один Гриша Белый — ваш, один — наш. Я хочу сказать, что мы с вами, — Полуянов кивнул на «своего» Белого, — из другой Ветви. По какой причине нас послали не на родину и поменяли местами, я не знаю, да и не важно это. Главное, что мы добились цели, обезвредили «санитаров».

— Это не главная цель, — покачал головой Марич. — Вам надлежит снова выйти в путь и ликвидировать угрозу взрыва Ствола. А заодно и угрозу существованию Ветви. Что за весть вы принесли от Павла Жданова? — повернулся он к Григорию-второму.

— Не от Павла, — ухмыльнулся Григорий-второй. — От Пантелея. Там, где я живу, Жданов один и он — Пантелей. Я ведь тоже чужой в данном мире, так же как вы со своим отрядом. Но с другой стороны, никакие мы не чужие друг другу, раз делаем общее дело. Здесь сработали мы, в моем мире сработает другая команда дублей. Все в порядке. А Панте... да и ваш Павел, наверное, заброшены в схрон, то есть куда-то в одну из «усохших» Ветвей Времени, где «хирурги» строят свой Ствол. Вернее, Антиствол. Жданов должен найти это сооружение, а мы должны присоединиться к нему. Это все, что я знаю.

— Ясно, — кивнул Ивашура. — Не будем терять времени... хотя никто мне, по существу, так и не объяснил, что такое время. Пора идти на помощь Павлу.

— Подождите, — вспомнил вдруг Григорий-первый. — А где Ромашин? Комиссар? Ведь это его заслуга в том, что мы уцелели, дошли и встретились.

— Он ранен, — нехотя ответил Григорий-второй.

— Серьезно?

— Отравлен. Цианон.

Наступило молчание.

— Кто? — сдавленным голосом проговорил Полуянов. — Кто его?..

— Это произошло случайно, во время боя с одним из «санитаров».

Марич, который знал, что ничего случайного в этом далеко не лучшем из миров не существует, похлопал Федора по плечу:

— Не стоит обсуждать эту тему, не время. Ромашин будет жить, будьте уверены. Вам действительно пора.

— А Златков? — упрямо сдвинул брови Белый-первый. — Он ведь тоже собирался лично проводить нас, объяснить суть воздействия хроноускорителя.

— Он тоже ранен, лечится.

— Интересные тут у вас проблемы решаются, — покачал головой Ивашура. — Хотел бы я встретиться с этими вашими... комиссаром и ученым. Прощайте, эмиссар. Или вы с нами?

— Нет. — Марич отступил на шаг. — Мой дом здесь, хотя я и сподвижник Тех, Кто Следит. Да и напутешествовался, знаете ли, хватит.

— Тогда прощайте. Прощайте все, друзья. До встречи во Вселенной.

С этими словами Ивашура обнял женщин, подтолкнул их к проходу в обломках стен, зашагал следом. За ним потянулись Костров и Полуянов. Белый-первый протянул руку Белому-второму, обнял, шепнул на ухо:

— Ты тут разберись, в чем дело, почему Ромашин и Златков оказались исключенными из процесса в самый нужный момент.

— Разберусь, — железно пообещал дубль.

Марич, догадывающийся о причине исключения комиссара из конечной стадии борьбы за сохранение Ствола, промолчал. В этой Ветви Времени, которой принадлежали Солнце, Земля, Брянские леса, хроноускоритель, — стратегию и тактику игры определяли не «хронохирурги», а Те, Кто Следит. А они умели организовывать случайные происшествия.

Часть IV

ПОГОНЩИКИ ПРАВЯТ СЛОНАМИ

Глава I

...И ширится вокруг безжизненная гладь,
И берега тускнеют, отдаляясь...

Напоенные прохладой строчки чьих-то стихов всплыли в темном пространстве головы, повторились многократно гулким шепотом, заставили вспомнить лето, море, ветер... и Павел ощутил себя стоящим на твердом полу в блестящем спецкостюме, с мечом в правой руке и чьей-то ладонью в левой. Рядом стояла незнакомая красивая девушка, почти девочка, с волной светлых волос, перехваченных лентой, с лицом испуганным, но оттого еще более красивым, стройная, одетая в необычный, знакомый по историческим фильмам наряд: охотничий кафтан, подпоясанный кушаком, кожаные штаны, мягкие сапожки со слегка загнутыми носами, за плечом лук и колчан со стрелами.

— Где мы? — низким голосом с необычным акцентом спросила девушка, старательно пряча страх в глубине больших голубых глаз.

И тогда Павел вспомнил, кто есть он сам и кто стоит рядом. Это была Ясена, девочка-россинка из далекой Ветви Времени, где жили люди и разумные медведи — медвяны. Не отвечая на вопрос, Павел огляделся.

Трансгресс высадил их в довольно странном месте.

Они стояли на голом трещиноватом холме с белесой высохшей травой. Холм являл собой часть бугристой равнины, которая всего в радиусе километра была ограничена чем-то похожим на приплюснутый купол из матового стекла или полиэтиленовой пленки. Купол источал тусклый желтоватый свет, не дающий теней. Ажурная черная труба трансгресса боком касалась вершины холма, на котором стояли Жданов и Ясена, и уходила в обе стороны, исчезая в стенках купо-

ла. В этом мире тишины и неподвижности почти ничего не росло, если не считать высохшего до белизны кустарника, стелющегося в лощинах между холмами, напоминающего мотки проволоки или кораллы.

Но дышалось в этом мире на удивление легко, а сила тяжести не превышала земной.

— Куда мы попали? — переспросила притихшая Ясена, не торопясь вынимать ладонь из руки Павла.

— Разберемся, — улыбнулся он. — Здесь никого нет, не бойся.

— Я и не боюсь, — вспыхнула девушка, выдергивая руку, и демонстративно отошла на несколько шагов.

Павел обвел внимательным взглядом череду холмов, пожал плечами. Если трансгресс выбросил их здесь, значит, в этом был смысл. Не стоило задавать риторические вопросы, следовало выяснить все самим. Хотя, с другой стороны, можно было, не прилагая никаких усилий, соединиться с информом трансгресса и у него узнать, где они оказались. Однако делать этого Жданов не стал. Что-то мешало ему: не гордость и не равнодушие, — ощущение скованности, порожденное присутствием трансгресса.словно внутри ажурной трубы сидел некто холодно-рациональный и ждал, что предпримет человек, пользующийся доверием Тех, Кто Следит.

Вокруг не было ни одной живой души, кроме Ясены, не шелестела трава под ветром, не порхали насекомые, мир был неподвижен, сер и скучен, но чувство ожидания росло, Павлу активно не нравилась подобная тишина, и он наконец не выдержал. Со свистом крутанул меч вокруг себя, как бы обвив тело спиралью защитного приема, и почти прокричал, заставив Ясену вздрогнуть:

— Эй, кто здесь? Выходи!

— Спасибо, — раздался ниоткуда — ни сверху, ни снизу, ни сбоку, а как бы со всех сторон сразу — гортанно-скрежущий голос, и рядом с Павлом проступила, уплотняясь на глазах, фигура человека в плаще из металлических пластин, с головой, прятанной под необычной формы шлемом, напоминающим голову насекомого и ящера одновременно. Что это могла быть и «родная» голова существа, Павел не подумал, ему почему-то показалось, что это шлем.

Впрочем, было ли так на самом деле, он так никогда и не узнал. Гость человеком явно не был.

На соседнем холме проявилась из воздуха, как проявляется изображение на фотобумаге, некая бурая, с черными прожилками масса, сформировавшаяся в двадцатиметровую громаду, больше всего напоминавшую гигантский черепаший панцирь.

— Извините, — проронил гость небрежно, — это мой перемещатель. Ничего, если он тут меня подождет?

— Ничего, — великодушно разрешил Павел, одновременно прошупывая ауру незнакомца, но никаких негативных токов не ощутил. Гость излучал в пси-диапазоне, и очень мощно, однако в его ауре не таилось угрозы, злобы, презрения или высокомерия. Он скорее был равнодушно-вежлив и — совсем немного — заинтересован встречей, хотя в этом интересе было больше флегмы и ленивого каприза.

— С кем имею честь? — учтиво спросил Павел, жестом успокаивая Ясену, схватившуюся за лук.

— Неважно. — Гость махнул рукой в «латной перчатке» и вызвал этим движением перезвон металлических пластин плаща. — Случайно проплывал мимо и увидел вас. Ведь вы Павел Жданов из независимой Ветви?

— Жданов, — кивнул Павел. — А что значит — из независимой Ветви? От чего независимой?

— Вопрос некорректен, — сказал гость, не объясняя тем не менее, в чем его некорректность. — Но вообще-то вы не производите впечатления исполнителя.

— А я и не исполнитель, — пожал плечами Павел. — Вы меня с кем-то спутали, наверное.

— Мне говорили именно о вас. Хотя возможна и ошибка. Вы не единственный Павел Жданов, вовлеченный в игру.

— Уважаемый сэр, — насупившись, произнес Павел, — не соблаговолите ли объяснить? Вы говорите загадками, не понятными ни мне, ни моей спутнице, что с вашей стороны не совсем вежливо.

— Что и как говорить, решаю я сам, — ответил незнакомец в племе, и прозвучало это на удивление негрубо, без пренебрежения, даже миролюбиво, просто как констатация факта. — А вежливость всего лишь эмоциональная окраска информации. Или вы думаете иначе? Для вас важен тон беседы?

— В принципе... пожалуй, — озадаченно проговорил Павел, погладив руку прижавшейся к нему сзади Ясены. — И все же кто вы?

— А что вы сделаете, если я не отвечу?

Павел взвесил в руке меч-дриммер, напрягся, пытаясь проникнуть под слой пси-поля, которым был окутан незнакомец, и ему показалось, что сквозь металл шлема на миг проступили черты лица чужака — нечеловеческого лица.

— Спасибо, я понял, — кивнул гость. — Не буду вам мешать. Прощайте. Может быть, наши пути еще пересекутся, хотя вы — воин, а я — бродяга. Имени в человеческом понимании у меня нет, я ведь всего лишь один из немногих, один из отдельных «я» организма «мы». Но если хотите, можете называть меня Мимо.

С этими словами незнакомец в плаще стал таять, расплылся в облачко дыма, которое скользнуло к громаде перемещателя и всосалось в него. Перемещатель превратился в струю черной жидкости, брызнувшую в две стороны, растянулся в струну, вонзившуюся в противоположные бока купола, исчез. Лишь в тех местах, где он пронзил купол, некоторое время виднелись черные кольца, пока не расплылись кляксами и не пропали.

— Он волхв, — с дрожью в голосе проговорила Ясена. — И очень-очень черный! Страшный! Сильный!

— Мне он страшным не показался, — задумался Павел. — Сильным — пожалуй, и еще странным и чужим. Но он, конечно, не волхв, не человек вообще. Что он хотел мне сказать? Или ничего? Просто посмотрел как на диковину, и все. Голова кругом!.. На что он намекал, говоря, что я не единственный Жданов?

Павел вдруг вспомнил о трансгрессе.

— Подожди-ка меня здесь, я попытаюсь кое-что выяснить.

Ясена хотела возразить, но проглотила слова, так как больше всего на свете боялась, что ее упрекнут в трусости.

— Я погуляю, — сказала она, отходя с решительным видом.

Пряча улыбку, Павел подошел к трубе трансгресса, чуждой этому миру, как чужими были здесь и они с девушкой, подвесил себя по центру старт-объема.

— Трансгресс «Сола сто три» готов к перегибу, — раздался в его голове тихий мурлыкающий женский психоголос. — Ближайший выход...

— Отставить выход, — прервал автомат Павел. — Нужна связь с информом «Сола сто три».

— К сожалению, связь невозможна, — прошелестел голос. — «Сол сто три» принадлежит к распадающейся Ветви с вырожденной более чем на семьдесят процентов реальностью. По сути, это виртуальный мир, скатывающийся к одномерному континууму. Его информ перебазируется...

— Жаль, — не дослушал разочарованный Жданов. — Я хотел кое-что выяснить. А может, знаете вы? С кем я только что беседовал возле трансгресса? Вы видели?

— С бровеем.

— С кем, с кем?

— Мне известно, что где-то «внизу» — координатами это слово считать вряд ли представляется правомерным — существует племя Бродящих по Ветвям Времени. Он один из них.

— Что же, они бродят по мирам на своем транспорте?

— Другими сведениями не располагаю, извините.

— И за то спасибо. Выпустите меня.

Павел снова оказался на холме под трубой трансгресса, странным образом соединявшего Ветви и, по словам волхва Рода из племени росоинов, ставшего своеобразной Ветвью Времени, миром без конца и без начала.

Ясена стояла спиной к нему в напряженной позе, готовая к стрельбе из лука, и Павел сразу понял, что произошло нечто напугавшее девушку. Мгновенно сосредоточился, прислушиваясь не столько к звукам, сколько к своим ощущениям. И почувал медленное, но неотвратимое приближение какого-то холодного, беспощадного, свирепого существа, абсолютно чуждого всему тому, чем жил и чему радовался человек.

Спустя несколько мгновений Павел понял, что это его подсознание отреагировало таким образом на пси-поток, так называемый поток внимания, образованный мыслизлучением некоего существа или группы существ. Но то, что эти существа друзьями не были, понять было несложно.

Оглянувшись еще раз кругом и отметив, что в пределах видимости, кроме трансгресса, нет ни одного живого объек-

та или сооружения, способного возбудить поток внимания, Павел пробормотал:

— Надо нам побыстрее уносить отсюда ноги.

— Куда? — отозвалась Ясена, приободрившись.

— За пределы этого купола. Не нравится мне взгляд в спину... А что случилось, пока я отсутствовал?

— Кто-то выглянул оттуда. — Девушка показала вверх, вздрогнула. — Черный весь... и глаз один, красный, светится... Посмотрел и скрылся.

— Хронорыцарь? — пробормотал Павел. — Если это хронорыцарь, то, во-первых, у нас появился могучий союзник, а во-вторых, где-то поблизости должен быть расположен Ствол. Но, с другой стороны, мы с тобой недостаточно хорошо экипированы для его поиска и вообще для серьезного похода.

— У меня же лук и нож, а у тебя волшебный меч. Разве этого мало?

— Недостаточно. Придется снова обращаться к обслуге трансгресса. Подожди меня еще немного.

Павел коснулся мечом трубы трансгресса, впустившей его внутрь, и произнес с некоторым стеснением:

— Простите, ради бога, это опять я. Не могли бы вы обеспечить меня и мою спутницу защитными комплектами? Нам придется путешествовать, а условия за стенкой этого пузыря могут отличаться от земных.

— Вы уже находитесь под защитой местного исполнителя наших законов, — прозвучал вежливый женский голос. — Условия жизни в «засыхающей» Ветви не позволяют выжить живым существам биологических видов, в том числе и человеку. Даже уцелевшие осколки мира не везде имеют благоприятный состав воздуха, необходимую интенсивность излучений и электромагнитных полей.

— Но мы... как бы это сказать... не видим никакой защиты, не ощущаем ничего...

— Вокруг каждого из вас создан так называемый темпорокон, определенный объем пространства с заданными свойствами, управляемый вами на уровне инстинкта, физиологических реакций, позволяющий дышать и отправлять естественные потребности. Объем можно сделать видимым, но это вовсе не обязательно.

— Нечто вроде скафандра, так сказать. Весьма предусмотрительно с вашей стороны. Благодарю. Каковы же запасы кокона? Как долго мы будем находиться под его защитой?

— Вблизи нашего парамоста — бесконечно долго, вдали — от месяца до нескольких часов, все зависит от нагрузки на кокон. Его энергетические возможности, к сожалению, ограничены.

Еще раз поблагодарив инк-распорядителя трансгресса, Павел «сошел» на землю, успокаивающе кивнул Ясене, делавшей вид, что она никого и ничего не боится.

— Все в порядке, девочка. Можем идти на разведку.

Они спустились с холма в низину, обходя скопления высушенного кустарника, а может быть, и кладбище скелетов неведомых существ, поднялись на следующий холм. Снова спустились и поднялись и вскоре вышли к краю холмистой равнины, где начиналась испускающая необычный тусклый свет пленка купола. Дриммер в руке Павла придавал ему силы и уверенности, и он даже задумался над этим явлением: меч действительно внушал владельцу спокойствие и уверенность, но экспериментировать, изучать возможности дриммера, с которым Павел не имел дела в бытность свою грифом безопасности, хотя тот и был создан на Земле его Ветви, было недосуг.

При ближайшем рассмотрении стенка купола продолжала создавать впечатление прозрачной слюдяной пленки, за которой ворочался густой золотистый туман. Павел тронул ее кончиком меча. Ничего не произошло. Лезвие с некоторым усилием пронизало пленку, как бы преодолевая сопротивление туманной среды, и вышло обратно, не оставив следа. Чувствуя вздрагивание плеча Ясены, Павел коснулся пленки рукой, совершенно не представляя себе, как будет взаимодействовать с препятствием подаренный трансгрессом темпор-кокон.

Рука ощутила упруго-податливое сопротивление, прошла сквозь пленку, исчезая в тумане, словно он был настолько плотен, что не пропускал свет. Решившись, Павел шагнул в стену сам, потянув за собой девушку, и... оказался висящим в белесой светящейся пустоте, в светлой бездне без конца и края, заполненной не то паром, не то действительно плот-

ным туманом, не позволяющим разглядеть спутника уже в метре от себя.

Ахнула повисшая рядом, одевшаяся в ореол золотистоголубого свечения Ясена, хотя ощущений падения бездна не вызывала. Люди явно висели в тумане, ни на что видимое не опираясь, и тем не менее здесь не царил невесомость, тело привычно работало в прежнем режиме, низ был низом, верх — верхом. И лишь спустя еще какое-то время Павел сообразил, что это, вероятнее всего, действие защитного кокона, спасающего владельца от неприятных ощущений.

Он оглянулся.

Сзади постепенно исчезала в бездне странная кружевная тень, словно комок паутины, совершенно непохожий на тот мирок, из которого они выбрались в туман. Павел невольно сделал движение к нему, испытав вдруг страх навсегда остаться в этом белесом нигде без опоры под ногами. Потом пришла трезвая мысль: если бровей Мимо из племени Бродящих по Ветвям смог запросто посетить пузырь с кусочком уцелевшей местной природы, то путешествовать в этом мире «засыхающей» Ветви может, наверное, любой. Надо просто выяснить, как это делается.

— Держись, Ясена, — оглянулся Павел на спутницу, которая крутила головой во все стороны, но не паниковала и выглядела возбужденной и воинственной. Видимо, она воспринимала происходящее с ней как волшебный сон.

Девушка не ответила, из чего Павел сделал вывод, что их невидимые «скафандры» раций не имеют, а среда, в которой они находятся, звук не проводит. Он попытался плыть в тумане, как в воде, сделав пару движений брассом, но из этого ничего не вышло, их положение не изменилось, разве что Ясена, руку которой он выпустил, превратилась в кружевную тень и стала отдаляться. Испугавшись по-настоящему потерять девушку, Павел рванулся к ней, оттолкнувшись изо всех сил от пустоты ногами, достал рукой край кружевной тени и с облегчением перевел дух. Тень превратилась в Ясену, еще не успевшую ничего понять и испугаться. Подтянув ее к себе вплотную, так что они повисли, обнявшись, он проговорил:

— Надо чем-нибудь обвязаться, чтобы не потеряться в тумане. У тебя есть какая-нибудь веревка, шнурок?

На этот раз девушка услышала его. Их темпор-коконы, наверное, соединились и образовали общий кокон защиты.

— Есть запасная жилка для силков, но не длинная, локтя на четыре. — Девушка достала из кармана куртки тонкий кожаный ремешок. — Вот.

— Хватит.

Павел обвязал себе левую руку выше локтя, потом то же сделал спутнице, подергал — держит.

— Порядок. Ну а теперь попробуем летать в этой белой пустоте. Летал же бровей, да и хронорыцарь, которого ты видела.

Он приблизил к лицу меч и медленно, с нажимом, проговорил:

— Ищи большие тяготеющие массы!

Острие меча засветилось голубым льдистым светом, и тотчас же возникло ощущение движения, плавного скольжения, полета. Дриммер выполнял желание хозяина, хотя, как он это делает, понять было невозможно. В этом белом тумане, скрывающем неведомые бездны и глубины, все человеческие чувства отказывались служить человеку, и даже сенсорики паранорма ничего не давала Павлу, кроме ощущения слепоты и безнадежности. Мир «засыхающей» Ветви упрощался, распадался, сжимался, умирал, и эти ощущения были главными.

Глава 2

Они высадились на этот спокойный берег после трех неудачных попыток найти то, ради чего трансгресс высадил Павла в Мета вселенной «засыхающей» Ветви Времени, — Контрствол «хирургов».

Сначала дриммер привел их к самому настоящему астероиду — каменистому обломку горы размером с Фобос, спутник Марса. Ни воздуха, ни признаков жизни астероид не имел, весь утыканный острыми шипами и столбами скал, усеянный камнями и кратерами самых разных размеров. Некоторые из столбовидных скал угрюмого багрово-фиолетового цвета сильно смахивали наobelisks, сооруженные чьи-то руками, и возможно, так оно и было, однако ни один из

них не подходил под определение «техническое сооружение типа здания хроноускорителя», и Павел не стал обследовать эти скалы, несмотря на явный интерес Ясены к подобного рода мероприятиям.

Вторая попытка оказалась удачней. Дриммер вывел своих хозяев к пустырю, охватывающему часть мира с довольно приличной по площади пустыней и низменностью, бывшей когда-то дном моря. Полоса искрящейся соли явно указывала на береговую линию, а цвет низменности — буро-седой, с длинными зеленоватыми потеками — вызывал в памяти пересохший земной Арал или Мертвое море. Но самым потрясающим открытием для Павла, не говоря уже о Ясене, стала светящаяся золотом и серебром пустыня, представлявшая собой древнее поле битвы.

Застывшие исполины, принятые сначала Ждановым при взгляде издали за каменные глыбы, увязшие в песке, оказались останками погибших воинов, среди которых нашлись известные ему хронорыцари и шестилапы с головой змеи. Разве что размеры их раз в десять превышали размеры тех, с кем имел дело сам Павел.

От приподнятого края ограниченной куполом «неба» пустыни до полосы соли, бывшего берега моря, он насчитал около сотни полузасыпанных песком фигур, но лишь треть их принадлежала черным всадникам с их извечными противниками — шестилапами обезьянозмеями, а также черепаховидным автоматам с гибкими розовыми усами и гофрированным, как резиновые шланги, шипастым червякам, остальные монстры были Павлу неизвестны. Стоя у одного из них, напоминающего металлическую сколопендру с полурасплавившимся брюхом, Павел внезапно понял, что масштаб войны, в которую были вовлечены люди вокруг здания хроноускорителя, гораздо больше, чем они себе представляют, и что, возможно, причина этой войны лежит не в запуске или выключении ускорителя времени, а совсем в другой плоскости, в плоскости интересов могущественных существ — «хронохирургов», Тех, Кто Следит, и других, о которых человек не имеет ни малейшего представления.

Озарение было неожиданным и заставило Павла переоценить свое отношение к происходящему. Он даже подумал: уж не внушил ли ему кто-нибудь эту мысль? Причем явно не Те,

Кто Следит, потому что им ни к чему заронять сомнения в душу человека, союзника и воина, отстаивающего их интересы.

Павел огляделся в поисках того, кто мог бы послать не осязаемый сознанием, но воспринятый подсознанием телепатический импульс, никого не увидел, кроме сотни закованных в броню гигантов, торчащих из песка, ничего не почувствовал, кроме тревоги, восхищения и ужаса Ясены, и отложил анализ идеи на более подходящее время. Чувство тревоги передалось и ему, потому что кто-то шел по его следу и уверенно приближался.

Здесь, на поле боя, происшедшего в незапамятные времена, они не задержались. Пейзаж после битвы действовал на обоих угнетающе. Было неважно, кто в конце концов победил в этой битве, главное, что все ее участники погибли, отдав жизни во имя целей, сформулированных не ими.

«Надо найти того, кто подсказал бы мне, каковы эти цели, — подумал Павел. — Кого-нибудь из независимых наблюдателей. Того же бровея Мимо, к примеру. Знает, поди, но ведь не скажет. Или скажет?.. Если хорошо попросить? Может быть, вся наша возня со «спасением Вселенной» не более чем игра? Правила которой разработаны не нами?..»

— Какое жуткое место! — прервала его размышления Ясена, огромные и круглые глаза которой говорили о ее чувствах больше, чем слова.

Павел мысленно согласился с ней. Место действительно было жутким, хотя апофеозом войны человеку служить не могло. Бились и умирали здесь не люди.

Покинув этот печальный угол местного космоса, Павел и Ясена долго молчали, продолжая неспешный, по их мерке, полет в тумане между каплями-осколками «засыхающей» Ветви Времени. Каждый думал о своем, но у Ясены терпения было меньше, и она принялась рассказывать о своих переживаниях и о том, что видела в походах на земле предков, сравнивая те ужасы и эти. Потом примолкла и она. А вскоре дриггер притащил невольных путешественников к новому пузырю, осколку мира, заключенному то ли в кокон неведомого поля, то ли ограниченного законами «засыхания» Ветви; в свое время и Земля вместе с Солнечной системой была ограничена сферой свертки пространства, пока действия отряда Жданова не деблокировали ее и не поменяли закон

свертки на закон «виртуального сна» Метагалактики, разрешающий подобное «сонное мигание».

Этот мирок был похож на скопище разбитых вдребезги витрин. По всему многокилометровому пространству (идеальная плоскость, напоминающая пористую белую кость) стояли ряды гигантских стометровых черных рам из неизвестного материала, а под рамами лежали груды толстого, в полметра толщиной, стекла! Так это выглядело издали, так это смотрелось и вблизи. Отыскались и виновники погрома: гигант-хронорыцарь и ежасто-пластинчатая тварь с многосуставчатыми лапами. Они сошлись здесь в ближнем бою, врукопашную, и погибли, не выпуская друг друга из объятий. Часть корпуса хронорыцаря и круп его коня-кентавра были искромсаны, буквально нашинкованы, как шинкуют капусту, а половина тела крабоежа превратилась в расплавленную металлическую лужу.

Смотреть на застывших навеки бойцов было неприятно, и Павел со спутницей поспешили удалиться из этого пузыря.

Вскоре они нашли небольшой мирок, смахивающий на приоткрытую раковину моллюска, и устроились на отдых. Длина «раковины» не превышала сотни метров, а толщина — метров двадцати. В полураскрытые створки благодаря рассеянному свету, льющемуся отовсюду, со всех сторон пузыря, в котором была заключена эта загадочная конструкция, виднелись какие-то отблескивающие перламутром вздутия, жилы, перепонки с отверстиями и центральное ядро, действительно похожее на гигантскую жемчужину. Желания исследовать объект ни у Павла, ни у Ясены не появилось, они просто присели на створке «раковины», созерцая пустой зеленоватый «небосвод» этого мирка, потягивая тоник из тубы, оставшейся у Павла в коробке НЗ.

Поразмышляв, он пришел к выводу, что не знает, в какой стороне искать пузырь с частью здешней природы, приспособленной «хронохирургами» для строительства Контрствола. Этой мыслью Павел и поделился с Ясеной, польстив тем самым ее самолюбию, как бы поставив девушку в равное положение.

— В таком мире я бы жить не захотела, — заявила она искренне. — Он весь пропитан скорбью. — Огорчилась. — А где искать ваш корстол, я не знаю.

— Контрствол.

— Ну, все равно. Может быть, он знает? — Девушка показала на меч, струившийся под рукой Павла, словно ручеек голубоватого пламени. — Меч-то волшебный.

— К сожалению, он тоже имеет пределы возможностей. И дриммер вовсе не меч. То есть я хочу сказать, что функции оружия — не главные в его программе. Он может стать любым предметом, свойства которого заложены в памяти программатора. Может выполнять много полезных работ, служить щитом, врачомателем, поваром, ремонтником, исследователем, анализатором, строителем... не помню, чем или кем еще.

— Почему же ты не прикажешь ему стать глазом, который видит сквозь туман?

Павел вздохнул.

— Я не знаю кода управления, или, говоря иначе, «слова власти». Он меня слышит, но повинуется лишь в пределах той формы и функции, которая введена сейчас в его программу.

— Так поговори с ним, — простодушно предложила Ясена. — Объясни, что нам нужно.

— Боюсь, не смогу объяснить. Хорошо еще, что он не отказывается служить проводником, иначе мы с тобой утонули бы в этом тумане и никогда не нашли дороги к таким вот уголкам. Кстати, совершенно не представляю, как дриммер ориентируется по гравитации. Я, например, абсолютно не могу здесь ориентироваться.

— Я тоже, — призналась девушка. — Как слепая и глухая. А что мы будем делать дальше?

— Трансгресс не зря высадил нас в этом мире. Наши друзья, пославшие нас сюда, ошибиться не могли. «Хирурги» строят Контрствол где-то здесь. Надо искать. Будем следовать за мечом от пузыря к пузырю, пока не наткнемся на тот, который нужен.

— А если нас заметят? Будем сражаться?

Павел внимательно посмотрел на слегка осунувшееся, милое, прекрасное девичье лицо.

— Если хочешь, вернемся к трансгрессу, и я попробую уговорить автоматику... э-э... демона трансгресса отправить тебя домой.

Ясена покраснела, гордо вскинула голову.

— Я никуда не пойду! И не надо считать меня слабой слизянкой, я воин и сама могу за себя постоять!

— Хорошо-хорошо, извини. — Павел успокаивающе вытянул вперед ладони. — Я не хотел тебя обидеть. Просто ты не должна была пускаться в этот поход, где опасности подстерегают нас на каждом шагу. Ну что, отдохнула? Идем дальше?

Девушка вскочила, привычным движением поправляя волосы, и Павел невольно залюбовался ее грацией и естественной свободой движений. Подумал вскользь, с долей сожаления и вины: если бы ты только понимала, девочка, в какой попала переplet!..

Они выступили в поход, связанные все тем же тонким ремешком. Прыгнули со створки «раковины» вниз, приблизились к пленке пузыря, охватывающего «раковину», продавили ее телами и оказались в таинственной светлой пустоте, создающей впечатление бездны. Конечно, туман этот никаким туманом не был, Павел это осознал. Вокруг просто шел процесс «усыхания» континуума, преобразования пространства, который и воспринимался несовершенным аппаратом чувственного восприятия человека в виде тумана. Но легче от этого знания не становилось, ориентиров местный «туманный космос» никаких не имел. Лишь вплотную приблизившись к очередному осколку бывшего мира данной Ветви, окруженному сферой сжатия, точнее, сферой закона усыхания, можно было разглядеть некий сгусток, тень, похожую на медузу или на паутину.

Наткнувшись на очередную «медузу», Павел просунул в нее голову, уже не удивляясь, что так легко удастся проникнуть внутрь мира, отвечающего библейским представлениям о Вселенной, и увидел дикое скопление камней самой причудливой формы, размеров и цвета, опутанных не то белыми водорослями, не то щупальцами гигантской каракатицы, плавающей рядом с каменной грудой. На Павла с непередаваемым выражением тоски и боли глянули четыре огромных, выпуклых фасетчатых глаза с шестигранными ячейками.

Похолодев, он выдернул голову из пузыря, оттолкнул Ясену, готовую последовать за ним, отрицательно покачал

головой. Не стоило высаживаться во владениях неведомой погибающей твари и выяснять ее принадлежность к врагам или друзьям.

Через час меч приволок своих пассажиров к новой волосятой тени, на этот раз скрывавшей в себе достаточно обширный осколок планеты с горами и равнинами, с извилистыми меандрами русел пересохших рек, с засохшими лесами и развалинами каких-то древних построек, замков и храмов. Возле одного такого замка, сложенного из зеленовато-сиреневых блоков и облицованного плитами из похожего на мрамор материала, торчали вполне современные металлические конструкции — антенны и мачты, стоял ангар, отблескивающий металлом, и рядом с ним зеркально бликующая дьявольски выпуклая линза, вызывающая в памяти ассоциации с летательным аппаратом.

На всех постройках лежала печать инородности и недоброжелательности, и Павел понял, что это, очевидно, одна из баз «хирургов». Высаживаться здесь не стоило, хотя у Жданова и мелькнула мысль воспользоваться чужим летательным аппаратом. Тем более что никого живого внизу у построек он не заметил.

Повернув голову, он встретил взгляд Ясены и невольно улыбнулся. Они с девушкой напоминали сейчас ангелов, разглядывающих землю, просунув головы сквозь хрустальный свод небес. Кивнул на строения у замка.

— Видишь?

— Вижу. Они... неприятные.

— Вот бы захватить ту блестящую штуковину возле мачты.

— Зачем?

— Судя по всему, это машина для преодоления пространств. Путешествовать в ней удобней, к тому же наши враги не сразу догадаются при встрече, что внутри их машины сидим мы.

— Тогда давай захватим.

Павел понаблюдал некоторое время за территорией базы, все больше убеждаясь в том, что она пуста, и наконец решился на ее штурм.

Они прыгнули вниз с двухсотметровой высоты «неба», поддерживаемые полями темпор-коконов, опустились по другую сторону замка и принялись осматриваться, внезапно

осознавая, что замок имеет форму гигантской многолапой твари, наподобие той, которую Павел видел совсем недавно у груды камней.

— Святой Род, — прошептала Ясена. — Какая же нечисть здесь жила! Смотреть жутко!

Глядя снизу вверх на стены замка, копирующие форму каракатицы, Павел тоже подумал о его обитателях, затем краем глаза заметил какое-то движение сбоку и, не задумываясь, толкнул девушку под защиту рухнувших с крыши блоков. В стену, напротив того места, где они только что стояли, с резким визгом ударил огненный клубок, раздробив с десяток нижних блоков и плит и проделав в них глубокую многометровую нишу.

— Ты что?! — гневно выдохнула Ясена, не сразу сообразив, в чем дело.

— Я ошибся. Здесь нас либо ждали специально, либо оставили охрану, которая заметила наше приземление. Придется отступить. Следуй за мной и делай все, что скажу.

Павел высунулся из-за камня и тут же спрятался обратно. Следующий выстрел неведомого охранника пришелся на каменный блок и разнес его в щебень. Не дожидаясь повторной атаки, Павел втиснул Ясену в щель, расколовшую стену замка в давние времена, влез туда сам.

Щель была, скорее всего, следствием землетрясения. Поначалу узкая, она вскоре расширилась и, хотя неведомый враг продолжал обстрел — в спину Павлу с грохотом шибанула волна мелких камней, пыли и дыма, — не давая возможности уничтожить беглецов, вывела их в одно из помещений замка.

На ощупь в темноте двигаться не хотелось, поэтому Павел немного подождал, приводя организм в состояние паранормального видения, и лишь потом, разглядев комнату с какими-то незнакомыми предметами, двинулся к двери, придерживая Ясену за локоть. Однако та вдруг выдернула локоть и сказала, что хорошо видит в темноте. Вероятно, как многие россины, ее соплеменники, становившиеся впоследствии волхвами, девушка обладала экстрасенсорным восприятием.

Дверь, каменная, толстая, в узорах непонятных письмен, была заперта, и Павлу пришлось пробивать в ней выход ме-

чом. Вырезав круг и вышибив его наружу, он выглянул в отверстие, увидел квадратный в сечении коридор, внутри которого мог свободно уместиться модуль серии «коракл», и выпрыгнул на его каменный потемневший пол. За ним выскользнула Ясена, и в ту же секунду в стену помещения с гулом и визгом ударил огненный вихрь. Преследователи не теряли времени даром и почти настигли беглецов.

— Бегом! — подтолкнул девушку в глубь коридора Павел. — Я их задержу и догоню тебя. — Встал за отверстием, вырезанным в двери, сжимая в руке меч.

Послышалось дробное цоканье многих ног, от которого завибрировал пол коридора, затем затрещала дверь, рассыпаясь грудой обломков от тяжелого удара, в проеме двери показалась кошмарная металлическая сколопендра, родственница той, что погибла в бою с черным всадником, разве что поскромнее в размерах. Это явно был робот-охранник, запрограммированный на уничтожение непрошенных гостей.

Глаза монстра, стебельчатые, с крупными фасетками, метнулись в сторону замершего Павла, черное дуло в бахроме шипов, торчащее в плече чудовища, повернулось в его сторону, но меч Павла был быстрее.

Взмах — и грозное оружие сколопендры отделилось от ее туловища вместе с частью плеча. Еще взмах и еще, и на пол упали чисто срезанные органы зрения и две передние лапы, протянувшиеся было к противнику. Последним ударом Павел отрубил сколопендре треть головы и ринулся вслед за Ясеной, увидев еще двух киберов, ворвавшихся в комнату вслед за первым. Сражаться с ними на равных он бы не смог.

Видимо, он повредил сколопендре энергобатареи, потому что она спустя несколько секунд взорвалась. Ударная волна толкнула Павла в спину, но вреда не нанесла, зато взрыв задержал двух собратьев сколопендры. Когда они выбрались в коридор, беглецы уже выбегали из распахнутых ворот замка, смотрящих прямо на базу «хирургов». Картина, открывшаяся взору, запечатлелась в памяти Павла со всеми деталями, но мозг автоматически выделил главные: двух сколопендр у дальнего угла замка, стерегущих противоположную стену, двух у ангара и шестилапого обезьянозмея возле чашевидной антенны.

На миг все застыли — и люди, и чудовищные твари.

Затем глаза Павла зафиксировали еще две детали: зависший над обломками колоннады замка (ноги-щупальца каракатицы), совсем рядом, черепаховидный перемещатель бровей Мимо, его самого, стоящего неподалеку в своем пластинчатом металлическом плаще и шлеме, — и у Жданова мгновенно созрело решение.

Он буквально швырнул Ясену к панцирю перемещателя, прыгнул к бровею и приставил к его груди острие сильнее засветившегося меча.

— Прошу прощения, господин Мимо. Но нам необходимо воспользоваться вашим перемещателем. Не будете ли вы так любезны...

Сколупендры выстрелили все одновременно. Однако, вопреки опасениям Жданова, их залп не достиг цели! Четыре клубка пламени ударились о землю, не долетев до бровей и Павла, срикошетировали и врезались в стены замка и в зеркальную чечевицу летательного аппарата базы, заставив шестилапа плясать.

Затем еще один огненный вихрь проделал дымящийся шрам в холмике, над которым висел перемещатель бровей, но Ясены не достиг, она уже вползала внутрь «черепашьего панциря» сквозь круглое отверстие, протаявшее в его дне. Лишь один выстрел достиг цели: язык огня вонзился Павлу в спину и... бесследно погас, растаял, не причинив ему вреда. Скорее всего, это снова сработал защитный кокон трансгресса, спасая жизнь своему владельцу. Однако размышлять на эту тему было некогда, сколупендры готовы были повторить залп.

— Не будете ли вы так любезны... — вовсе не любезным тоном начал Павел.

— Хорошо, — с неким удивлением глянул на него представитель бродяжьего племени, появившийся в этом месте как нельзя более кстати. — Уступаю силе. Идемте.

Он повернулся и в одно мгновение перенесся к своему пластинчатому кораблю.

Павлу пришлось догонять его в темпе, потому что охрана базы снова начала стрелять, удивительным образом ухитряясь мазать или попадать друг в друга. Павел нырнул в люк вслед за бровеем, и тотчас вокруг сгустилась темнота, в тело

хлынула странная тяжесть, как от перегрузки, сменилась невесомостью: перемещатель Мимо стартовал.

Глава 3

Вряд ли движение перемещателя можно было назвать полетом. Он стремительно двигался в среде, которую невозможно было считать воздухом, туманом, пылью, атомарной взвесью и даже вакуумом. Континуум «засыхающей» Ветви давно перестал быть многомерным и неумолимо таял, изменялся, превращался в ничто. А сколько времени ему оставалось до окончательного распада, не знал никто, даже бровей Мимо. На вопрос Павла об этом хозяин перемещателя ответил вопросом:

— О каком, собственно, времени идет речь?

Павел обменялся взглядом с притихшей Ясеной, задумался.

В рубке перемещателя (если можно было назвать таковой центральное помещение аппарата, похожее скорее на больничную палату какой-нибудь земной клиники) установилась тишина. Перемещатель продолжал двигаться, а может быть, стоял на месте или плыл по инерции, но ни один признак не указывал на его движение. Бровей Мимо, усадивший гостей в глубокие, не очень удобные и не очень мягкие кресла, сел сам и стал рассматривать людей сквозь отверстия в шлеме. Он явно никуда не торопился.

Решил не торопиться и Павел. Со времени их выхода из трансгресса прошло часов десять, по его внутренней оценке, и отдых с чаепитием или даже с легким обедом не помешал бы.

Словно угадав желание гостя, Мимо хлопнул в ладоши, и тотчас же на столе, с виду дубовом, тяжелом, в серебряной окантовке, появились дымящиеся металлические кастрюли, тарелки, ложки, ножи, вилки.

— Обедайте, — прозвучал бесстрастный голос бровей. — Надеюсь, вам понравится моя кухня. Заказ чисто земной. Я бывал в ваших краях и знаю обычаи. Хотя у вас мне не понравилось. Слишком много зелени.

— Каждому свое, — хмыкнул Павел, не торопясь разливать по тарелкам дымящееся варево. Но, увидев голодный

блеск в глазах Ясены, решил с обедом не тянуть. Неизвестно было, когда еще им удастся пообедать в спокойной обстановке. Налил сначала ей — по виду картофельный суп с кусочками куриного мяса, потом из той же кастрюли себе — оказался борщ! Подумал трезво: «Кажется, мы попали к магу. Интересно, он в самом деле испугался дриммера, допустив нас к кораблю, или это какая-то игра?..»

— Каждому свое, — согласился Мимо. — Дело в том, что я негуманоид и мне чужд ваш образ жизни.

— А с виду вы почти человек: две руки, две ноги, голова...

— С виду. На самом деле...

— Вы говорили — особь коллективного организма. Разум типа «роя», так?

— Скорее типа «стаи».

— Как «хронохирурги»?

— Приблизительно. Разница есть, но для вас она несущественна.

Павел пригубил ложку вкусно пахнущего борща, посмаковал, проглотил.

— Недурственно! Сами готовите или держите повара?

Бровей Мимо рассмеялся.

— Вы же понимаете, что все это иллюзия. Каждый из вас ест то, что представляет и хочет. Но уверяю вас, голодными не останетесь.

Ясена, усердно хлебавшая суп, недоуменно глянула на хозяина, потом на Павла, и тот успокаивающе кивнул ей:

— Ешь, все в порядке. Дядя шутит. Кстати, странник, зачем вы бродите по мирам Древа Времен? Ради чего? Какова цель? Причина? Или вы подобны саранче? Отдельно взятая особь саранчи не знает ни направления движения, ни цели. Стая — знает.

— Возможно, вы правы, воин, — не обиделся Мимо. — Хотя кое-какие побудительные причины, движущие нами, я мог бы назвать. Однако вы их, скорее всего, не поймете.

— Ну и ладно, — в свою очередь не обиделся Павел. — Индивидуалу от рождения трудно понять стаю, да еще с таким мощным интеллектуальным потенциалом.

— Вы правы и не правы, человек. Вы рождены индивидуумом, но в пределах стаи, ибо человечество по большому

счету — стая! Вы просто еще не достигли стадии объединения.

— А-а-а... да-а-а?.. — не нашелся, что ответить, ошеломленный Павел. Доел борщ, положил в тарелки овощное рагу — себе и Ясене. — Теперь ответьте на конкретный вопрос: долго ли нам еще лететь в район, где «хронохирурги» строят Контрствол?

— Это зависит от вас, — насмешливо ответил бровей Мимо. — Время в данной Мета вселенной трехмерно, причем эта трехмерность является функцией ваших чувств. Это тот самый туман, окутывающий осколки мира. Местное время, медленно догорающее. Поэтому любое движение для вас может длиться мгновение или вечность, что никак не отразится на реалиях внешнего мира. Там все равно ничего не изменится... пока вы не заявите о себе.

— Что он сказал? — потребовала объяснить слова гостеприимного хозяина Ясена.

— Что мы находимся вне местных законов, как бы над ними, — задумчиво проговорил Павел. — И лишь тогда станем подвластными им, когда начинаем вмешиваться в жизнь Ветви.

— Но мы же внутри? Как это мы — вне?

— Мы сейчас представляем собой всего лишь виртуальный процесс, зародыш осуществления возможностей. Но в таком случае время здесь — весьма непростая материя.

— Bravo, воин! — более серьезным тоном откликнулся бровей. — Для индивидуальной клетки недоразвитой человеческой стаи и даже для исполнителя вы мыслите весьма адекватно. Время в данной вырождающейся Ветви есть ежеквантовый процесс рождения, пересечения и преобразования потоков информации. Мы с вами, кстати, тоже представляем собой потоки информации, только я владею процессом преобразования, а вы нет. Ну, или почти не владеете. Теперь я задам встречный конкретный вопрос: что вы хотите от меня?

Павел покосился на струящееся лезвие меча под рукой, отодвинул тарелку, налил в стакан прозрачной жидкости, отхлебнул — вода.

— Спасибо за обед, странник. Мне почему-то кажется, что вы не тот, за кого себя выдаете. Ну, или, скажем так, спектр ваших устремлений шире, чем вы говорите.

— Спектр устремлений стаи, безусловно, шире. Я же исполнитель ее воли.

— Я также считаю, — продолжал Павел, — что вы в курсе всех происходящих в Древе Времен событий. Позвольте задать еще парочку вопросов. Что вы знаете о «хирургах»? Или о Тех, Кто Следит?

Бровей Мимо неожиданно встал. Обстановка «больничной палаты» тотчас же свернулась, исчезли стол, обеденный набор, белые стены с мигающими окошечками, остались только кресла, в которых сидели гости. Не привыкшая к таким метаморфозам Ясена вскочила, уронив стакан, бесследно всосавшийся в пол. Встал и Павел, контролируя острием пылавшего меча каждое движение хозяина, понимая в то же время, что власть Мимо в его мирке безгранична.

— Вам пора, месье, — небрежно бросил бровей. — Я вам помог случайно, по внезапной прихоти стаи, не надейтесь на помощь в будущем. Могу лишь пожелать удач и, как это принято у вас говорить, ни пуха ни пера.

— К черту! — улыбнулся Павел, с любопытством разглядывая изменившуюся фигуру бровей: тот стал теперь похож на высохший скрученный ствол саксаула. — У меня ощущение, что вы чей-то родственник: либо «хирургов», либо Тех, Кто Следит. На ответ не рассчитываю, за гостеприимство благодарю. Хотелось бы, конечно, кое-что прояснить... например, я правильно понял ваш намек, что вы имеете постоянный контакт со своей стаей?

Вместо ответа бровей Мимо исчез, влился струей темной жидкости в пол, и сразу же неумолимая сила вышвырнула Павла и Ясену из недр перемещателя, так что они не успели ни словом перемолвиться, ни ухватиться друг за друга. Однако у бровей не было умысла разлучать их. Короткий полет-падение в тумане закончился стремительным пике обоих в атмосферу вывернувшегося ниоткуда пузыря, заключавшего в себе самый большой осколок местного мироздания, едва ли не равный по размерам планете. Во всяком случае, Павел успел разглядеть бесконечную равнину, холмы, горы, леса, настоящие реки и настоящую гладь моря, прежде чем грохнуться в какое-то ущелье и потерять сознание от удара.

Впрочем, в себя он пришел быстро, трансгрессовский темпор-кокон и на этот раз спас жизнь хозяину. Подхватился

на ноги, озираясь, встретил взгляд широко раскрытых глаз Ясены, еще затуманенных ударом, и облегченно перевел дух.

— Святой Род! — певуче проговорила потрясенная девушка. — Он хотел нас угробить!

— Наоборот, спас, — возразил Павел, вспоминая ландшафт мира, куда десантировал их странник по мирам Древа Времен. — Пока падала, ничего не заметила?

— Как можно заметить, если все падение длилось один зырк?

— Что, зырк?

— Ну да, это когда мигаешь...

— Понятно. Так вот, мадам, я успел заметить несколько любопытных вещей. Где-то слева от нас, на равнине, располагается здание хроноускорителя, такое же, как в твоём мире, разве что более разрушенное. Во-вторых, вокруг него когда-то разыгралось сражение и теперь там кладбище. В-третьих, в предгорьях что-то сверкает и движется, там, очевидно, база наших врагов. Ну а на берегу моря, в трех-четырёх километрах от Ствола, виднеется явная строительная площадка. Там и возводят свой Контрствол «хронохирурги». Так что бровей Мимо не ошибся, выбросил нас где надо.

— Когда ты успел все разглядеть? — изумленно хлопнула ресницами Ясена. — Мы же падали всего один...

— Зырк, — засмеялся Павел. — Но твой зырк не равен моему. — Посерьёзней. — И все же, как бы мы быстро ни падали, нас могли засесть. Уходим отсюда.

— Куда?

— Туда, где нас меньше всего будут ждать, — к Стволу. Прятаться там опасно, почти невозможно, именно поэтому мы туда и пойдём. Ты готова?

— Готова, князь! — бесстрашно ответила Ясена.

Павел шагнул к ней, наклонился и нежно поцеловал в заалевшую щеку.

Ущелье, в которое они вонзились, словно две пули в мишень, оказалось с сюрпризом.

Так как выбраться из него по крутым стенам не представлялось возможным — ни альпснаряжения, ни антигравитационных поясов, ни абсолютных липучек у них не бы-

ло, — Павел решил пуститься вдоль ручья с густо-синей водой к выходу из ущелья. По расчетам до его устья от места падения оставалось не более двух километров.

Шли быстро, почти бежали, зорко посматривая по сторонам на слоистые буро-коричневые, с белыми полосами стены, на выцветшее белесое небо, не забывая и о паранормальном восприятии. Изредка в стенах ущелья появлялись отверстия пещер, но из-за опасения пропустить возможную погоню Павел исследовать ни одну из них не захотел, пока не увидел гигантский треугольный разлом, в котором свободно могла уместиться пирамида Хеопса. Почувствовав толчок крови в голове, Павел резко остановился, поднимая руку. Ясена послушно замерла, приведя лук в боевое положение.

Напрягаясь до боли в висках, Павел попытался разглядеть глубины разлома и ясно увидел контур исполинского кентавра. С облегчением расслабился, подозвал Ясену:

— Пошли посмотрим поближе.

— Кто там? — прошептала девушка.

— Конь черного всадника, которого ты видела дважды: у вас в лесу и недавно, когда он выглядывал с небес одного из здешних мирков. Только этот конь раза в три больше.

— А он нас не...

— Не тронет. Хронорыцари на нашей стороне.

— Хроно... цари?

— Мы называем черных всадников хронорыцарями. Они наши союзники.

Обогнув россыпи камней и более крупные скальные обломки и выступы, они приблизились к зеву пещеры, окунулись в ее тень, остановились, глядя на гору кентавра, из «человеческого» торса которого вместо головы торчал слабо светящийся фиолетовый рог. Чувствовалось, что «конь» жив, полон энергии и видит их, но реагировать на людей он не спешил, с безграничным терпением ожидая своего повелителя.

— Интересно, что он тут делает? — задал Павел вопрос самому себе. — И где сам всадник? Погиб? Ушел на разведку?

— Ты говорил, что видел поле боя. Может, этот железный демон удрал оттуда и стоит со времени битвы?

— Все может быть. — Павел задумчиво оглядел круп кентавра, прикидывая его высоту — метров двадцать — и возможность взобраться. — Знаешь, у меня возникла хорошая идея...

— Ни за что! — отшатнулась Ясена, сразу поняв замысел спутника. — Он нас в пыль сотрет! — Насупилась, заметив веселый блеск в глазах Жданова. — К тому же он нас не слушается...

Павел молчал, продолжая прикидывать план действий.

— Его сразу увидят, мы не успеем и шагу ступить, — продолжала девушка.

Павел молчал, окончательно утверждаясь во мнении, что план действительно хорош.

— Да боюсь я этого черного демона! — уже с отчаянием выпалила Ясена, отступая ближе к выходу.

— Я тоже побаиваюсь, — рассмеялся Павел. — Успокойся, мы не собираемся использовать его в качестве коня. А вот выпустить в качестве танка ради отвлекающего маневра попытаться можно.

— Так он нас и послушается, — фыркнула мгновенно успокоившаяся россинка. — Как ты собираешься приказать ему двигаться в нужном направлении?

— Да есть кое-какие соображения... — Павел не стал объяснять Ясене, что надеется на помощь дриммера. — Пусть пока стоит здесь. В нужный момент мы его активируем.

Они вышли из пещеры в ущелье, снова побрели вдоль ручья с удивительной синей водой.

Ущелье постепенно расширялось, мельчало, стены его опускались, пока не превратились в клыкастые валы, в цепочку каменистых холмов, а еще через километр ручей привел разведчиков к угрюмой, в длинных черных шрамах, глинистой долине, где когда-то произошла битва титанов, сторонников Тех, Кто Следит, с войском «хронохирургов».

Молча смотрели Ясена и Павел на гигантские воронки, трещины, вставшие дыбом пласты пород, на разбитые остовы каких-то машин, полусгоревшие, вплавленные в почву корпуса летательных аппаратов, коробчатые руины зданий, туши кентавров, торсы хронорыцарей, глыбы обезьянозмеев, колоссальные, жуткие, апокалиптические фигуры драконов,

гротескно увеличенные многосегментные членистоногие тела насекомых, несущих печать беспощадной жестокости, воплощения вселенского зла...

Видя, как бледнеет лицо Ясены, Павел осторожно встряхнул ее за плечи, заглянул в глаза, передавая импульс успокоения.

— Держись, девочка. Они лежат здесь давно и никому уже не угрожают. Глотнешь водички?

Ясена помотала головой, зябко вздрогнула, зажмурилась, ткнулась лбом в грудь Павла, потом отстранилась.

— Святой Род! Никогда не думала, что увижу такую жуть! За что они дрались?

— За жизнь, — подумав, ответил Павел.

— За жизнь?! И при этом убивали друг друга?!

— Девочка, каждый из них был убежден, что прав именно он. Разве в твоём мире не бывало так, что враги яростно отстаивали одну и ту же идею? Только понимали они эту идею по-разному?

— У нас такого не было. — Ясена вздохнула. — Я не помню. Но то, что ты сказал, — страшно!

— О да, — согласился Павел. — Но так уж устроен наш мир... и многие, многие его копии. Вот что, малыш. Подожди-ка меня здесь. Я смотаюсь на то поле и кое-что поищу. А ты пока отдохни.

— Я не устала.

— И все же придется остаться. Вот ниша, заползай и жди. Я вернусь скоро.

Павел помог девушке устроиться между двух каменных глыб, наметил путь и припустил зигзагом от одной воронки до другой, от одного поверженного великана до другого. Через минуту он скрылся из глаз Ясены.

Девушка выставила перед собой лук, наложила на тетиву стрелу и стала ждать, больше всего на свете желая проснуться!

Глава 4

Он не особенно надеялся найти на кладбище титанов что-либо полезное для себя, скорее победило желание почувствовать «запах битвы», ощутить ментальные следы но-

сителей зла и носителей добра — как он себе их представлял. И Павел не разочаровался в своих ожиданиях. Следов было много, хотя битва произошла, судя по всему, много лет назад — если в этом мире время можно было измерять, разбивать на метрические отрезки и судить об их продолжительности. Правда, и здесь ему не удалось установить, на чьей стороне осталась победа. Не потому, что в равной степени погибли воины с той и с другой стороны, а потому, что Павел не смог определить принадлежность половины лежащих здесь гигантов. Ни одного из них он раньше не встречал, а по внешнему виду отличить слуг «хирургов» от союзников Тех, Кто Следит, в большинстве случаев было невозможно.

И все же Павлу удалось сделать маленькое открытие.

В битве участвовали не только негуманоиды и их машины, обликом напомилавшие монстров человеческого горячечного бреда, но и люди со своими кибернетическими помощниками, среди которых Павел с удивлением узнал эсперов — летающих «скатов», защитников Ствола, и конкистадоров, киберов обслуживания хроноускорителя. Правда, размеры их намного превышали размеры земных прототипов, что заставляло задумываться о причинах явления. Во время путешествия по Стволу Павлу уже приходилось сталкиваться с эффектом гипертрофированного увеличения форм знакомых предметов. Подобный эффект, очевидно, сработал и здесь, недаром остатки Ствола находились недалеко отсюда.

Павел обошел гигантскую тушу паука-конкистадора высотой с многоэтажный дом, с лапами, увязшими в обожженной и спекшейся глине, дотронулся до глянцево-черной шпору на одной из лап и отшатнулся, не сразу сообразив, что произошло. Показалось, что гигантский паук вдруг бесшумно лопнул и выплюнул другого паука, в полсотни раз меньше. Лишь приглядевшись, Павел понял, в чем дело. Просто гигант скачком приобрел естественные размеры, оставаясь неподвижным, вплавленным в почву и мертвым. О причине такой мгновенной трансформации можно было только догадываться, потому что прикосновение Жданова не могло породить эффект сжатия.

Впрочем, почему нет? — пришла мысль. А если в этом месте наложились законы — местной физики и чужой, за-

ставляющей Метавселенную «засыхать», сжиматься? Битва произошла давно, и в те времена эти твари имели именно такие — гигантские — размеры. В нынешнее же время изменились, наверное, все константы, законы взаимодействия, атомы и элементарные частицы сжались, природа мира «усохла», и лишь пришлые объекты, принадлежащие другим Метавселенным, остались нетронутыми. На них закон «усыхания» действовал не столь сокрушительно.

Павел добрался до очередного гиганта, не забывая поглядывать по сторонам и вверх, на небо, и дотронулся до гладкого бока огромной черепахи с розовыми антеннами, омерзительно живыми даже в таком состоянии хозяйского тела.

Эффект сжатия проявился тут же, словно удар дубиной по голове. Громадный купол из тусклого серо-голубого металла, каким виделся остов черепахи, исчез, оставив на своем месте раздавленную двухметровую опухоль. В свое время эти автоматы неизвестного назначения кишмя кишели на многих горизонтах Ствола.

Следующей была гигантская стометровая тварь, соединявшая в себе черты ежа, червяка и крокодила, вспоротая по всей длине каким-то грозным лезвием. Сжавшись раз в десять, она не перестала производить впечатление злобной силы и целеустремленной жажды крови, как это бывает у земных овчарок, специально тренированных для охоты за людьми. Вполне могло быть, что и этот червеежекродил служил своим хозяевам в качестве цепного пса.

Увлечшись, Павел превратил в «гномов» еще с полдюжину чудовищ, в том числе и лежащего ничком хронорыцаря, пока не почувствовал вдруг дуновение холодного ветра. Замер. Впечатление было такое, будто его накрыла и глянула на него ледяными волчьими глазами злобная черная тень. Догадка кольнула сердце тревогой, заставила оглянуться вокруг в пси-диапазоне. И Павел все понял. Если бы это помогло, он отвесил бы себе пощечину!

Его упражнения по трансформации мертво застывших воинов обеих ратей не остались незамеченными сторожевой системой «хирургов». Она почувствовала или увидела изменение ландшафта и, не зная причины явления, послала группу проверки. И эта группа (человека четыре или не человека,

но живых существа, как отметил для себя Жданов) высади-
лась именно там, где он оставил Ясену.

Беззвучно выругавшись, Павел помчался назад и добрал-
ся к месту, где его ждала юная россинка, в тот момент, когда
группа проверки праздновала победу, захватив Ясену.

Экстравидение Павла не подвело, он оценил потенциал
врага правильно.

Группа насчитывала четверых существ: двое — люди,
двое — гуманоиды, но далеко не человекообразные. Узкие,
сдавленные у висков головы, белые лица, сдвинутый вперед
череп, клювообразный рот, носа нет совсем, остроконечные
уши прижаты к голове, поросшей серебристым мехом. Две
руки, две ноги, узкие плечи и выгнутая дугой спина. Одеты в
черные комбинезоны со множеством выпуклых полос и жил.

Аборигены? Или тоже пришельцы, жители одной из бес-
численных Земель одной из несметного количества Ветвей
Времени со сходными условиями существования?

Оружия у гуманоидов Павел поначалу не заметил, зато
их спутники-люди были вооружены неплохо: в плечевых
турелях отблескивающих металлом костюмов торчали ство-
лы каких-то лучеметов, а в руках могучие телом мужчины,
старый и молодой, держали устрашающего вида карабины,
напоминающие ракетные ружья «дракон». Шлемов на них
Павел не увидел, из чего сделал вывод, что дышать воздухом
этого мира можно. Это его немного утешило, потому что
запасы темпор-коконов когда-нибудь должны были кончить-
ся, и было бы нелепо оказаться при этом в вакууме или в
ядовитой атмосфере.

Прилетела вся четверка на незнакомом летательном ап-
парате, имеющем вид крестообразной трубы: три конца это-
го креста заканчивались прозрачными вздутиями кабин, а
четвертый светился вишневым цветом, раскаленный до вы-
соких температур. Посадили его охранники базы «хирургов»
на приличном расстоянии от долины-кладбища и скал, где
пряталась Ясена, в угрюмом черно-зелено-рыжем лесу, де-
ревья которого походили больше на гигантские шары пере-
кати-поля.

Павел не нашел бы аппарат, если бы не знал, что искать,
к тому же он сейчас находился в более выгодном положе-
нии, нежели его противники: метров на десять выше, на

склоне вала, с которого начинался спуск в долину. Отсюда лес был виден как на ладони.

Захватив Ясену, четверка после непродолжительного спора и яростной жестикуляции разделилась. Гуманоиды в черном двинулись к долине, как раз в том направлении, где за камнями затаился Павел, а люди повели упиравшуюся пленницу к лесу.

«Спасибо, ребята! — беззвучно прошептал Павел. — Вы облегчили мне задачу».

Нелюдей в черном он обезвредил быстро и просто, зайдя им в спину. Без всяких колебаний первого развалил мечом до пояса, а второго сбил с ног ударом ноги в висок. Правда, чужак тут же вскочил, жилистый и гибкий, ошетинился весь, как еж, сотней длинных шипов, растопырил руки и бросился на Павла, который наконец понял, почему гуманоиды в черном не носили оружия. Вероятно, они были потомками гигантских дикобразов, так как все тело у них оказалось прикрытым острыми шипами-иглами, что Павел принял за черные комбинезоны, а пальцы рук и ног выпускали не менее острые, разве чуть покороче, лезвия когтей, способные рассекать камень.

Впоследствии выяснилось, что они были вооружены и огнестрельным оружием, укрепленным на поясе под шипами, однако оставшийся в живых «человек-дикобраз», будучи уверенным в своем превосходстве, оружие это, похожее на лазерный излучатель, применять не стал.

Увернувшись от объятий «дикобраза», Павел снес ему голову дриммером и поежился, когда тот в агонии начал кататься по склону холма и каждым ударом рук с лезвиями когтей крушить камни на мелкие осколки. Сняв с него короткоствольный, с необычной рукоятью пистолет-излучатель, Павел прислушался к звукам, долетавшим со всех сторон, ничего тревожного не услышал и рванул к лесу, обходя идущих к своему аппарату охранников.

Он успел вовремя.

Устав от сопротивления пленницы, один из охранников — старый, морщинистый, бочкообразный — ударил ее кулаком по голове, перекинул потерявшую сознание девушку через плечо и ускорил шаг. Его напарник — молодой, крупнотелый, с мясистым бритым затылком и рыхлым бледным лицом — что-то начал втолковывать ему на ходу, делая

вполне понятные жесты. Похоже, он убедил старого, потому что тот вдруг сбросил Ясену на землю, плюнул и, сняв с пояса плоскую зеленую флягу, подставил рот под струйку янтарной жидкости.

Молодой бросился к привставшей Ясене, начавшей приходить в себя, стал срывать с нее куртку, повалил, придавил коленом, ударил по лицу. И в этот момент в действие вступил Павел.

Близко подобраться к противнику он не сумел, деревья стояли редко, а крупных камней в лесу было мало, поэтому пришлось переходить на скорость сразу же, как только он обнаружил себя.

Старик обладал неплохой реакцией и выстрелил на звук, когда до Павла оставалось по крайней мере еще двадцать шагов. Время для Павла почти остановилось, и он видел все как в замедленной видеосъемке: шевельнулась турель лучемета на плече, выискивая цель, — стала опускаться фляга — голова старика начала медленно поворачиваться — выстрел (вспышка лилового света) — голова еще немного повернулась, на Павла глянули бесцветные, блеклые, почти белые глаза, еще выстрел — и только теперь брошенный Ждановым меч нашел горло врага и вспорол его вместе с защитным воротником, как лист бумаги.

Молодой не сразу сообразил, что происходит, а когда вскочил на ноги, Павел был уже рядом.

Неизвестно, почему молодой человек не применил оружие, срабатывающее от звуковой или мысленной команды. По-видимому, он просто забыл о его существовании. Да и Павел не вспомнил о лазере, отнятом у чужаков, и о своем мече. Он был налит темной яростью и думал лишь о наказании, даже не об опасности или возможном провале миссии.

Парень умел драться. Он владел той самой разнообразностью рукопашного боя, что и Лаэнтир Валетов, которую волхв Род назвал тэнгресити-боем. Ускользал от атак он просто классно, с виду не прилагая никаких усилий, одновременно успевая доставать Павла из немыслимых положений, все время грозя выколоть ему глаза или пробить горло.

Павел с трудом приспособился к этой манере боя, его спасала только скорость, темповые блоки и уклонения да еще великолепное чутье приема. Однако он понимал, что,

если противник опомнится и выстрелит, шансов победить его не будет, поэтому Павел начал готовить сложную комбинацию, известную в русбое под названием «танграм»*, пустил ее в ход, нарочно подставившись под удар.

Костяшки пальцев молодого бойца коснулись виска Павла, вспышка боли на мгновение выбила из него сознание, но тело продолжало работать в прежнем ритме и действовать в соответствии с разработанной комбинацией.

Пальцы левой руки Жданова сомкнулись на запястье нанесшей удар руки особым образом, повернули ее и нажали, ломая. Одновременно раскрытая ладонь правой руки резко, как поршень, ударила в лоб парня, оглушая его, отбила на возврате удар левой руки противника и вернулась обратно, вырывая гортань клювообразным шипком-ударом.

Мастер тэнгресити-боя отлетел назад, схватился за горло, из которого фонтаном хлынула кровь, согнулся, затем вдруг повернул голову к Павлу, и турель с лучеметом на его плече плавно развернулась в сторону безопасника, глянув зрачком дула в лицо.

Долго-долго они смотрели друг на друга, все прекрасно понимая (на самом деле прошло не более двух десятых секунды!). Затем что-то произошло, турель с оружием внезапно соскочила с плеча «санитара», плюнула огнем — мимо... И лишь после этого Павел понял причину этого соскока — дриммер! Ясена успела добраться до меча, зайти сбоку и срубить лучемет вместе с держателем и плечом врага, едва ли понявшего, что случилось. Парень упал, скорчился и остался недвижим.

Павел перевел дыхание, подошел к Ясене, отобрал меч, глянул на ее лицо, увидел слезы в глазах, боль и радость, криво улыбнулся.

— Все в порядке?

С рыданием Ясена повисла у него на шее, прижалась всем телом, затихла. Прошептала еле слышно:

— Никогда не оставляй меня одну!

— Хорошо, — шепнул ей в ответ Павел, к своему удивлению, замечая, что ему весьма приятно обнимать девушку и

---

* *Танграм* — китайская головоломка; искусство собирать фигурки из разрезанного на восемь разных геометрических фигур квадрата.

что его это волнует. Отстранил ее от себя, вытер мокрые дорожки слез на щеках.

— А теперь бегом отсюда! Сейчас сюда наверняка примчатся другие плохие люди... — Павел не договорил.

С шипением над ними пролетел диковинный аппарат, слегка напоминавший первый, но гораздо крупнее и сложнее. По форме он представлял собой двойной крест, каждая перекладина которого на концах раздваивалась, а ответвления заканчивались, в свою очередь, двумя выпуклыми прозрачными фонарями с сидящими внутри десанниками. Кроме того, из дна основной трубы креста торчали полусферы с рогами, и точно такой же рог вырастал из головной части трубы.

Назначение рогов выяснилось тут же, когда летающий крест вернулся. Едва люди успели спрятаться под деревом, как с рогов зависшего над телами охранников аппарата сорвались фиолетовые молнии и вонзились в землю, расплескав ее, как воду, застывающими мгновенно воронками. Стрелки били просто по площади, не зная, в каком месте прячутся беглецы, но рано или поздно они должны были проутюжив весь лес, расстрелять дерево, под которым стояли Павел и Ясена.

Крест начал двигаться по разворачивающейся спирали, поливая землю под собой ручьями фиолетового и голубого пламени. Поразмыслив над ситуацией, Павел принял решение.

— Как только я начну стрелять, беги изо всех сил! Беги к первому кресту, с молодчиками которого мы познакомились, он здесь недалеко, в сотне метров. Поняла?

— А ты?

— Я отвлеку их, а потом обязательно тебя догоню.

— Нет!

— Беги, я сказал!

— Только с тобой. И не возражай! Или пробьемся вместе, или... — голос Ясены дрогнул, упал до шепота, — или вместе погибнем.

Секунду Павел выдерживал ее возмущенно-воинственный и в то же время умоляющий взгляд, потом потрепал по щеке и поднял отнятый у «дикобраза» лучемер.

— Выстрелю — беги, я за тобой.

Ясена кивнула, пригнулась — сжатая пружина, юная, сильная, грациозная представительница своего племени, и Павел поклялся во что бы то ни стало спасти ее от смерти.

Но стрелять и бежать им не пришлось.

Сквозь шипение летающего креста, треск огненных разрядов и тупое буханье при попадании разрядов в землю слышался вдруг приближающийся тяжелый топот, от которого сотрясалась земля, и тотчас же стрельба сверху прекратилась. Крест остановился, начал было косо подниматься к горизонту, и тут его настигла ярчайшая зеленая молния, мгновенно расплавившая часть центральной трубы. Второй сполох зеленого огня деформировал первую перекладину креста, летающая машина с хриплым стоном пошла вниз, обрушилась на лес всей многотонной массой. Раздался удар, хруст, визг раздираемого металла, неяркая багровая вспышка и взрыв. Ударная волна швырнула обнявшуюся пару о корни-стволы дерева, и все стихло.

— Что это было? — округлила глаза Ясена.

Павел отпустил ее, выбрался из-под массы ветвей и увидел над лесом угрюмую черную фигуру хронорыцаря. Девушка выбралась следом, ойкнула, спряталась за спину безопасника, беззвучно произнесла привычное: «Святой Род!»

Черный всадник на своем гигантском кентавре приблизился, показался между деревьями и направился прямо к стоящему в расслабленной позе Жданову. Остановил кентавра, спрыгнул на землю, увязнув в ней по щиколотку. Горизонтальный его глаз-щель налился красным светом, словно он силился получше рассмотреть человека напротив. Затем раздался гулкий грохочущий голос:

— Павел Жданов?

— Он говорит по-россински! — изумилась сзади Ясена.

— Вы не ошиблись, — поклонился Павел. — А кто вы?

— Тот, кто ждал тебя здесь.

— Эмиссар Тех, Кто Следит?

— Называй их как хочешь. Приказывай. Я, исполнитель воли моих создателей, обязан выполнить все, что ты прикажешь.

— Давно меня ждете?

— Я не понимаю, что такое «давно». Для меня такого понятия не существует.

— Хорошо, не будем выяснять смысл спорных понятий. Ответь на конкретные вопросы. Какова численность «санитаров»... э-э... тех, кто строит Контрствол?

— Живых — около трех сотен, мертвых — более тысячи.

— Мертвых?! — вздрогнула за спиной Павла Ясена.

— Он, наверное, имеет в виду киберов, механических существ, специальные такие машины. А сами «хронохирурги» здесь есть?

— Ожидается посланец того, кого ты называешь «хронохирургом». Сам он по отношению ко всему происходящему в наших Ветвях — существо-процесс, точнее, самоорганизующаяся реальная последовательность нереального процесса.

— Не понял! Поясните, что имеется в виду.

— Человек Жданов, я не обладаю достаточным словарным запасом твоего языка, поэтому на все вопросы ответить не смогу. Довольствуйся тем, что я уже сказал: «хронохирург» — разумный процесс.

— Почему ты называешь его в единственном числе?

— Потому что существует не множество «хронохирургов», а всего один — разумная диффузно-локальная система типа «грибницы».

Павел недоверчиво сощурился.

— Не путаешь? Мне говорили, что «хирург» — система типа «стаи».

— Терминальная разница несущественна. Человек, пора выполнять задачу. Сюда направляется эскадрилья охраны периметра. Можешь не успеть.

Павел оглянулся на Ясену.

— Что посоветуешь?

Взмах ресниц-опахал, радостно-удивленный и обрадованный — доверили совет! — взгляд, запылавшие щеки. «Ах, ребенок мой милый!..»

— Пробиваться к Горе... то есть к Стволу!

Павел думал всего несколько мгновений.

— Лучшего все равно не придумать. Эй, как там тебя... имя есть?

— Я искусственное существо, псевдо, порядковый номер...

— Буду называть тебя Рыцарем. Сажай нас на круп своего коня и — рысью к Стволу. Там высаживаешь нас и уходишь в горы. Понадобится помощь, я найду способ связи.

— Рациональна лишь первая часть задачи, отступление нерационально. Я все равно буду уничтожен. Предлагаю после вашей высадки устроить атаку на Контрствол для отвлекающего маневра.

Павел колебался недолго.

— Не одобряю, но выхода нет. Вперед, Рыцарь! Кстати, ты не в курсе, кто-нибудь из наших не прячется в Стволе? Сохранились ли работающие зоны с мембранами?

Черный всадник наклонился, посадил взвизгнувшую Ясену на спину кентавра, потом тем же манером устроил Павла, сел сам.

— Зоны сохранились. В одной из них тебя ждут.

— Кто?! Случайно не десантники из моей группы?

— Увидишь.

Рыцарь тронул «коня» с места и под раскатистый грохот копыт, не меняя аллюра, сбил один за другим два приблизившихся крестообразных аппарата. Впереди стал виден Ствол — серая колонна с иззубренной вершиной, до половины засыпанная обломками рухнувшей верхней части здания. А за ним, чуть правее, высился колоссальный черный, двуглавый, чешуйчатый пик, отбрасывающий чешуями алые и фиолетовые блики.

Глава 5

Привыкали к темноте недолго: оба не только умели быстро адаптироваться к любой обстановке, но и владели паранормальным видением, значительно расширявшим диапазон человеческого зрения.

Часа два блуждали по коридорам Ствола, с трудом пробираясь между глыбами рухнувших стен и потолка на первых трех этажах. Потом идти стало легче, срединная часть здания разрушена была меньше. Зато возрос риск обнаружения: Ствол охранялся со всех сторон, и даже внутри «санитары» оставили посты или установили видеокамеры следящей системы.

На девятом этаже, где должен был находиться реактор, подпитывающий силовой каркас здания, Павел заметил патруль и едва не совершил ошибку, решив напасть на него и

выбить все интересующие разведчиков сведения, но Ясена остановила напарника, мудро рассудив, что они еще не освоились в здании и не нашли убежища, куда могли бы спрятаться в случае погони.

Тогда поднялись на пятнадцатый этаж, где должен был находиться схрон Ствола со снаряжением, защитными костюмами и оружием. Однако этот горизонт здания выглядел как после сражения, по его коридорам ходить было трудно и опасно, и Павел понял, что здесь действительно произошла схватка между защитниками хроноускорителя и «санитарами» за обладание резервом.

— Придется искать выше, — со вздохом проронил Павел. — Существуют еще три пояса со складами — на тридцатом, сорок пятом и сотом этажах. Сотый, наверное, разрушен, а те два должны были сохраниться.

— Если только до ваших складов не добрались «санитары», — резонно заметила Ясена.

— Давай-ка отдохнем полчаса, поужинаем. Мы прожили еще один день по нашим внутренним часам.

— Только не здесь. Неуютно.

Они поднялись на пару этажей выше, выбрали помещение, набитое мягкими рулонами какой-то пленки, предварительно обыскав его, близлежащие комнаты и коридор на предмет обнаружения следящих видеокамер, и улеглись на тюках в разных углах помещения.

Павел снова вспомнил их бешеную скачку на кентавре хронорыцаря и ее финал.

Охрана базы «хронохирургов» спохватилась поздно. На перехват черного всадника были посланы всего три машины. Две из них хронорыцарь сбил, воспользовавшись своим грозным оружием, разновидностью плазменной пушки, а третья отказалась от атаки и кружила на безопасном расстоянии, пока всадник преодолевал расстояние от давнего поля битвы до Ствола — около полутора десятков километров.

Всадника пыталась остановить и гигантская металлическая сколопендра, выползшая навстречу из-за скопления скал недалеко от Ствола. Она устроила пальбу электрическими разрядами из множества выпуклых глазков, рассыпанных по всей голове и многосегментному телу, так что из-

за сверкания Павел практически ничего не видел. Но молнии кентавру и всаднику вреда не причиняли, поглощались их телами бесследно, а до людей не долетали, всадник закрывал их своей мощной грудью и торсом кентавра. Зато его ответный удар сколопендра не выдержала.

Добежав до монстра в короне молний, кентавр вонзил в нее свой светящийся рог и, продолжая двигаться, проделал борозду, разламывая, с визгом раздирая металлические пластины спины. Копыта его довершили разрушение чужой машины, расплющив ее по всей длине. Взорвалась она, истекая пронзительным желтым пламенем, когда всадник был уже в нескольких сотнях метров.

Охранники Ствола тоже попытались было помешать движению хронорыцаря и потерпели неудачу. Несколькими выстрелами он уничтожил двух черепах с антеннами-хлыстами, летательный аппарат наподобие земного куттера и рассеял отряд живых защитников здания, превратив в дым с десятков шипастых «дикобразов». После этого, почти не замедляя хода, он высадил Павла с Ясеной у входа в Ствол, уже не контролируемый никем, и устремил бег «коня» в сторону мрачной двуглавой, покрытой черной чешуей башни Контрствола, похожей издали на знаменитые земные соборы и церкви.

За него взялись всерьез, лишь когда он преодолел половину расстояния до Контрствола, призванного укротить хроноускоритель, уничтожить созданную им «струну» связи времен.

От черной горы Контрствола отделились три обезьяно-змея, затеяли с хронорыцарем дуэль, пока он не схватился с ними врукопашную. Все смешалось там, у подступов к зданию, в пламени, в дыму и пыли...

Чем закончилось сражение, Павел уже не увидел. Черный всадник сделал свое дело, отвлек внимание «санитаров» на себя; и следовало уходить, прятаться в здании Ствола, пока его охранники не опомнились и не начали осматриваться. Схватив Ясену за руку, Павел повлек ее за собой в темную дыру входа...

Ясена задала какой-то вопрос. Павел очнулся.

— Что? Извини, задумался.

— Можно я лягу ближе? Тревожно... и запах мешает.

— Укладывайся, — милостиво разрешил Павел.

Девушка легкой пташкой перелетела из угла в угол, устроилась на соседних тюках, затихла. Потом неожиданно спросила:

— А ты обжен?

— Как?

— Ну, очетован?

Павел не сразу сообразил, что девушка хочет знать, женат ли он. Ответил задумчиво:

— Нет.

— Правда? — Ясена привстала на локте, сомнение в ее голосе было неподдельным. — В твои лета уже пора.

Павел невольно улыбнулся.

— Тут ты, безусловно, права. Подрастешь немного, возьму тебя в жены. Пойдешь?

— Не знаю. — Девушка отодвинулась, долго молчала, поглядывая на него, потом придвинулась снова, легла рядом. — А обижать не будешь?

Павел засмеялся, мягко привлек Ясену к себе, поцеловал в щеку, потом в податливые полные губы, пообещал серьезно:

— Не буду.

Ясена робко обняла его в ответ и вдруг заплакала. Павел растерялся, не ожидая такой реакции, не понимая, чем обидел, что сказал не так, потом его озарило: Ясена вспомнила Владея. Разжал объятия, собираясь встать, но девушка не пустила, помотав головой, вцепившись в него сильней.

Прошло много времени, пока она успокоилась и затихла. Задышала легко и бесшумно. Пару раз вздрогнула. И уснула. Боясь разбудить ее, Павел лежал не шевелясь до тех пор, пока не уснул и сам.

Спали они часов пять по внутренним часам Павла. Позавтракали сыром и тоником из ждановской коробки НЗ, не вспоминая вечерние разговоры.

Потом Ясена снова отметила чужой запах в комнате, и Павел, который тоже его чувствовал, решил найти источник запаха. Что это были не тюки пленки, он уже убедился. Пленка пахла, но иначе.

Каково же было его удивление, когда под отдельно расположенным штабелем тюков он обнаружил люк, открывающийся вручную. Люк был явно самодельным и, судя по

впечатлению, старым. Никаких сюрпризов наподобие мин и других взрывных устройств он не таил.

Взявшись за ручку, Павел потянул крышку на себя, готовый в случае опасности отбить нападение или отступить, но ничего не произошло. Открылся темный колодец, пахнуло сложным букетом запахов, среди которых были незнакомые и знакомые — запахи пыли, ржавчины, пластика. Нащупав перекладины лестницы, Павел начал спускаться, совершенно не представляя, куда может вывести колодец. По его сведениям, на этом горизонте не было официальных и секретных убежищ.

Колодец оказался наклонным, он вел не в помещение этажом ниже, а в сторону внешней стены здания, имевшей в некоторых поясах толщину в три-четыре метра. Помещение, в которое он привел беглецов, напоминало узкий и длинный карман, оклеенный со всех сторон пленкой. Судя по глухоте, навалившейся на Павла, пленка обладала экранирующими электромагнитными и пси-поля свойствами, именно поэтому он не смог почувствовать пустоту в стене здания.

Карман, в котором царил абсолютная во всех смыслах темнота, оказался чьим-то складом. Кто его сделал, догадаться было невозможно, потому что здесь были собраны вещи, созданные в разных мирах.

Первым делом Павел на ощупь отыскал фонарь и включил его. Оглядел груды и штабеля разнообразного снаряжения, присвистнул. Склад имел все, что могло понадобиться для экипировки целой команды десантников: оружие — от метательных и прочих ножей до аннигиляторов и ракетных карабинов, запасы пищи в спецупаковке, защитные комплекты, спецкомбинезоны типа «кокос» и «уник», обычная одежда, обувь, альпинистское снаряжение, рации, медицинские боксы и аптечки и многое-многое другое. О назначении некоторых предметов Павел мог только догадываться. Было видно, что готовились хозяева склада тщательно и отбирали лучшее, что им давала наука и техника разных Ветвей. Не нашел Жданов только дриммеров.

— Чье это все? — прошептала Ясена, озираясь и чувствуя себя неуютно из-за потери сенсорного ответа.

— Хотел бы и я знать, — покачал головой Павел. — Кто собирал вещи из многих миров, но кому они предназначались, неизвестно.

— Я чувствую, что здесь кто-то был... недавно.

Павел кивнул, он ощущал то же самое.

— Бог с ним. Давай-ка переоденемся, коль уж нам так повезло, и вооружимся, пока не вернулся хозяин.

Он выкопал из горы одежды нижнее женское белье, выбрал «уник» с аппаратурой «хамелеона» и защитной экзоскелетной пленкой, бросил Ясене:

— Надевай, это тебе.

Девушка повертела в руках переливающееся перламутром белье, отодвинула в сторону.

— Это я надевать не стану.

— Как хочешь, — остался равнодушным Павел. — Но эти вещи очень красивые и модные, их носят все наши женщины.

— Я не потому... — Ясена вдруг рассердилась. — У нас такие не носят... и вообще, я не знаю, как их надевать.

— Могу помочь, — невозмутимо предложил Павел.

Ясена вспыхнула, окинула его уничтожающим взглядом, схватила белье и отошла в угол, за штабель небольших синих контейнеров с продовольствием.

— Не смотри сюда!

Павел улыбнулся, выбрал комплект одежды для себя и с удовольствием переоделся, испытывая настоящий кайф от соприкосновения кожи с чистым бельем.

— Готова?

Ясена вышла из-за штабеля и остановилась в смущении. Обалдевший Павел открыл рот, собираясь сказать, что молодые девушки не обязаны показывать нижнее женское белье незнакомым мужчинам, и закрыл его.

Верхняя земная одежда способна была изменяться по воле хозяйки в широком диапазоне модных моделей, во всем же, что касалось нижнего белья, мода земная оставалась в каком-то смысле консервативной и сложной, менялись лишь материалы в соответствии с технологиями изготовления тканей да способы воздействия на психику женщины. И мужчины, соответственно.

Ясена в белье двадцать четвертого века была ослепительно красива и женственна, несмотря на свои восемнадцать весен, а может быть, именно благодаря им. Кружево, блестящий перламутровый элафон лифчика и трусиков, тон-

кая ажурная вязь колгот и ню-накидки только подчеркивали ее природную красоту.

Видимо, восхищение все же отразилось в глазах Жданова, потому что Ясена победно улыбнулась и скрылась за контейнерами. Вскоре она появилась в тесно облегающем комбинезоне. Казалось, движется холодный ртутный огонь, облаченный в форму женской фигуры, и от этого гармоничного сочетания костюма и женского тела у Павла сладко сжалось сердце. Он вдруг понял, что девочка-россинка задела его чувства гораздо глубже, чем он думал и мог себе позволить, что она стала дорога ему. Впереди их ждали очередная схватка, новые жестокие потрясения и слабая надежда выжить. О том, что будет с ними потом, Павел до этого момента не задумывался, теперь же страстно пожелал, чтобы у Ясены было будущее. Впрочем, себе он пожелал того же.

Объяснив, как действует аппаратура костюма (Ясена понимала ее как «духи одежды»), Павел помог девушке закрепить в автоматических узлах оружие, НЗ, рацию, аптечку, флягу — синтезатор воды, научил общению с инком костюма и немного успокоился. На какое-то время девочка была защищена от многих опасностей, а от более серьезных их не спасут ни темпор-коконы трансгресса, ни скафандровые комплексы высшей защиты.

Себе Павел оставил аннигилятор, гипноизлучатель «удав», метательные ножи и звезды, приладил за спиной меч.

— Итак, рядовой Ясена, готова к бою?

Ясена не знала, что такое «рядовой», но поняла правильно.

— Да, князь! — лихо ответил рядовой и взял в руки свой лук. — Не знаю только, куда приладить колчан.

В другое время Павел рассмеялся бы, но, видя, как серьезно Ясена относится к своему верному оружию, решил не шутить и не отговаривать ее от лука. Помог пристроить колчан со стрелами.

— Пить-есть хочешь?

— Не хочу.

— Тогда за мной.

Они выбрались из кармана-склада в помещение с тюками экранирующей пленки и обнаружили, что выход из помещения в коридор блокирован двумя «санитарами» и черепаховидной машиной.

По-видимому, стражи Ствола оказались здесь случайно. Просто момент выхода Павла и Ясены совпал с моментом отдыха двух парней гориллообразного вида. То есть они были именно гориллоидами, а не людьми уродливой внешности, хотя и одевались по-современному, в блестящие комбинезоны и ботинки. Ботинки, правда, не имели формы человеческой ноги, и Павел мимолетно подумал о копытах. Обезьяньему облику «санитаров» он не удивился. «Хронохирурги» вербовали слуг во всех Ветвях, где только могли. Значит, где-то существовала цивилизация таких существ, близких человеку по интеллекту.

Гориллоиды на высунувшегося в коридор Павла не отреагировали, они с наслаждением нюхали клубы зеленого дыма с ладони одного из них. Наверное, эта процедура заменяла им курение. Зато немедленно отреагировала «черепаха», с поразительной быстротой выбросив в сторону Павла свою гибкую розовую антенну.

Увернуться Павел не успел, успел только подставить плечо с турелью аннигилятора, и щелчок розового кнута-уса снес излучатель, как пушинку. Павел дернулся назад, толкнув Ясену, и они упали на тюки пленки. Второй удар розового кнута пришелся на ближайший тюк и разрезал его с легкостью кинжала, рассекающего волос. До людей кнут-антенна не дотянулся.

Павел надеялся, что «санитары» не полезут в комнату, не зная, кто в ней прячется и с чем, но его надежды не оправдались. Гориллоиды пустили вперед сопровождавший их автомат и ворвались за ним в помещение, ставшее ареной короткого боя.

Свистнули хлысты-антенны черепахи, доставая по отдельности Павла и Ясену; одновременно заговорил аннигилятор девушки, всаживая очередь антипротонных сгустков в корпус автомата; сверкнули вспышки лазерных излучателей — гориллоиды открыли огонь, еще никого не увидев; и бесшумно порхнули блики метательных звезд, выпущенных Павлом.

Вскрикнула Ясена — розовый хлыст рассек костюм и пронзил руку. Болью обожгло и бок Павла: вторая антенна-хлыст начисто снесла часть костюма слева и задела кожу. Но атака «черепахи» не повторилась, ее нутро растаяло в пла-

мени аннигиляции, и она взорвалась изнутри, разворачиваясь, словно консервная банка.

Один гориллоид получил звезду в широкую вогнутую переносицу и умер в агонии. Второй успел отклониться и выскочить в проем двери, обнаружив хорошую прыть.

— Догони! — бросил Павел, зажимая рану на боку и усилием воли останавливая кровотечение. — Иначе он вызовет подмогу...

Но догонять «санитара» не пришлось. В коридоре что-то грохнуло, загремело, стихло. Затем раздался чей-то спокойный уверенный голос:

— Не стреляйте. Я его перехватил. Можно войти?

Павел глянул на Ясену, державшуюся за руку, качнул головой: «Не стреляй», — и проговорил не совсем учтиво:

— Входите.

В проеме двери возникла плывущая прозрачная фигура и превратилась в человека в блестящем комбинезоне, таком же, какой был на Павле. И Ясена с ужасом перевела взгляд с его лица на лицо Жданова. Вошедший как две капли воды был похож на Павла.

Глава 6

Потрясенная встречей с Павлом Ждановым «номер два», Ясена тем не менее пришла в себя быстро. Психика россинов, «детей природы и хроноускорителя», была хорошо сбалансирована и принимала все сверхъестественные, с их точки зрения, явления без лишних эксцессов. Мир для них был таким, каким казался, поэтому следовало принимать его именно таким. Это не означало, что россины не умели удивляться, однако они при этом не комплексовали и не сходили с ума.

Зато самого Павла (первого) Ясена удивила изрядно. Несмотря на полную физическую идентичность его и Павла-второго (в одинаковых спецкомбинезонах они и выглядели одинаково), девушка легко различала их и ни разу не спутала в дальнейшем.

Отдыхали в заблокированной изнутри рабочей зоне, доступ к которой имел только Жданов-второй.

Оказалось, что он давно следит за строительством Контр-ствола и ждет свою команду, практически ту же, с какой Павел-первый штурмовал хронобур. Возник парадокс, который ни первый, ни второй Жданов объяснить толком не могли. После обстоятельной беседы в зоне отдыха, организованной Стасом, инком Ствола, они так и не пришли к единому мнению. Павел-второй склонялся к идее дублирования, происшедшего во время последнего штурма хронобура.

— Может быть, Павлов Ждановых гораздо больше нас, — проронил он, задумчиво цедя тоник из фиолетовой склянки. — И после распада хронобура нас рассыпало по многим Ветвям.

— Тогда мы должны были пересечься раньше, — ответил Павел-первый не менее задумчиво; в отличие от дубля он потягивал горячий кофе. — Дублирование, конечно, не исключено, но, сдаётся мне, истина в другом. Нас изначально много — Ждановых, живущих в соседних Ветвях. Как много и других людей, вовлеченных в войны «хирургов» и наших друзей, девочек по имени Ясена, например.

Оба посмотрели на свернувшуюся калачиком в кресле Ясену, притворяющуюся спящей, а на самом деле ловившую каждое их слово.

— И делали мы одно дело, но каждый в своей Ветви. Другой вопрос, почему трансгресс допустил пересечение.

— Ты предполагаешь, что трансгресс один? Ствол тоже?

— А ты?

— Не знаю. — Павел-второй сделал изрядный глоток. — Голова кругом идет. А если и Стволов много, и трансгрессов вместе с нами? Представляешь, каков тогда винегрет, который мы принимаем за Большую Вселенную, Древо Времени? Миллионы Павлов Ждановых спасают свои Метавселенные, считая, что они единственные благодетели человечества.

Оба фыркнули, обмениваясь понимающими взглядами.

— И все же странно, что мы встретились, — после долгой паузы подал голос Павел-первый. — Либо я ничего не понимаю в таких ситуациях, либо кому-то было очень нужно, чтобы мы пересеклись.

— Пожалуй, в этом ты прав. Но такое положение не продлится долго. Ты забыл о наших советчиках. В нужный мо-

мент всегда находится тот, кто знает больше и объясняет, что делать дальше.

— Вот! — Павел-первый поднял палец. — Вот! Тебе не кажется, что нами кто-то управляет? Достаточно тонко, так, чтобы мы вроде бы и замечали это, но сомневались.

— Паша, ты гений! — Павел-второй тоже поднял вверх палец. — Впрочем, гений и я. — Он стал грустным. — Не знаю, как тебе, но мне вдоволь удалось попутешествовать по Ветвям, и в конце концов я пришел к любопытному выводу: Те, Кто Следит, не откровенны с нами.

— Я тоже думал об этом.

— Естественно, ведь все мы — дети одного корня, одной Ветви, где появился на свет Павел Жданов-единственный-самый-первый. Лишь потом Ветви разделились, и в каждой последующей стали появляться «близнецы» Ждановы, думающие одинаково... ладно, не будем обсуждать очевидные вещи. Так вот, толчком к моим размышлениям послужило заявление Тех, Кто Следит, о действиях «хронохирургов». Якобы они рассчитали пересечение Ветвей Древа и решили «отсечь» Ветвь, которая мешала им развиваться, то есть нашу.

— Наши, — уточнил Павел-первый. — Твою и мою.

— Тогда уж не только наши, а все те, где есть Павлы Ждановы. Не отвлекай. И я подумал: сколько же им, «хирургам», нужно было учесть факторов и условий для подобного расчета?! Какие компьютеры способны совершить это, учесть состояние каждого атома каждой Ветви?!

Ясена вздрогнула от тона, каким были произнесены последние слова, открыла глаза. Оба Павла смотрели один на другого и молчали. Они отлично понимали друг друга.

— По-моему, это принципиально невозможно, — нарушил наконец молчание Павел-первый. — Даже в нашей Метавселенной невозможно учесть взаимодействие всех ее объектов, тел, элементарных частиц и полей. А ведь речь идет о неисчислимом количестве Ветвей!

— Соображаешь, Паша. Но в связи с этой проблемой возникает и другая: проблема времени как такового. Что есть в таком случае время? Почему сработал хроноускоритель, ускоряя то, что он принципиально ускорить не мог, — хроно-кванты, кванты времени?

— Этот вопрос я мог бы задать и сам. Кстати, ты не встречался с бровеем Мимо?

— Странное имя. Кто это?

Павел поведал историю встречи с бродягой, странником по Ветвям Времен.

— Нет, с этим типом я незнаком, — покачал головой дубль. — Встречаться приходилось со многими удивительными существами, но о племени бровеев слышу впервые. И он тебе помог? Странно.

— Согласен, случай странный, хотя вполне вписывается в гипотезу чьей-то игры, где мы с тобой — пешки. Ну, или, может быть, не пешки, покрупней фигуры, но далеко не главные. Я к чему это рассказал: он предложил, во-первых, свою концепцию времени. Мол, время — процесс направленного взаимодействия потоков информации.

— Кем направленного?

— Догадывайся сам. Суть не в этом. Дальше он заявил, что каждая Ветвь имеет свое время. Понимаешь? Кстати, в данной «засыхающей» Ветви, где мы с тобой находимся, время вообще трехмерно.

— Как он себе это представляет?

— Он-то, наверное, представляет, я не могу.

— Святой Род! — не выдержала наконец Ясена, выпрямляясь в кресле, сверкнула глазами. — Не надоело вам говорить на собачьем языке? Я ничего, ну ничегошеньки не понимаю!

Мужчины обменялись взглядами, улыбнулись — до жути похожие, одинаковые в каждой черточке, в каждом жесте. Затем Павел-второй заявил, напустив на себя серьезность:

— Повезло тебе, двойник. Мне бы такую спутницу! Не дашь взаймы?

Павел-первый не успел ответить. Вскочившая Ясена бросилась к нему и спряталась за спинкой его кресла.

— Что такое? — притворно удивился дубль. — Разве я не такой же, как он? Да если хотите знать, я даже лучше!

Ясена помотала головой, опасливо выглядывая из-за широкой спины Жданова-первого, и мужчины засмеялись.

— Понятно, лицом не вышел, — протянул Павел-второй и не закончил.

В зале отдыха, небольшом, но уютном, сформированном под гостиную где-нибудь в доме на Земле, появился Стас.

— Прошу прощения, дорогие гости. Необходимо посоветоваться. Возникли некоторые проблемы с вашим пребыванием у меня.

— Кокон, — коротко приказал Павел-второй.

И вокруг обоих Ждановых возник, вырос из пола, полупрозрачный купол кокона контроля. Правда, в нем тут же образовалось окно, и голос Павла-первого попросил онемевшую Ясену не пугаться и ждать.

Купол кокона пробыл пустым недолго. Стас вырастил из пола «кактус» пси-вириала с россыпью цветных огней, превратил часть купола напротив сидящих в объемный экран и встал сбоку. Сказал негромко:

— Я контролирую не весь Ствол, только сорок два процента здания, поэтому за достоверность выводов ручаться не могу. Но предупредить обязан. Наши недруги окружили все подконтрольные мне узлы и рабочие зоны и методично уничтожают их. Сфера жизнеобеспечения сужается. Если она будет уменьшаться такими темпами, через двенадцать суток три часа сорок минут я не смогу вас защитить.

— Не волнуйся, парень, так долго укрываться здесь мы не собираемся, — успокоил инка Павел-второй. — Что еще?

— Кто-то через мою хрономембрану настойчиво подает сигнал: «Прошу впустить».

— Код, пароль?

— Ни того ни другого, прямой вызов открытым текстом. Павлы переглянулись.

— Может быть, это твой?

— Или твой.

— Мои знают пароль.

— Мои не знают, но их транспорт — не мембрана, а трансгресс.

— Тебе удалось уговорить службу трансгресса? — В голосе Жданова-второго прозвучало непритворное удивление.

— Да, а что тут такого?

— Мне не удалось.

Теперь уже Павел-первый озадаченно взялся за подбородок.

— Не может быть! Разве не инк трансгресса помог тебе доставить капсулу с «големами» в точку вытаивания хронобура?

— Нет. Груз с «големами» пришел ко мне по особо защищенной линии хрономембраны Ствола.

— Все понятно. — Павел-первый покачал головой. — Еще одно косвенное доказательство того, что мы с тобой торпедировали хронобур в разных Ветвях!

— Что мне ответить? — напомнил о себе Стас.

— Проверить, кто подает сигнал, никак нельзя?

— Попробую, но для этого требуется время и энергия. Мои ресурсы ограничены.

— Используй МК-батареи.

— В этом узле выхода у меня нет запасов МК-батарей, — тихо и виновато проговорил инк.

Двойники снова переглянулись. Они хорошо понимали друг друга и с полувзгляда, без слов.

— Плохи наши дела. Без помощи нам долго не продержаться, «санитаров» здесь намного больше, чем у нас зарядов в излучателях.

— Есть еще дриммер, но я не смог пробить его блокировку и выйти на контур управления. Он сейчас выполняет в основном функции меча.

— Что за дриммер?

Павел-первый ткнул большим пальцем в рукоять меча за спиной.

— Разве ты с ними не знаком?

— С мечами?

Павел зажмурился, потряс головой. Дубль смотрел на него вопросительно, пришлось объяснять ему, что такое дриммер и как он работает.

— Такого оружия в моей родной Ветви пока еще не придумали, — покачал в ответ головой Павел-второй.

— Дриммер не только оружие, спектр его реализации гораздо шире. У нас ими может пользоваться далеко не каждый безопасник. Даже мне, в табели о рангах службы — грифу, инспектору с «открытым листом», ни разу не довелось работать с дриммерами.

— Вещь полезная, слов нет, но и она не намного увеличивает наш боевой потенциал. Девицу твою, между прочим, я в расчет не беру. Она при наших делах скорее обуза, чем помощник. Зачем потащил за собой из родного дома? Так понравилась?

— Сначала пожалел... парня она потеряла там. А потом...

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно. Одичал ты во время своих путешествий. А она кое-что все-таки умеет, да и воспитана в спартанском духе, так что не прав ты, Жданов. Однако потерять ее я бы не хотел.

— Еще бы, — проворчал Павел-второй. — Одни глаза чего стоят... я тебя очень понимаю. Спрятать бы ее, да негде.

— Она не останется одна.

— Стас сделал бы ей динго, так чтобы от тебя отличить было невозможно.

— Она неплохой экстраэнергетик, чувствует поля. Иначе как бы она различала нас?

— И все же давайте посоветуемся, что будем делать, — не дождался конца диалога двух Павлов инк Ствола. — Может, запросить помощь по оставшейся линии?

— Чтобы «хирурги» запеленговали тебя и высадили десант? Нет, пока они в неведении относительно твоих возможностей и нашего присутствия, мы в безопасности. Относительной, конечно. А делать мы будем то же, что и всегда: разведка, анализ, подготовка десанта, штурм Контрствола. Кстати, ты его хорошо разглядел?

Стас кивнул и воспроизвел в виоме изображение двуглавого пика, сооружаемого подручными «хронохирургов».

Контрствол действительно сильно напоминал известные на Земле сооружения: знаменитый готический Кельнский собор, заложенный еще в 1248 году и законченный шестьсот с лишним лет спустя, и церковь Саграда Фамилия, начатую в 1884 году и законченную в 2020 году. Правда, церковь создавалась двенадцатибашенной, а Контрствол имел всего две башни, так же как и Кельнский собор*, но выполнены они были в манере архитектора Антонио Гауди, задумавшего церковь «святого семейства», неповторимый облик которой вошел в сокровищницу мировой архитектуры. Манера эта, исключительно оригинальная, сюрреалистическая, даже мистическая, в сочетании готики и мавританского стиля, превращала камень в живое творение, не восхищаться которым было невозможно.

Строители же Контрствола, воплощая замысел «хронохирургов», используя практически те же мотивы и стили, довели свое творение до гротеска — величиной, высотой,

---

* Собор имел две главные башни высотой по 157 метров и двадцать четыре декоративные.

мрачной помпезностью, а также ужасом и безысходностью, подавляющей психику всех, кто смотрел на здание.

— Инферно! — нарушил продолжительное молчание Павел-первый.

— Чудовищно! — согласился второй, уже насмотревшийся на здание Контрстола. — Впечатление оставляет сильное, ты прав. Стас, покажи охрану.

Двухбашенный контур Контрстола отдалился, вокруг него высветилась желтым и оранжевым светом схема охранных систем здания. Красными пульсирующими кружочками на ней были обозначены пункты управления и контроля систем, которых насчитывалось три: электронная, звуковая и визуально-оптическая.

— М-да! — почесал затылок Павел-первый. — Пройти туда даже в «хамелеоне» и с пси-защитой будет непросто.

— Если вообще возможно. Нужен нестандартный ход.

— Наглость?

— Хронорыцарь уже продемонстрировал это качество, поскакав на Контрстол, словно Дон Кихот на ветряную мельницу.

— Я имел в виду смелость, граничащую с наглостью. А хронорыцарь пошел на штурм, спасая нас, чтобы отвлечь огонь на себя. Кем бы он ни был, мне его жаль...

— Да, погиб он красиво. Успел покрошить в капусту с полсотни «дикобразов», два десятка «черепах» и двух обезьянозмеев, пока его не накрыли из «глюка».

Помолчали.

— Стас, есть соображения, как можно проникнуть в этот храм зла?

— Нет, други, такой возможности я не вижу. Строители учли все.

— Не все, если мы легко проникли в Стол и следим за ними с расстояния всего в три с половиной километра.

— Если только это не входит в замысел «хирургов», — пробормотал Павел-второй. — Они обязаны были предусмотреть наше появление, а Стол, кстати, является самым удобным местом нашего сбора. Тут мы для них безопасны. Попробуй выйди — пикнуть не дадут!

— Ой ли? — прищурился Павел-первый. — Стас, у тебя есть «глюк»? Желательно класса А.

— Увы, — покачал головой видеопризрак инка.

— Если бы у меня был «глюк», — вздохнул Павел-второй, — я давно попытался бы развалить стройку.

— Вот и хорошо, что у тебя его нет. Штурм унд дранг* нам не помогут, действовать надо похитрее, это еще Суворов говорил.

— Кто такой?

— Не ерничай, уж Суворов-то в вашей истории был наверняка, раз у нас все совпадает, вплоть до отделения тебя от меня.

— Скорее тебя от меня.

— Твоей Ветви от моей.

— Не цепляйся к словам. У меня идея.

— Выкладывай.

— Это очень дерзкая идея.

— Выкладывай, Жданов.

Павел-первый помолчал немного, разглядывая «Кельнский собор» Контрствола, и в нескольких словах изложил собеседникам родившийся план. После того как он закончил, инк Ствола произнес вполне натурально:

— Вы сумасшедший, Павел.

На что Павел-второй ответил:

— Кажется, мы, Ждановы, все такие. Я одобряю план.

Глава 7

Ясену они оставили на попечение Стаса, с трудом уговорив ее воздержаться от самостоятельных шагов. Девушка храбрилась, но было видно, что одной ей оставаться смертельно не хочется. И все же в разработанной Ждановыми операции ей отводилась всего лишь роль наблюдателя. Ни опыта, ни знаний, ни сил на участие в походе россинке не хватало.

Стас развернул перед «близнецами» план зоны строительства, и они еще раз досконально изучили все подходы к зданию Контрствола, расписание движения потоков стройматериалов, смены внешних постов охраны периметра и систему паролей. Только после этого наступило время действия.

---

* Буря и натиск (нем.).

Внешнюю охрану Павлы решили не трогать. Даже если бы им удалось незаметно обезвредить один из постов и переодеться в форму охранников, на территорию стройки их все равно не пропустили бы. Внешней охране там было нечего делать. А если бы «охранников» и пропустили, разведчики оказались бы связанными формальными атрибутами охранников. Поэтому Ждановы выбрали другой путь.

Для возведения стен здания строители брали самый обыкновенный песок на берегу моря, им нужен был кремний, и один из маршрутов перевозки песка заинтересовал разведчиков. Возил песок гигантский грузовик крестообразной формы, доставшийся, наверное, строителям в наследство от аборигенов здешнего мира, так же как летательные аппараты подобной конфигурации. Четыре десятиметровых шарообразных колеса крепились на концах креста, представлявшего собой четыре емкости. Кабина управления, крохотная по сравнению с корпусом грузовика, крепилась на торце главного ствола креста. Водителей было трое: двое сидели в кабине, третий в башенке над корпусом. Видимо, он управлял процессом погрузки-разгрузки. Перевозил этот механический колосс не менее тысячи тонн песка зараз.

Используя аппаратуру динго, Ждановы превратили себя в копии «дикобразов», выждали, пока в Ствол войдет отряд этих своеобразных созданий, — Стас помог «близнецам» сориентироваться, имея встроенные в стены видеокамеры и датчики, — и вышли из своего убежища на тридцать втором этаже Ствола.

Из здания выбрались без инцидентов. Только один раз им повстречался патруль: трое «санитаров» — людей в блестящих защитных комбинезонах. Люди не обратили внимания на двух «дикобразов», бредущих навстречу. У выхода Павлам преградил было дорогу один из «соплеменников», но, получив разряд гипноизлучателя, сомлел. Пси-характеристики его мозга мало чем отличались от пси-ритмов мозга человека.

Недалеко от выхода среди груд камней стоял знакомый летающий крест с кабинками на всех торцах, однако разведчики не решились им воспользоваться, не зная систем управления и кодов на разрешение полетов. Не торопясь они побрели к берегу моря, где спиралевидные погрузчики песка

вырыли длинный котлован. Миновали цепь постов, блокирующих выход из Ствола, тоже без приключений. Несли здесь службу люди, а не автоматы с электронными искателями и системами распознавания, и несли небрежно, уверенные в своей неуязвимости и не ожидавшие столь открытого и наглого появления врага.

Один из охранников что-то крикнул издали, когда разведчики проходили мимо, наверное, спрашивал пароль. Павел-второй включил в ответ рацию, воспроизводя запись непроизносимого слова, означавшего презрительно-флегматичный стандартный ответ «дикобразов» (слово это записал и расшифровал Стас), и охранник успокоился. Так же, как его приятели, он был занят важным делом: цедил алкококтель и крутил через очки-информ эротические клипы.

Преодолев расстояние от Ствола до котлована за четверть часа, Ждановы подождали немного, пока заполнится чрево ближайшего из грузовиков и перестанет клубиться пыль, подошли к машине и жестами показали, чтобы водители спустили вниз лесенку.

Водителями оказались тоже «дикобразы», используемые здесь, на стройке, в качестве подсобных рабочих или охранников. Договориться с ними удалось без труда.

Поднявшись в кабину, Павел-первый успокоил обоих излучением «слона», а когда туда же забрался дубль, им ничего не стоило объяснить разомлевшим «соотечественникам», что от них требуется. Русский язык, как выяснилось, они хотя и с грехом пополам, но понимали.

Кроме того, разведчикам посчастливилось выяснить кое-какие правила поведения на территории стройки, что весьма пригодилось им впоследствии.

Через несколько минут грузовик отправился в путь по обычному маршруту. Еще через полчаса он пересек контрольную полосу и въехал в ворота комплекса, синтезирующего материал стен Контрствола. С этого момента начался секундный отсчет времени операции, намеченной Ждановыми.

Грузовик остановился под вращающимся металлическим цилиндром. Длинный хобот пневмотранспортера опустил сверху в кузов грузовика, зашипел, всасывая песок и поднимая клубы пыли.

Павел-второй закончил отдавать команды водителям, последней из которых была: «Через три рейса направить грузовик в стену здания!» — и выпрыгнул из кабины вслед за двойником.

Спокойно огляделись. Узел синтезатора находился на холме, всего в сотне метров от стен Контрства, и панорама стройки легла перед ними как на ладони.

Сам синтезатор был до смешного прост и незатейлив — та самая труба длиной в двести и диаметром в два десятка метров, — но лес подсобных конструкций окружал ее со всех сторон, и наиболее густо (фермы, башни, пучки труб, разнокалиберные шланги) он рос в сторону здания, достигшего уже высоты двух с лишним километров. Никого живого вблизи работающего синтезатора не было видно, здесь работали автоматы, поэтому разведчики не спешили. За территорией узла следили видеокамеры, следовало миновать их с максимальной «нежностью».

Наконец сработали искатели электромагнитных импульсов, которые сопровождали работу камер, и Ждановы двинулись к фермам сложным зигзагом, обходя камеры. Фермы поддерживали гигантский чан, опутанный шлангами, излучающий в инфракрасном свете, словно огромный ковш с расплавленным металлом. Именно поэтому видеокамер вблизи него «санитары» ставить не стали.

Фермы пошли гуще, уперлись в частокол труб. За частоколом высилась стена из гофрированного металла, а за ней, всего в двух десятках шагов, начиналась циклопическая, чернобагровая, пупырчатая и чешуйчатая стена Контрства.

— Перелезем? — коротко спросил Павел-второй.

— Попадем под видеокамеры.

— Аннигилятор?

— Сработает аппаратура энерголокации.

— В обход?

Вместо ответа Павел-первый достал дриммер и двумя взмахами снес две трубы, не позволяющие протиснуться в щели между ними.

— Прошу.

— Хорош ножичек! — хладнокровно отреагировал Павел-второй. — Честно говоря, я не верил твоим рассказам о возможностях меча.

За частоколом пролегал каменный желоб с пучком кабелей. Кабели вполне могли быть элементами контура, следящего за целостностью стен здания или за подходами к ним, но у разведчиков не было особого выбора. И они перепрыгнули желоб, отметив напор пульсирующей в кабелях энергии. Тем же манером Павел вырубил окно в гофрированном ограждении узла, вылез наружу. Показалось, что стена Контрстволы встрепенулась и взглянула на него с подозрительностью и недовольством, но ощущение, скорее всего, было следствием психологического давления гигантского сооружения. Здесь, в непосредственной близости от него, ни видеокамер, ни постов охраны быть уже не могло. Охранять таким образом каждый метр периметра здания было нецелесообразно.

Разведчики оказались как бы в нише, образованной вогнутой частью стен и крышей из десятка толстенных шлангов, по которым наверх подавался строительный материал. Когда они глянули налево и направо, в коридор между стеной здания и оградой узла, у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Хорошо, что они не догадались пустить здесь собаку, — сказал Павел-второй.

— Или кого помощней, — согласился первый. — Обезьянозмеев, к примеру. Ну что, попробуем пробиться здесь?

— Попробуй, если только твой меч возьмет эту стену. Кстати, из чего он сделан? Как действует? Он же режет металл, как масло.

— То, что ты видишь — лезвие меча, — на самом деле глюонное поле, разрушающее межкварковые связи. Эффектор поля находится в рукояти, универсальной для всех преобразований поля.

— Ясно. О таком эффекторе я и мечтать не мог.

— Потому он так и называется — дриммер. Между прочим, мы не единственные существа, овладевшие кварковыми процессами. Хлысты-антенны «черепках», с которыми наверняка сталкивался и ты, вероятнее всего, тоже кварк-глюонные преобразователи. А теперь отойди и прикрой меня сзади.

Павел взвесил в руке меч, глубоко вздохнул, подумав: «Ну, не подведи, братец!» — и сделал в стене первый разрез.

Внутреннее пространство Контрствола ничуть не напоминало интерьеры Ствола — хроноускорителя. Сооружение «хронохирургов» изнутри напоминало термитник, впрочем, снаружи тоже, если не принимать в расчеты его величину, и было оно до предела заполнено «термитами»: строителями, монтажниками, установщиками оборудования и настройщиками. Ждановы, проникнув на первый этаж здания, легко затерялись в бесконечных потоках «термитов», большинство которых составляли «дикобразы», основная рабочая сила «хирургов». Но встречались и люди, и существа, похожие на людей, как гориллоиды, и вовсе непохожие, целеустремленно делающие свое дело.

Чтобы не выделяться из общего фона, Ждановы нагрузили на себя какие-то контейнеры в форме ярко-желтых баранок и потащили их с этажа на этаж, приглядываясь к тому, что делают рабочие, запоминая расположение энергетических центров и аппаратных помещений, пытаясь составить генеральный план здания и уяснить замысел строителей.

Все коридоры «термитника» представляли собой одинаковые круглые трубы диаметром в пять-шесть метров и пересекались друг с другом множество раз, создавая на первый взгляд хаотический конгломерат ходов. Однако чем выше поднимались разведчики, обходя по спирали здание, тем больше убеждались, что все в этом колоссальном «термитнике» подчинено одному сложному закону, в том числе и рисунок коридоров, сплетавшихся в одну удивительную гармоничную сеть вокруг оси здания. Осью же служила центральная шахта в оболочке из полупрозрачного зеленого материала, напоминающего бутылочное стекло. Очевидно, здесь и располагалось сердце Контрствола — стартовая камера хроностабилизатора, раздваивающаяся на высоте полутора километров на две башни.

Входов в шахту разведчики обнаружили множество, любая спираль коридора заканчивалась у ее стены, однако туда их не пропустили. Каждый вход охранялся двумя-тремя хмурыми молодцами из числа землян, соотечественников Ждановых, и киберами грозного вида, слегка напоминающими пауков-конкистадоров.

Остановились в темном закутке очередного перехода, соединявшего коридоры. Деления здания на этажи не существ-

вовало, также не было лестниц и лифтов. Вместо лифтов использовались бегущие дорожки вроде эскалаторов старинного метро. Коридоры наклонно поднимались вверх, закручиваясь вокруг центральной шахты спиралью, поэтому оценить уровень подъема было трудно, и все же разведчики примерно знали, на какой высоте находятся.

— Метров четыреста, — буркнул Павел-второй. — Мне кажется, пора возвращаться. План здания ясен, мы все записали на видео, Стас расшифрует и даст рекомендации, что тут надо уничтожать в первую очередь.

— Мы не выяснили главного, — не согласился Павел-первый. — Где расположен их центр управления?

— Может быть, его нет вовсе? Ведь наш Ствол не имеет единого центра управления. Где хочешь, там и подключайся к инк-сети, если знаешь коды и пароли связи.

— Ты забываешь, для кого строится Контрствол. «Хирурги» — разумная система типа «роя» или «стаи»... или «грибницы», по словам хронорыцаря, вот почему здание похоже на термитник: оно приспособлено для нужд хозяев. Когда строительство закончится, здесь поселится семья «хирургов», которая должна управляться из единого центра — маткой. Земные муравейники, термитники и пчелиные рои управляются именно так.

— Но то земные рои. Почему «хирурги» должны копировать организацию земных биологических систем? Если они владеют пси-связью, центр им не нужен. Где бы они ни находились, центр — везде и нигде.

— Это твои домыслы.

— А рассуждения о поселении здесь семьи «хирургов» не домыслы? На кой фиг им селиться здесь, в «засыхающей» Ветви?

— Не ворчи, я просто думаю... вслух. Мне почему-то кажется, что «хирурги» очень похожи на наших насекомых, да и на людей тоже. Вполне возможно, что они — наши предки, потому и вовлекли так легко потомков в свои игры.

— Жданов, я тебе уже говорил, что ты гений?

— Я и без тебя знаю, — скромно ответил Павел-первый. — Ну что, будем искать центр?

— Давай попытаемся подняться выше, под самую крышу башни. Не найдем ничего, вернемся.

Они проверили, не наблюдает ли кто-нибудь за двумя «отдыхающими дикобразами», и выбрались в коридор. По переходу прошли дальше, к тоннелю, который представлял собой нечто вроде движущейся вверх ленты транспортера, встали на нее рядом с молчаливыми «дикобразами». Но лучше бы они этого не делали. Эти «дикобразы» не принадлежали ни к касте рабочих, ни к касте охранников, они явно были рангом выше и недаром носили на шее какие-то золотые шарфы, спускающиеся на грудь и спину. Один из них оглядел «строителей» с баранками контейнеров на плечах и вдруг оскалится, показывая острые, в три ряда, зубы.

Собственно, это был не оскал, не выражение угрозы, просто своеобразная мимика существ, но что она означала, Павел-первый, стоящий рядом, не понял. Лишь когда «дикобраз» повторил оскал, Ждановы сообразили, что тот задал им какой-то вопрос на своем языке.

Отвечать надо было быстро, и Павел заставил свою имитацию под «дикобраза» оскалиться в ответ. А затем, когда лента приблизилась к отверстию очередного перехода, Ждановы ловко нырнули в него и затерялись в темноте.

— Что ему было надо, уроду, хотел бы я знать, — проворчал Павел-первый. — Видал, какие у него зубы? Запросто руку отхватит.

— Он, вероятно, хотел выяснить, чьи мы родственники, — ответил в том же тоне Павел-второй. — Не нравится мне это. Предлагаю вернуться. Эти золотошарфовые вполне могут психануть и поднять тревогу.

— Мы уже поднялись выше километра, до вершины осталось чуть меньше. Я не думаю, что охрана начнет нас искать в здании, скорее будет ждать на выходе. А уж там мы сообразим, что делать.

— Тогда давай бросим здесь эти баранки, может быть, именно они и заставили обратить на нас внимание, и держи наготове «слон». Нам повезло, что пси-спектры «дикобразов» близки к нашим и они реагируют на излучение.

Разведчики нашли другой транспортный тоннель с бегущей вверх дорожкой и вскоре вышли в кольцевой коридорчик, опоясывающий круглую площадку с огромным стекловидным «ананасом», нацеленным вершиной в конус крыши. Здесь одна из башен Контрства заканчивалась. «Ананас»

же мог быть чем угодно: реактором, излучателем, антенной, эффектором хронополья или центром управления, — все равно выяснить его назначение не представлялось возможным. Охранялся он по крайней мере батальоном «дикобразов» и людей плюс к этому киберсистемами, самой безобидной из которых была черепаха с розовыми антеннами. Кроме того, по площадке неторопливо бродили обезьянозмеи восьми-метрового роста и гигантские пауки вполне живого вида.

Ждановы сделали круг, разглядывая «ананас» и его защитников, записывая на видео все детали интерьера, и собирались уже убираться обратно по нисходящему транспортеру, когда из отверстия, коими была усеяна кольцевая стена вокруг центрального строения, вдруг вывернулся знакомый золотошарфовый «дикобраз». Увидев разведчиков, он что-то завизжал, указывая на них когтистой лапой, и началось то, к чему они в общем-то были готовы, но чего надеялись избежать.

Павел-первый выстрелил из гипноизлучателя в «дикобраза», заставив его замолчать, а Павел-второй накрыл лучом «слона» ближайшую группу охранников, на некоторое время лишив их способности соображать. Затем Павел-первый включил спецпрограмму динго, создавшую двух не отличимых от настоящих двойников «дикобразов» и заставившую видеопризраков ринуться сквозь толпу, в то время как зачинщики конфликта тихо отступили в другую сторону.

Маневр удался.

Охрана приняла бегущих двойников за реальных «дикобразов», на которых обратил внимание их начальник, и потратила несколько драгоценных минут на выяснение их личности. Когда всем стало понятно, что мечущиеся по площадке «дикобразы» — просто голографические структуры, разведчики были уже двумя сотнями метров ниже.

Конечно, они понимали, что поднявшаяся тревога — худшее из всего, что можно было ожидать, но, с другой стороны, никто, по сути, не разглядел, кто они на самом деле и куда скрылись. Несколько минут на анализ «санитарами» ситуации у разведчиков в запасе были, к тому же они сразу же после бегства изменили облик, превратившись в землян в блестящих комбинезонах, неотличимых от других строителей внутри здания.

Транспортер, мчавший их вниз, остановился, когда до первого этажа оставалось около четырехсот метров. «Санитары» догадались отключить энергию.

Еще около сотни метров Ждановы преодолели, используя сверхскоростной темп, вихрем проносясь мимо цепочек строителей, тупо ждущих в трубах, когда включат движение. Потом произошло несколько столкновений с рабочими и охранниками, в результате чего поднялся нарастающий шум, и погоня снежным комом нависла над бегущими, грозя догнать и смять в лепешку.

Естественно, им приготовили встречу, и не одну. Спешно сформированные отряды перехвата перекрыли несколько нижних горизонтов, и тогда пришло время использовать заранее подготовленный вариант отступления.

Уничтожив первый заслон — пару «черепак» и с десяток охранников — с помощью аннигиляторов и дриммера, разведчики свернули в переход между тоннелями, соорудили из тел мертвых «дикобразов» засаду, снабдили их аннигиляторами и перемахнули в другой переход, повыше. Подождали, пока мимо пронесется группа погони, и включили автоматическую стрельбу.

«Дикобразы» с аннигиляторами послушно открыли огонь, отвлекая на себя ответный огонь.

— У нас минут пять, не больше, — быстро произнес Павел-второй, дыша носом совершенно бесшумно, словно не бежал сломя голову несколько километров по закручивающимся спиралью коридорам чужого здания.

— Успеем, — ответил Павел-первый, вынимая меч.

Внешнюю стену он прорубил за полминуты.

Еще минута ушла на оценку ситуации снаружи; было видно, как сбегаются к зданию Контрстрвола люди и съезжаются разного рода машины. Со стороны дублей стена здания отверстий не имела и выходила прямо на котлован с каким-то булькающим варевом. С этой стороны за стеной никто не следил.

Минута понадобилась разведчикам на крепление блоков и подготовку спуска с трехсотметровой высоты. Затем они одновременно перекрестились и прыгнули вниз. Автоматические болинги засвистели по натянувшимся тросикам, опуская «альпинистов» к подножию рукотворной горы.

Отстегнув альпкомплекты, Ждановы обежали котлован, вырубил замешкавшегося водителя цистерны, заливающей в котлован маслянисто-черную жидкость, вскочили в кабину и погнали машину, не тратя времени на отсоединение шланга. Жидкость из шланга продолжала хлестать, и за машиной потянулась смолистая пузырящаяся дорожка.

Их заметили, когда цистерна с визгом и воем сбила вышку внешнего охранения, прорвала проволочный периметр и устремила по каменистой равнине к полузасыпанной колонне Ствола.

Сначала на цистерну коршуном кинулся патрульный аппарат в форме кинжала; его сбил из аннигилятора Павел-второй. Затем спикировал гигантский крест с шестью куполами кабин по торцам. Его тоже удалось сбить, но автоматика аппарата успела открыть огонь, и тогда стало ясно, что за жидкость выливалась из цистерны.

Вспыхнув, загорелся черный хвост за машиной, волна пламени догнала ее, и та взорвалась, выбросив из пылающего чрева водителя и пассажира.

Рассчитанные на случай, подобные этому, спецкостюмы спасли своих хозяев. Однако прошло время, пока разведчики пришли в себя и обнаружили, что окружены со всех сторон. С десятков наземных машин, похожих на броневики времен Первой мировой войны, подползали к ним, угрожающе пошевеливая дулами излучателей. Два крестообразных аппарата зависли сверху. И около сотни чернотелых «дикообразов» растягивались в цепь, отрезая беглецов от Ствола.

— Безнадега? — подал голос Павел-второй.

— Полнейшая, — ответил Павел-первый.

Вскочив, они включили сверхскорость, максимально ускоряя реакции организма, переходя в полубессознательное состояние, открыли огонь и бросились на прорыв.

Глава 8

Как потом выяснилось, прорваться им удалось благодаря Ясене. Сам Стас, показывающий девушке подступы к зловещему двуглавному зданию «хирургов», даже став свидетелем

лем разыгравшейся драмы, вряд ли решился бы на какой-нибудь самостоятельный шаг. Да и средств для оказания помощи разведчикам у него практически не было.

Однако под натиском Ясены — угрозы «разнести его обитель в клочья», слезные мольбы о помощи, гневные презрительные отзывы о Стасе в частности и «плохих богах» вообще, снова слезы и неподдельное отчаяние — инк Ствола колебался недолго и сделал весьма опасный ход — открыл хрономембрану, за которой уже давно на визит к нему напрашивались не знавшие пароля гости, абсолютно не представляя при этом, кто из нее выйдет, но надеясь на лучшее.

Уже через несколько секунд в зону высадился отряд Ивашуры, и Ясена, узнав старого знакомого, завизжала от радости и бросилась Игорю Васильевичу на грудь. Женщины, Тая и особенно Вероника, с интересом наблюдали эту сцену, но Ясена, обнаружив Таю, с таким же чувством подбежала к ней и тоже обняла. А затем, захлебываясь словами, попыталась рассказать, что происходит.

Ивашура, Белый, Полуянов и Костров, понявшие из ее речи только, что Павел в опасности, уединились на несколько секунд со Стасом, выяснили, в чем дело, вооружились из местных запасов и принялись действовать, не теряя ни мгновения.

Уже через считанные минуты по коридору, контролируемому инком, они выбрались из Ствола и ударили в спину не ожидавшим атаки «санитарам» почти одновременно с отчаянной атакой Ждановых.

Бой был коротким. Против «глюков», которыми были вооружены Белый и Полуянов, а также аннигиляторов и «универсалов» — защиты у слуг «хирургов» не было. Буквально за секунды они потеряли всю технику, летающую и бегающую, а также три четверти отряда, окружившего разведчиков. Потери в живой силе были столь ошеломляющими, что запаниковали даже спешащие на помощь своим «дикообразы». Они в нерешительности остановились в полукилометре от поля боя, и неуверенность их дала возможность беглецам и пришедшим на помощь друзьям беспрепятственно добраться до Ствола и укрыться в нем до того, как «санитары» опомнились и начали преследование.

Накрыть Ствол залпом из своих орудий, уничтожить его они могли, но тогда терял смысл сооружаемый ими Контр-

ствол, который, по мысли «хронохирургов», должен был войти в резонанс со «струной» хроношахты и нейтрализовать ее, превратить в воспоминание, разрушить созданную Стволом связь Ветвей. А для этого Ствол должен был работать. И погоня, дойдя до стен Ствола, вынуждена была задержаться.

Конечно, «санитары» обыскали здание сверху донизу в поисках схрона неведомых диверсантов и их помощников, но заблокированную Стасом рабочую зону с действующей хрономембраной обнаружить не смогли.

Рассказ обоих Ждановых длился более часа.

Слушали его все, почти не перебивая. Спутники Ивашуры, кроме Белого и Полуянова, да и он сам, были ошарашены встречей с двумя Павлами и пришли в себя не скоро.

Закончил повествование Павел-первый, логично, с его точки зрения, объяснив появление второго Жданова. Гриша Белый, уже переживший такую же ситуацию со встречей дубля, кивнул сам себе. Он вполне понимал состояние приятеля. Полуянов тоже не стал оспаривать и комментировать концепцию Павла, хотя кое-какие сомнения у него остались.

— Итак, по-вашему, все мы заложники игры «хронохирургов» с Теми, Кто Следит, — резюмировал Ивашура, в принципе подготовленный всем ходом событий к тому, что услышал. — Но ведь прямых доказательств этому нет?

— Они есть, только мы их не видим, — возразил Павел-первый. — Существует множество необычных фактов, которые можно связать по-разному, и я это понимаю. Но мое предположение объясняет все! Или почти все.

— Могу кое-что добавить, — вмешался Белый. — Я успел пообщаться с нашими учеными, в частности со Златковым, а также с Ромашиним. Вот кто, скажу я вам, голова! Он не только расколлот Златкова, который стал «санитаром» не по своей воле, но и выстроил логичную версию происходящего.

— Хотел бы я с ним побеседовать.

— Он тяжело ранен, дай бог, чтобы выжил. Но его идея мне импонирует. Где-то глубоко «внизу», у корней Древа Времен, обитают существа, власть которых почти безгранична. Это «хронохирурги». Но спустя неизмеримое количе-

ство лет родилась цивилизация, ставшая такой же могущественной. Это Те, Кто Следит. И в какой-то момент их интересы пересеклись. Так начался конфликт, в котором оказались замешаны мы, люди, живущие во многих Ветвях-Метавселенных.

— Может быть, Ромашин прав, — пожал плечами Павел-первый. — Но я почему-то уверен, что и я недалеко от истины. Конфликт двух Игроков такого класса, по сути Творцов Вселенных, для них всего лишь игра. Для нас же это — война, в которой мы участвуем, боремся за право существовать.

— Чума на оба их дома! — буркнул Костров, припомнив Шекспира. — Все эти ваши философские построения гроша ломаного не стоят, потому что мы уже влезли по уши в этот конфликт и продолжаем увязать. Лучше скажите, что делать в сложившейся ситуации? Скоро «хирурги» пойдут на штурм Ствола всеми силами и выковырнут нас отсюда, словно изюмину из булки.

— Будем драться, — проронил Белый безмятежно. — Лично я не хочу сдаваться на милость «санитаров». А что касается целей тех, на чьей мы стороне, так это пусть у них голова болит. Если удастся уйти отсюда живыми, я больше не играю в их игры.

— Даже если действия Игроков будут угрожать существованию вашей Ветви? — слабо улыбнулся Ивашура.

Григорий задумался и думал так долго, что, не дождавсь ответа, Игорь Васильевич обратился сразу ко всем членам отряда:

— Надо выработать стратегию поведения по отношению к нашим гипотетическим друзьям, Тем, Кто Следит. Участвовать в освободительной войне — почетно, участвовать в Игре в качестве пешек — унижительно.

— Игорь, ты не учитываешь одно обстоятельство, — впервые заговорила Вероника. — И в том и в другом случае мы сражаемся за себя! Не за Тех, Кто Следит. И за них тоже, конечно, но больше за себя. Отказаться от участия в игре под предлогом унижительного отношения к нам — значит отказаться от борьбы за жизнь. Может, попробовать стать вровень с Игроками? Доказать, что и мы тоже кое-чего стоим? Что мы не пешки, наконец, а фигуры посерьезней?

В комнате отдыха, организованной Стасом, установилась хрупкая тишина. Потом Павел-второй глянул на первого и мрачно изрек:

— Жданов, я тебя переоценивал. Ты не гений.

— Я тоже засомневался, ты знаешь.

— Эта женщина подала совет, которому нет цены! Друзья, что, если нам спуститься по Стволу «вниз», к корням Древа Времен, и поискать самих «хирургов»? Объясниться? Или подняться «вверх», в крону Древа, где обитают Те, Кто Следит.

— Паша, ты сошел с ума, — пробормотал Полуянов. — Если спуститься нам еще под силу, то контакт с «хирургами» — за пределами наших возможностей. В их власти ворочать Метавселенными...

— А вот тут ты ошибаешься, — живо возразил Павел-первый. — Если бы в их власти было ворочать вселенными, они не прибегали бы к помощи «пешек». Да, они Игроки высокого класса, но и наш потенциал никто не мерил.

— И все же это безумие!

— Как это сделать — другой вопрос. Давайте поищем трансгресс, его выход здесь есть, в одном из еще живых пузырей местного пространства. Можно воспользоваться и Стволом.

— Вряд ли это нам что-нибудь даст. Во-первых, мы упрямся в начало той самой Ветви, которая дала толчок развитию наших Метавселенных. Во-вторых, во всех узлах выхода нас наверняка ждут «санитары». А экипированы мы гораздо хуже, чем в первый раз, «големов» у нас нет.

Снова по комнате разлилось молчание. Прервала его Ясена:

— А если воспользоваться перемещателем бровей?

Мужчины глянули на нее непонимающе, а кое-кто оценивающе, и зардевшаяся девушка вынуждена была спрятаться за спину Павла-первого.

— Что за перемещатель? — поднял брови Ивашура.

— Что еще за бровей? — эхом отозвался Костров.

Павел коротко рассказал всем присутствующим историю своего знакомства с бродягой по Ветвям, присовокупив догадку:

— Больше всего в этом контакте меня смущает абсолютно независимое поведение бродяги и точность его появления

в нужном месте. Он меня не просто вычислил, он просто знал, где я появлюсь. А это уже уровень не какого-нибудь бродяги, туриста, странника, это уровень повыше, может быть, и самого Игрока.

— Интересное предположение, — скептически поджал губы Полуянов. — Еще один Игрок? Не много ли их развелось?

— Пусть не Игрок, пусть другое действующее лицо, судья, к примеру. Чем не идея? Или наблюдатель, болельщик, скажем. Между прочим, меня он почему-то упорно называл исполнителем.

Полуянов почесал затылок, потом развел руками:

— Спорить не буду, идея интересная.

Засмеялся Костров:

— Ничего себе ты с ним обошелся, Паша! Он прилетел с намерением словить кайф, поболеть за свою команду, а ты ему меч в пузо: двигай, паря, куда говорят, не то кишки выну!

Засмеялись и остальные, оживились женщины, но всех остудил Стас:

— Дорогие гости, к сожалению, шутить некогда, пора браться за дело всерьез. Я ощущаю поток внимания. Нас ищут по всему Стволу, и время поисков стремительно сокращается. В нашем распоряжении всего полтора-два часа.

Замолчав, все посмотрели на Ивашуру. Он олицетворял здесь власть, которая все знает и видит и всегда может найти выход из кризиса. Игорь Васильевич улыбнулся в душе, с иронией и грустью. Он был всего-навсего человек, способный ошибаться, хотя и умеющий кое-что. Например, организовывать людей.

— Неплохо было бы отыскать вашего бровея Мимо — кстати, имечко он себе придумал двусмысленное — и приказать ему предоставить в наше распоряжение свой перемещатель. Однако вряд ли подобное насилие удастся еще раз, особенно если он болельщик, и, что важно, того же класса, что и наши Игроки. А во-вторых, мы просто не в состоянии его найти. Остаются два пути. Первый: поискать трансгресс и нырнуть «на дно» мира с его помощью. Второй путь: воспользоваться уцелевшей хрономембраной Ствола.

— План не идеален, — покачал головой Павел-второй. — Ни тот ни другой. Но иного нет и не будет. Я бы, правда,

кое-что к нему добавил. Перед нашим уходом следовало бы нанести удар по Контрстволу изо всех видов оружия, дабы заставить «хирургов» потратить какое-то время на восстановление разрушенного. Это и будет нашим резервом. Иначе они успеют достроить и запустить свой хронобур. Кто знает, что произойдет после этого.

— Неизвестно, исчезнет ли наша Ветвь, — добавил негромко Павел-первый, чувствуя затылком дыхание Ясны. — Но мир, все Древо Времен, наверняка изменится. К лучшему или к худшему, не могу сказать, однако родину мы потеряем.

— Погонщики правят слонами... — пробормотал Костров.

— Что? При чем тут погонщики?

— Это строчка из стихотворения. «Верблюды танцуют под нами, погонщики правят слонами, и змей умирят колдун...» Ну и так далее. Я хотел сказать, что очень неуютно быть слоном, зная, что существуют погонщики.

— Красиво говоришь, Иван, — восхитился Григорий Белый.

Никто не улыбнулся на шутку.

— Итак, решаем. — Ивашура оглядел построжавшие лица сподвижников. — Мы снова — десант. Это раз. Сейчас готовим удар по Контрстволу. Это два. Затем сматываемся отсюда, ищем трансгресс и катапультируемся к началу Времен. Это три. Ну а что будет потом, решим на месте. В сущности, останется пустяк: найти Ветвь «хирургов», отыскать их самих и договориться.

Ответом Ивашуре было согласие в глазах десантников. Они знали, на что шли, но верили в благополучный исход операции. Игроки сами по себе их интересовали мало, для всех важнее была оценка их собственных действий товарищами, родными и близкими, любимыми, наконец.

Часть V И ЗМЕЙ УСМИРЯЕТ КОЛДУН...

Глава I

Большинство захваченных «санитаров» погибло, не выдержав давления на психику программ самоуничтожения. Медики Управления смогли спасти жизнь только восьми человек.

Служба безопасности снова установила полный контроль над полуразрушенным зданием хроноускорителя.

Был выявлен еще один функционер «хирургов», занимавший пост вице-преьера по науке и технике в объединенном правительстве континента. Он сопротивлялся яростно, ранил нескольких оперативников, но был захвачен и в бессознательном состоянии доставлен в клинику УАСС. Шанс, что он заговорит, существовал.

Из Ствола вышли в целостности и сохранности хроноинженер Игорь Марич и гриф безопасности Григорий Белый.

Златков выздоровел и приступил к исполнению обязанностей начальника исследовательской бригады Центра по ликвидации последствий. В отличие от всех эмиссаров, запрограммированных «хирургами», вернее, их помощниками, он сумел подавить программу и выжить.

Началось восстановление здания лаборатории времени, оборудованного теперь более современными системами безопасности. Хроноускоритель, практически переставший быть изделием рук человеческих, превратившийся в удивительный конгломерат пространств с разными физическими свойствами, был окружен новыми, более мощными установками хронооптимизации и поглотителями всех видов энергии. Стал ли он меньше угрожать природе Земли и всему космосу новыми катаклизмами, никто не знал, но у обывателей на душе полегчало. Люди — удивительные существа, зачастую им достаточно иллюзии безопасности.

И наконец, место Ореста Шахова в ВКС занял директор Евразийского филиала Управления аварийно-спасательной службы Ив Костров.

Все эти сведения выздоравливающий Ромашин выудил у инка Управления, соединившись с ним по своей личной консорт-линии. Больного оберегали от излишних волнений и информацию цедили скупой, особенно первые две недели после его схватки с Десаи. Единственным допущенным к отравленному комиссару был его телохранитель Харлам Саковец.

Однако своевременная медицинская помощь и забота врачей, а также мощный организм Ромашина в конце концов одолели недуг, и уже через две с половиной недели комиссар начал ходить, общаться с родными и близкими, все еще не вполне осознающими, что он остался жив. А однажды утром, после стандартных реабилитационных процедур, к нему неожиданно заявился Атанас Златков, как всегда рассеянно-флегматичный, имеющий вид засыпающего на ходу или, наоборот, еще не окончательно проснувшегося. Лишь немногие люди, в их числе и комиссар, знали, какой силой воли и внутренней дисциплиной обладает этот человек.

Преодолев неловкость, возникшую от некоторой растерянности, Ромашин предложил ученому посидеть за чашкой кофе, и они поднялись в солярий медцентра, опекаемые невидимой обоймой телохранителей и бригадой врачей. Хотя после успешной операции «Мангуст» непосредственная опасность жизни комиссара не угрожала, Харлам Саковец продолжал исполнять свои обязанности, которые с него еще никто не снял.

Домовой, смешной гном с подносом, принес кофе, тосты, сахар, сливки, гость и пациент клиники уселись в удобные шезлонги и стали неторопливо пить кофе, разглядывая с высоты ста с лишним метров панораму русской равнины с невысокими холмами, лесами, лугами и долами, с извилистой петлей реки. Утро было солнечным, нежарким, природа дышала покоем и умиротворением, но взгляд Игната невольно ловил на этом фоне белую колонну Ствола, и настроение его из элегического превратилось в деловое.

— Как вы себя чувствуете, Атанас? — заговорил Ромашин. — Мы теперь вроде бы как оба битые «хирургами», так что цену жизни знаем.

— За одного битого двух небитых дают. — Сквозь флегму в глазах Златкова на миг проступил пронзительный огонь глубокого знания. И холодная тень печали.

— Ну, за вас я бы дал не двух, а пару сотен небитых, — улыбнулся Ромашин. — Чувствую, не за тем вы пришли, чтобы справиться о моем здоровье?

— Да и вас мое интересует мало, — огрызнулся Златков.

Они оценивающе глянули друг на друга. Каждый вполне понимал чувства собеседника.

— Что-нибудь случилось? — спросил наконец Ромашин. — Мы что-то упустили из виду? «Санитаров» переловили, взрывные устройства обезвредили, но победу торжествовать рано?

— Вы же сами знаете, что о победе говорить не приходится. Победителей в этой игре, в которую мы ввязались, быть не может.

— Позволю себе возразить. Если брать масштабы Древа Времен, то есть Большой Вселенной, то да, согласен, на этом уровне победитель не выявляется. Что же касается уровня пониже, масштабов Ветви Времени, то тут, безусловно, победитель должен быть. Победим мы — выживем, не победим...

— Извините, я действительно мыслил категориями абсолюта, — нехотя отступил Златков. — В последнее время... м-да... — Он замолчал, пожевал губами. — Со временем еще разбираться и разбираться. Но это отдельная тема. Я же сейчас увлекся проблемами иной глубины — исследованиями свойств тел седьмой степени, законов невозможных состояний и тому подобными вещами.

Ромашин заинтересованно глянул на обманчиво сонное лицо ученого, покачал головой.

— С удовольствием побеседовал бы с вами на эти темы, но, увы, некомпетентен. К стыду своему, я не знаю даже, что такое тело седьмой степени.

— Это термин из области непарадоксальной метрики вероятностных вселенных. Телом первой степени в ней является точка, второй — линия, третьей — поверхность... и так далее.

— Четвертой, соответственно, пространственная фигура трех измерений. А тела пятой, шестой и седьмой степени?

— Тело пятой степени — время. — Златков несколько оживился, хотя было видно, что думает он сразу о многих вещах, а не только о предмете разговора. — Ну, или, иными словами, это существование во времени тела как пространственной фигуры. Шестая степень — вечность, а точнее — существование самого времени.

— Что же тогда тело седьмой степени? Существование вечности?

— У тела седьмой степени нет названия, это символ, абсолют. Но меня весьма увлекла принципиальная непознаваемость этого «объекта». Кстати, древние индийцы догадывались о подобных вещах. Помните тексты Атхарвавед? Термин Махакала*? Так вот их Махакала и есть тело седьмой степени.

Ромашин задумался, машинально допивая кофе. Златков отставил чашку, откинулся в шезлонге, закинул ногу за ногу и обхватил колено длинными нервными пальцами.

— Кажется, я вас понимаю, — заговорил комиссар. — Чисто в эмоциональном плане. Любые проблемы добавляют интереса к жизни, а подобного рода... — он пошевелил пальцами, — это как перец в пище для любителей острого. И все же не могли бы вы привести наглядный пример?

— Пример чего?

— Приложения теории к реальному положению вещей.

— Пожалуйста. Одним из следствий этой теории является лемма, что все наше трехмерное пространство есть лишь мгновение во времени.

Ромашин хмыкнул:

— Простите, не улавливаю.

— И не надо, — покривил губы Златков. — Специфика науки в том и состоит, что ее мало кто понимает, даже сами профессионалы-разработчики.

У Ромашина дрогнули губы, но он сдержал улыбку.

— Где-то я прочитал очень точную поэтическую оценку Эйнштейна. «Перед Эйнштейна мудростью и скрипкой поч-

---

* *Махакала* — буквально «Великое Время». Согласно представлениям Атхарваеды Время, которым (или в котором) создается вселенная, в конце цикла бытия превращается в грозное пламя, уничтожающее вселенную в ходе светопреставления. Но когда «огонь Времени» (кала-агни) затухает, Время «пожирает само себя» и превращается в Махакалу — трансцендентное, абсолютное «Время над Временем», Вечность.

тенно головы склоним, хотя понятен он всего двоим: себе и временами — Богу».

Златков как бы очнулся, с удивлением обнаружив себя сидящим в шезлонге напротив комиссара, стал суховато-деловым и энергичным.

— Игнат, я многое передумал, пока выздоравливал. Лежачий образ жизни, знаете ли, способствует размышлениям. И я вдруг понял одну простую вещь. Наш Ствол, по сути своей, стал КЗ! «Коротким замыканием» Вселенной. Его воздействие на Древо Времен вовсе не безобидно, это ЧП вселенского масштаба! Ибо он изменил в с е Ветви, которые пересек и соединил. Наша Мета вселенная едва не свернулась, и последствия обратной временной волны еще долго будут сказываться на ее развитии. Во всяком случае, все звезды видимой области Метагалактики изменили спектры излучений. Даже Солнце, хотя и не столь заметно.

Ромашин остался спокойно-задумчивым.

— Допустим. Что из этого следует?

— Ствол надо уничтожить!

Комиссар с изумлением взгляделся в сосредоточенное лицо гостя.

— Вы с ума сошли! Именно этого и хотели добиться «хронохирурги».

— А кто нам доказал, что они не правы? — тихо проговорил Златков.

У Ромашина мелькнула мысль, что ученый запрограммирован глубже, чем они до сих пор представляли, и вся его «волевая борьба с программой» на самом деле — хитрый запрограммированный ход «хирургов».

— Те, Кто Следит...

— Они не доказывали. Они просто советовали, что надо делать, по их мнению, а мы слепо следовали этим советам.

— Вы дьявол, Атанас! Вы все время напрягаете меня и заставляете менять точку зрения. Я даже начинаю сомневаться, что вы на нашей стороне.

— На вашей, — улыбнулся Златков. — Да и на дьявола я похож мало. Дьявол тот, кто затеял все это со Стволом.

— Вы имеете в виду «хронохирургов»?

— Я имею в виду того, кто подставил их и Тех, Кто Следит, в комбинацию игры. Я считаю, что «хирурги» и Те, Кто

Следит, — не основные Игроки, хотя и гораздо более серьезные фигуры, чем мы с вами. И наконец, я полагаю, что Тирувилеиядаль ведется на всех уровнях мироздания, во всех Ветвях Древа Времен, где мы занимаем, может быть, самый низкий уровень.

— Что такое Тирувилеиядаль?

— В переводе с тамильского — «священная игра». Нам просто внушили, что мы чуть ли не самые главные в этой борьбе за жизнь, на самом же деле все не так. Кто-то меняет стратегию, тактику, условия, константы, законы, наконец, а мы лишь можем догадываться об этом, принимая смену принципов игры за проявление законов природы.

Златков утомился и замолчал. Молчал и Ромашин, взвешивая откровения ученого и почти веря им.

Прилетел ворон, важно походил по балюстраде солярия, поглядывая то на людей, то на трапезный столик, каркнул осуждающе и сорвался вниз. Налетевший теплый ветерок взъерошил чуб Ромашина и седую шевелюру Златкова, принес запахи цветов с луга.

— Что же вы предлагаете делать? — очнулся комиссар.

— А ничего, — сказал ученый. — Сражаясь за частные истины, за одну из сторон, мы ничего не докажем и ничего не приобретем. Кроме разве что жизни.

— Но это немало, не так ли? Разве мы, люди, не имеем права жить? Да и как еще иначе мы заставим кого-то уважать нас?

— Прежде надо научиться уважать себя самих, — проворчал Златков. — Это намного важнее... и труднее.

— Хорошо, меня вы уговорили. Что посоветуете нам делать в сложившейся ситуации? Уничтожить Ствол?

— Хроноускоритель — частность. Хотя если его нейтрализовать, может произойти обратный фазовый переход Древа в изначальное состояние. Я не просчитывал этот вариант. Речь же веду о другом. Надо собрать всех исполнителей воли «хирургов» и Тех, Кто Следит, и вывести их из игры. Игроки без фигур — не игроки, короли без пешек — не короли. Игра может закончиться ничьей... — Златков задумался, стекленея взглядом. — Хотя, конечно, в воле Игроков набрать фигуры другого плана и начать снова. Однако лишь этот вариант заставит их остановиться.

— Вы представляете, какая это работа? Собрать всех исполнителей, всех Ждановых из миллионов затронутых Ветвей, всех Белых, Полуяновых! Кто и как с этим справится? Где их искать?

— Никого искать не придется, — досадливо поморщился Златков. — Все они привязаны к выходам Ствола. Достаточно дать сигнал сбора через работающие хрономембраны.

— Во-первых, сделать это будет непросто. Сигнал должен быть услышан всеми и всеми понят. Во-вторых, никто нам не поверит. Такова человеческая природа — подспудно ждать провокации. Я бы не поверил.

— Смотря как подать информацию. Формулировка подобных заявлений — тонкая политика, и все же это шанс. Кстати, я вспомнил, ради чего заявился к вам. Хотел предупредить о возможном появлении знакомых фигур в качестве объектов противостояния.

— Что вы имеете в виду? Каких фигур?

— Павла Жданова, других ваших сотрудников. Сколько существует Ветвей с почти идентичными условиями существования, столько существует Ждановых. Но у каждого из них — своя правда! «Нашего» Павла, да и нас с вами, Те, Кто Следит, смогли уговорить не трогать хронобур. Но наверняка есть Ждановы, которых смогли привлечь на свою сторону «хронохирурги»!

— Но если в результате наших действий, направленных на спасение хронобура, Вселенная сохранилась, значит, антиждановых не было?

— Просто их оказалось меньше. И учтите еще, что Ствол мог быть создан не один.

Ромашин осторожно поставил пустую чашку на столик.

— Тогда игра теряет смысл.

— Наоборот, она становится глубже и сложнее. Особенно если учесть, что природа времени в каждой Ветви своя. Разная. Мы с вами живем в Метавселенной, где время — лишь условие восприятия процессов движения материи мыслящими существами, то есть нами.

— Помнится, вы говорили иное.

— Мои взгляды тоже подвержены изменениям, — сухо заметил Златков. — И я не гений. Некоторые загадки природы объяснить я так и не сумел. Например, в нашей Метавселенной существуют три типа однонаправленных явлений.

Термодинамические процессы, протекающие в направлении роста энтропии, определяют термодинамическую стрелу времени. Расширение Вселенной определяет космологическую стрелу времени. И наконец, психологические процессы, дающие субъективное ощущение течения времени, определяют психологическую стрелу времени. Так вот для меня загадка: почему все три стрелы направлены в одну сторону?

— Имманентное свойство природы. Вложено в наш континуум как непреложный закон.

— О да, — усмехнулся Златков. — Кем вложено? Творцом? Но тогда мы упираемся в еще одну проблему, проблему возникновения Творца. Кстати, ее тоже можно рассматривать как запредельный случай метрики пространств, общий пример абсолюта, тела седьмой степени.

Ромашин потер пальцем висок. Он устал и жаждал отжаться один, чтобы еще и еще раз проанализировать сказанное Златковым. Атанас заметил его жест, поднял руки вверх и встал.

— Ухожу. Вы еще не окрепли для подобных бесед. Но помните о предупреждении.

— Спасибо, — проговорил Игнат без особой благодарности в голосе. — И хотя сегодня я вряд ли усну спокойно, все равно спасибо. — Он вдруг вспомнил. — Постойте, Атанас, один вопрос, последний. Вы говорили, что работаете над какими-то законами невозможных состояний...

— Это новый раздел хронофизики, — оглянулся Златков, — исследующий так называемые объемы, плоскости и линии невозможностей, то есть линии несуществующих измерений, ведущих никуда и приходящих ниоткуда. К сожалению, наглядного примера таких состояний я привести не могу.

— Разве несуществующее и невозможное можно измерять? — поднял брови Ромашин. — Как это можно исследовать вообще?

— А как мы изучаем прошлое, уже не существующее? Или прогнозируем будущее, еще не существующее? Между прочим, несуществующее и невозможное бывает разных степеней. В свете этого выходы нашего Ствола в соседних Ветвях являются точками или узлами невозможностей второй степени.

— А что такое узел первой степени?

— Распад протона, к примеру. Событие крайне маловероятное. Остановка единичного электрона. В общем, все события, почти невероятные в нашем материальном мире, можно назвать узлами невозможностей первой степени. А есть еще и третья степень, мыслится и четвертая... Прощайте, Игнат, выздоравливайте.

Златков кивнул и шагнул на квадрат пронзающего лифта, унесший его из солярия в недра здания. Ромашин остался сидеть, рассеянно вертя в пальцах кофейную чашку. Уронил, но успел подхватить. Домовой с подносом терпеливо ждал команды унести прибор.

В ухе пискнул вызов транш-рации. Игнат очнулся, жестом отослал «гнома», включил связь.

— Комиссар, у нас ЧП! — доложил Базарян, командир группы «Роуд-аскер», отвечающей за безопасность Центра по ликвидации последствий.

Екнуло сердце.

— Что там еще?

— Из Ствола вышел Павел Жданов в сопровождении незнакомых людей и киберов неизвестного назначения. Я таких еще не видел.

— И это все ЧП?

— Он захватил зал управления Центра и взял в заложники начальника Центра, председателя СЭЖОНа и двух сенаторов Евразийского совета.

Ромашин проглотил ставшую горькой слюну.

— Его мотивации?

— Когда он вышел, то сразу спросил, почему его не встречает комиссар. Мы объяснили, попросили покинуть опасную зону, и тогда он... в общем, трое моих ребят в реанимации.

Ромашин почувствовал слабость, на лбу выступила испарина, ноги стали ватными, непослушными. И тотчас же следящая медсистема подняла панику среди врачебно-санитарного персонала. На крышу поднялись две медсестры в сопровождении медицинского инка, уложили пациента на антиграв, надвинули на грудь анализатор состояния, заставили выпить «живой воды» и увезли вниз.

Все это время комиссар боролся с болью в затылке, а когда справился, позвал:

- Арчил, дальше что?
- С вами все в порядке? — отозвался Базарян.
- Нормально. Говори.
- Он требует...
- Ну? Не тяни.
- Он требует встречи с вами и Орестом Шаховым.
- Ясно. Буду через час.
- Но вы же...
- Ждите.

Ромашин полежал в палате, опекаемый хорошенькими медсестрами клиники, почувствовал себя лучше и решительно встал.

Глава 2

Эффективность удара по Контрстволу превзошла все ожидания.

Ровно за час до окончания рассчитанного Стасом срока пребывания в зоне отдыха десантники выступили в поход, вооруженные до зубов, очистили нижние этажи Ствола от поисковых групп «санитаров» и вышли из здания.

Здесь их встретили «броневики» охраны и летающие кресты, но были уничтожены, ибо охранники Ствола и защитники Контрствола не представляли мощи противостоящей стороны.

Приблизившись на километр к внушающей ужас и восхищение башне Контрствола, десантники дали залп из всего имеющегося у них оружия: ракетные ружья «дракон», аннигиляторы «нихиль», «универсалы», «глюки», а Гриша Белый ухитрился, кроме того, с помощью подствольного гранатомета забросить на территорию стройки малый слинг, генератор «струны» для системы метро.

Инициированный без фокусирующего зеркала слинг создал вместо «струны» объем компактификации — свертки пространства, и двухсотметровый портал вместе с частью основания Контрствола перестал существовать, в то время как «глюки» и аннигиляторы десантников проделали приличные бреши в стенах здания и особенно по центру конуса левой башни, где разведчики Ждановы обнаружили какое-то

особое устройство в форме ананаса. Неизвестно было, удалось повредить устройство или нет, но штурмующие остались довольны результатом атаки.

— Отходим, — подал сигнал Ивашура. — Сил у них много, опомнятся — вряд ли отобьемся.

Десантный отряд повернул обратно, огрызаясь огнем на редкие попытки уцелевших «санитаров» задержать его. А у стен Ствола десантников ждал сюрприз — возникший ниоткуда, прямо из воздуха, двадцатиметровый перемещатель бровей Мимо, похожий на гигантский панцирь черепахи.

Ивашура и его друзья, не видевшие прежде корабля бровей, едва не начали пальбу, и Павел еле успел их остановить.

Перемещатель завис над почвой на высоте трех метров, из его днища пролилась струйка жидкого металла и оформилась в фигуру бровей. Некоторое время люди и бродяга по мирам смотрели друг на друга и молчали. Потом бровей поднял руку в «латной перчатке» и поманил десантников.

— Вам не стоит задерживаться здесь, воины. Мой перемещатель к вашим услугам.

Ивашура оглянулся на Павла-первого, не спеша воспользоваться предложением.

— Ему можно верить?

— Хотелось бы, — с сомнением произнес Павел-второй. — Жданов, мне не нравится, что он появляется в нужном месте в нужное время.

— Мне тоже, — сквозь зубы процедил Павел-первый. — Странная забота для бродяги — помогать первым встречным-поперечным.

— Во-первых, вы не первый встречный, — возразил бровей Мимо, — и даже не второй. Ждановых я встречал множество раз. Во-вторых, я многое могу себе позволить. Но извольте поторопиться, ваши недруги, кажется, начинают приходить в себя.

Павел оглянулся на поврежденное дымящееся здание Контрствола, возле которого уже формировалось войско «санитаров» во главе с гигантским обезьянозмеем, на два десятка летающих крестов, журавлиным строем приближавшихся со стороны горной цепи, перевел взгляд на Павла-второго.

— Как ты думаешь, если мы атакуем перемещатель, он выдержит?

— У меня остался еще один слинг, — ответил все понимающий дубль. — Свертки в «струну» не выдержит ни один материальный объект.

Бровей Мимо не пошевелился, но от него пахнуло столь ощутимой плотной волной снисходительного всепрощения, что это почувствовали все.

— Уходите, — сказал Павел-первый. — С этого момента наши пути расходятся. Следующая встреча закончится для вас печально.

— Жаль, я просто хотел помочь исполнителю.

— Мы в состоянии постоять за себя сами. — Павлу вдруг пришла в голову интересная мысль, и он высказал ее вслух. — Передавайте привет «хронохирургам» и Тем, Кто Следит. Скоро мы навестим тех и других.

Фигура бровея заколебалась, подернулась рябью, превратилась в струю дыма, которая без следа всосалась в брюхо «черепахи». Еще через мгновение перемещатель превратился в тонкую черную струну и исчез, унося бродягу по мирам Древа Времен.

— За мной! — скомандовал Павел-второй, и отряд дисциплинированно отступил к Стволу, успев скрыться в его недрах за минуту до атаки «санитаров».

Подземный бункер Центра по ликвидации последствий был окружен со всех сторон на всех уровнях и горизонтах.

Ромашин представить себе не мог, что ему придется перешагнуть порог центрального зала в качестве парламентаря, поэтому, стоя перед дверью в зал, воспринимал происходящее заторможенно, как сон. Вывел его из этого состояния Базарян:

— Может быть, мы за вашей спиной прорвемся в зал и возьмем их всех? Залп из «слонов» — и все...

— Жданов — профессионал, каких мало, — прогудел в усы Харлам Саковец. — Он наверняка предусмотрел все варианты возможной атаки. Хорошо еще, что он отпустил обслугу Центра.

— У нас тоже немало крутых профессионалов, — обиделся командир «Роуд-аскер». — Со всеми он не справится.

— И ты согласен положить всю обойму, чтобы доказать ему, какие вы профессионалы? — Комиссар с иронией глянул на смуглолицего Базаряна.

Тот стусеивался, пробормотал:

— Нет, но обидно же...

— Харлам, — обратился Ромашин к своему телохранителю. — Потолок проверили?

— Есть два вент-люка, прямо над вириалом управления и у стены. Можно будет попробовать.

— Подготовьтесь на всякий случай. У вас будет максимум полсекунды на отстрел люков и еще полсекунды на десантирование и гипноатаку.

— Управимся.

— Иди.

Ромашин вздохнул, жестом предложил всем отойти от двери в зал и перешел на волну связи с Центром:

— Жданов, я Ромашин. Впусти.

Монолитная на вид дверь свернулась валиком вокруг опоры, ушла вбок. Ромашин шагнул вперед и оказался в полной темноте. Дверь за ним бесшумно встала на место, и тотчас же разгорелось небольшое круглое окошко на потолке, освещая фигуру человека, стоящего посреди зала. Невозможно было разглядеть, сколько еще людей прячется в темноте, но Игнат чувствовал на себе их взгляды. Расправил плечи, пристально глянул на того, кто ждал его в конусе света.

Человек был одет в черный комбинезон, скрадывающий движения и делающий его почти невидимым, но лицо, несомненно, принадлежало Павлу Жданову.

— Проходите, комиссар, — раздался его негромкий голос.

Над головой Игната разгорелась панель потолка, осветив комиссара.

Ромашин подошел ближе, остановился, изучая лицо безопасника, отмечая едва уловимую печать инородности. Павел был Павлом и все же — чужим, не тем человеком, которого знал Игнат.

— Что, не похож? — усмехнулся Жданов. — Вы тоже отличаетесь от комиссара, посылавшего меня в Ствол.

— В таком случае вы догадываетесь, что случилось?

— Я попал не в свою Ветвь.

— Совершенно справедливо. И между прочим, не только вы один. До вас у меня гостили Гриша Белый и Федор Полуянов, также заброшенные не в свою Ветвь.

— Это любопытно. Кто-то из наших покровителей ошибся. Однако не будем терять времени.

— Не будем. Заложники живы?

Зажегся еще один квадрат потолка, высветил сидящих у стены зала начальника Центра Льва Косулина, председателя СЭКОНа и двух сенаторов, ухитрившихся даже в этом положении выглядеть спесивыми представителями власти.

— Эй, комиссар, — брюзгливым тоном позвал один из них, с обширной лысиной и рыхлым лицом. — Нельзя ли побыстрее договориться с этим типом? Мы уже больше часа здесь сидим.

— Сидите пока, — сухо ответил Ромашин, уловив веселый блеск в глазах Жданова. — Отойдем?

Они отошли в глубь зала, к играющей огнями пирамиде пси-вириала.

— Прежде чем мы начнем переговоры, хотел бы задать вам один вопрос. Что есть время в вашем мире?

Жданов, не мигая, вглядывался в лицо Ромашина. Вопрос был для него неожиданным, но спрашивать, зачем это знать комиссару, он не стал.

— Время — понятие статистическое, насколько я помню терминологию темпорфизики.

— Как вы сказали, темпорфизики?

— Разве у вас физика времени называется иначе?

— Да, хронофизика. Но извините, я перебил вас.

— А говорить больше не о чем. Могу добавить, что необратимость времени в нашей Ветви связана с огромным количеством процессов, направленных в одну сторону по законам теории вероятности.

— Что ж, эти понятия у вас и у нас совпадают. Впрочем, иначе и быть не могло. В противном случае вы не были бы Павлом Ждановым. Позвольте еще вопрос? Кем являются в вашей Метавселенной «хронохирурги»?

— Это важно? — голос Жданова похолодел.

— Я понимаю, что вы на их стороне в отличие от нас, но для объективного разбора ситуации ответ важен.

— Мы называем их по-другому — Хранители Равновесия. Хотя это не суть важно. Так же, как название ваших покровителей.

— Те, Кто Следит.

— Для нас они «дестабилизаторы». Но суть дела от разницы в терминах не меняется. Хранитель Равновесия, или «хронохирург», по-вашему, это разумная система типа «грибницы». Вас это устраивает?

— Вполне. Меня все устраивает. Дело в том, что мы говорим о разных «хронохирургах». Для нашей Ветви «хронохирург» — разумная система типа «стаи». Для мира, откуда к нам прибыли «чужие» Белый и Полуянов, «хирург» — система типа «роя». Улавливаете разницу?

— Поясните.

— Мы имеем дело с целым букетом «хирургов», их соперников, Стволов и прочих сопутствующих деталей. Я хочу сказать, что мы не враги.

— Это... любопытно.

— Теперь слушайте. Необязательно верить мне на слово, тем более что все, мною сказанное, — лишь правдоподобная версия событий. Поэтому запаситесь терпением и не отрицайте все с ходу.

— Говорите.

Ромашин, переждав приступ слабости, начал рассказ, длившийся четверть часа. Когда он закончил, Жданов долго молчал, взвешивая все «за» и «против». Он тоже многое знал, кое в чем сомневался, накопил требующую проверки информацию и теперь должен был решить, чему верить.

— Я думал над этим, — признался он наконец. — К сожалению, у меня нет такого консультанта и советчика, как ваш Златков. То есть такой ученый у нас есть, но он далеко не главный реализатор идеи хронобича. Но вы нарисовали картину... страшную! Если только это правда.

— Проанализируйте ситуацию, и вы поймете, что я прав.

— Ну хорошо, допустим. Допустим, существуют Игроки, использующие нас в качестве фигур низкого достоинства. Что нам делать в таком случае?

— Ничего. Вернее, надо каким-то образом оповестить всех участников игры нашего уровня, объяснить им все и попросить выйти из игры.

— Каким образом?

— Не знаю. — Ромашин вспомнил слова Златкова. — Есть идея использовать для этого Ствол.

Жданов смотрел непонимающе. Игнат добавил:

— Линия Ствола сохранилась, иначе вы не появились бы здесь. Кстати, это тоже загадка: почему сохранилась? Или хронобур не уничтожен и продолжает углубляться в прошлое других Ветвей, соединяя их, или Древо Времен «ждет» чего-то, например очередного хода Игроков. Тут надобно думать. Так вот все «пешки», то есть игроки нашего уровня, миллионы Павлов Ждановых, Белых, Полуяновых и других, должны собраться у точки выхода хронобура, у начала времен. Надо появиться там раньше других Игроков и остановить всех!

Жданов покачал головой.

— Я не вижу, как это можно осуществить технически. Даже если использовать трансгресс, невозможно опуститься сразу во все точки выхода Стволов.

— Надо думать, — повторил Ромашин. — Это пока лишь голая идея. Но выход из положения — здесь.

— А если я вам не поверю?

— Тогда мы проиграем. — Ромашин усмехнулся, на мгновение проваливаясь в вату слабости. — Причем все. Вы убьете меня, заложников, с десятков парней спецслужб, мои люди убьют вас. И все это будет на руку только Игрокам. Вас устраивает такой вариант?

— Допустим, я вам верю. Но могут не поверить другие... э-э... Ждановы.

— Поверите вы, поверят и они. Истина не страдает от того, что кто-то ее не признает, но страдают люди по обе стороны баррикад. Надо сделать так, чтобы страданий было поменьше.

Из темноты выступила закованная в жидкий металл спецкостюма фигура.

— Командир, не слушайте его, он лжет! Мы засекали передвижение групп с источниками энергии, две из них сейчас над нами. Наверняка готовится штурм.

Жданов повернул голову к Ромашину, пристально заглянул в его глаза.

— Это правда?

— Конечно, правда, — устало ответил Игнат. — Мы страуемся, как это на нашем месте сделал бы любой спец.

— Я убью его! — На плече подошедшего шевельнулась турель, дуло «универсала» глянуло в лицо Ромашину.

— Отставить! — жестко проронил Жданов.

— Но они готовят атаку...

— Мы пропустим вас обратно к Стволу, — с усилием произнес Игнат. — Нет смысла сражаться с вами ради торжества справедливости. — Ромашин включил рацию. — Харлам, снимайте людей, освободите коридор для прохода к Стволу группы Жданова.

— Понял, — донесся через несколько секунд голос Саковца. — Уходим.

Ромашин повернулся спиной к Жданову. Тот шагнул к нему, взял под локоть, понизил голос.

— Вам плохо, комиссар? Мне сказали, что вы в клинике. Что случилось?

— Ничего особенного, — буркнул Ромашин. — Мне просто нравится лежать в реанимации. — И потерял сознание.

Пришел в себя он уже в своей палате в клинике Управления. У кровати сидел бородатый Харлам и увлеченно беседовал с сидящим напротив Ждановым. Заметив, что комиссар пошевелился, они замолчали и повернули к нему головы.

— Ох и занимательные вещи сообщает сей отрок о жизни на Земле в их Ветви! — прогудел телохранитель комиссара. — Например, у них там не ВКС, а Всемирное вече, а вместо...

— Угомонись, — бледно улыбнулся Игнат, встречая выразительный взгляд Жданова. — Так что вы решили, Павел?

— Поживу некоторое время у вас, поговорю со Златковым. Вы меня заинтересовали. Подумаю. А потом решим, что делать.

— Он знает весьма любопытную школу рукопашного боя, — сказал Харлам. — Обещал дать несколько уроков.

Ромашин не ответил. Закрыв глаза, он размышлял о других Ждановых, воюющих на стороне «хронохирургов», и о том, что уговорить их всех думать будет действительно не просто. Если вообще возможно.

— И все же я не понимаю, почему ты отказался от услуг бровя, — задумчиво сказал Павел-второй.

— Сам не знаю, — не менее задумчиво отозвался Павел-первый. — Обидным показалось, что он считает нас несмышленишами, неспособными постоять за себя. Навер-

ное, следовало бы задавить эмоции и воспользоваться его перемещателем, чтобы добраться до трансгресса. А теперь у нас всего два пути: бежать отсюда и самим искать трансгресс или нырнуть в хрономембрану Ствола. Стас обеспечит спуск. Стас, сколько у нас осталось времени на раздумье?

— Боюсь, что не более получаса, — ответил инк Ствола.

Десантный отряд расположился в зоне отдыха, пока еще контролируемой Стасом, но был готов выступить в путь.

— Проблему надо решать глобально, — заявил Ивашура; все посмотрели на него, кто оценивающе, кто с интересом, а женщины с надеждой. — Нам необходимо разделиться. Одна группа пойдет вниз, к «хирургам», вторая — к Тем, Кто Следит. Только так мы сможем выслушать обе стороны, то есть одного и другого Игрока, и определить свою позицию.

Ждановы взглянули друг на друга.

— А что, это, пожалуй, лучший выход из положения. Как вы поделите отряд?

— Пятеро пусть идут «вниз», четверо «вверх». Пятерку хотел бы повести я, если не возражаете.

— Командуйте. Кто пойдет с вами?

— Вероника, Гриша Белый, Федор и вы, Павел.

— Какой именно? — улыбнулся Павел-первый.

— Я еще не совсем вас различаю... пусть это будете вы.

— Тогда и я с ним! — вцепилась в руку Павла-первого Ясена.

Все засмеялись. Девушка, покраснев и сверкнув глазами, по обыкновению, спряталась за спину Жданова.

— Детский сад, а не десант, — покачал головой Белый.

— С вами пойду я, — сказал Павел-второй. — А он пусть идет с оставшимися. Тем более что он тоже контактировал с Теми, Кто Следит, и знает, как с ними вести себя.

Отряд разделился, группируясь вокруг лидеров двух групп. Женщины обнялись, шепча друг другу ободряющие слова, мужчины обменялись рукопожатиями.

— Что ж, поехали! — торжественно возгласил Павел-первый, вспоминая свой первый старт в Ствол. — Надеюсь, нам удастся уговорить Игроков поменять правила игры.

— Встретимся... а кстати, где мы встретимся потом? — Павел-второй нахмурился. — В Стволе? В одной из Ветвей?

— В трансгрессе, — предложил Полуянов. — По-моему, это единственный устойчивый объект в изменяющемся Древе Времен.

— Федор, ты умница! — сказал Белый серьезно. — Конечно, с этим трансгрессом еще надо разобраться, почему он не зависит от условий каждой Ветви, но надежней схрона, наверное, не существует.

— Поторопитесь, господа, — напомнил Стас. — Зона окружена, атака вот-вот начнется, а долго удерживать натиск я не смогу.

— Кто первый? — спросил Белый. — Кстати, Стас, ты ведь гарантируешь только спуск. А подъем?

— Хрономембрана после вашего возвращения работает в обе стороны, как простой лифт. Объяснить сей феномен я не в состоянии, но запустить группу «вверх» смогу.

— Тогда запускай «верхних».

Павел-первый, Ясена, Костров и Тая отступили к стене зоны отдыха, которая пропустила их в зал с колонной лифта. Все четверо молча вошли в кабину мембраны, полупрозрачная дверь сгустилась и закрыла проем. Мелькнули снизу вверх голубые огоньки, как пузырьки воздуха в воде, и дверь растаяла снова. Короб кабины оказался пустым, первая группа десанта ушла «вверх», «в будущее».

— Порядок. — Белый шагнул в лифт. Остальные гуськом втянулись в кабину, и Стас включил аппаратуру спуска. Пятерка десантников стремительно понеслась сквозь пространство и время по цепи выходов Ствола к истокам мироздания.

Глава 3

Павел Жданов из другой Ветви задержался со своей командой в чужом для него мире почти на пять дней. За это время он четырежды посетил Златкова на работе и дома, постоянно беседовал с Ромашиным, облетел Землю кругом, побывал на родине — не посещая, впрочем, родных «настоящего» Павла Жданова, живущего здесь, а также излазил вместе с Григорием Белым и Маричем «перекресток пространств», в который превратился хроноускоритель.

Своими выводами он поделился с комиссаром у того дома, когда Ромашина выпустили из клиники. В гости был приглашен и Златков, весьма неохотно отрывающийся от дел. В последнее время он работал на больших инках Управления аварийно-спасательной службы и даже в сетях ВКС, загрузив машины какими-то сложными вычислениями до такой степени, что они отказывались выполнять работу для чиновников правительства.

Ромашин ради любопытства поинтересовался, чем занимаются большие вычислительные комплексы УАСС типа «Стратега», и получил ответ: расчетами «транзитивных отношений физики невозможных состояний», а также «спекуляциями трех- и более мерных времен» и «вычислениями параметров инсайт-взаимодействий супербольших разумных систем».

Понять хотя бы приблизительно, о чем идет речь в первых двух случаях, комиссар не смог, несмотря на всю свою научно-техническую подготовку. Третья тема расчетов была ближе. Златков решал проблему «хронохирургов», вычислял условия их существования.

Собрались все трое в девятом часу вечера на веранде ромашинского коттеджа, смотрящей на березовую рощу. Солнце уже скрылось за деревьями, по роще пролегли вечерние тени. Было удивительно тихо, если не считать редких птичьих трелей, и у гостей постепенно сложилось элегическое настроение, поддержанное хозяином, предложившим попробовать коктейль «Славянский», который составил он сам. Жена комиссара, высокая стройная красивая блондинка по имени Дениз, посидела с гостями несколько минут для приличия и ушла, сославшись на занятость.

Ромашин, заметив странный длинный взгляд Павла, сузил глаза:

— Что, не видели раньше мою жену, Павел?

— В моем мире у вас нет жены, — помолчав, ответил Жданов. — Она погибла на Камчатке во время захвата «черного человека», то есть вашего друга Шаламова.

Ромашин внутренне вздрогнул, оставаясь с виду спокойным и расслабленным. В его мире у него не было друга по фамилии Шаламов, хотя людей с такой фамилией он знал.

— Все-таки наши миры отличаются в деталях, — констатировал он философски бесстрастно. — И это понятно. Слиш-

ком сложен процесс, называемый жизнью, и слишком зависим от вероятностных законов. Но не будем о грустном. Павел, вы хотели поговорить с нами о чем-то важном. Мы слушаем вас.

— Вкусно. — Жданов поднял прозрачный бокал с янтарным напитком. — Научите меня делать такой божественный нектар? — Повернул голову к Златкову. — Атанас, я хотел бы задать вам несколько вопросов в присутствии комиссара. Не возражаете?

— Задавайте, — буркнул ученый, с рассеянным видом созерцавший пейзаж.

— Чем вы объясняете противоречие: вакуум данной Ветви не имеет стрелы времени, но время здесь тем не менее имеет направление и необратимо?

— Направление необратимых физических процессов определяют вероятностные законы статистики при случайных взаимодействиях. Этим законам подвластен и вакуум, но зафиксировать низкоэнергетические взаимодействия неизмеримо труднее. Мы их просто не замечаем. Кроме флуктуаций. — Златков почесал горбинку носа. — В принципе, конечно, каждый атом — флуктуация, но это уже вопрос философии.

— Вы хотите сказать, что ваша метавселенная изначально родилась со вложенными в нее вероятностными законами? С законом роста энтропии?

Златков вдруг словно проснулся, зачарованно глянул на потягивающего коктейль Жданова.

— Браво, гриф! Неужто сами дошли, или подсказал кто? Те, Кто Следит, например?

— Я уже понял, что Те, Кто Следит, — ваши подсказчики. Мои же друзья — Хранители Равновесия, ну, или, по вашему, «хронохирурги». Но «дошел» я сам.

— О чем речь? — любезно осведомился Ромашин. — Что-то к вечеру я туго соображаю.

— Возможны миры, где вероятностные законы не работают, — развеселился Жданов. — И этими мирами являются как раз Ветви, или, если хотите, Корни Древа Времен, принадлежащие «хирургам». Сверхсистеме типа «грибницы», задумавшей изменить кое-какие законы существования Древа.

— Но ведь мы уже пришли к выводу, что «хирурги» для нас — разумная система типа «стаи».

— Просто в разных Ветвях они принимают разный облик, причем именно в соответствии с законами вероятности, вложенными в Ветви.

— Тогда я не понимаю смысла их игры с Теми, Кто Следит. Что это за игра, в результате которой может измениться все Древо и сами Игроки в придачу?

— А игры никакой и нет, — меланхолически заверил всех успокоившийся Златков.

Ромашинский коктейль понравился ему, и он налил себе еще бокал.

Едва не поперхнувшийся Ромашин сделал большой глоток коктейля, осторожно поставил бокал на столик, вытер губы.

— Вы шутите, Атанас?! Ведь вы первый сделали предположение об игре такого уровня...

— Теперь я думаю несколько иначе.

Жданов с интересом, Ромашин с недоверием посмотрели на Златкова. Ученый слабо улыбнулся, пребывая в благодушном настроении.

— Я неправильно выразился, коллеги. Все мы участвуем в Игре, подразумевая управляющее начало — Игроков. Для нас это нормально. Однако после долгих размышлений и расчетов я пришел к выводу, что мы участвуем в Игре совсем другого плана. — Атанас допил коктейль, пососал дольку лимона — собеседники терпеливо ждали продолжения, — подумал и налил себе третий бокал напитка. — Знаете, Игнат, ваш коктейль действительно чудесен. Я тоже возьму рецепт, если не возражаете.

Комиссар сделал иронический поклон.

— Давно не чувствовал себя так покойно и комфортно, — продолжал Златков, словно не замечая красноречивых взглядов. — Но к теме. Я пришел к выводу, что игра, в которую мы вовлечены якобы помимо нашей воли, это саморегулирующийся, многомерный, многоплановый, принципиально транзитивный*, а может быть, и разумный процесс.

---

* *Транзитивность* — свойство величин, позволяющее их сравнивать; примеры транзитивных отношений: раньше, чем; тяжелее, чем; выше, чем; внутри; равенство и т. п.

На веранде установилась прозрачная тишина. Птицы и те смолкли на какое-то время. Лишь коротко прошелестели листья берез от налетевшего слабого ветерка.

Долго-долго смотрели на ученого двое мужчин, отвечающих за безопасность человеческих коллективов, потом Ромашин тихо проговорил:

— Означает ли это, что Игроки тоже управляемы?

— Вы, как всегда, точны в формулировках, комиссар, — рассеянно согласился Златков. — Я даже скажу больше... Впрочем, чувствую, вы еще что-то хотели сказать?

— Игра как разумный процесс, в результате которого непрерывно изменяется матрица мироздания, или, иначе, Древо Времен, есть Бог!

Златков поморщился.

— Обычно Бога вспоминают, когда хотят перевести проблему в разряд запредельно сложных. Можно говорить и о Боге, если хотите, как о Творце Игр бесконечной сложности, разбитых на уровни и подуровни. На каком-то подуровне к Игре подключаемся и мы, биологические существа с конечным сознанием. Так вот Творец игр — сам вне Игры. Вне Древа Времен, которое и есть Его игра, так сказать, Лила.

— Что такое Лила? — поинтересовался Жданов.

— Индоарийский термин, означающий деяния Бога, производимые им по собственной воле, легко, играючи. Соответствует в принципе тамильскому Тирувилеядалю — священной игре.

— Я понял! — негромко, с дрожью в голосе, произнес Ромашин, совершенно не стыдясь своих чувств. — Но ведь если мы осознали уровень своего участия, не означает ли это, что мы можем из игры... выйти?!

— Наверное, можем, — кивнул Златков.

— Каким образом? — теперь уже не удержался от удивленного восклицания Павел Жданов. — Как предлагал комиссар — собрать всех Ждановых и других исполнителей в кучу и объяснить им смысл происходящего?

Златков покачал головой.

— Вряд ли это возможно — собрать всех. Но и какого-то количества исполнителей будет достаточно. Нужен очень простой и легко реализуемый шаг... в принципе я знаю, какой. Но еще не просчитал последствий. Могу только намек-

нуть: необходимо использовать два агрегата — наш Ствол и Контрствол, только совсем по-иному, для других целей.

Во взглядах сотрудников службы безопасности, обращенных на ученого, легко читались сомнение, надежда, недоверие и жажда все выяснить до конца, поэтому Златков добавил с насмешливой кротостью:

— Надеюсь, вы не станете пытаться вашего покорного слугу, дабы выбить из него показания?

Жданов рассмеялся, улыбнулся и Ромашин.

— Атанас, мы не «хирурги»... — Он виновато взглянул на Павла, но тот не обиделся, хотя Игнат имел в виду его хозяев. — К тому же вы доказали, что обладаете колоссальной силой воли, коль смогли отстроиться от программы. Нет, мы подождем, пока вы сделаете все необходимые расчеты. Однако вы, говоря обо мне, о точности моих формулировок, обмолвились: «Я даже скажу больше...» Что вы хотели сказать?

— Да ничего особенного, — пробормотал Златков, уходя мыслями в себя. — Вы не учитываете одно важное обстоятельство: каждая игра требует наличия не только двух игроков как минимум, но и судей, контролирующих соблюдение законов игры. Поразмышляйте над этим. Вы же, Игнат, паранорм, каких мало, иначе чем объяснить ваше постоянное опережение событий, точность представлений, знание законов игры? Вы находитесь в почти постоянном инсайте*, хотя и не осознаете этого. Иными словами, вы слышите голос Бога. Ну, или Судьи, если хотите.

— М-да... — протянул Жданов неопределенно, глядя на застывшего комиссара. — Ну и как относиться к вам теперь, господин Ромашин? Я тоже паранорм, но еще ни разу не слышал голос Бога, а тем более Судьи.

Игнат не ответил, ошеломленный предположением Златкова, и Жданов обратился к ученому:

— Вы кого хотите сведете с ума, Атанас. Кстати, в свете ваших последних утверждений, что есть трансгресс?

— Вы уже и сами догадались, по-моему. — Ученый очнулся, поставил бокал на столик, встал. — Извините, мне пора идти. Благодарю за угощение и приятную беседу.

---

* *Инсайт* — состояние озарения, ясновидения.

— Я провожу, — встал и Ромашин, обретая былую выдержку. — Вызвать такси?

— Не надо, здесь всего две сотни метров до стоянки монорельса, хочу прокатиться до метро над лесом.

Поклонившись, Златков сошел с веранды на траву и пошел через рощу к дорожке, ведущей между другими коттеджами к метро и аэровокзалу Смоленска. Когда он скрылся за деревьями, Ромашин повернул голову к Павлу и встретил его ставший непроницаемым взгляд.

— Итак, комиссар, на чем мы остановились?

— На том же. Надо думать, прикидывать, считать. А что такое трансгресс в свете атанасовских высказываний?

— Если я его правильно понял, трансгресс — всего-навсего судейская система контроля. Просто мы видим ее под углом наших материальных представлений, вот она и упрощается для нас в «линию связи», в «парамост пространственных перемещений». Но если я прав, то любой судья имеет возможность в любой момент вызвать трансгресс и... — Жданов не договорил.

Среди берез бесшумно выросла ажурная серебристая труба, тающая высоко в небе.

Двое мужчин, одинаково пораженные зрелищем, смотрели на нее, оценивали полученное знание. Наконец у Ромашина созрел вопрос:

— Интересно, кто мы с тобой, Павел?

Жданов покачал головой, с любопытством и каким-то странным сожалением оглядел Ромашина с ног до головы.

— Мне почему-то кажется, что вопрос надо ставить иначе, комиссар. Кто вы?! Я-то уж точно к появлению трансгресса не имею никакого отношения.

Глава 4

Падение длилось долго, вечность — по ощущениям десантников, уже не раз испытавших на себе бросок по «струне» хрономембраны. Поэтому, когда жар и свист этого небывалого падения сквозь времена сменились холодом и тишиной, сознание людей восприняло это как остановку, удар по психике, от которого они долго не могли опомниться.

Первым пришел в себя Павел Жданов, имеющий большие резервы адаптации. Потом Белый. Поглядев на спутников, начинающих потихоньку шевелиться на полу кабины, они вышли из лифта в кольцевой зал Ствола и остановились.

Это был именно тот зал, тот узел выхода хроноускорителя, где много дней (месяцев, лет, веков?) назад десантники во главе с Павлом (не этим, а первым) ждали груз «големов» и готовились к атаке на хронобур. Как и тогда, нынешний горизонт здания с трубой хрономембраны был пуст и тих. Ни конкистадоров-пауков, ни черных всадников-хронорыцарей, ни «черепях» с усами-антеннами, ни других чудовищ, киборгов и живых существ Павел с Григорием не увидели.

— Интересно, в какой момент мы сейчас попали? — проговорил Белый, выйдя в коридор, освещенный голубыми прожилками в потолке. — До нашего первого появления или после? — Он вдруг хихикнул. — Если до — представляешь лица команды того Жданова, когда они увидят нас?

— Не увидят, — рассеянно произнес Павел. — Наше появление наверняка породило развилку во времени, отделение новой Ветви от этой, где мы сейчас находимся. Та команда прибудет именно туда.

— А давай спросим у Стаса, он-то должен знать, были мы здесь или нет.

— Спросим. Но если ты помнишь, где-то тут в коридорах торчит выход трансгресса... — Он отшатнулся.

В глубине коридора бесшумно вырос «лес» ажурных ферм и растяжек — фасад линии трансгресса.

Белый присвистнул, глядя то на Павла, то на появившийся как по мановению волшебной палочки трансгресс.

— Маэстро, вы, случайно, не колдун? Или по крайней мере эмиссар Тех, Кто Следит?

— Если бы я был эмиссаром... — хрипло выговорил Павел, откашлялся. — Хотя, может быть, я этого не знаю?

— Проверим?

— Как?

Белый засмеялся.

— Паша-первый, с которым я ходил раньше, такого вопроса не задал бы. Я имел в виду трансгресс. Проверим?

Жданов вернул себе непроницаемый вид.

— Успеем. Пошли к остальным, спросим их мнение.

В кольцевом зале они встретились с успевшими прийти в себя и выйти из кабины лифта Ивашурой, Вероникой и Полуяновым. Павел коротко рассказал им о появлении трансгресса, опустив подробности и предполагаемые причины. В возможность прямого вызова трансгресса он еще не верил.

— Надо решить, как мы пойдём дальше, — закончил он. — По сути, мы уперлись в «дно» мира, вернее, в «дно» Ветви, породившей наши Метавселенные. Сюда же, как я теперь представляю, упираются и все бесчисленные Стволы — созданные людьми хроноускорители. Ваш «родной» Павел Жданов со своей командой — с вами ли, с другими ли Ивашурой, Костровым, Валетовым и так далее — уже сделал свое дело, но в своей Ветви! Мы наверняка попали в другую Ветвь, где судьба Метавселенных висит на волоске. И снова у нас небогатый выбор: нырнуть в «начало Времен» и спасти хронобур с помощью трансгресса или же предоставить шанс другим, тем, кого пошлют Те, Кто Следит.

— Но ведь мы собирались идти парламентарями к «хирургам», — с наивным удивлением сказала Вероника.

— Вряд ли это достижимо.

— Да, недостижимо с помощью Ствола, — кивнул Ивашура, пристально разглядывая Жданова. — А с помощью трансгресса? Ведь он появился не зря? Кто-то его сюда вызвал?

— Он и вызвал, — кивнул на Павла Белый.

Павел покачал головой.

— Я в этом не уверен. С одной стороны, трансгресс появился после моих слов, и я действительно желал, чтобы он здесь был. Но я не мог его вызвать, по крайней мере один. Либо помог Григорий, либо... кто-то другой.

— Здесь никого больше нет, — заявил хмурый Полуянов, успевший выглянуть в коридор и вернуться.

— Я понимаю вас, — усмехнулся Жданов. — Слишком гладко прошел наш спуск по цепи Ствола. Значит, наш противник изобрел какую-то хитрость и где-то ждет нас в засаде. Может быть, и здесь. Хотя я тоже ничего не вижу и не чувствую. И тем не менее трансгресс возник после нашего выхода. Если это не ловушка «хирургов» — у нас есть шанс опуститься ниже «дна» мира, к «корням» Древа Времен, где

живут сами «хирурги». Решайте. Мое мнение — надо идти, использовать подаренный шанс.

— Минуту, — негромко произнес Ивашура, раздумывающий над чем-то. — Мне до сих пор неясно, что такое трансгресс. То есть да, транспортная система, мост пространственных... э-э... перемещений и тому подобное, но чей он? Кому принадлежит? Кому нужен? Мы ведь попали в него случайно.

По залу разлилось молчание.

— Кому же еще может принадлежать трансгресс, — неуверенно начал Полуянов, — как не Тем, Кто Следит?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Павел. — Если бы он принадлежал Тем, Кто Следит, им самим не составило бы труда отключить хронобур, а они использовали нас.

— Но и «хирурги» не являются его владельцами.

— Трансгресс слишком универсальная и мощная система, чтобы принадлежать какому-то одному Игроку, — продолжал Ивашура. — Она может служить либо всем одинаково, либо...

Все внимательно, с верой и ожиданием разглядывали внезапно замолчавшего Игоря Васильевича. Лишь Вероника смотрела на него иначе, понимающе, с какой-то буквально материнской нежностью и любовью.

— Договаривай, Игорь.

— Странно, что мы не подумали об этом раньше, — с удивительным даже для себя спокойствием продолжал Ивашура. — Любая игра предполагает соблюдение правил. А кто следит за этим?

— Судьи, — буркнул Полуянов.

— Вот им и принадлежит трансгресс!

— Bravo, Игорь Васильевич! — раздался из коридора чей-то добродушный голос, и в зал вошел бровей Мимо собственной персоной — двухметровый гигант, похожий на закованного в латы рыцаря с накинутым на плечи плащом из металлических пластин. — Позвольте представиться: один из Судей, как только что изволил выразиться ваш приятель.

— Значит, вы не зря стали все чаще попадаться нам на глаза, — проговорил Жданов. — Мы нарушили какие-то правила игры?

— Не вы, мой друг, не вы — Игроки.

— Тогда почему вы преследуете нас, вмешиваетесь именно в наши действия?

— Потому что судьям нужны исполнители их решений, а вы — вы лично и другие ваши «двойники», Павлы Ждановы из всех Ветвей Древа, как показали события, уже достигли уровня исполнителей. Когда игра заходит в тупик или начинает скатываться к бессмысленным гекатомбам, агрессивно-несогласию с законами, прямому уничтожению соперника, в нее вмешиваемся мы.

— Но мы же... тоже игроки, только более низкого уровня...

— Это не помешает вашей миссии.

— И что от нас требуется?

— Да, в общем-то, ничего особенного. Каждому просто надлежит вернуться к прямому исполнению обязанностей. Игра, в которой вы приняли посильное участие не по вашей воле, закончена. Ну, или заканчивается. Вы можете возвращаться.

— Не верю, — твердо сказал Ивашура. — Мы намерены продолжить свой путь.

— Это ваше право. — Тон, с каким были сказаны (мысленно переданы, конечно) слова, был сродни пожиманию плечами. — Только нам будет искренне жаль, если вы погибнете. Придется искать новых исполнителей, а это в какой-то степени задержит нас. И куда же вы направляетесь, если не секрет?

— К «хронохирургам», — вставила Вероника, потому что мужчины молчали. — Спустимся по трансгрессу к «корням» Древа Времен и...

— А зачем спускаться? — опять «пожал плечами» бровей. — Трансгресс и есть «корень», то есть древнейшая корневая система Древа, используемая Судьями в качестве универсальной судейской системы контроля. Она же используется «хронохирургами» в качестве их временного пристанища, так что искать их не требуется. Заходите и контактируйте. Кстати, советую задуматься над тем, почему «хирурги», живущие в Корне Древа, оставили вас в живых. Прощайте, разбуженные слишком внезапно. И да поможет вам Воля Творца.

— Стойте, — угрюмо бросил Жданов. — Вы охотно шли нам навстречу, когда мы этого не просили, извольте ответить на пару вопросов.

— Я весь внимание.

— Почему трансгресс — временное пристанище для «хирургов»?

— Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, что такое время, на что нам не хватит... гм... гм... времени.

— А вы объясните попроще и покороче.

— Извольте. Каждая Ветвь Древа есть Метавселенная со своими законами, наборами физических констант и своим временем. Сколько Ветвей — столько времен, имеющих сходную или же совершенно разную физическую природу. Скажем, в вашей Метавселенной время — процесс изменения объектов в сторону необратимого роста энтропии, что определяет и стрелу времени. В других Ветвях время — особая субстанция, обладающая энергией, силовое поле, конгломерат мировых линий, субъективно-психологические формы восприятия, изменяющиеся отношения тел и явлений...

— Понятно. Дальше.

— «Хронохирурги» — Игроки...

— Дальше, — бросил Белый.

— Спокойно, Гриша, — укоризненно глянул на него Ива-шура.

— «Хронохирурги» всех видов, имеющие, кстати, разные названия в разных Ветвях — «стая», «рой», «грибница», «монарх», «муравьиная куча», «коммуна», «термитник», «файл» и так далее, — Игроки со стажем. Они участвовали до нынешней в сотнях других игр, а в предпоследней ухитрились изобрести процесс, уничтоживший их собственную Ветвь. Объяснить этот процесс на человеческом языке или даже назвать его я не в состоянии. Скажу только одно: Корень Древа Времен, давший жизнь «хирургам», теперь «горит».

— Как это? — прошептала Вероника.

Бровей не ответил.

— Почему же вы вовремя не остановили Игроков? — спросил скептически настроенный Белый.

— Судьи тоже... э-э, материальные существа...

— У нас говорят: из плоти и крови.

— Нечто в этом роде. Так вот, мнения Судей разделились, и общая Воля не была поддержана. Когда же игра зашла в тупик, процесс уже пошел.

— Кажется, в нашей земной истории у меня на родине было нечто подобное, — усмехнулся Ивашура. — Процесс пошел, да не в ту сторону.

— Я ответил на все ваши вопросы?

— Остался последний. — Павел подумал. — Нет, еще два. — Он еще немного помолчал. — Или три. Первый: где живут Те, Кто Следит за нами? Второй: как остановить игру? Третий: каким образом я, если я на самом деле судебный исполнитель, как вы утверждаете, могу заставить Игрока соблюдать правила игры?

— Те, Кто Следит, живут там же, где и «хронохирурги». Несмотря на всю сложность, трансгресс — кольцо. То есть он сложнейшая система, разумная сама по себе в силу своей сложности, но она же и замыкает Корни и Ветви Древа в измерениях, которым в земном языке нет названия. А вот над тем, как остановить игру, — подумайте. В принципе вы можете это сделать и без нашей подсказки. Что касается исполнения, то людьми уже созданы атрибуты власти исполнителей, хотя они и назвали их иначе.

— Как же?

— Дриммеры! — хрипло произнес Полуянов.

— Вот именно, друг мой. Теперь я могу быть свободен?

Бровей посмотрел на ошеломленных десантников насмешливо-снисходительно (глаз его не было видно из-под «шлема», но чувства он внашал именно такие) и исчез так же тихо, как появился.

— Ни черта я что-то не соображаю! — сказал Белый, в сердцах сплюнул на пол. — Кто друг, кто враг... кто Игрок, кто Судья...

— А я, выходит, судебный исполнитель, — хладнокровно откликнулся Жданов. — То-то меня так опекали Те, Кто Следит. Хотели, чтобы я им подсудил.

— Что будем теперь делать? — задала своевременный вопрос Вероника. — Есть ли смысл искать «хирургов»?

— Теперь понятно, почему они нас не ликвидировали во время перемещений по трансгрессу, — продолжал размышлять вслух Павел. — По той же причине: хотели произвести на Судей благоприятное впечатление.

— Ничего себе, благоприятное! — хмыкнул Белый. — Давили нас, травили, уничтожали всеми способами...

— Ты не учиываешь уровень этого давления. Наверняка Игра идет и в высших сферах, в Ветвях, где живут существа, на много порядков сложнее и разумнее нас.

— Тогда почему они выбрали в качестве судебных исполнителей тебя и твоих двойников?

— Не знаю, парадокс действительно есть, но это лишь подтверждает наше несовершенство. Игорь Васильевич, что вы решили?

— Если этот ваш... бровей Судья прав и трансгресс — кольцо, то стоит попросить его автоматику доставить нас к нашим друзьям, отправившимся в гости к Тем, Кто Следит. Встретимся, обсудим ситуацию и выработаем решение. Согласны?

— Аминь! — хором ответили Белый и Полуянов.

Глава 5

Бросок по «струне» Ствола в «будущее» группы Павла Жданова-первого длился недолго. Это почувствовали все, не испытав особой встряски и неприятных ощущений. Что-то было не так, сработал какой-то фактор, которого они не учитывали. Поэтому Павел не спешил выходить из кабины, когда лифт остановился. Поднял руку, призывая всех к молчанию, разгерметизировал скафандр, откинул конус шлема и прислушался к звукам, долетавшим из недр Ствола. С минуты стоял, полузакрыв глаза, уйдя в транс паранормального состояния, потом очнулся, оглядел зеркально бликующие фигуры товарищей, кивнул.

— Можете снимать шлемы, дышать здесь можно.

— Что там слышно? — прошептала Тая.

Павел покачал головой, достал дриммер.

— В том-то и дело, что ничего. Глухо. Я ничего не слышу, ни одного звука. И не вижу. Похоже, зал выхода мембраны заблокирован.

— Кем?

— Может быть, Теми, Кто Следит. «Хронохирургам» делать это не надо, их задача — уничтожить нас любым способом как досадную помеху.

— Поговори со Стасом, — предложил Иван, также откидывая капюшон шлема и принюхиваясь. — А пахнет здесь

приятно. Стас-то должен знать, где мы застряли и кто нас накрыл.

— В том все и дело, Стас меня не слышит. Я его уже минут пять вызываю.

Павел вышел в чистый и светлый кольцевой зал с дымчато-хрустальным полом и жемчужно светящимися стенами, обошел трубу лифта, разглядывая пол, потолок и стены, вернулся к дверному проему лифта.

— Можете выходить. Никого и ничего. И ни одного выхода в коридоры. Мы действительно заблокированы.

Он подошел к стене с ветвистым рисунком каких-то светящихся жил, некоторое время разглядывал ее, коснулся ладонью и отдернул. Потом воткнул в нее меч.

Лезвие дриммера вошло в стену легко, проделав глубокий и узкий шрам, который тут же затянулся, стоило вытащить лезвие из стены.

— Полевая структура, — прокомментировал Жданов. — Попытаться пробить ее можно, однако за успех не ручаюсь. Почему же молчит Стас, хотел бы я знать. Кажется, мы в ловушке, господа десантники. Или в тюрьме.

— Эй, кто здесь хозяин? — повысил голос Костров, заставив вздрогнуть озирающихся женщин.

Ответом ему была тишина.

— Ничего себе гостеприимство! — тихонько проговорила Ясена, поглядывая на Жданова огромными глазищами, в которых горел огонь любопытства и восторга. В крови юной росинки кипела жажда приключений, которую вряд ли можно было погасить.

— А почему ты считаешь, что нас должны принимать как важных и долгожданных гостей? — улыбнулась Тая.

— Но ведь вы сами говорили, что те, Следящие, ваши друзья. А друзья всегда должны заботиться...

— Очень я сомневаюсь, что они наши друзья, — недовольно проговорил Костров. — Паша, мне показалось или в самом деле мы летели недолго? Такое впечатление, что мы недалеко ушли от схрона с Контрстволом.

— У меня сложилось такое же.

— Тогда почему бы нам не продолжить подъем? Что мы теряем?

Жданов ободряюще подмигнул Ясене, задумчиво прошелся по красивому полу вокруг колонны лифта.

— Почему бы и не попробовать, в конце концов? Отдых никому не требуется? Тогда закукливайтесь — и вперед.

Все четверо накинули конусовидные шлемы, совершенно непрозрачные внешне, вошли в кабину лифта и нажали белый квадрат «подъема». Раздался резкий визгливый гудок, но дверь лифта не появилась и кабина с места не сдвинулась.

— Застряли, — сказал Костров. — Еще раз?

Но и последующие нажатия на кнопку пуска не привели к положительному результату. Лифт не хотел везти пассажиров ни вверх, ни вниз.

— Придется искать другой путь, — решил без особых эмоций Жданов.

— Какой? — с надеждой спросила Ясена.

— Обходной, — фыркнул Костров. — Выйдем в коридор, найдем лестницу, поищем другую мембрану и продолжим путь. Может быть, эта просто сломалась. А если не найдем, придется шагать вверх по лестнице, как мы это уже делали.

Павел покачал головой, но ничего не сказал.

Хрономембрана сама по себе не ломалась, вывести ее из строя мог только мощный энергетический выхлоп, взрыв. Было ясно, что их кто-то остановил, заблокировав выход на «струну», и сделать это мог любой, кто знал коды и пароли управления Стасом.

— Выходите, дамы, — сделал приглашающий жест Жданов. — Отдохнем, коль представилась такая возможность, а заодно поразмыслим над ситуацией. Не может быть, чтобы такие умные люди, как мы, не нашли выхода из положения.

Ясена шагнула в зал первая и тут же с визгом шархнула обратно.

— Там! Там!..

Мужчины, обнаружив адекватную реакцию, заслонили женщин спинами, сориентировали свои огневые комплексы, Павел вытянул вперед меч, и они разом выпрыгнули из кабины, готовые мгновенно открыть огонь на поражение.

Но их подготовка оказалась напрасной.

Зал, до этого момента пустой и чистый, зарос какими-то металлическими на вид фермами, сетками и ажурными решетками, создающими красивую воронку, в глубине которой стоял человек в белом кокосе с тремя красными полосками официала-безопасника на предплечье.

— Здравствуйте, путешественники, — произнес он невозмутимо и сделал шаг вперед.

Костров двинулся было скольльзящим шагом ему навстречу, но Жданов остановил Ивана.

— Игнат, вы?!

— А кто же еще, — ответил незнакомец с добродушной усмешкой и поклонился. — Комиссар-два службы безопасности Евразийского филиала Игнат Ромашин к вашим услугам. Жданов, это вы?

Павел откинул конус шлема, подошел к Ромашину, и они несколько мгновений вглядывались в лица друг друга, ища знакомые черточки. Потом обнялись. Костров и робко выглянувшие из кабины женщины глядели на эту сцену с одинаковыми чувствами.

— Но вас должно быть больше, — сказал Ромашин, оглядывая отряд.

— Мы разделились. Пятеро отправились «вниз», на randevу с «хронохирургами», мы же решили встретиться с Теми, Кто Следит. Надо наконец определиться, стоит ли воевать дальше.

— Конечно, не стоит.

— В принципе мы это поняли, однако хотели бы услышать вразумительное объяснение происходящему из уст наших покровителей в будущем.

— Хорошо, что мне удалось вас отыскать. — Ромашин бросил взгляд на стены зала. — Давно вы здесь сидите?

— Минут двадцать. Объясните же, Игнат, как вы нас вычислили с такой точностью? И кто перекрыл хроношахту в направлении на «верхние» Ветви? Вы?

— Нет, к сожалению, я делать этого не умею, — покачал головой комиссар. — И сидите вы здесь не двадцать минут, как вам кажется, а три с лишним месяца. Те, к кому вы направились в гости, так умело заблокировали узел выхода Ствола вместе с вами, что даже поисковая система трансгресса искала вас три месяца по независимому времени. На Земле же прошло еще больше.

Павел потемнел, сжал губы.

— Значит, намеки бровей Мимо на недобросовестность Тех, Кто Следит... правда?

— Они Игроки, что с них возьмешь? Ведь и нам иногда хочется выиграть любой ценой, не правда ли?

— Почему же они нас просто не... убили?

Ясена и Тая переглянулись, снова как зачарованные стали смотреть на комиссара, столь чудесно появившегося в нужный момент. Ромашин покосился на них, но шутить не стал.

— О, как настоящие джентльмены, они тоже пекутся о соблюдении неких норм, имиджа, ибо Судьи вполне способны засчитать им поражение.

— Какие судьи? — не понял Костров.

— Судьи, контролирующие игру. Поэтому ни Те, Кто Следит, ни «хронохирурги» не позволили себе разделаться с вами на их уровне. Прямо. В любой момент. Это должны были сделать исполнители на уровнях, соответствующих вашему. Согласно условиям игры.

— Вашему? — Павел пристально глянул в глаза Игнату, сделал шаг назад. — Вы сказали вашему?

— Да, я так сказал, — остался спокойным Ромашин.

— А вы разве... не с нами?

— И да, и нет. Пойдемте со мной, я все объясню.

— Куда?

— В трансгресс.

— Говорите здесь.

— Хорошо, — терпеливо согласился Ромашин. — Сейчас мы оседлаем трансгресс и отправимся на встречу с вашими друзьями, которых вы направили «вниз». Они ждут.

— Откуда вы это узнали?

Ромашин улыбнулся, кротко, чуть снисходительно и в то же время доброжелательно, и Павел, который больше всего боялся, что комиссар закодирован и является резидентом «хронохирургов», поверил ему.

— И наши друзья ждут нас «внизу» три месяца?

— Нет, по их часам прошло не более суток. Три месяца прошло по независимому времени, времени трансгресса. Время внутри этой системы можно считать абсолютным.

— Кто вы, Игнат?

— Судья, — просто ответил Ромашин.

Группы Ивашуры и Жданова-первого соединились уже через полчаса после появления Ромашина.

Мужчины сдержанно, как всегда, пожали друг другу руки, по сути, даже не успев соскучиться. Женщины обнялись,

но тоже выразили свою радость без обычных восторженных ахов и охов. Встреча произошла «на дне» мира, то есть в предпоследнем узле Выхода Ствола, как выяснилось, принадлежащего Ветви, где «группа спасения» Жданова еще не появлялась. Обо всем этом, об игре и Игроках, о контроле за ними и еще о многом другом поведал комиссар десантникам, уже достаточно подготовленным, чтобы выслушать его спокойно.

Рассказ длился около часа, и после него все долго молчали, получив пищу для размышлений. Первым переварил сенсационные новости Григорий Белый, человек действия, привыкший больше делать, чем думать.

— Значит, к «хирургам» мы теперь не пойдем?

— Зачем? — вопросом на вопрос ответил Ромашин.

— Хотелось бы посмотреть хоть одним глазком на их житье-бытье, на них самих...

— Как выглядят «хирурги», не знаю и я сам, но думаю, что их облик не представляет интереса. К тому же учтите, что они многомерные существа, а человеческий глаз просто не в состоянии уловить все геометрические извивы и формы иномерности.

— Не понимаю, как «хирурги» могут жить внутри трансгресса... — тихонько проговорила Тая, обращаясь к Ивану; десантники расположились в удобных креслах в холле гостиницы, созданной Стасом. — А тем более уживаться со своими врагами, Теми, Кто Следит...

Ее услышал Павел-первый, покачал головой.

— Это-то как раз понять можно, трансгресс только нам кажется трубой, транспортной линией, на самом деле он сверхсложная многомерная система с уровнями и подуровнями, со своими ландшафтами и «струнами» связи, космическими пейзажами, вакуумом и пространственными объемами. Вот чего не понимаю я, так это каким образом он сохраняет свое надвременное положение, почему независим от Древа Времен.

— Этого не знаю и я, — вмешался Ромашин. — Единственный человек, который мог бы ответить на ваш вопрос, Павел, это Атанас Златков, но он почему-то наотрез отказался покидать Землю... и нашу Ветвь.

— Ну хорошо, я принял ваши объяснения, — произнес Жданов-второй. — Итак, мы с Пашей, все Ждановы из всех

Ветвей — исполнители решений Судей. Почему же мы узнаем об этом последними? И как мы можем повлиять на Игроков, которые на много порядков сложнее нас, мощней, умней, наконец? С помощью этих ваших мечей-дриммеров? Смешно. Может быть, в качестве личного оружия дриммер и сгодится, хотя я предпочитаю «глюк», но вряд ли он способен заставить «хирурга» выполнить условия Игры.

Ромашин остался спокоен и невозмутим.

— Вам не надо замахиваться на самих «хирургов», гриф, для их урезонивания существуют исполнители соответствующего ранга. Вы же — исполнитель на уровне другой стаи, человеческой, ваш уровень — трехмерность, ваша забота — соблюдение закона людьми и существами, подобными им. А для этих целей дриммер более чем достаточен. Просто вы еще не знаете всех его свойств и возможностей.

Комиссар повернулся к Павлу-первому:

— Дайте мне ваш меч.

Жданов вытянул дриммер за рукоять из-за спины, подал Игнату. Тот некоторое время разглядывал струящееся голубоватое лезвие меча, потом сделал какое-то движение, и меч исчез. Рука комиссара теперь держала нечто вроде полупрозрачного хрустального кастета, внутри которого мерцали россыпи искр, начиная плавное движение.

— Как вы это сделали? — потребовал объяснений Павел.

— Я знаю «слово власти», то есть мысленный пароль. Дриммеры — вещь опасная. Если ими завладеют преступники, которые имеются в любом обществе, не миновать беды. Создавались они по технологии субкварковых преобразований как мирные универсальные инструментарии и многодиапазонные защитные комплексы, однако использовать их можно и в качестве оружия. Кстати, ваш любимый «глюк» всего лишь бедный родственник дриммера. — Ромашин подкинул «кастет» вверх и произнес ровным голосом: «Всех связать!»

В следующее мгновение «кастет» лопнул, как бы пророс черными жгутиками, буквально вскипел, выбрасывая множество тонких нитей, и в течение долей секунды эти нити спеленали не успевших даже понять, что происходит, десантников. Правда, Павел-первый, да и второй тоже успели среагировать на команду комиссара, хотя и по-разному: первый направил на Ромашина ствол «глюка», второй превратил

свой костюм в яйцеобразный кокон. Но остальные были застигнуты врасплох.

— Комиссар, что это значит? — хладнокровно спросил Павел-первый.

— Демонстрация возможностей дриммера, только и всего.

— Вы очень рискован человек! Не знай я вас так, как знаю, я сейчас мог бы превратить вас в облачко элементарных частиц. Мой «глюк» готов выстрелить в любой момент.

— Да, конечно, — кивнул Ромашин. — Извините за испытание, но демонстрация дриммера еще не закончилась. Стреляйте.

— Что?! Игнат, вы понимаете, что говорите?

— Стреляйте, Павел. Я в своем уме.

— Но... черт! — Жданов повернул голову к дублю. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Стреляй, — высунул Павел-второй голову из кокона. — Он Судья, ты исполнитель. Выполняй приказ.

Жданов покачал головой, глянул на Ясену, не спускавшую с него потемневших круглых глаз, дернул уголком губ, намечая улыбку, и выстрелил, до минимума уменьшив заряд.

Трасса желтых огоньков из дула «глюка» вонзилась в грудь сидящего напротив Ромашина, и произошло нечто вроде бесшумного светового взрыва.

Вспышка жемчужного света заставила всех зажмуриться, по комнате пронесся световой ураган, искривляя тела сидящих, кресла, столики, цветы в кадках. Метнулись из угла в угол световые сполохи, складываясь в интерференционные и дифракционные веера, и светопреобразование прекратилось. Ромашин продолжал спокойно сидеть на своем месте и, прищурясь, смотреть на оторопевшего Жданова.

— Но «глюку» не может сопротивляться ни один материал, ни одно поле! — с недоумением произнес Полуянов.

— Материал не может, — согласился комиссар. — Дриммер может. Струи конституэнтных* кварков и глюонов он встраивает в свою энергетическую сферу, превращает в неотъемлемую часть собственной эффекторной системы.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно! — задумчиво проговорил Павел-второй. — А нельзя ли объяс-

---

* Конституэнтный кварк — «голый», так называемый токовый кварк.

нить все эти эффекты попроще? Скажем, влиянием гипноиндуктора «удав»? Никто ни в кого из «глюка» не стрелял, никто не демонстрировал возможности дриммера... а? Покажите «удав», комиссар, или «слона».

Ромашин рассмеялся.

— Скептицизм ваш вполне оправдан, Павел, и все-таки никакого гипноиндуктора у меня с собой нет. Все обстоит именно так, как я вам сказал.

— Знаете, Игнат, — почесал в затылке Павел-первый. — Я, конечно, знал, что дриммеры существуют, но... даже легенды о них менее невероятны, чем их реальные возможности. И мне почему-то кажется, что наука нашего просвещенного века не создала технологии подобных изделий. Федор, ты у нас известный теоретик и практик, опровергни меня.

Полуянов скривил губы.

— Если бы я знал наверняка... дриммерами заниматься мне тоже не приходилось, эта тема всегда была святая святых секретчиков безопасности. Но где-то по большому счету ты прав. Распеленайте нас, комиссар.

Ромашин не сделал ни одного движения, но паутина нитей, опутавших десантников, освободила их, втянулась в клубок, который превратился в прежний хрустальный «кастет». Затем и «кастет» растекся лужицей по ладони комиссара, струйкой обвился вокруг запястья и стал платиновым браслетом.

— Вы несколько поколебали мои убеждения, надо признаться, — заявил Ромашин, глядя на браслет, как все остальные десантники. — Может быть, вы правы, и дриммеры — подарок нашей цивилизации.

— От кого?

— От судейской коллегии, наметившей некоторых людей кандидатами в Судьи. А также в судебные исполнители. Вернемся, я подкину эту мысль Златкову, пусть повозится. Ну а сейчас пора... — Комиссар замолчал.

Ожил мерцающий огнями «огурец» Стаса, превратился в озабоченного молодого человека.

— Господа, спешу предупредить. Зона моего прямого контроля резко уменьшилась. Я чувствую мощное усиление потока внимания. Кто-то пытается ограничить рабочий объем, перекрыть энергоканалы и разблокировать зону.

Как бы в подтверждение слов инка из недр здания прилетел гулкий удар, поколебавший стены и пол гостиницы. Люди вскочили. Стас исчез, через несколько секунд появился снова.

— Это самая настоящая атака, господи! И мне удержать ее не удастся, возможности атакующих гораздо выше моих. Они уже пробили северную стену блока.

— Уж не ваши ли это приятели пожаловали, комиссар? — бесстрастно поинтересовался Павел-второй. — «Хронохирурги»?

— Возможно, это именно они, — отозвался Ромашин озабоченно, не выказывая тем не менее ни растерянности, ни радости, ни страха. — Только приятелями они мне никогда не были. Есть всего одно объяснение происходящему... Кстати, готовьтесь к бою, ситуация действительно серьезная.

— Какое объяснение? — требовательно проронил Павел-второй, оглядываясь на задумавшегося Павла-первого, и направил на комиссара ствол своего «глюка».

— Не торопись с выводами, — очнулся Павел-первый. — Кажется, я понял. Мы сейчас для всех Игроков — прямая угроза выключения их из игры. И они пойдут на любые ухищрения, чтобы нас остановить. Как «хирурги», так и Те, Кто Следит. Жданов, говорю тебе, не суетись. Игнат, приказывайте, мы готовы к исполнению своих обязанностей.

Ромашин встретил его глубокий, умный, понимающий взгляд, и вдруг пришли строки стихотворения старинного поэта*:

В сердце бедном много зла
Сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала,
Отражающие золото...

Глава 6

Первый штурм заблокированного Стасом бастиона длился всего несколько минут.

В атаке на десант землян, в который входили два судебных исполнителя и Судья, участвовали практически все «са-

---

* А. Белый.

нитары», собранные местным резидентом «хронохирургов» по ближайшим узлам выхода Ствола. В том числе и два обезьянозмея, владеющие оружием, способным пробить любую стену, даже поддерживаемую и подпитываемую энерго-полем.

Одного из них уничтожил Павел Жданов, удачно выстрелив из «глюка» в брешь, пробитую самим же монстром. Второго шестилапого гиганта-киборга обезвредили Белый и Полуянов, скрестив на нем огненные копья аннигиляторов.

С остальным воинством «санитаров», среди которых были люди, чернокожие гуманоиды, «дикобразы», гориллоиды, «черепahi»-герплексы, юркие киберы, похожие на насекомых, и гигантские «червяки», выстреливающие иглы, — десантники справились быстро. Стас, контролирующей внутреннюю геометрию интерьера зоны, для каждого десантника создал «окоп» или «дот», из которого они и вели огонь, в упор расстреливая атакующих, видимых как на ладони.

Последний из «санитаров» превратился в дымный смерч, и атака захлебнулась.

Стас заделал пробоины в стенах зала вокруг трубы хрономембраны, убрал трупы врагов, очистил помещение от обломков стен, копоти, пятен, проозонировал воздух, и зал заблестел чистотой, словно здесь и не проходил только что короткий, но яростный бой.

— Штурм отчаяния, — прокомментировал его Ивашура, больше переживающий за Веронику, нежели за себя или вообще за судьбу отряда.

Однако женщины выдержали испытание с честью, сражаясь наравне с мужчинами, защищая спины дорогих им людей да еще ухитряясь при этом перекликаться по рации и давать советы.

Ромашин в схватке почти не участвовал, только снял двух «санитаров», подобранных близко, а сам продолжал анализировать складывающуюся ситуацию, искать выход из положения. Он тоже считал бой актом отчаяния «хирургов», но был уверен, что у противника припрятаны и другие козыри.

— Мы можем уйти отсюда по цепи Ствола? — спросил его Павел-первый. — Или по линии трансгресса?

— Нам не надо никуда уходить, — покачал головой Ромашин. — Коль атака равных нам сил не удалась, «хирурги»

начнут повышать уровень воздействия, пока не добьются своего. Терять им нечего. К тому же не сказали еще своего слова Те, Кто Следит.

— Хороши Игроки, нечего сказать! — насмешливо прищурился Белый. — Моральные нормы для них явно не писаны.

— Да и мы, в общем-то, тоже хороши, — проворчал Костров. — Такие крутые, что дальше некуда. Судьи называется, исполнители... а ничего сделать не можем! Как же вы собираетесь влиять на Игроков, если их уровень, как вы утверждаете, для нас недостижим?

— Не спешите с выводами, — успокоил его Ромашин. — У нас тоже есть в запасе кое-какие сюрпризы. Будем ждать.

Ожидание длилось недолго.

Через сорок минут на зал началась новая атака, в которой уже участвовали силы Тех, Кто Следит. Игроки договорились действовать сообща, терять им действительно было нечего, а десантники-земляне и для тех, и для других представляли реальную угрозу срыва игры. Эту угрозу необходимо было нейтрализовать.

Первыми на штурм зоны пошли черные всадники, правда, без своих гигантских коней-кентавров. Проломив стены зала сразу в нескольких местах, они устроили настоящий ад, обладая мощным «выплесковым» оружием, от которого материал здания Ствола плыл и застывал причудливыми гирляндами и кратерами. От прямого попадания такой «пули» Полуянов улетел к противоположной стене и долго не мог прийти в себя, хотя скафандр спас его. В то же время оружие людей на хронорыщарей почти не оказывало воздействия. Разряды «универсалов» гасились их черными «латами» полностью, молнии аннигиляторов отражались, довершая разгром зала, и лишь неяркие трассы «глюков» заставляли черных всадников отступать, хотя видимого урона не наносили. Вероятно, хронорыщари имели защиту на уровне кварковых преобразований.

И тогда оба Павла Жданова применили дриммеры в привычной для них форме — в качестве мечей. Удара этих мечей черные всадники не выдерживали. Правда, люди не сразу приспособились к процессу взаимодействия дриммеров и хронорыщарей. Меч входил в тела всадников туго, с мокрым чмоканьем, как в тесто, и не отрубал конечности с первого

удара. Поэтому приходилось бить несколько раз. Пока черный всадник залечивал одну рану (шрам от удара начал затягиваться прямо на глазах), Павел наносил еще два удара, а потом в прыжке рубил бугор головы. После этого рыцарь переставал сопротивляться и оплывал бесформенным куском черной глины.

Уничтожить бывших союзников было горько, больно и страшно, однако десантники понимали, что альтернативы нет: не убьют они — убьют их, и дрались с ожесточением, без сентиментальных вздохов и размышлений.

Атака хронорыцарей захлебнулась. Всего их набралось восемь, и все погибли, застыв в разных концах разгромленного, истерзанного ядерным и плазменным огнем зала. Но передышки люди не получили. Вслед за черными всадниками на отряд напали эсперы и конкистадоры, изделия рук человеческих, переориентированные на уничтожение своих бывших хозяев, а потом уж и вовсе невиданные механизмы, созданные, очевидно, на Землях других Ветвей.

В этой бойне принял участие и Ромашин, наглядно показав, что такое дриммер в руках опытного человека. Буквально за полминуты выпущенные им дриммеры уничтожили большую часть атакующих, превращая их в черные шары, которые мгновенно уменьшались, сжимались в точку, исчезали без следа, порождая гулкие всхлипы и трески обратной ударной волны.

Оставшиеся силы нападавших были уничтожены десантниками, сумевшими сохранить спокойствие и удержать оборонительные линии. Последний паук-конкистадор прорвался в зал за спиной гигантской сколопендры, которую расстрелял Гриша Белый. Павел-второй направил на паука «глуку», чтобы ликвидировать прорыв, но Ромашин вдруг остановил его:

— Не стреляйте, Павел! Это парламентар.

Конкистадор просеменил к трубе лифта, оставшейся нетронутой, несмотря на творившийся кругом разгром, в задумчивости поднял вверх две передние лапы и вдруг превратился в юную красивую девушку в тунике и сандалиях, загорелую, с пышными золотыми волосами, изумрудными глазами и алыми губками. Она улыбнулась, подбоченясь, нашла глазами Павла-первого (все десантники были похожи друг на друга,

будучи одетыми в скафандры, но девушка выбрала именно Жданова-первого) и проговорила грудным контральто:

— Не пора ли устроить перемирие, исполнитель Жданов?

— Я здесь не главный, — отозвался Павел, озадаченно оглядываясь на Ромашина, единственного из всех не имеющего скафандра.

— Вы главный? — повернулась незнакомка к комиссару. — Странно. В моем реестре вы не значитесь как лицо, облеченное властью.

— А вы кто? — любезно поклонился Ромашин.

— Я представитель мыслящих, которых вы называете Теми, Кто Следит.

— Очень приятно познакомиться. Я Ромашин. Чем обязаны столь высокому визиту?

— Произошло явное недоразумение. — Девушка повела ладошкой, указывая на глыбы погибших черных всадников. — Один из наших помощников спутал уровни воздействия и проявил инициативу, не посоветовавшись с нами. Больше этого не повторится.

Последние слова незнакомки прозвучали особенно звонко, по разрушенному залу метнулось странное дребезжащее множественное эхо, а Павел-первый, да и второй тоже ощутили вдруг тихое потрясение ментального поля, исказившее на мгновение их восприятие действительности. Неприятное ощущение тут же прошло, настроение обоих резко повысилось, прибавилось сил, все происшедшее стало казаться несущественным, вторичным, главным была встреча с прекрасной представительницей высших сил, дружить с которыми счел бы за честь любой человек из любой Ветви Времени. А еще было радостно осознавать, что Те, Кто Следит выступают на стороне людей и готовы защищать их всеми доступными средствами, предоставить любую помощь, а в перспективе могут обеспечить достойное представительство в среде Игроков.

Видимо, те же чувства, даже в более ярком выражении, овладели и остальными десантниками, потому что они зашевелились, повеселели, вышли из-за своих укрытий, перебрасываясь шутками и веселыми репликами. Женщины разгерметизировали скафандры, открывая возбужденные счастливые лица, мужчины стали прятать и блокировать оружие.

Тем неожиданнее для них прозвучал холодный резкий голос комиссара:

— Отставить веселье! Это гипноатака! Всем включить пси-защиту, немедленно!

Из девяти десантников лишь двое Павлов не спешили выключиться из состояния боя и были вознаграждены тем, что последовавшая после слов комиссара мощнейшая дезориентирующая гипноатака почти не причинила им вреда. Пси-защита скафандров успешно отбила страшный выпад резидентки Тех, Кто Следит. На остальных же нападение подействовало убедительно, заставив их броситься друг на друга и начать «гражданскую войну» всех против всех.

Дальнейшие события, не зависящие от внешних причин, развернулись в течение нескольких секунд. Людей могли остановить только они сами, их воля и сознание. Но лишь Ясена смогла справиться с собой, разобраться в обстановке и не стала открывать огонь по товарищам. Костров и Тая, Ивашура и Вероника, Гриша Белый и Федор Полуянов успели накрыть друг друга залпами из «универсалов» и аннигиляторов. К счастью, ни один из них не выстрелил из «глюка», иначе практически весь отряд был бы тут же уничтожен.

Жизнь людей висела на волоске, когда в события вмешался Ромашин.

Один его дриммер сковал действия дезориентированных десантников, второй атаковал посланницу Тех, Кто Следит, нанесшую мощнейший дезинформационный гипноудар. И война своих со своими прекратилась. Опомнившиеся люди, еле переводя дух, молча смотрели то на Ромашина, то на свободных от пут Ждановых, то на место, где только что стояла изумительно красивая девица, на которую ни у кого, наверное, не поднялась бы рука. Дриммер комиссара превратил ее в ничто, в дуновение ветра.

Ромашин пробрался мимо черных глыб хронорыцарей к трубе лифта, вызвал Стаса, пошептался с ним и повернулся к десанникам, постепенно приходящим в себя. Но заговорил только тогда, когда Стас заделал проломы в стенах зала и расчистил пол.

— Мы все еще игрушки в руках наших покровителей. Хотя я вас не виню, нападение было слишком неожиданным,

даже для меня. А ведь атаковал нас не Тот, Кто Следит, а всего лишь его резидент.

— Вот именно, — проворчал Белый. — А вы утверждаете, что мы способны диктовать условия самим Игрокам. Черта с два они нас послушают!

Остальные молчали, стыдливо пряча глаза друг от друга. Женщины не решились подойти к мужчинам и лишь поглядывали на своих друзей, не понимая, что произошло. Чувствовала себя неплохо только Ясена. С простотой и естественностью дочери природы она одарила десантников презрительно-высокомерным взглядом, подняла подбородок и гордо прошествовала к «своему» Павлу, взяла его под локоть. Не выдержав, спряталась за его спину.

Ромашин засмеялся. Со вздохом облегчения все зашевелились, сбились в кучу, снова обратили внимание на комиссара.

— Никто не ожидал пси-удара такой силы, — виновато пробормотал Полуянов. — Вот и началась неразбериха.

— Интересно, а что случится, если здесь появится «хирург», так сказать, лично? — хмыкнул Белый. — Или один из Тех, Кто Следит?

— Они играют на неизмеримо более высоких горизонтах, — начал было Павел-первый, но Григорий пренебрежительно махнул рукой:

— Чтобы убрать мешающих их замыслам, они вполне решатся спуститься со своего горизонта на наш. Кстати, почему мы не можем уйти отсюда и переждать в более спокойном месте? Чего ждем?

— Я пригласил сюда других Судей и судебных исполнителей, — спокойно ответил Ромашин. — Из иных Ветвей. Как только они начнут прибывать, наш статус изменится. На судейскую коллегия никто не осмелится напасть. А пока нам придется отбивать атаки Игроков и держаться. Другого выхода нет.

— Между молотом и наковальней, — тихо проговорила Вероника.

Мужчины промолчали. Цель игры, затеянной Игроками, казалась им бессмысленной, но на их стороне десантными уже не играли, осознав бесперспективность своих действий. Однако им было за кого и за что сражаться, и сдаваться никто не собирался.

Они отбили еще одну атаку, самую яростную и самую короткую, довершившую разрушение зала и близлежащих помещений Ствола. На этот раз в нападении участвовал посланец «хирургов» — боевая разумная система типа «стаи», с родственником которой уже встречались Белый и Полуянов на Земле своей Ветви.

Она просочилась в зал сквозь не заделанные Стасом щели и дыры, но была вовремя обнаружена и встречена огнем «глюков» и ответным залпом дриммеров: около полусотни танцующих змей с дынеобразными головами, то складывающихся в одно существо, то распадающихся на полупрозрачные тени, обладающие огромным пси-потенциалом и потому смертельно опасные.

Когда растаяла последняя змееобразная особь стаи, люди еще некоторое время ждали продолжения, не дождалось и принялись молча подсчитывать ресурсы и боезапас. Сил вести отвлеченные разговоры у них уже не осталось.

Через несколько минут проверка ресурсов закончилась.

— Еще одна такая атака, — хмуро доложил Белый, — и мы останемся безоружными, если не считать дриммеров. Странно, что «хирурги» тянут время. На их месте я бы не посылал «шестерок», а пошел сам. Ну, или послал бы не одного бойца, а целый отряд. С тремя-четырьмя стаями мы бы не справились.

Словно в ответ на его слова Стас коротко доложил о «гудении струны» лифта: кто-то мчался сюда по цепи выходов хроноускорителя и вот-вот должен был появиться в зале.

— Приготовьтесь на всякий случай, — сказал Ромашин. — Хотя, сдастся мне, это начинают собираться приглашенные.

— Как же вам удалось их вызвать? — заинтересовался Жданов-первый. — Наверное, не без помощи Златкова?

— Не без, — улыбнулся комиссар. — Это оказалось достаточно простым делом. Мы запрограммировали своего Стаса, а уж он программу связи со всеми бродящими по узлам выхода послал дальше.

— Удивительный человек... хотя и странный немного.

— Все мы странны по-своему. Но интеллект Атанаса такой мощи, что он, наверное, мог бы поспорить с Игроками. Во всяком случае, он первым оценил их, определил параметры игры и разработал рекомендации, как ее прекратить.

— Почему же вы нам этого не сказали раньше?

— Потому что деталей не знаю сам, Златков не был убежден в истинности своих идей и попросил время на дополнительные расчеты. Надеюсь, он справится.

С тихим звоном возникла дверь лифта, доставившего первого гостя. Растаяла. И под изумленные возгласы в зал вышел тот, о ком только что говорили, Атанас Златков собственной персоной.

Одет всемирно известный ученый был в оранжевый «уник» аварийщика-спасателя. О том, что «уник» может трансформироваться в любой костюм любого цветосочетания, он, наверное, не подумал.

— Какая встреча! — пробормотал он с меланхолическим выражением лица и разрядил обстановку до гомерического хохота. Остановился, озадаченно глядя на смеющихся десантников.

— Что это с ними?

— Все в порядке, — подошел к нему Ромашин, пряча улыбку. — Мы говорили о вас, и вы тут же появились.

— А что тут у вас творится? Такое впечатление, будто произошло землетрясение.

— И не одно, а несколько. Нас атаковали.

— «Хирурги»?

— И те и другие.

— Я предполагал нечто подобное, потому и решился на этот трюк со спуском. Сейчас сюда придут наши общие знакомые Григорий Белый и Марич с кое-каким оборудованием. Потом мы сделаем пару переходов и...

— И нас перехватят, — перебил его Белый.

— Меня же не перехватили? — философски заметил Златков. — Пока вы тут сражались, мы там успели предпринять кое-какие меры. — Он увидел приближавшихся Жданных, оживился. — Вас уже двое, очень рад.

— Я тоже! — в один голос искренне воскликнули оба Павла, пожимая руку ученому. — Что побудило вас ринуться в пучину времен?

— Мы договорились с Судьей, — Златков кивнул на Ромашину, — что, как только я закончу разработку одной интересной идеи, тут же сообщу. Я закончил.

— Что за идея?

— Как прекратить все это безобразие с использованием нашего Ствола в качестве Бича Времен.

Сказано это было так просто, что в зале установилась мгновенная тишина.

— Вы нашли способ воздействия... на Игроков?! — раздался в этой тишине голос Ивашуры.

— В принципе да, хотя я прежде всего искал способ нейтрализации воздействия Ствола на соединенные им Ветви.

— И что для этого нужно сделать?

— Ну, на это могу ответить и я, коль идея уже была высказана Атанасом, — вмешался Ромашин. — Прежде всего необходимо собрать всех исполнителей. Затем мы все переместимся в схрон, в тот узел выхода Ствола, где строится Контрствол, и объясним строителям ситуацию. Затем включим Контрствол в соответствии с рекомендациями Атанаса. — Комиссар повернул голову к ученому. — Я правильно все нарисовал?

— В пределах компетенции, — снова вызвал смех окружающих Златков.

— А если мы не успеем? — спросил Белый, будучи прагматиком, редко полагающимся на обещания других людей. — Мы отбили уже четыре атаки, может быть, переживем еще одну, но самих «хирургов» встретить будет уже нечем. Я вообще удивлен, как пропустили они сюда вас, господин Атанас.

— А я никого не спрашивал, — пожал плечами Златков. — Зачем им останавливать одного слабого человечка? Что же касается атак, их больше не будет, уверяю вас.

Ответить на вопрос: «Почему?» — он уже не успел, Стас объявил о прибытии следующей пары гостей.

Это были обещанные Гриша Белый и Марич, тащившие за собой тележку-антиграв с какими-то приборами.

Началась суматоха, все хотели посмотреть на встречу двойников-Белых, поговорить с каждым, и Ромашину с Ивашурой пришлось призвать отряд к дисциплинированности и тишине. Десантники отступили от лифта, потом и вовсе вышли из зала в коридоры и близлежащие помещения, бывшие недавно полем боя, с пробитыми навывлет стенами, усеянные обломками рухнувших перекрытий, оплавленные и сожженные.

Естественно, было выставлено боевое охранение на случай появления неприятных сюрпризов, но обещание Златкова оправдалось. На отряд больше никто не напал. А потом начали прибывать отряды десантников из других Ветвей времени: Ждановы, Белые, Ивашуры, Полуяновы и даже «погибшие» Рузаевы, Гаспаряны и Валетовы.

— Сюр! — только и сказал Гриша Белый, ошалеv от встреч «с многократно умноженным самим собой». — Во сне такое не приснится!

Павел-первый был с ним согласен, потому что и его пробиравла дрожь от происходящего действия, объяснить которое он мог — себе (но не Ясене), а воспринимать как реальность не хотел.

— Слушай, — снова подошел к нему возбужденный Григорий, волоча за руку второго Белого, возбужденного не меньше. — Я тут поспорил с ним... э-э, с самим собой, так сказать... хе-хе... Зачем все-таки понадобилось собирать всех, если Златков и сам мог бы включить Контрствол?

— Насколько я понял Ромашина, контакт с Игроками возможен только на уровне стай. Помнишь наш разговор? Человечество — тоже стая, только еще не осознавшая себя на этом уровне. Так вот мы собираем стаю единомышленников, иначе никто слушать нас не станет.

— Понял? — бросил снисходительно Григорий своему дублю.

Павел засмеялся. Белые отошли к своей группе. Павел некоторое время наблюдал за прибывающими, здороваясь с каждым, пожимая руки своим двойникам, и отметил одну странность: ни один следующий Павел Жданов не прибыл с девушкой. Таким образом, он пока оставался единственным, у кого была Ясена.

Выбрав момент, Павел оставил ошеломленную Ясену с Таей, подошел к одинокой паре тихо беседующих Златкова и Ромашина (их двойники почему-то еще не появились) и поделился с ними своим открытием. Гости все прибывали и прибывали, их уже насчитывалось несколько сотен, а конца и края этому не было видно.

— Что ж, тебе повезло, — сказал Ромашин, понимая чувства безопасника. — Видимо, Ветвь с племенем россинов уникальна, больше таких нет, и твоя Ясена — единственная. — Он прищурился. — Или ты хотел бы иметь их несколько?

— Да н-нет, — смешался Павел, неожиданно став косноязычным. — Я не это... думал же, другая...

— Вполне возможно, что все Ясены погибли в своих похождениях по Стволу, — пришел ему на помощь Златков. — С другой стороны, Ветвь россинов действительно может быть единственной с такими условиями. Схрон. Временной тупик, так сказать. Вообще удивительно другое, что вас выбросило именно туда, в спокойное место. Ваш штурм хронобура мог закончиться совсем иначе.

— А как вы объясните, что их выбросило в тупик? — заинтересовался Ромашин.

— Да очень просто, воздействием сразу двух Игроков — «хирургов» и Тех, Кто Следит, уравновесивших друг друга. Одержжи победу «хирурги» — вся команда просто перестала бы существовать. Ну а если бы победили Те, Кто Следит, ребят занесло бы куда-то очень «высоко», в «крону» Древа, откуда они уже никогда не вернулись бы домой.

— До меня медленно доходит, но я, кажется, понял, — пробормотал Павел, все еще нища глазами знакомые лица, чередой появляющиеся из кабины лифта; Стас, разделившись на десятки своих копий, успешно справлялся с регулировкой и размещением групп. — Даже убийство Валетова волхвом Родом на земле россинов — результат игровых ходов обоих Игроков. Наша команда равновесная и потому наиболее перспективная для них. Они пытались склонить нас на свою сторону любым способом...

— В пределах вашего уровня, — поднял палец Ромашин. — И только почувствовав угрозу провала, Игроки начали поднимать уровень воздействия, формируя все более мощные поля сопротивления.

— Я не согласен, — мотнул головой Златков. — То есть вы правы, Игнат, но я имел в виду Игроков. Есть веские основания полагать «хирургов» и Тех, Кто Следит, не Игроками, а просто фигурами покрупней, чем пешки-люди. И еще тут у меня возникла одна идея... — Златков пожевал губами, погружаясь в задумчивость. — По принципу экономии энтропии в транзитивно зависимых контаминатах...

— Попроще, Атанас, — рассмеялся Ромашин. — Иногда мне кажется, что вы родились на Земле случайно, не ваш это уровень.

— Попроще я вряд ли... — Златков на мгновение словно засветился изнутри, а Павел вдруг ощутил нечто вроде бездны, разверзающейся под ногами. Все тут же и прекратилось, ученый стал тем, кем и был — полусонным с виду, рассеянным человеком, но впечатление бездны осталось.

— В общем, у меня появилась идея подсчитать параметры трансгресса, — продолжал ученый. — Интуиция мне подсказывает, что он создан кем-то, кто гораздо выше всех действующих персонажей нынешней драмы.

— Кем?

Златков посмотрел на Ромашина, и по губам его неожиданно скользнула застенчивая улыбка, совершенно не подходящая этому человеку.

— Настоящим Игроком! — произнес он заговорщицким шепотом. — Понимаете? Единственным! Решая проблему Ствола, я уперся в две другие проблемы и работаю сейчас над ними днем и ночью, настолько они меня заинтересовали. В результате я понял, что Игрок действительно должен быть один. А поскольку он не любит проигрывать, то и выиграть не может. Понимаете? Играет-то он... — Златков помолчал, — сам с собой...

— Вы хотите сказать, что Игру не выиграет никто? Какие бы усилия он ни прилагал? Ни «хирурги», ни их соперники...

Златков кивнул.

Ромашин и Павел переглянулись, помолчали. Вопрос, вертевшийся у Жданова на языке, был невыносим, и он все-таки задал его:

— В какие именно проблемы вы уперлись, Атанас? Извините, что я вторгаюсь в личную сферу...

— Любопытство не порок. Проблемы действительно стоят того, чтобы положить на них жизнь, смею вас заверить. В принципе это вечные проблемы физики невозможных состояний. Первая — проблема нашего предназначения. Вторая — проблема возникновения Игрока. Или Творца, если хотите.

Ромашин задумчиво, а Павел с дрожью в теле смотрели на ученого и не знали, что сказать в ответ.

А гости все прибывали, звуки шагов, шарканье, голоса тысяч человек слились в ровный гул, заполнили зал, все помещения вокруг, и казалось, Ствол вскоре не выдержит напора и рухнет, погребая всех под собой.

Это было поистине грандиозное сюрреалистическое зрелище.

Из здания Ствола выходили люди, похожие друг на друга как две капли воды, строились в колонны и вливались в общее войско, подступившее к стенам Контрствола. Никогда никто ранее не наблюдал подобного шествия, хотя, наверное, в истории Древа Времен собирались рати и более многочисленные. Однако и эта армия, насчитывающая никак не менее трехсот тысяч человек, впечатляла, а главное, состояла она из подразделений одинаковых людей: «полка» Ждановых, «бригады» Белых, «батальона» Костровых, женских «батальонов» и «рот» — Таисий Калашниковых, Вероник Ткаченко, других женщин, по-видимому, чьих-то подруг, ставших десантницами.

Ромашин взирал на эту армию с высоты тридцать второго этажа Ствола с философским спокойствием, Златков — меланхолически, скрестив руки на груди, Жданов же, Павел-первый в иерархии всех Ждановых, с кого началась вся история, чувствовал себя не в своей тарелке. Помогало только присутствие Ясены, быстро привыкшей к тому, что происходит, и с любопытством, но без страха, разглядывающей армию, самую необычную из всех когда-либо существовавших.

— Стая, — задумчиво произнес кто-то сзади. — Не очень-то это похоже на стаю.

Павел оглянулся. Его команда в полном составе смирно стояла за его спиной и ждала приказа. Игорь Васильевич Ивашура, Вероника, Иван Костров с Таей, Федор Полуянов, Гриша Белый. Не было с ними только Павла-второго, он командовал «полком» других Ждановых, подтягивающихся к угрюмому черно-багрово-фиолетовому двуглавному замку Контрствола...

Конечно, в этом мире-схроне их ждала у кабины лифта засада.

Но, во-первых, Стас отвлек находившихся в засаде шумовыми и видеоэффектами, во-вторых, десантники пустили вперед своих киберов, реагирующих на изменение обстановки быстрее людей. Киберы, естественно, были уничтожены,

но и сами нанесли засаде немалый урон. В-третьих, сообщение, посланное Ромашиным с помощью Златкова еще из своей Ветви, достигло-таки адресата и здесь, в схроне «хирургов». Странников диалога, готовых выслушать парламентариев, набралось немного, но они были и сыграли свою роль, хотя и несколько позднее.

А затем из лифта вышел передовой отряд армии Ромашина, вооруженный дриммерами, и участь засады, а заодно и всех остальных охранников Ствола была решена.

Появившийся вслед за авангардной группой ударный «батальон» очистил от «санитаров» Ствол, сбил десятка два летающих крестов и прочей техники и занял оборону. А вскоре начали прибывать основные силы людей.

Остатки «санитаров» отступили к зданию Контрствола, в панике бросая оружие. Потом кто-то начал наводить там порядок, и паника улеглась. Защитники Контрствола попрятались внутри недавно отремонтированного здания, подтянули резервы, подняли в воздух более мощные машины, которых ни Павел-первый, ни его спутники не видели раньше: четыре гигантских конуса, усыпанных круглыми отверстиями и вертикальными щелями. Конусы здорово походили на трансгалактические спейсеры земной погранслужбы. Вероятно, под влиянием «хронохирургов» находились Земли, почти не отличимые от Земли Ромашина и Жданова.

Но, видимо, именно в этот момент сказали свое слово те, кто не хотел воевать и готов был выслушать предложения противника. Готовый вспыхнуть с новой силой бой не начался. «Санитары» и их неведомые начальники угрюмо смотрели на развертывание армии Ромашина, заполнившей всю равнину от Ствола до Контрствола.

— Пора и нам, — сказал наконец Ромашин. — Думаю, мы заслужили честь представлять сводную рать многих человечеств.

Ивашура и женщины повернули было к выходу с «балкона», образованного рухнувшим вниз участком стены, но Павел-первый остановил их.

— Спускаться долго, у нас есть транспорт.

Игорь Васильевич взглянул вопрошающе, и Жданов добавил:

— Дриммеры.

— Я не умею ими пользоваться, — смущенно улыбнулась Вероника, нащупывая в кармашке костюма свой «волшебный кастет».

— А не надо ничего уметь. Ваш дриммер настроен на ваш мысленный поток и выполнит все желания, надо только приказать.

Словно иллюстрируя пояснение Жданова, Ромашин прыгнул с балкона вниз, вычертил красивую дугу и понесся к зданию Контрствол. За ним сорвался с выступа Белый, посыпались горохом Полуянов, Костров, Тая, и, наконец, последними, разобравшись в управлении дриммером, стартовали Вероника, Ивашура и замыкающим Павел.

Вся восьмерка, провожаемая взглядами воинов многотысячного войска, опустилась перед воротами ограждения, окружающего Контрствол по периметру. Створки ворот — обычная решетка, приводимая в движение сервомеханизмами, — разошлись, пропуская парламентаров. Ромашин спокойно двинулся вперед, за ним Белый, самый напряженный из всех, ожидающий каверз от бывших врагов, остальные чуть отстали.

Прошли мимо памятного Павлу растворного узла, обогнули замершие грузовозы. Когда до огромного восстановленного портала, обрамляющего вход в здание, осталось около сотни метров, отряд остановился. Наступила странная, торжественная и одновременно полная напряжения минута ожидания.

— Врата ада! — прошептала Ясена.

Остальные женщины были с ней согласны. Впрочем, мужчины тоже. Павел отчетливо увидел пропасть, способную поглотить не только их маленький отряд, но и войско сзади, и весь уцелевший осколок здешней природы, и всю Вселенную! И еще он почувствовал при этом, что странным образом эта пропасть зависит от воли всего нескольких человек, одним из которых был он сам...

Минута истекла. Но того, кто вышел к парламентарам, они увидеть не ожидали.

Это был... Ромашин! Игнат Ромашин номер два! А за ним появился и Атанас Златков-второй, с виду равнодушный ко всему.

Некоторое время двойники молча рассматривали друг друга. Потом засмеялся Павел. И его смех разрядил обста-

новку лучше любого другого жеста или слова. Правда, вышедшие из крепости «хирургов» копии известных всем людей не были расположены к шуткам и смеху, и все же реакция Жданова подействовала на них успокаивающе.

— Чего вы хотите? — жестко проронил Ромашин-второй.

Ромашин-первый в таком тоне никогда ни с кем не разговаривал.

— Мира, — ответил он сдержанно.

— И для того, чтобы это доказать, вы привели целую армию?

— Абсолютно верно. Вряд ли ваши хозяева расположены слушать кого бы то ни было, если только это не ультиматум. Это первое. Второе: вы наверняка проанализировали полученную информацию...

— Мы получили ее только что и прибыли сюда за несколько минут перед вашей демонстрацией.

— В принципе я готов принять вашу концепцию, — добавил Златков-второй, благосклонно взиравший на своего визави. — Но хотелось бы выслушать... э-э... м-м... коллегу более обстоятельно.

— Мы готовы к этому, — кивнул Ромашин-первый. — У вас имеется аппаратура компьютерного эф-анализа?

Ромашин-второй и Златков-второй переглянулись.

— Найдем.

— Тогда сделайте милость, обсудите с коллегой все спорные проблемы, а мы тут подождем в приятной компании.

Златков-первый поклонился, подошел к своему дублю, и они скрылись за колоннами портала.

— Разве они наши враги? — тихонько шепнула Ясена на ухо Павлу. — Почему они там, а не с нами?

— Не враги, — вздохнул Павел, — но фактор противостояния. Их родина оказалась под влиянием «хронохирургов», склонивших их на свою сторону, в то время как мы поверили другому Игроку.

— Тем, Кто Следит?

— Умница.

— А почему их так мало? Я имею в виду ваших начальников, Ромашина и Златкова. Столько прибыло разных двойников, а их всего по двое... и я — одна... — Девушка вздрогну-

ла. — Я так боялась... — она прикусила губку, но Павел понял, что хотела сказать Ясена. Она вспомнила о Владее.

«Действительно, — подумал Павел, — пикантная возникла бы ситуация, если бы здесь появился двойник волхва. А как бы отреагировала Ясена на появление «лишней» соперницы? Или она уже иначе смотрит на это дело? Ведь обещала выйти за меня замуж...»

— Ничего не бойся, все наши беды позади. — Сам Жданов в этом сомневался, но не видел, чем еще успокоить девочку. — А двойников Ромашина и Златкова здесь мало по той простой причине, что во многих Ветвях, вовлеченных в игру, они просто не существуют, а в тех мирах, где они живут, их роль не столь велика.

Он оглянулся.

Войско двойников заполняло всю равнину до рухнувшего утеса Ствола, и крылась в их молчании столь грозная сила, что даже колоссальная гора Контрствола, нависшая сверху, не могла поколебать уверенности стоящих напротив людей. Златков-первый был прав. «Хирурги» не решились открыто воевать со стаей многих человечеств, но они явно готовили какую-то акцию. Уверенность Ромашина-второго тоже основывалась на чем-то.

Ромашины отошли в сторону, тихо беседуя. Остальные парламентарии собрались в группу вокруг Белого, вздумавшего рассказать анекдот для разрядки нервов.

Златковы вернулись через полчаса, оживленно споря на ходу, размахивая при этом руками, поминутно останавливаясь, втолковывая друг другу какие-то истины. Опомнились и замолчали они, когда до молча ждущей их группы осталось всего несколько шагов.

— Да, — сказал Златков-второй; отличить обоих ученых можно было только по костюмам: на Златкове-первом был все тот же оранжевый «уник», на его дубле красовался дымчатый «хамелеон».

— Да, — повторил Златков-второй, — противоречий в их доказательствах я не нашел. Есть кое-какие спорные моменты, но существа дела они не меняют.

— Вывод? — сухо спросил Ромашин-второй.

— Нас использовали наши «хирурги», их — свои... То есть Игроки. Сейчас они, Игроки опять же, пытаются изме-

нить правила Игры, используя квантово-тоннельные «уши», торчащие в вакууме...

— Попроще, — совсем сухо попросил Ромашин-второй, — и без вашего научного жаргона.

— Но мы не можем... — начал было Златков-второй. Первый отстранил его:

— Попробуем. Трансгресс перестал быть транспортной системой для обеих сторон, ни «хирурги», ни Те, Кто Следит не могут им воспользоваться, как раньше. Он отключен.

— Кто его отключил?

— Я, — поднял глаза на Ромашина-первого Златков.

— Вы?!

— Сейчас это не имеет значения. Как Главный Судья уровня я имею право на такие действия. Тем более если они одобрены Судейской коллегией.

— Вы... Главный Судья?!

Тишина, наступившая после восклицания сразу двух Ромашиных, была такой, что стал слышен шорох песка под ногами переступавших с места на место людей в полукилометре отсюда. Даже спутники Златкова смотрели на него с изумлением, не веря своим ушам.

— Что тут особенного? — поднял брови ученый. — Должен же кто-то быть главным арбитром игры? Вот он, — Атанас кивнул на Ромашина-первого, — арбитр первого ранга, Павел Жданов — судебный исполнитель, я — Главный Судья. Все утверждены Судейской коллегией, все исправно несут свои обязанности... хотя и не всегда знают об этом. Все правильно.

— Неправильно, — заметил Златков-второй недовольно. — Говори им то, что есть на самом деле, а то они все индивидуалы и мыслят категориями личностных отношений.

— А, ну конечно, — согласился Златков-первый, — я же это и имел в виду. Судья — это категория, понимаете? Не личность. Главный Судья — это все Златковы, вместе взятые, обитающие во всех Ветвях. Поэтому их и мало. Судебный исполнитель — это все Ждановы, вместе взятые... ну и так далее.

— Стая, — серьезно сказал Ромашин-первый.

— Да, комиссар, — согласился ученый. — Если хотите — стая. Или рой. Разумная регулирующая система. Но

образуется она только тогда, когда Вселенной начинает угрожать опасность распада, дестабилизации, вырождения, иначе — если Древо Времен начинает «сохнуть» из-за действий Игроков. Тогда Древо формирует Судейскую коллегию, которая и ограничивает деятельность Игроков, игнорирующих правила игры.

— Только учтите, — перебил Атанаса дубль. — Мы сильно упрощаем ситуацию, ведь игра имеет не один уровень, а речь идет только о том, который доступен стае людей.

— Хорошо, я вас понял, — сказал Ромашин-второй, встречая дружелюбный взгляд своего двойника и отвечая ему сдержанно-заинтересованным, уже не враждебным взглядом. — Допустим, мы выйдем из игры — все, кто осознал ее агрессивный характер и бесперспективность. А если Игроки найдут нам замену? Сможет ли остановить игру потеря Игроками всех... м-м, пешек?

— Господин Судья первой категории, — произнес Ромашин с некоторой иронией, — мы с вами всего лишь люди, и наш уровень — регуляция игры биологических систем. Вышние уровни нам недоступны. Но и наш — весьма и весьма сложен, так что работы у нас будет много.

— Эмоционально, но неточно, — проворчал Златков-первый. — Вы опять забываете, Игнат, что ни «хирурги», ни их соперники не являются собственно Игроками, они просто фигуры более высокого порядка, чем пешки-люди, и используются истинно Великими Игроками, управляющими Древом Времен. Добраться бы до них! Ведь кто-то же из них ошибся... — Ученый посмотрел на своего двойника и умолк.

— Продолжайте же, Атанас, — заинтересованно проговорил Ромашин-первый. — Сказали «а», говорите «б».

— Это всего лишь предположение, — нехотя пробормотал Златков, впадая в обычную свою меланхолическую задумчивость. — Мой тезка со мной не согласен.

— Да потому что фазовый портрет эволюции такой сложной системы, как Древо Времен... — вскричал возбужденный Златков-второй, вызвав оживление группы Ивашуры, но Ромашин-второй остановил его нетерпеливым жестом.

— Не тяните время, Атанас, нас ждут сотни тысяч людей.

— Есть косвенные доказательства того, что кто-то из Великих Игроков, а не «хирурги» или их соперники, торпеди-

ровал некие важные законы Древа Времен, и теперь оно «горит».

— Что значит «горит»?

— Для того чтобы это объяснить, я буду вынужден снова вернуться к проблемам времени. Да, конечно, Древо Времен реализовало все возможные концепции времени, коих бесконечное множество, но, какими бы ни были эти времена, собственно время как континуум — горит! Сзади нас — ничего! Пепел памяти. Вселенная вспыхивает каждое мгновение, ветвится и тут же сгорает... чтобы вспыхнуть опять! Жизнь как бы убегает от небытия и никак не может убежать.

Златков-второй махнул рукой и демонстративно отошел в сторону. Первый посмотрел на него рассеянно, повернулся к Ромашиним, рассматривающим его во все глаза.

— Существует некий единый Принцип, заставляющий Вселенную сгорать и вспыхивать вновь, передавая память бытия последующим мгновениям. Может быть, этот Принцип — Воля Творца, Игрока над Игроками, может, общий закон жизни, удерживающий мир на грани небытия. Мы думаем над данной проблемой и когда-нибудь найдем ответ.

— Но это уже другая история, — негромко проронил Ромашин-первый. — Нам же следует довершить начатое.

— Да, вы правы, — очнулся Ромашин-второй. — Что вы предлагаете делать?

— Включить Контрствол в контур Ствола для векторного шунтирования хроношахты. Что будет равнозначно свистку арбитра на футбольном поле.

— Игра остановится?

— Мы надеемся, что да. Вряд ли мы повлияем на все уровни игры, но законы развития затронутых Ветвей восстановим. Технически сделать это несложно, все необходимые для этого материалы и ресурсы находятся под руками. Но прежде — всех исполнителей придется отправить по домам, где они смогут проконтролировать исполнение решения Судей. Их дальнейшее присутствие здесь необязательно.

Оба Златкова и Ромашины глянули на бесконечные шеренги людей на равнине, над которой внезапно возник зыбкий огненный диск, походящий на солнце. Оглянулись и десантники.

— Мне страшно... — вцепилась в руку Павла Ясена.

- Солнце... — начал хрипло Ивашура, откашлялся.
— Это не солнце, — хмуро сказал Ромашин-первый.
— Нет, это стихи...

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!*

Вероника подошла к нему и обняла.

Глава 8

Равнина между зданиями Ствола и Контрствола была пуста. С трудом верилось, что недавно здесь располагалась трехсоттысячная армия двойников, принимавших участие в игре на стороне разных Игроков, но осознавших свое подчинение и сумевших отказаться от участия в вечной войне за существование.

При расставании едва не возникла тихая паника: парные двойники, мужчины и женщины, не знали, как из множества одинаковых людей выбрать своего — друга, мужа, невесту или жену. Но потом все разобрались все-таки и разбрелись по своим мирам.

От Контрствола протянулась к башне Ствола стометрового диаметра ажурная труба, с виду сплетенная из серебряной паутины. Это был эффектор векторной стабилизации, усиливающий связь хрономембран обоих зданий. В принципе можно было обойтись и без него, но Златковы, руководившие проектом, настояли на монтаже стабилизатора.

Все это время десантники Ивашуры провели вместе, не вмешиваясь в события и даже не следя за тем, что происходит. Наступило время полной расслабленности команды, дошедшей до конца и теперь не знавшей, что делать дальше.

Они спали, гуляли парами и поодиночке, собирались вместе на обеды, вечерние «посиделки», вели неспешные беседы и отдыхали, отдыхали, отдыхали, особенно не задумываясь о завтрашнем дне. Да и однообразный день здешнего уголка природы способствовал расслаблению. Казалось,

---

* Н. Гумилев «Молитва».

он будет тянуться вечно и ничто не помешает людям довести свою миссию до конца. Единственное, на чем удалось настоять Ромашину, обеспокоенному состоянием команды, было обязательное ношение с собой дриммеров. Даже Павел Жданов не понял желания комиссара, но просьбу выполнил.

За час до включения Ствола и Контрствола в единую систему все собрались у осыпавшихся стен бывшего хроноускорителя. Все понимали, что отдых закончился, что пора и им расходиться по своим домам-Ветвям.

Мужчины прощались сдержанно. Женщины всплакнули, обнявшись, и долго не хотели расставаться.

— Выше головы, десантники, — попытался приободрить друзей Ивашура. — Как я уже понял, Дерево Мира — хитрая штука, оно еще предоставит нам возможность встретиться.

— Вы же слышали гипотезу Златкова, — хмуро заметил Белый. — Существует лишь мгновение настоящего. Никакого Древа нет, сзади нас — ничего. Пустота. Пепел памяти, как выразился он.

— Это даже не гипотеза, — отмахнулся Игорь Васильевич, — всего лишь предположение. Вполне вероятно, что какие-то Ветви или Корни Древа и «горят», но не все же Дерево. Пока мы с вами тут прощались, родилось еще с полсотни миллионов Ветвей, и в каждой сейчас наши двойники бьются над теми же проблемами. Неужели сообщая мы их не решим?

— Сообщая — значит, стаей? — грустно улыбнулась Вероника.

— А что, разве «стая Ивашур» — не звучит?

— Пора, Игорь Васильевич, — тихо обронил Павел, представив картину, как в бесчисленных Ветвях Времени сейчас сотни тысяч, миллионы, миллиарды Ивашур прощаются с миллиардами Ждановых, обнимаются, пожимают друг другу руки, успокаивают подруг и уходят...

Уходят ли?

Может быть, и нет никаких миллиардов?! А есть всего одна Вселенная с одним-единственным Игроком, с помощью внушения создающим виртуальную реальность?..

Видно, мысль отразилась на его лице, потому что Ивашура внимательно посмотрел на Павла и кивнул.

— Кажется, мы подумали об одном и том же... что все это сон. Точнее, что мы персонажи чьего-то сна.

— Или компьютерной игры.

— Не компьютерной, — покачал головой Ивашура, ища глазами Веронику, в то время как Павел искал Ясену. Девушка улыбнулась ему, мгновенно реагируя на его взгляд.

Наваждение?

Или реальность?..

— Нет, не компьютерной, — увереннее повторил Павел. — Для Игрока такого класса, каким является Творец Древа, ничего не стоит создать мир, где возможно и невозможное. Знаете, о ком я постоянно думаю?

— О Златкове?

В глазах Жданова мелькнуло удивление.

— Вы хороший психолог, Игорь. Да, о нем. Этот человек гораздо глубже, чем кажется.

— Главный Судья Игры биологического уровня...

— Нет, еще глубже. Это человек-бездна, и с некоторых пор я его стал побаиваться.

— Но он уже показал себя...

— Да, с лучших сторон. Так сложилась ситуация. И я думаю: что произошло бы, окажись Златков не на нашей стороне?

Гулкий подземный удар, напоминающий толчок землетрясения, поколебал равнину, заставив всех замолчать и оглянуться на двуглавую гору Контрства.

— Что там у них происходит? — проворчал необычно молчаливый и сдержанный Белый.

— По-моему, это не у них, — качнул головой Павел, прислушиваясь к себе.

Еще один удар подбросил поверхность равнины вверх. С грохотом обрушились плохо державшиеся обломки стен Ствола, над песчаной равниной встало облако пыли. Зеленоватый, ровно светящийся небосвод над головой пошел темными трещинами, как стекло.

— Что там у вас происходит, Атанас? — включил рацию костюма Павел. Выслушал ответ, повернул голову к недоуменно озиравшимся товарищам. — Резко ускорило «засыхание» Ветви. Здешний мир вот-вот схлопнется в «черную дыру». Поэтому запуск Контрства состоится раньше намеченного, у нас осталось всего несколько минут.

Мужчины, не выдержав, обнялись все вместе, постояли так секунду и, подхватив дам, поспешили ко входу в Ствол.

Первыми в кабине хрономембраны скрылись Иван Костров, Тая, Ивашура и Вероника. Потом нырнули «вниз» Гриша Белый и Федор Полуянов.

Павел с Ясеной задержались, получив сигнал Ромашина подождать его. Вскоре он ворвался в кольцевой зал Ствола в сопровождении двух чернокожих землян какой-то другой Ветви.

— Хорошо, что я успел вас застать, — выдохнул он. — Вы нам нужны, Павел. — Повернулся к неграм и сказал им что-то на незнакомом языке.

Оба бросились из зала.

— Я нужен вам один? — уточнил Жданов, покосившись на Ясену.

— Вы один. Она пусть отправляется на Землю и ждет вас там.

— Никогда! — нахмурилась Ясена.

Павел с легкой улыбкой посмотрел на комиссара.

— Будете возражать?

— Не буду, пожалуй, — помолчав немного и что-то прикидывая, сказал Ромашин. — Пойдемте, нас ждут.

— Что происходит, кроме «засыхания» Ветви?

Словно для иллюстрации слов Жданова по равнине снова прокатился низкий подземный гул, заставив колебаться стены Ствола.

— Трансгресс «гудит» — по меткому выражению Стаса. Кто-то пытается пробиться сюда сквозь блок, одновременно запустив извне более жесткий вариант закона «засыхания» Ветви.

— Игроки?

— Несомненно. Они наконец увидели в нас серьезных соперников, ведь мы замахнулись и на другие уровни игры... благодаря Златкову. Но мы все же должны успеть. Если бы Игроки принялись действовать сразу после сбора армии двойников, они добились бы своего.

Ромашин поспешил к выходу. Жданову и Ясене пришлось догонять его и мчаться к зданию Контрствола с помощью дриммеров.

Златков ждал их в зале управления Контрстволом, если можно было назвать так «ананас», венчающий одну из башен здания на высоте двух с половиной километров. Под

оболочкой «ананаса» пряталась друза кристаллов, каждый из которых представлял собой особый функциональный объем, «нервный узел». Внутри кристаллов и должны были располагаться «пилоты» комплекса. Всего кристаллов было тринадцать, двенадцать малых, размером с первый воздушный шар братьев Монгольфье, тринадцатый — в два раза больше, он венчал друзу. Златков встретил делегацию у этого кристалла, разговаривая с каким-то гигантом, живо напомнившим Жданову яйцеголового Тюрьма.

Суматоха возле здания Контрстволола и внутри его кипела такая, что прибывшие с трудом пробилась к галерее, опоясывающей зал управления.

— Вовремя, — заметил Златков, отсылая гиганта, окинувшего Жданова ничего не выражающим взглядом. — Давайте быстрее, у нас мало времени.

— Сначала объясните, что происходит, — резко сказал Павел. — И что мы должны делать.

— Идет процесс противодействия Игроков решению Судьи, — нетерпеливо ответил Златков. — Я рано отослал всех судебных исполнителей, теперь надо успеть «дать свисток».

— Разве вы сами не в состоянии это сделать?

— Молодой человек... — начал Златков.

— Павел, — вмешался Ромашин, — эту гигантскую игрушку — Контрствол — строили не люди и не для людей. Ее контур управления рассчитан для стаи. Понимаете? Чтобы включить его, необходимо присутствие целого прайда...

— Нас же только четверо.

— Нас ровно двенадцать — с вами вместе, — отрезал Златков. — Не хватает одного исполнителя, но, я думаю, обойдемся. Идемте же, остальные уже заняли места.

— Кто — остальные?

— Да, Боже мой, какая разница?!

— Не нервничайте, Атанас, — тихо сказал Ромашин. — Павел всегда играл в открытую и имеет право знать все.

— Извините, — остыл ученый. — Я действительно несколько перенапрягся. Среди тех, кто занял места в контуре управления, вам знакомы лишь наши с комиссаром двойники. Остальные — бывшие резиденты «хронохирургов». Подходит вам такая компания?

— Старшим будете вы или комиссар?

— Комиссар.

— Тогда подходит. Но вы сказали, что одного исполнителя не хватает.

— Обойдемся.

— А если его заменит она? — Павел подтолкнул вперед Ясену. — Она обладает паранормальным запасом...

— Что ж, — Златков окинул вспыхнувшую девушку безразличным взглядом, — хуже не будет. Пусть идет.

Через несколько минут они расположились по одному в пустующих кристаллах зала управления. Каждый кристалл представлял собой абсолютно пустой многогранник с полупрозрачными светящимися гранями. Стоило зайти в него человеку, как воздух в кристалле застывал и превращался в желе, которым можно было дышать, но который не давал возможности двигаться. Чтобы испытать систему, Павел рванулся изо всех сил, и тотчас же упругая среда отпустила хватку. В пустом пространстве «кристалла» раздался ровный бесполой голос:

— Вас что-то беспокоит? Можете принять любую удобную позу.

Павел хотел сказать, что беспокоится за свою подругу, но передумал. Автомат обслуживания комплекса наверняка объяснит ей, что надлежит делать.

Садиться на пол Жданов не стал, подождал, пока воздух загустеет, и расслабился, окунаясь в океан необычайно глубокой тишины. В «кристалл» не долетал не только ни один внешний звук, но не просачивались даже пси-поля. Павел мог слышать лишь пульс крови да эхо собственных мыслей.

Однако это состояние длилось всего с десятков секунд. Включилась связь, и пленка глухоты прорвалась. Стали слышны вздохи и голоса соседей, скороговорка инка координации, тихий писк настройки. Затем все шумы постепенно стихли, Ясена один раз позвала Павла, он ответил ей, успокаивая, и снова наступила тишина, хотя и не глухая, полная, всеобъемлющая, а живая, наполненная ожиданием и нарастающим напряжением.

— Включаю синхронизацию, — прозвучал тот же бесполой голос инка координации. — Думайте о главном — ополной нейтрализации хроношахты. Время выхода на режим — одна минута. Даю отсчет.

В ушах затыкал метроном, отсчитывая секунды. Перед глазами появилась объемная схема взаимодействия Ствола и Контрствола, пронизывающих огромное количество Ветвей времени, часть «Дендрокристалла» Вселенной. Зеленые веточки Контрствола постепенно проникали в алые светящиеся жилки Ствола, пока не совместились с ними полностью.

Затем картинка сменилась. Перед глазами Павла протаял объем видеопередачи: равнина со Стволом и Контрстволом с высоты птичьего полета. Он не сразу понял, что изменилось с момента их входа в здание Контрствола, а когда понял — волосы зашевелились на голове.

Равнину разорвали гигантские многокилометровые трещины. Пересекаясь, трещины образовывали неровные куски, которые стали проседать один за другим, создавая провалы площадью в сотни квадратных метров.

Насколько хватало поля видеопередачи, процесс дробления ландшафта и низвержения его частей в бездну шел везде. Буквально за минуту от песчаных дюн, холмов, лесов и гор не осталось ничего, кроме пухлого одеяла пыли, во многих местах подсвечиваемого изнутри багровыми вспышками.

Удивительным образом метаморфоза разрушения мира не затронула здания Ствола и Контрствола, соединенные ажурной светящейся пуповиной векторного стабилизатора. Казалось, они плавают над океаном пыли в невесомости, но вот-вот начнут падать в пыльную бездну, преддверие ада.

— Синхронизация закончена, — сообщил инк-координатор. — Даю пусковой десятисекундный отсчет.

Какая-то страшная сила стала гнуть здание Контрствола, ломать его на части, которые начали отрываться, исчезать в багровой пыльной пелене. А затем рядом со Стволом — Павел все еще видел всю панораму перед собой — появился сияющий гигантский «одуванчик» какого-то сооружения. Впрочем, не сооружения...

— Атанас, ты видишь? — послышался голос Ромашина.

— К нам прорвался один из Игроков, — отозвался Златков.

— Стая?

— Скорее рой. Но он опоздал. Даю «свисток».

В подтверждение слов ученого автомат досчитал положенное число секунд, колоссальная черная молния сорвалась

со второй башни Контрствола, перечеркнула все видимое пространство, вонзилась в «одуванчик», разбрызгивая его на огненные лоскуты... и все померкло перед глазами Жданова. Последнее, что он услышал, был затихающий жалобный голос Ясены:

— Павел...

Очнулся он от неприятных металлических гудков, какого-то сигнализатора опасности. Подхватился, обнаружив, что лежит на полу в пустой комнате в форме многогранника с мигающим сверху сине-фиолетовым огоньком аварийного освещения.

Первой мыслью было: он на борту терпящего бедствие спейсера в системе Каптейна. Потом начала работать память, вспомнилось путешествие по Бичу Времени, война с «хронохирургами», последний «великий поход двойников» на Контрствол.

Павел встал на четвереньки, медленно разогнулся, чувствуя ломоту в суставах и боль в позвоночнике. Покачал головой, представив, каково сейчас Ясене. Позвал:

— Эй, кто-нибудь... отзовитесь!

Гудки смолкли, как будто автомату вбили в рот кляп. Послышался звук тяжелых лязгающих шагов, словно по каменному полу топал рыцарь в доспехах, и в помещение вошла темная плечистая фигура. Огонек в толще потолочной грани разгорелся сильнее. Павел взгляделся в фигуру и узнал в «рыцаре» бровей Мимо. Сжалось в тревоге сердце.

— Вы?! Почему вы здесь? Где остальные? Что случилось?

— Ваши сподвижники еще не очнулись, — небрежно ответил бродяга по Ветвям Времени. — Но вам не о чем беспокоиться, землянин. Игра закончена, Игроки получили заслуженное наказание и вряд ли когда-либо смогут изменить положение дел.

— К-какое... наказание?!

— Судьи, ваши друзья Златков и Ромашин, немного превысили полномочия. Они не просто зашунтировали Ствол, нейтрализовав «короткое замыкание» Ветвей Древа, но изменили закон Древа, разрешающий так называемое подбарьерное просачивание. Теперь ни один будущий Игрок не

сможет воспользоваться подобными «замыканиями» для решения своих задач в обход правил игры.

— Атанас, — позвал Павел, но ответом ему была тишина. — Извините, я не понял... Что произошло с Игроками?

— Они наказаны, — терпеливо повторил бровей Мимо. — Или вы имеете в виду тех, против кого играли вы? «Хронохирургов»? Они больше не существуют. Ветвь, которую они готовили для заселения, «засохла», не успев родиться, вместе с ними, естественно. Они поспешили с переселением из Корня Древа, который вы называете трансгрессом. Заодно пострадали и Те, Кто Следил за вами, ведь они — потомки «хирургов». Но у них еще есть шанс вырастить себе полноценную Ветвь.

Павел проглотил ком в горле, с силой потер лоб.

— Подождите!.. В голове не укладывается... «хирурги» исчезли?! А Те, Кто Следит, — их потомки?! Мне они говорили другое, что они наши потомки.

— И ваши тоже, — кивнул бровей. — Я имею в виду человечество. Дерево Времен сложней ваших примитивных представлений о нем, оно пересекается само с собой бесчисленное количество раз в бесчисленном количестве измерений и времен. Но, собственно, перейдем к делу. У меня есть к вам деловое предложение.

— Д-да... конечно... что? — До Павла не сразу дошел смысл слов путешественника по мирам. — Подождите, дайте прийти в себя... неужели это правда — «хирургов» больше нет?!

— Да, вы, люди, чересчур эмоциональные существа, — констатировал бровей Мимо, разглядывая Жданова с некоторым сожалением. — Это зачастую мешает вам решать важные проблемы. Итак, вы готовы выслушать предложение?

— Д-да, — согласился Павел и глубоко вздохнул, успокаивая сердце. — Да! Чего вы хотите?

— Игра закончилась — нынешняя, конечно. Ваша Метавселенная-Ветвь сохранилась, надобность в Судьях и судебных исполнителях отпала. Но вы, вы лично, можете попробовать себя в ином качестве.

— В каком же? — с недоумением поднял брови Павел.

— В качестве Игрока в следующей игре.

От неожиданности Павел засмеялся... и умолк. Он вдруг понял, что бровей не шутит.

— Вы сами-то понимаете, о чем говорите? Я всего лишь человек, существо биологического цикла...

— Вы — стая, — поправил Жданова бродяга по Ветвям времени. — Стая по имени Павел Жданов, живущая примерно в двух триллионах Ветвей. И предложение это сейчас выносится всем Павлам одновременно.

Глаза Жданова выразили его чувства, и бровей Мимо засмеялся. Во всяком случае, так можно было понять его пси-волну, соответствующую человеческому смеху.

— Трудно представить? Ничего, пройдет. Итак?

— Кто... вы? — тихо спросил Павел. — Простой бродяга по мирам не может иметь полномочий такого масштаба... если только он...

— Ну-ну?

— Не Игрок!

Бровей Мимо снова «рассмеялся».

— Отдаю должное вашей прозорливости. Недаром я следил за вами практически с момента вашего проникновения в Ствол. Но я не Игрок, я организатор игр. Итак, вы согласны?

У Павла закружилась голова, и он вынужден был присесть на корточках. Помассировал затылок, с усилием встал, распрямил плечи.

— Почему бы вам не обратиться с подобным предложением к Златкову или Ромашину?

— Судьи, как правило, никогда не становятся Игроками в силу многих причин, в основном психологического плана. Ромашин отказался стать Игроком, но, возможно, согласится стать помощником организатора. Его уровень позволяет ему сделать это!

— Тогда чего вы хотите от меня?

— Да или нет?

— Нет.

— Что ж, уважаю вашу волю. — Бровей отступил. — Но не теряю надежды. У вас еще остается шанс перешагнуть на другой уровень бытия и сознания, неизмеримо более высокий, чем ваш нынешний.

— Я сказал — нет.

Бровей Мимо насмешливо оглядел затвердевшее лицо Павла, поклонился... и его не стало.

Павел снова почувствовал приступ тошноты и головокружения, зажмурился, заставляя организм преодолеть нахлынувшую слабость, вспомнил о спутниках и выбежал из своего отсека управления в кольцевую галерею.

Ясена встретила его на пороге, с затуманенным взглядом, бледная, растерянная, протянула к нему руки. Они обнялись. Но перед глазами Павла все еще стояла фигура бровей, организатора игр, и в голове бился пси-голос мнимого бродяги:

«Можете попробовать себя в ином качестве... в качестве Игрока... можете попробовать себя... можете попробовать...»

— Могу, — прошептал Павел.

— Что? — не поняла Ясена.

— Но не хочу! — Он поцеловал ее так, как никогда не целовал, обнял за плечи, повел по кольцу галереи к другим отсекам. — Пора домой, зоренька моя ясная, нам столько предстоит увидеть и сделать...

Бровей перед мысленным взором Павла подмигнул ему и растаял окончательно. Человек для него как личность не имел значения, человек как стая оставался потенциальным кандидатом в Игроки.

А организатор игр, потрясающих Вселенные, умел ждать...

СОДЕРЖАНИЕ

СХРОН

Роман

Часть I. И ТРАВЫ ЗЕЛЕННЫХ ПОЛЕЙ	9
Часть II. ВЕРБЛЮДЫ ТАНЦУЮТ... ..	106
Часть III. ПОД НАМИ	178
Часть IV. ПОГОНЩИКИ ПРАВЯТ СЛОНАМИ	272
Часть V. И ЗМЕЙ УСМИРЯЕТ КОЛДУН... ..	340

Василий Васильевич Головачев
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Т о м   в т о р о й

Редактор *В. Степанов*

Художественный редактор *А. Балашова*

Корректор *М. Сергеева*

Верстка *Н. Малаховская*

Подписано в печать 19.01.12 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 22,4.
Заказ № 1200790.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

Издательство «Книжный Клуб Книговек»
предлагает:

А. П. ЧЕХОВ

Собрание сочинений в 15 томах

Антон Павлович Чехов (1860—1904) — замечательный русский писатель, создатель ярких запоминающихся образов, тонкий психолог, мастер подтекста, своеобразно сочетающий юмор и лиризм. Его творческое наследие, в которое вошли любимые читателями во всем мире прозаические и драматические произведения писателя, оказало огромное влияние на развитие литературы и театрального искусства XX века.

Предлагаемое собрание наиболее полное: оно включает в себя как его ранние очерки и фельетоны, так и зрелые рассказы, дневниковые записи, избранную переписку и фрагменты записных книжек.

*Приобрести издания Книжного клуба «Книговек»
можно по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу:
127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книговек».
Также вы можете заказать книгу в интернет-магазине
на сайте www.terra.su*

Scan Kreyder - 22.10.2018 - STERLITAMAK

www.terra.su

ISBN 978-5-4224-0459-9

9 785422 404599

www.vdv1.ru